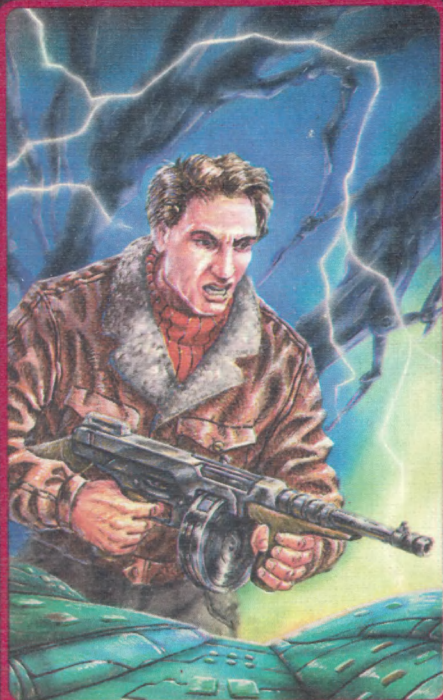

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

БУЛЬДОГИ
ПОД КОВРОМ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ
БУЛЬДОГИ
ПОД КОВРОМ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

БУЛЬДОГИ ПОД КОВРОМ

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ БУЛЬДОГИ ПОД КОВРОМ

==
РОМАН

«ЭКСМО»
1997

УДК 882
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4
3 45

Разработка серийного оформления
А. Яковлева и И. Саукова

Серия основана в 1997 году

Художник *А. Еремин*

3 45 **Звягинцев В. Д.**
Бульдоги под ковром: Роман. — М.: ЗАО Изд-во
ЭКСМО, 1997.— 400 с. (Серия «Классика приключений
и научной фантастики».)

ISBN 5-251-00453-2

Уже несколько тысячелетий сверхцивилизации агтров и форзейлей воюют друг с другом, избрав ареной тайных битв Землю. Перемещения во времени и «переписывание» прошлого — один из приемов этой войны. Но история творится руками самих землян, и именно затем нужны пришельцам Андрей Новиков и его друзья. Герои романа В. Звягинцева не желают быть слепым орудием инопланетного разума. Захватив резидента агтров, они начинают «свою игру», главные события которой разворачиваются в начале XX века, куда после нескольких путешествий во времени и пространстве попадают наши современники.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-251-00453-2

© Звягинцев В. Д., 1997 г.
© Оформление. ЗАО
«Издательство «ЭКСМО», 1997 г.

И понял, что я заблудился навеки
В слепых переходах пространств
и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда
запрещен.
Н. Гумилев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КУЛЬТПОХОД В ТЕАТР АБСУРДА

Мчался он бурей темной,
крылатой,
Он заблудился в бездне времен...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.
Н. Гумилев

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

«...И мы вышли на Столешников, в черноту сырого, слякотного, с косо летящим снегом зимнего вечера. Не скрою, вышли с некоторой внутренней дрожью, вызванной полной неопределенностью того, что ждет нас «за бортом» конспиративной квартиры, которую так красочно описал в своих мемуарах Берестин. Которая и не квартира вовсе, а московская оперативная база аггров, она же — «лифт застрявший между этажами лет», кое-как, ценой серьезных для всех нас неприятностей, отремонтированный Берестинным же. База, существующая в той же точке пространства, что и реальная жилплощадь, но с неуловимым сдвигом по времени, отчего в ней, не путаясь под ногами друг у друга, живут нормальные советские люди и вершат свои темные дела пресловутые, в зубах навязшие и в печенках засевшие инопланетяне, век бы о них не слышать...»

А неуверенность в момент выхода на улицу проис-

текала от высказанного Олегом сомнения как в том, что налаженный им канал выведет нас куда надо, так и в том, что по нему удастся благополучно вернуться. Не впрямую он это сказал, но я-то понял...

Такие вот у нас после внезапного исчезновения Антона начались игры. Рулетка, одно слово, дал бы Бог, чтоб не русской она оказалась...

Однако в ту сторону проход открылся нормально и все датчики показывали правильные параметры. Но Ирину я тем не менее брать с собой не хотел, на такие дела и проще, и надежнее с Сашкой ходить. Но она меня уговорила. Как умела это делать почти всегда.

При первом взгляде в окно я убедился, что по месту мы угадали точно и внизу все же Москва, а не мезозойские, к примеру, ландшафты, хотя плавный полет снежинок разочаровал. Искомое августа не получилось, и если здесь не крутая атмосферная аномалия, то промах по времени. И как минимум четыре месяца в любую сторону.

— Что же ты так, братец? — мягко попрекнул я Левашова, который с прикушенной губой вертел не то верньеры, не то вариометры своего пульта по ту сторону разделяющего нас межвременного проема. Он ответил в меру сдержанно, но все равно неубедительно.

Оттого, что на его циферблатах и осциллографах все выходило, как надо, и обозначался именно «август-84», ни тепла на улице, ни спокойствия в душе не прибавилось. Пожалуй, даже напротив!

Правильнее всего было бы полностью сбросить поле и попробовать еще раз, но что-то меня по-глупому заело. Захотелось, раз уж так вышло, посмотреть на город за окном вблизи. Как иногда вдруг хочется выйти и побродить по перрону неведомого полустанка на пути из Владивостока в Москву же. В надежде... Да кто ж его знает, в надежде на что? А то и без всякой надежды, просто ноги размять и вдохнуть воздуха, много, чем в надоевшем за неделю вагоне...

И мы с Ириной, которая испытывала примерно по-

хожие, но, подозреваю, более сильные чувства, переглянулись, заговорщически друг другу кивнули, наказали Олегу удерживать канал и побежали переодеться. По сезону и так, чтобы выглядеть неброско почти в любом теоретически возможном году. С Ирининой экипировкой проблем почти не возникло, да и я быстро сориентировался. Не знаю, как кому, а на мой взгляд, трудно придумать экспромтом что-то универсальнее и неприметнее для нашей страны, чем военная форма без погон, особенно зимой. Кожаная летняя куртка, офицерская шапка, бриджи п/ш, хромовые сапоги. Во внутренний карман — ставший уже необходимо-привычным «вальтер ПП», в брючный — пачку четвертных, наиболее подходящих на любой случай купюр. И — вперед!

Под ногами захлюпала снеговая каша, когда мы, открыв массивную дверь и чуть задержавшись на распутье (сиречь на пороге), свернули вправо и пошли вверх, к улице Горького.

На первый взгляд попали мы все же домой. В смысле времени. Не в царские, допустим, годы и не в эпоху победившего коммунизма, а в свое, родное, узнаваемое.

Однако сразу же, совсем немного осмотревшись, я ощутил неопределенный пока, но отчетливый дискомфорт. Грязно было слишком в знакомом переулке. Не по-московски грязно. Глубокая траншея, причем, по всему видно, давно заброшенная, с перекинутым через нее скособоченным мостиком, пересекала путь. В августе ее здесь точно не было.

И вот еще — впереди, от углового винного магазина, загибаясь на Пушкинскую, протянулась пугающая очередь. Как у Булгакова: «... не чрезмерная, человек на полтора ста». Вот уж чего-чего... Последний раз такую, да нет, поменьше все-таки, я видел 30 апреля 1970-го, накануне двойного повышения цен на импортные напитки.

Только люди в той, давней очереди стояли совсем другие, из того весьма ограниченного контингента,

который кровно задевал факт, что «Наполеон» и «Камю» будут отныне стоять аж двадцать сорок. Даже я, помнится, не считал нужным к ним присоединиться. Потому как ты или сноб, или жмот, а чтобы и то и другое сразу...

Эта же очередь вдруг напомнила мне кадры из ленинградской блокадной кинохроники.

Ирина тоже, кажется, ощутила тревогу и сильнее сжала мой локоть.

Поравнявшись с магазином, я заглянул внутрь. Весь обычно пустынный объем зала был туго набит людьми. Настолько, что не разглядеть прилавков. Так что не полтораста, а с полтысячи человек давились здесь непонятно за чем. И два сержанта в нормальной серой милицейской форме, но с длинными черными дубинками сдерживали натиск трудящихся у огороженного красными первомайскими барьерами входа.

От очереди исходил нестройный, но злоеющий гул. Особенно от ее головы, сжатой между барьерами и напирающей извне толпой неорганизованной, зато весьма агрессивной публики.

Поскольку изъяснялась толпа все же по-русски и облик ее, кроме эмоционального фона, мало отличался от привычного, я рискнул поинтересоваться:

— Чего дают, мужики?

Из ближнего к дверям десятка не ответил никто. Слишком они были напряжены предстоящим. «Как перед ночным прыжком с парашютом» — если использовать берестинский образ. А вот успевший уже употребить в другом месте гражданин пенсионного возраста, в натянутой на уши вязаной шапке, информацией поделился охотно.

— «Пшеничную». В «чебурашках».

Вторая половина сообщения прозвучала загадочно. Но тут, отчаянно работая плечами и локтями, из дверей вывалился распаренный и расхристанный парень с зажатыми между пальцами правой руки тремя

бутылками из-под пепси-колы, но с водочными наклейками. Я понял.

— Эй, земляк, а с винтом берут? — окликнул его кто-то из очереди.

— Берут, только кольцо не забудь сорвать... — переводя дух и рассовывая «чебурашки» по карманам, ответил парень.

Задавать еще какие-то вопросы я посчитал неуместным, хотя и сама ситуация, и милитаристский оттенок здесьнего жаргона крайне меня заинтересовали.

Ирина потянула меня за руку, и, огибая все расширяющуюся к хвосту колонну жаждущих, мы отправились дальше.

— Куда мы, Андрей, попали? — недоуменно-испуганно спросила Ирина, миновав такую же, ну, может, чуть-чуть короче, очередь в пивбар «Ладья» на противоположном углу.

— Кабы знала я, кабы ведала... — пришли на ум слова не то старинной песни, не то присловья. — Если верить литературе, такое было только в войну. У Кондратьева в книжке «Отпуск по ранению» весьма похожие водочные очереди описаны. Но на войну не похоже. Посмотрим, что дальше будет... Хотя в любом случае столь агрессивная и массовая тяга к алкоголю представляется странной.

Поток машин по Пушкинской выглядел обычно, и все их марки, за исключением немногих, были мне знакомы.

Черт его знает, может, просто обычные временные трудности и до столицы докатились? Как недавно с мылом в провинции. Завод водочный, скажем, недавно сгорел, или фонды за квартал кончились. А завтра праздник, Седьмое ноября или Новый год... Хотя иллюминация не горит и вид у народа не праздничный...

Но с текущим моментом все равно определиться надо, а поскольку на улице спрашивать не будешь, я

решил играть наперняка. Центральный телеграф рядом, там на стене календарь, вот все и выясним.

Однако главное потрясение нам пришлось пережить гораздо раньше. Не доходя до дверей «Арагви», я вдруг поднял голову. И увидел... Над фронтоном Моссовета, словно так ему и положено, трепетал ТРЕХЦВЕТНЫЙ ЦАРСКИЙ ФЛАГ!!!

И первой моей мыслью при виде того абсурда было... совсем не то, что пришло бы в голову нормальному человеку. А воспоминание о моем юношеском еще, неоконченном, как и многие другие, романе, где так же развевались трехцветные флаги, и по улицам Москвы, по этой вот самой улице Горького, неторопливо двигались вниз от Белорусского вокзала озаряемые вспышками дульного пламени башенных пулеметов угловатые низкие БРДМы... И главный герой, мой «альтер эго», лежал с автоматом в разбитой витрине Елисеевского гастронома, за баррикадой из мешков с сахаром, ящичков с консервами и копченой колбасой, стрелял короткими очередями по перебегающим фигурам в черных кожанках и в отличие от меня сейчас отчетливо понимал, что в стране происходит контрреволюционный переворот по типу будапештского, 1956 года.

Почему, отчего я тогда писал о событиях, которым сам не мог придумать разумного обоснования? Подсознательно не верил в прочность советской власти? Еще до Праги 68-го предвидел закономерность подобных мятежей? Или — просто жаждал сильных ощущений, вольнодумный студент, угнетенный монотонностью послехрущевской жизни? Бог его знает, но вот сейчас я видел именно материализованную сценку из своего романа. Только пока (или уже?) без уличных боев. И значит, мог считать себя, пусть и с натяжкой, провидцем...

Впрочем, тут же, сделав волевое усилие, я отбросил никчемные сейчас воспоминания, осмотрелся, увидел, кстати, табличку с надписью «ул. Тверская» и

стал размышлять реально. Что же здесь все-таки могло произойти? На самом деле контрреволюция? Реставрация монархии?

Если да — то как, отчего, какими силами? Всего несколько лет назад (я решил, что находимся мы все же в будущем по отношению к восемьдесят четвертому, а не в прошлом, судя по виду автомобилей хотя бы) невозможно было даже в виде интеллектуальной игры спрогнозировать подобное.

Ну вот попробуем прикинуть не торопясь. Реставрация возможна: а) в результате проигранной Союзом войны. Кому? Американцам? Китайцам? Война в принципе возможна, как развитие афганской, скажем, но тогда уж термоядерная, и сейчас мы бы шли по радиоактивной пустыне. И даже в таком варианте — зачем победителям именно монархию у нас вводить? Не Испания, чай.

б) очередной генсек, Черненко, или кто там за ним на подходе, окончательно съехал с нарезки и объявил себя царем? Тоже бред, но объясняет по крайней мере отсутствие радиоактивной пустыни и признаков иноземной оккупации.

в) монархия тут всегда была, и мы, значит, просто в другой реальности. Но с семнадцатого года, не ставшего почему-то революционным, линия развития уклонилась бы настолько, что ни милицейской формы, ни водочных наклеек, ни «Жигулей» и «Волг» мы бы здесь не увидели... Да и самое главное — те же учреждения и магазины располагаются в тех же самых зданиях, что и в наше время. Достаточно? Тогда выходит, что если развилка и случилась, то буквально вот-вот, год-два назад. И привели к ней какие-то совершенно непредсказуемые из восемьдесят четвертого года факторы...

За этими рассуждениями, частично мысленными, частично высказанными вслух, мы дошли до телеграфа и окончательно убедились в своих предположениях. Да, будущее, 15 декабря 1991 года. Что подтвердило

мою проникаемость, но никак не пояснило остального.

Больше всего мне сейчас хотелось свежих газет. Уж из них я бы все узнал сразу, хотя бы и между строк. Но два попавшихся по пути киоска были закрыты, специально искать действующие пока не было смысла. Гораздо и вернее просто побродить по улицам и попытаться что-то понять «путем осмотра места происшествия», выражаясь юридическим языком. Да и интереснее, надо сказать.

Следующий час принес новые доказательства того, что изменившие ход истории события произошли сравнительно недавно.

Одно из них — надпись красной краской на стене: «Смерть КПСС», второе — торчащий, как сломанный зуб, постамент памятника Дзержинскому на одноименной площади. От последней картины стало не по себе — все же к Железному Феликсу я относился с определенным пиететом, считая его одной из наиболее уважаемых фигур в нашей истории.

Были и еще приметы, но уже не столь наглядные.

Итак — считаем доказанным переворот, недавний и, безусловно, антикоммунистический. Да вдобавок и бескровный, пожалуй. Никаких следов уличных боев или чего-то подобного, та же военная форма на офицерах, тот же обиходный облик прохожих... Но! Меня ведь хорошо учили истмату — необходимо прежде всего выяснить: каковы движущие силы этого переворота, какова в нем роль масс, что за партия еще более нового типа свергла власть предыдущей? Ничего подобного не было в этой стране, когда я ее покинул, и не могло за минувшие семь лет откуда-то беспричинно взяться. Разве что диссиденты? Ну, это несерьезно, по долгу службы я знал о них достаточно...

Повинуясь естественному чувству, я повлек Ирину вправо, по улице Двадцать пятого Октября, или как я, фрондируя, обычно называл ее — Никольской. Где, кстати, тотчас же и увидел вывеску мага-

зина — «На Никольской»... Мне хотелось попасть на Красную площадь.

Напротив ГУМа, справа, возвышалась новенькая деревянная часовня, перед ней прозрачный плексигласовый ящик с кучей денег внутри — «Пожертвования на восстановление храма Казанской Божьей матери». Это как бы нормально, в логике ситуации. А вот прямо — картина уже абсолютно кафкианская! Мавзолей, надпись «Ленин» где положено, почетный караул в гэбэшной форме и с неизменными «СКС» у ноги — и все это осеняется тем же трехцветным флагом на куполе Верховного Совета. Бред, между нами говоря!

Часы на башне показывали двадцать минут десятого. Не поздно еще. Я поставил свои часы по кремлевским. В запасе у нас с Ириной чистых полсутков без какой-то мелочи.

— А вот давай, Ир, сходим сейчас к тебе, на Рождественский, поглядим, что и как? Или по телефону обзвоним друзей и знакомых...

— Ой, Андрей, не надо лучше. Мне и так жутковато. Но сейчас мы с тобой вроде как посторонние здесь, и мир этот словно бы призрачный. Я понимаю, что ерунду говорю, но вдруг — стоит нам себя в нем как-нибудь проявить, и мы уже включимся в него, и не вырвемся...

Самое смешное, что я сразу ее понял, примерно такое чувство и во мне шевелилось. То есть — пока я в это не верю — я здесь ни при чем, а вот если поверю... Одним словом, «Я твоего имени не называл...»

— Ну а если по науке? — спросил я. — В принципе возможно что-то подобное, фиксация псевдореальности в результате нашего в нее включения? Алексей вон в шестьдесят шестом что хотел, то и делал, а ничего не произошло...

— Если не считать попадания в развилку, из которой вы с Олегом еле меня вытащили... А честно сказать — ничего я теперь не знаю и не понимаю. Слишком много произошло такого, что в рамки известных

мне теорий не укладывается совершенно. Я ж ведь далеко не хронофизик по образованию, и о форзейлях до встречи с Антоном ничего не знала. Лучше всего нам с тобой поскорее возвращаться в Столешников и из всех сил надеяться, что Олег нас сумеет отсюда вытащить.

— Успеем, — сказал я с положенной мне по роли и должности беззаботной лихостью, — в Олега я верю, как и в то, что, если мы пойдем и посидим пару часов в ресторанчике попроще, ничего страшного не произойдет. В «Будапешт» и «Метрополь» в моем одеянии, конечно, не пустят, да нам туда и необязательно. Общедоступное же заведение — незаменимое место для сбора информации...

— Не слишком мне это нравится... Ты, кстати, уверен, что деньги наши здесь подойдут? Может, тут теперь какие-нибудь «катеринки» в ходу?

— Обижаешь! — ответил я гордо. — Думаешь, не проверил? Там, в часовне, в ящичке для пожертвованной, самые что ни на есть наши.

— Ну, пойдем, если рюмка водки с прокисшим салатом так тебя привлекает...

Возвращаясь по Никольской, работающих газетных киосков или стенда с «Правдой» и «Известиями» мы тоже не встретили. Зато на афише кинотеатров фильмы на девяносто процентов оказались американскими, а из них половина — явно эротические, что говорило о наступившей наконец свободе слова и совести. И значит, режим здесь установился прозападный, то есть — не диктаторский, что несколько утешало. Да и по всем другим признакам здешний строй на диктатуру явно не тянул.

Вновь выйдя к площади Дзержинского, мы спустились в подземный переход. Вот тут и увидели... В душной, туманной полумгле толпились сотни людей. И практически каждый чем-то торговал: с рук, с лотков, с расстеленных на грязном полу листов картона. И вид у них был не только не московский, но как бы и

не русский вообще. Скорее уж на черный рынок в Манагуа все походило... Продавали польскую косметику, жевательную резинку, бижутерию, примитивной работы игрушки, сигареты со всех концов света и книги. Массу книг! Вот такого я и в странах Перешейка не видел. Море фантастики, детективов, порнографии самого низкого пошиба. Но и приличных, в том числе безусловно антисоветских, книг сколько угодно. Трудно было оторваться, и застрял бы я там надолго, если б Ирина, отчего-то напуганная этим торжищем больше, чем всем остальным, не потянула меня за руку, словно собаку за поводок от очередного столба...

Но возле лотка с газетами я все же затормозил. Снова масса порнухи, от известных «Плейбоев» и «Пентхаусов» до аналогичных отечественных: «Андрей», «Он», «Она», «Попка по имени Оля» с означенной частью тела на всю обложку. Вдобавок имели место издания всевозможных «сексуальных меньшинств» (новый для меня термин), равно как и отчетливо профашистские малоформатные газетенки. О такой свободе мы не мечтали в самых отчаянных застольных трепях. Но и нормальные газеты тоже были, и я нахватал их с десятков, от привычной «Литературки» и «Московских новостей» до явно монархического «Русского воскресения».

Предвкушая, как я их буду читать и все наконец пойму, влекомый настойчивой и раздраженной Ириной, я вышел на поверхность.

Сумбура в мыслях еще прибавилось, но и исследовательского азарта — тоже. Классические схемы истмата трещали вполне и по швам.

За каких-то семь лет несокрушимый оплот коммунизма, страна с двадцатимиллионной партией, могучей армией и немыслимой силы Комитетом превратилась... Не знаю даже, как и назвать. Но, с другой стороны, попади нормальный, либеральный интеллигент из лета тринадцатого года в конец двадцатого... Затрудняюсь сказать, что бы он подумал!

Поднявшись по темной улице Дзержинского к Сре-тенке, я вновь предложил заглянуть на Рождественский, а вдруг там как раз мы с ней время проводим — ну те мы, что из этой реальности (она с еще большим суеверным страхом отказалась наотрез), миновав вереницу полуразрушенных домов, мы вышли к Колхозной. Ни в одно из ранее известных мне по этому маршруту заведений мы не попали. Или они прекратили существование вообще, или функционировали в каком-то ином режиме. Но зато смогли убедиться, что за исключением уже упоминавшихся и еще некоторых не совсем понятных «чужеземцу» деталей, в том числе — чрезмерной грязи и неухоженности, которые буквально лезли в глаза человеку, помнящему недавнюю Олимпиаду и фестиваль, — так вот за исключением всего этого жизнь в городе протекала довольно нормально. Потоками неслись машины, горели неонов знакомые и незнакомые рекламы, бежали по своим делам обычные люди. Ничего похожего на послереволюционную разруху, как, впрочем, и следов должествующего наступить после «освобождения» избытка не заметно было.

А вот, кажется, наконец, и то, что мы так долго искали. Из-за плотных бордовых штор, наглухо закрывающих окна в цокольном этаже «сталинской» восьмизажки, доносилась приглушенная музыка, а бронзовая доска размером в половину газетного листа сообщала, что здесь помещается кафе «Виктория». Я решил войти, но тяжелая резная дверь не поддавалась, как я ни дергал витую ручку.

Однако буквально через несколько секунд, словно в ответ на мои усилия, лязгнул засов, и дверь распахнулась сама, выпуская отгулявшую свое парочку. Не растерявшись, я тут же подставил ногу под собравшееся затвориться полотнище.

На пороге, перекрывая вход, возник крепкий парень в пятнистом маскировочном костюме и высоких десантных ботинках, с болтающейся на правом запястье знакомой уже резиновой палкой.

— Вам что? — весьма нелюбезно поинтересовался страж. Знаков различия на его погонах не было, но все остальное выглядело внушительно. Не успев подумать, стоит ли лезть неведомо куда, я ответил уверенно и, как оказалось, убедительно:

— Желаем поужинать...

Парень тяжело задумался, предварительно оценивающе оглядев Ирину. Тут все было в порядке. Одежда говорила о надежном достатке и хорошем вкусе, а внешность... Вряд ли дамы с такой внешностью бывают здесь хотя бы раз в неделю. А я при ней тянул на подполковника примерно, не успевшего переодеться после отнюдь не штабной службы.

— У нас дорого, — ввел он на всякий случай ограничительный параметр, но и показал тем самым, что иных, более серьезных препятствий к тому, чтобы нас впустить, не видит.

— Это не вопрос, — пожал я плечами. — Без денег по кабакам не ходят.

— У нас за вход по столынику... — уточнил привратник.

«Однако!» — мысленно солидаризировался я с Воробьяниновым и по наитию ответил:

— Да, знаю, нас предупредили... — и сунул руку в карман.

Последние слова и хрустящие, только что со станка бумажки, решили дело. Страж, можно даже сказать — и.о. святого Петра, не стал выяснять, кто именно нас предупредил, и посторонился, пропуская в особо охраняемый рай.

— А тут, наверно, пошаливают, — сказал я Ирине, когда мы миновали тамбур. — В наше время мальчиков и в помине не было...

Аналогичный же мальчик сидел сразу за второй дверью, вытянув поперек тесного вестибюля ноги в ботинках не иначе как сорок седьмого размера, и курил что-то длинное, коричневое и с ментолом. Посмотрел

на нас вялым, скучающим взглядом, зевнул и освободил проход.

Зал оказался небольшим, уютным, освещенным лишь настольными лампами, а главное, что мне очень понравилось, не имел гардероба. Верхнюю одежду клиенты вешали на отростки украшающих стены лосиных рогов. Это я к тому, что сдавать гардеробщику куртку с пистолетом в кармане было бы явно опрометчиво. Как и перекладывать его в другое место на людях. Входя, я об этом как-то не подумал.

Из восьми столиков заняты были только пять, мы сели за шестой, в самом углу, что вполне меня устроило. Напротив мерцал экран телевизора, и я обрадовался, надеясь из местного аналога программы «Время» узнать кое-какие подробности здешней жизни. Но напрасно. Включившись, аппарат погнал видеозапись иностранного кабаре, как бы не «Мулен Руж», с приятной музыкой и обилием полуобнаженных девушек высокого класса.

— Не сюда нужно было за информацией, а на вокзалы, — запоздало догадался я, немного обогревшись и оглядевшись. — Там и телевизоры в залах работают, и пресса свежая наверняка, да и с народом проезжим о чем хочешь можно парой слов переброситься, не вызывая подозрений...

Но это уже было в пустой след, проблема выяснения деталей здешней обстановки предстала вдруг совсем неактуальной, и захотелось поскорее вернуться в Замок, такой надежный и почти родной.

Так старым зекам бывает неуютно и тоскливо на воле, где все непривычно и непонятно, а родная камера с ее строгими законами, четкой иерархией и гарантированной кормежкой вспоминается тихой заводью и островком стабильности...

Столь резкий слом настроения я счел нехорошим симптомом. Выходит, за минувший год даже я начал уже десоциализироваться. «Диагноз серьезный и про-

гноз печальный», — сказал бы на моем месте, наверное, Сашка.

Выбор блюд в меню оказался скудным до неприличия, напитков вообще только два — водка и коньячный напиток «Стругураш» — редкая, как я вскоре убедился, гадость, а цены, напротив, вгоняли в оторопь. Похоже, в случае чего с моими двумя с половиной тысячами тут и недели не продержаться. Инфляция, значит, но пока — в самом начале, раз старые деньги еще ходят. Нет, мыслимо ли — бутылка обыкновенной «Столичной» — пятьдесят рублей!

Края дешевых рюмок соприкоснулись без звона, мы пожелали друг другу удачи и с некоторой опаской приступили к забытым уже московским разносолам. Лучшие они не стали, увы!

Наблюдение за жизнью изнутри, вопреки ожиданиям, дало не так уж много. В смысле информативном. А психологически, конечно, интересно. Вот, например, как определить — переход ли к реальному капитализму сейчас происходит или просто второе издание нэпа?

Пока все, что я видел, говорило за второе. Заведение явно частное, публика — недавно и лихо разбогатевшая, еще не научившаяся вести себя подобающе, да, похоже, и не слишком уверенная в будущем. Словно бы здешние посетители просто пытаются, как в плохой самодеятельности, изображать западный стиль, но прорезается неистребимый местный акцент. Подобное я видывал в Закавказских республиках в те еще годы.

Но было и своеобразие. Через полчаса примерно телевизор выключили, и из-за портьеры появился капитан царской армии, но с гвардейскими погонами, флигель-адъютантскими аксельбантами и прочими несообразностями уставного характера. В руках он держал гитару явно штучной работы, со вкусом инкрустированную. Сдержанно приветствовав гостей наклоном головы, капитан вышел на середину прохо-

да, взял несколько аккордов и запел. Репертуар полностью соответствовал антуражу. Хорошим мягким баритоном он пел исключительно «белогвардейские» песни. Часть из них я слышал раньше, но большинство были новые, точнее — незнакомые. Запомнились две. Про казаков, которые веселятся в тринадцатом году. Слова там были удачные: «Знают лишь на небе ангелы ваши, что вас, станичники, ждет...» За такую песню по нашим временам да в публичном месте лет пять бы отвесили свободно...

И еще — «Читая старую тетрадь расстрелянного генерала...» Перед ней капитан предложил гостям помянуть убитого врагами русского народа поэта и певца Игоря Талькова. Никогда не слышал этого имени, но, судя по тексту, поэт он был хороший. Да и насчет его смерти хотелось бы узнать подробнее, но ведь не спросишь же о том, что для всех очевидно, у соседей. В те самые враги, глядишь, и попадешь. Но вообще смысл и формулировка тоста подводили к мысли о чем-то близком к черносотенству. «Враг русского народа» — расплывчато, но по смыслу знакомо... Однако пришлось выпить вместе во всеи. При этом кто-то в противоположном углу заорал: «Суки! Жиды поганые!» — и зазвенело битое стекло: посуда со стола посыпалась от слишком энергичного жеста. Впрочем, продолжения сей эксцесс не имел.

— Знаешь, Ир, мне вдруг показалось, — сказал я, когда капитан сделал паузу, — что подобное могло бы получиться как раз в том мире, где мы с Алексеем героизмовали. По такой примерно схеме — демократизация, что я еще в ходе войны затевал, удалась, после победы «холодной войны» сумели избежать, не спеша реформы в нэповском духе осуществлялись, и получился в итоге некий вариант «социализма с человеческим лицом», как Дубчек планировал, или как у Тито. А потом, естественно, товарищ Сталин, то есть я, — помер. Не в пятьдесят третьем, конечно, а за счет крепкого здоровья лет на тридцать позже.

И вот когда он все же помер, народ вдруг сообразил: а на кой он вообще нужен, социализм как таковой? Раз в жизни все хорошее как раз за счет отступления от основной идеи и контактов с буржуазным Западом. Опять же по примеру Югославии и Польши могу судить. Ну а те, что мне на смену пришли, с такой постановкой вопроса не согласились и решили в очередной раз гайки подзавернуть, новый «Великий перелом» устроить. Как Сталин в двадцать девятом или Брежнев после Хрущева. А резьба и сорвалась! Итог — налицо.

— Не получается, — сразу, будто уже проиграла этот же вариант, возразила Ирина. — Поцарствуй ты после войны лет хотя бы десять, и страна, и Москва совсем бы по-другому выглядели. И архитектура, и автомобили, и форма у милиции. Ты сам на Белград или Прагу ссылался, там свободы и влияния капитализма совсем чуть-чуть, и то разница какая. Да и люди вокруг уж больно советские, ничего в них от «свободного мира» нет, ни единого штришка, чистое Пошехонье. При твоей власти здесь бы как минимум Западный Берлин был...

— Ну, спасибо на добром слове... — словно невзначай я положил ладонь на ее руку, и это прикосновение вдруг подействовало так...

Я понял, что мне совершенно безразлично, почему мир вокруг меня такой, откуда он взялся и куда идет. Напротив меня сидит прекрасная женщина, желанная, влекущая и так долго недоступная, а я озабочен совершеннейшей ерундой. Согласившись на условия, поставленные ею, позволяя ей сохранять благородство по отношению к человеку, которому она имела неосторожность что-то там пообещать, да и не пообещать, намекнуть только, я лишаю себя и ее последней в нашей жизни естественной, никому не подвластной и ни от кого не зависящей радости. Живу в придуманном мире, выполняю неизвестно кем навязанную мне роль, а того, что только и остается полностью в моей

власти, — не делаю! Абсурд еще больший, чем все происходящее и уже происшедшее.

Словно подслушав мои мысли, капитан наконец сменил репертуар и запел песню Дениса Давыдова из фильма про эскадрон гусар...

К его чести следует отметить, что исполнитель он был хороший и ухитрялся держаться так, что его наряд не воспринимался как маскарад или профанация, а просто казалось — вот умеющий петь офицер музицирует на досуге в кругу друзей...

Наверное, потому, что впервые за год я очутился пусть и в странном, но все же человеческом мире, за пределами тесного изолятора, где есть или близкие друзья, или чужаки, инопланетяне, фантомы, а тут меня окружают, как и полагается, самые разные, не всегда симпатичные, но зато другие и, по здешним меркам, наверное, нормальные люди, я вдруг очень отчетливо вспомнил совсем иной вечер.

Мы с Ириной сидели в «Софии», за столиком у окна, на улице начиналась ночь позднего бабьего лета, теплый ветерок шевелил длинные занавески, на эстраде шесть девушек в белых костюмчиках играли на саксофоне, трубе, ударных, еще на аккордеоне, кажется, без всякой электроники, очень миленькие, под настроение, мелодии. «Скоро осень, за окнами август...» и в этом же духе. Я тогда вернулся из очередной командировки, разжился деньгами, рублей чуть ли не шестьдесят за очерк получил, вот мы и пошли в наш любимый ресторан. И была это, как теперь понимаю, самая счастливая в жизни осень. Не омраченная никакими сомнениями, суетными мыслями, проклятыми вопросами. Нам просто очень хорошо было вместе каждый час и каждый день. Да и ночь, смею заметить.

На память я вообще не жалуясь, но сейчас воспоминание было слишком уж четким. Словно под влиянием галлюциногена. Я прямо наяву видел этот стол, чугунную жаровню, сквозь прорези которой светились

гаснущие угли, а под тяжелой крышкой томился «агнешка на шкара», бутылки «Бисера» и «Монастырской избы», а за ними — ее тогдашнее лицо, совсем еще юное (двадцать один год ей тогда был) и настолько прекрасное, что она прикрывала его прядями длинных распущенных волос. Но всего не спрячешь, да и фигура... Я, помнится, прямо зверел от постоянно ощупывавших и раздевавших ее взглядов.

Мы сидели, разговаривали, я терроризировал Ирину всевозможными стихами и часто приглашал танцевать, свирепо пресекая аналогичные попытки со стороны. И все время думал о том, что вечер скоро кончится, но хоть его и жаль, мы поедem отсюда на такси к ней, в ее маленькую, но такую отдельную квартирку...

А за окном пролетали со свистом и шелестом машины, прожектора освещали бронзового поэта, неоновые трубки на крыше «Пекина» рекламировали услуги Аэрофлота, толпился народ на ступеньках театра.

Сказка, а не вечер, сейчас таких уже не бывает...

Но от воспоминаний ко мне вернулось то же самое желание — свернуть поскорее не слишком нужное застолье и ехать домой, вернее — туда, где мы сможем еще целых восемь часов оставаться наедине и раз навсегда решить, что у нас, как и кто мы друг другу.

А официант тем временем подал горячую, только с огня и вообще вполне приличную «поджарку по-извозчичьи», в графинчиках тоже оставалось порядочно, капитан после короткого отдыха снова появился в зале, я видел, что Ирина наконец расслабилась, повеселела, и не стал ее торопить.

Новая песня оказалась не менее интересной и, на мой старомодный взгляд, крайне смелой: «По реке кровавых слез к берегам обмана несчастливая страна держала путь...»

Тут возник небольшой конфликт. Один из заскужавших гостей стал требовать песен на заказ. Капитан ответил ему тихо, но, очевидно, достойно. Если

бы не соседи по столику и возникший на пороге страж, мог бы выйти небольшой мордобою. (Впрочем, судя по ледяному спокойствию и манере держаться, певец и в одиночку сумел бы за себя постоять.) А так он просто чуть переместился в противоположный угол зала, боком присел на подоконник и продолжил свою программу.

За едой, тостами, песнями и собственными мыслями я тем не менее никак не мог забыть про лежащую рядом со мной пачку газет.

Они тянули меня, как недопитая бутылка алкоголя. И, улучив момент, я заглянул в верхнюю — «Московские новости».

На первой полосе — фотография двух крепких мужиков на теннисном корте и крупно: «Триумфироват славянских президентов огласил смертный приговор Советскому Союзу». Ничего себе! Во-первых, смертный приговор — это как? Во-вторых, какие такие славянские президенты? В СССР их сроду не было, а польско-чешско-болгарские если, так при чем они? В-третьих, на снимке всего двое, и тот, что справа, скорее на японца похож... И четвертое, выходит, все произошло буквально на этой неделе? Оч-чень интересно...

Я быстро перелистал страницы. Бросились в глаза самые крупные заголовки: «Беловежское соглашение», «По СССР плакать не будем, а Горбачева жалко». На ту же тему, похоже, но при чем здесь Горбачев? В мое время он был всего лишь рядовым секретарем ЦК. Разве что после Черненко выдвинулся? И что же с ним, интересно, сделали? Не расстреляли, надеюсь? Ладно, успею выяснить. И на последней странице полосная статья: «Не хочу быть интеллигентом...» Ну-ну, а с чего бы?

Ничего больше я не успел. Ирина, увидев мои действия, толкнула под столом ногой и прошипела раздраженно:

— Ты прямо наркоман! Оставь, что люди подумают...

Людам, кстати, на мои действия было глубоко наплевать. Они и на Ирину не слишком обращали внимание, поглощенные собственными заботами. Вот если бы я заорал сейчас нечто вроде: «Виват государю!» или «Да здравствует славянский триумvirат!», тогда кто-то, может быть, заинтересовался бы. Но так экспериментировать я был морально не готов.

...Мороз, пока мы сидели в «Виктории», окреп настолько, что асфальт схватился ледяной зеркальной пленкой, по которой вились стремительные белые змейки поземки. С такси здесь дела обстояли еще хуже, чем в наше время, и пришлось идти пешком, изо всех сил стараясь не поскользнуться на убийственном гололеде.

Попутно мы обсуждали с Ириной мысль о том, что путешествовать в прошлое, как Берестин, не в пример спокойнее и интереснее. А здесь все время чувствуешь себя дураком, и главное — любая добытая информация все равно бесполезна, потому что не знаешь, какой в ней смысл и для чего она может пригодиться в практической жизни.

То же самое, что знать ответ на задачу, когда неизвестно ее условие.

Сквозь Петровку ветер гнал снег, как в аэродинамической трубе. На углу захламленной площадки, огороженной мусорными баками, перед поворотом на Столешников (раньше тут было кафе «Лето» с шашлыками и пивом), нас и остановили. Я еще удивился, увидев впереди продрогшую скорченную фигуру, — какой дурак толчется в полночь на совершенно неподходящем, продуваемом месте. Ждать тут вроде некого — вокруг одни запертые магазины, и машины, хоть такси, хоть частники, здесь не ездят. И совсем я не подумал ничего дурного. Отвык, получается.

— Эй, мужик, — прозвучал классический вопрос, — закурить есть?

Эту шутку я с детства знаю и знаю, как отвечать, но задал вопрос тип уж больно затруханный, в курточке болоньевой, и морда, насколько в неясном свете различалось, врожденно полупьяная. Я решил, что он в самом деле мается без курева после стакана плодово-ягодного в какой-нибудь подсобке.

— Некурящий, — бросил я мельком и прошел, не поворачивая головы, едва не задев его плечом. Однако на сей раз прием не сработал.

— Подожди, командир, не спеши так! — И из темноты возникли и загородили путь еще двое, вида гораздо более серьезного. Вот такие мне никогда не нравились: крепкие ребята, на первый взгляд даже вполне интеллигентной наружности, студенты как бы, но от которых исходит физически ощутимая аура беспощадной безадресной злобы. Я понял, что просто так разойтись не удастся. А драться со шпаной мне не приходилось уже лет пятнадцать. И еще Ирина рядом...

— Курточка у тебя, мужик, приличная, — с издевкой объяснил тот самый, трухлявенький. — А я, видишь, мерзну... Сам снимешь? — и цепко схватил меня за рукав.

Насколько мог резко, я ударил его носком сапога под коленку, он взвыл и скорчился. Это был мой первый и последний тактический успех. Потому что в следующую секунду я получил такой оглушительный удар по затылку... Если бы не шапка — тут мне и конец! Отлетев к шершавой стене углового дома, ткнувшись в нее плечом и как-то исхитрившись не упасть да еще и развернуться лицом к опасности, я увидел, что досталось мне от четвертого, неизвестно откуда вынырнувшего и поигрывающего массивными нунчаками на блестящей цепочке. И остальные двое (сопляка в болонье я не считаю) приближались: один вытянул из рукава не то палку, не то полуметровый отрезок трубы, а второй щелкнул пружинным ножом.

Ситуация складывалась аховая, тем более что

Ирина осталась от меня в стороне совершенно беззащитная.

И если судить здраво, проще всего было бы бросить им ничего для меня не значащую куртку вместе с остатком денег. Бросить и спокойно вернуться туда, где мы привыкли чувствовать себя суперменами и вершителями судеб мира.

Но меня уже забрало. Мало того, что в первый же выход в город меня разденет какая-то мелкая сволочь и Ирина будет этому свидетельницей, да и с нее дубленку снимут, в лучшем случае, так ведь по большому-то счету — бывшего товарища Сталина грабят! Это как назвать?

Уличную драку, внезапную и скоротечную, вспомнить и то бывает затруднительно, а тем более — описать. Не будешь же, как в голливудском сценарии, перечислять все замахи, удары и финты.

Помню, что бросился на прорыв, чтобы прикрыть Ирину и с боем отступить до близкого уже подъезда. Получил сильный боковой удар палкой по ребрам. Сам кому-то крепко врезал. Через пару секунд ощутил себя лежащим на тротуаре. В экспрессионистском ракурсе — снизу вверх — увидел, как Ирина, имевшая неплохую, по ее словам, спортивную подготовку, сбила с ног того, что с нунчаками, и, прижавшись к стене, делает руками жесты в каком-то «зверином стиле».

Сжавшись, я прикрыл коленями живот, что спасло от удара, который мог бы стать и последним.

Дальше вообще как блики фотовспышки. Вертящиеся перед лицом Ирины нунчаки, омерзительная кривая ухмылка замахивающегося палкой парня. Распахнувшееся на третьем этаже дома напротив окно и головы любопытных в подсвеченном сзади прямоугольнике. И гулкий звук выстрела, оранжевое пламя перед стволом непонятно когда выхваченного из внутренне-го кармана куртки пистолета.

И с этого момента время вновь пошло нормально. Пуля между лопаток бросила владельца нунчака мимо

Ирины, на грязный и вонючий мусорный бак. Он словно прилип к нему с раскинутыми для последнего объятия руками, а потом медленно стал оползать вниз. И дальше я не колебался. После войны, Валгаллы и всего прочего обычных, естественных для мирного, законопослушного человека рефлексов у меня, оказывается, уже не было.

Тем более что занесенная над моей головой палка готова была раздробить череп или перебить позвонки. Состояния необходимой обороны не смог бы отрицать самый суровый прокурор. Хотя уж о нем-то я совершенно не думал.

После первого выстрела спуск отжимается будто сам собой, без малейшего усилия. Еще одна вспышка, веер искр от не успевшего сгореть пороха, и второй, выронив палку, постоял секунду-другую, царапая пальцами грудь, будто не пуля туда попала, а раскаленный уголек залетел под рубашку. Потом парень резко сломался пополам и ткнулся лбом в снег. Из горла его с бульканьем исторгся рычащий стон. И все.

Третий испуганно раскрыл рот, сделал движение, собираясь выбросить нож и поднять руки, но не успел. Ему остался дуплет. Я же говорил, что, начав стрелять, ухоженный пистолет делает это будто сам собой...

Последний, он же первый, кто все затеял, с визгом метнулся за угол. Положить и его вдогон труда бы не составило. Да, может, и стоило. Однако я опустил ствол. Ко мне кинулась Ирина, в окне наверху с треском захлопнулись створки. Даже в «Будапеште», в сотне метров отсюда, вроде бы стихла музыка.

— Давай, быстро! — Я потянул Ирину за руку. Бежать не имело смысла, до нашего подъезда полминуты хода, милиции не видно и не слышно, а свидетелей, с замирающим сердцем прилипших к темным стеклам, я не боялся.

Ну а МУР, если он здесь и существует, должен мне быть только благодарен. Минут через десять

приедут, найдут трех, возможно, давно им известных клиентов с орудиями преступления в руках, а рядом четыре характерные гильзы да следы офицерских сапог.

В конце концов революционное время, раз оно тут присутствует, требует для поддержания порядка соответствующих методов.

...Как я и предполагал, никто не преградил нам путь и не помешал подняться на свой этаж. У обитой кожей двери, за которой, по словам Берестина, проживает генерал-полковник авиации, я наконец лично пережил ощущение провала в безвременье. Только что меня окружала ночь девяносто первого года. Ирина поднесла к двери свой портсигар. По глазам ударила вспышка абсолютной тьмы, — по интенсивности сравнимая с фотоимпульсным взрывом — только, естественно, с обратным знаком... Мгновенная потеря ориентировки и координации, чувство стремительного падения с вращением по всем осям. И снова я стою на том же месте и одновременно непонятно где. Возможно, в том же году, где был Алексей, а может, просто секундой раньше... Дверь открылась, и мы вошли в застоявшееся тепло прихожей; еще мгновение, щелчок замка — и, пожалуй, навсегда толстенное дубовое полотнище отсекло от нас непонятную и, признаюсь, жутковатую в этой непонятности реальность номер икс в энной степени.

Положив на подзеркальный столик пистолет, от которого в стерильном воздухе резко запахло пороховой гарью, я помог Ирине снять дубленку, расстегнул «молнию» на высоких голенищах ее итальянских (кажется) сапог, бросил на вешалку роковую кожанку. И только тут вспомнил, что, падая, выронил сверток газет. Вот это меня по-настоящему огорчило. Ну прямо хоть обратно беги...

...Итак, время — час ночи. До восьми утра, когда должен (троекратное «тьфу») вновь открыться вход в Замок, масса минут и секунд.

В квартире, как уже отмечалось, было тепло, почти жарко, старинные чугунные батареи работали во всю мощь. Ирина сказала, что хочет переодеться, и удалилась в полумрак коридора, я же в познавательных целях принялся осматривать комнату, в которой остался. Да, все было именно так, как описал Берестин, — с точностью милицейского протокола. Включая и «браунинг хай пауэр» в ящике стола, и даже пиво в холодильнике. Невероятно, но за двадцать пять минувших (с шестьдесят шестого по девяносто первый) лет оно ничуть не испортилось. И штабеля денег оказались на месте, и бланки документов. Не то чтобы я не верил правдивости записок Алексея, но все равно удивительно...

Пожалуй, и в самом деле, имея такую базу, в годах нашей ранней юности можно было устроиться неплохо. Алексей тогда сразу отмел эту идею, а я, наверное, еще подумал бы и подумал. Обосноваться а-ля новый граф Монте-Кристо, пожить в раннебрежневской Москве в свое удовольствие, а в точно исчисленный момент слинять за рубеж. Вполне конкурентоспособный вариант в сравнении с прочими превратностями минувшей жизни.

Самым же ярким следом пребывания здесь Берестина оказался аккуратно затушенный в пепельнице окурок папиросы. От него еще пахло свежим дымом... До сих пор эмоционально не могу свыкнуться со специфическими временными переходами.

Ирина вошла в комнату, и я в очередной раз — так и не привык за годы наших странных отношений — ощутил мгновенный сердечный спазм. Где-то там, в дальних комнатах, у нее имелась своя гардеробная, необходимая принадлежность агентурной работы. Вот она ею и воспользовалась, вполне мотивированно — до утра далеко, в квартире жарко и зимний костюм явно стесняет. Но надела-то она не абы что, а зеленовато-золотистое платье-сафари, очень похожее, а может, и то самое, в котором принимала меня на даче у лесно-

го озера... В незабвенное лето моего возвращения с Перешейка.

Не думаю, что специально, но совпадение получилось многозначительное. Последний, будем считать, намек судьбы.

Мы о чем-то вполне нейтральном заговорили (нейтральном по отношению к одолевавшим меня мыслям), но по ее тону я чувствовал, что все происшедшее, особенно инцидент в переулке, выбило ее из колеи. Не то чтобы она напугалась, как раз держалась Ирина вполне здорово, а скорее расстроилась. Вот если бы мы попали в свое время... Теперь же, после так тщательно подготовленной и все же неудачной попытки вернуться, перспективы грядущего представляются ей... Ну, для простоты скажем — невеселыми. А с другой стороны, чего ей-то, наименее связанной с нашей реальностью, так уж горевать? Я вот почувствовал скорее облегчение. Возвращения я, признаться, давно опасался, плохо представляя себя в забытой уже роли «маленького человека». А уж теперь и вообще. Если то, что там, на улицах города, — наше близкое будущее, так увольте! Пусть магазины, очереди за водкой, постоянная готовность стрелять быстрее, чем думать, и вообще разлитое в воздухе предчувствие гражданской войны...

Разговаривать-то мы с ней разговаривали, я что-то объяснял, успокаивал, вселял надежды, но параллельно размышлял о своем, а вдобавок смотрел на поблескивающие тонким нейлоном колени Ирины и чувствовал, как нарастает во мне непреодолимое к ней влечение.

Слишком все сошлось одно к одному. То, что мы с ней впервые за год остались по-настоящему одни, одни на всем здешнем белом свете, избавленные от постоянно ощущаемого присутствия друзей, а особенно Алексея; что квартира так похожа на ту, где она впервые открыла мне свою тайну; пережитая только что совместно смертельная опасность и этот послед-

ний штрих — уже немодного фасона платье и туфли-лодочки на тонком каблучке... Не мешает в таком случае и еще заострить ситуацию, вернее — сдублировать ее, сделать так, чтобы подсознание Ирины вспомнило то же, что вспомнил сейчас я...

Не знаю, кем был последний хозяин квартиры, но пластинки он покупал в одно со мной время. Я быстро пролистал толстую пачку конвертов, то глянцевого и ярких — импортных, то склеенных из оберточной бумаги — наших, Апрелевского завода, и хоть не нашел именно того, что хотел, «Сент-Луис-блюза», но и замена была подходящая. Серия «Вокруг света», седьмой номер, «Маленький цветок».

Услышав первые, пронзительные и мучительно-прекрасные такты, чуть гнусавый голос кларнета, она тоже сразу все поняла. По лицу ее мелькнула словно бы мгновенная тень, как от взмаха крыльев ночной бабочки перед ламповым стеклом. И, будто под гипнозом, она встала с кресла. Попыталась что-то сказать, возможно — напомнить о договоре, на что я, опережая произнесенную фразу, уже почти коснувшись губами ее губ, шепнул:

— Это там, в Замке, действовало, а здесь все клятвы недействительны...

...В своих записках (никак я не могу от этих ссылок избавиться) Берестин упомянул насчет «предохранителя», якобы мешавшего ему представить Ирину без одежды и вообще отсекавшего разные грешные мысли. Здесь он проявил наблюдательность, но не более. Или не стал, из врожденной деликатности, развивать касающуюся любимой женщины тему. Я не столь тонко организован, поэтому выскажу свои на сей счет соображения.

«Предохранитель», безусловно, имел место. На себе испытал его действие. А суть его, на мой взгляд, такова. Фенотип Ирины (то есть внешний облик), сочетающий в себе весь набор черт, делающих женщину красавицей, оказался вдобавок почти совершенно

асексуальным. Именно за счет своей идеальности. Так же, как асексуальна, на мой взгляд, статуя Афродиты Таврической в Эрмитаже. Изумительно гармонична, прекрасна, куда до нее Венере Милосской, но — способна вызвать соответствующие эмоции разве что у подростка. Нормальный мужик подсознательно не верит в реальность идеального образа, как не верит, допустим, шансу выиграть «Волгу» за тридцать копеек. Баба попроще воспринимается нормально, а суперзвезда, да еще холодновато-надменная... Не к нашему рылу крыльцо. Поэтому и у меня при первой встрече с Ириной произошел своеобразный импринтинг. Я воспринимал ее очень долго как отличного товарища, дивное создание природы, но отнюдь не как возможную любовницу. И с удовольствием, но вполне спокойно смотрел, как она купалась без ничего в глухих лесных озерах...

Думаю, этот эффект предусматривался теми, кто направлял ее работать к нам на Землю. Однако всего предусмотреть нельзя, и «на каждый газ есть противогаз». Я в свое время этот секрет разгадал.

...Мы стояли посреди огромной комнаты, погружаясь в густые звуки саксофонных пассажей и в собственное головокружение, и целовались так, как пристало только двадцатилетним. Как мы это делали в самые сумасшедшие дни нашей первой влюбленности.

Минувший год — Господи, уже целый год — добровольного монашества дался ей, при ее темпераменте, куда как нелегко, и теперь она освобождалась от зарок с едва сдерживаемой неистовостью. Она и в молодые-то годы теряла голову гораздо быстрее меня, а сейчас ее возбуждение было подобно взрыву...

...Честно говоря, тогда, в начале знакомства, она в одежде нравилась мне гораздо больше, чем без. Эстетически образ воспринимался гораздо законченнее. Ноги, обтянутые чулками, из функциональных частей тела превращались в произведение искусства, строгие, облегающие английские костюмы подчеркивали досто-

инства линий тела, полупрозрачные летящие платья создавали сказочно-романтический ореол... Ну и так далее. «Совлекать», как выразался Бальмонт, эти одежды представлялось даже кощунством. Раздеть ЕЕ, словно бы сразу уравнивать с бесчисленной массой всех прочих сестер по полу, даже хуже того. А уж тем более невозможным мне очень долго представлялось перейти с ней к «интимным отношениям». Чтобы с ней — и вот так?! С другими как бы и нормально, но с НЕЙ! По той же причине я не решался всерьез предложить ей выйти за меня. Не помню, у кого я прочел: «Смысл отношений с выбранной женщиной состоит в том, чтобы быть с ней только тогда, когда ее хочешь. А в браке ты, увы, должен быть с ней и в те моменты, когда она тебе безразлична, ради того, чтобы она была рядом, когда ты ее захочешь».

Настолько точно я своих ощущений не формулировал, но чувствовал инстинктивно именно это. И в итоге ее потерял, почти навсегда. А может, и действительно навсегда, а сейчас у меня к ней не любовь, а так... Зомби любви.

...Со стоном прервав поцелуй, Ирина несколько раз судорожно вздохнула, огляделась, словно не поняв сразу, где находится, и за руку потянула меня к темному проему двери.

...Все время, пока я ее раздевал, она лежала, запрокинув голову, на вызывающе широкой кровати, застланной скользким атласным покрывалом, падающий из окна красноватый свет освещал ее плотно сжатые веки и полураскрытые губы.

Что она думала сейчас, какие воспоминания пронеслись перед ее внутренним взором? Наша первая ночь у стога на берегу озера или последняя, на даче у Левашова, а может быть, вообще что-то не из нашей жизни? Слишком она вся — не здесь... Лежит, распластавшись, расслабив все мышцы, и чтобы справиться с ее пуговицами, застежками, резинками и прочим, приходится прикладывать немалую силу. И споровку. Так же труд-

но, как перевязывать потерявшего сознание раненого...

И лишь когда на ее забытом, ставшем каким-то чужим и неподатливым теле не осталось почти ничего, она словно проснулась, стала такой, как я ее запомнил по той ночи в доме ее мужа, обняла меня горячими и сильными руками, начала шептать сбивчивые, страстные, почти бессвязные слова, в которых было все сразу: и горькая обида на меня за то, что так надолго ее бросил, и радость, что мы снова вместе, и просьбы обнять ее еще и еще крепче, а в общем, все то, чего нельзя ни как следует вспомнить, ни повторить на свежую голову, на нормальном, трезвом, обыденном языке.

Слишком бурная и слишком короткая вспышка страсти, ее несдерживаемый, переходящий в низкий стон вскрик — и мы лежим рядом, разжав объятия, и не поймешь, чего сейчас больше в душе — радости, облегчения или странной неловкости, что бывает после таких вот для обоих неожиданных эксцессов. Когда и ты, и она одеваются, не глядя друг на друга, и, уже одевшись, прячете взгляды и мучительно молчите, не зная, как быть. То ли сделать вид, что ничего вообще не было, то ли...

...Примерно так получилось у нас с ней в самый первый раз. Проехав за день километров триста, остановились на ночевку у берега темного, тихо плещущегося внизу озера. Натянули палатку, поужинали. Просто по привычке, да и обстановка располагала — летняя ночь, костер, уединение, — я начал целовать пахнущие дымом и озерной водой лицо и волосы.

Мучительное своей бессмысленностью занятие — я ведь знал, что и сегодня оно закончится ничем. Мы оба с ней попали в совершенно дурацкую ситуацию. Она меня любила, с первых же дней была согласна на все, а я... Я вроде бы ее «жалел», на самом деле просто опасаясь связать себя «долгом чести»... И не слишком задумывался, что должна чувствовать Ирина.

А она страдала и терпела. На удивление долго. И вдруг взорвалась. С ней случилось нечто вроде истерики. Обзывая меня предпоследними словами, смысл которых, кроме прямых оскорблений, сводился к вопросу, сколько же я собираюсь над ней издеваться и делать из нее идиотку, которая связалась не поймешь с кем, не лучше ли мне в скверик у Большого театра ходить, она рывком расстегнула широкий офицерский ремень на белых джинсах, втугую обтягивающих ее на самом деле невыносимые для нормально мыслящего мужика бедра. Потом, поднявшись на колени, дернула вниз язычок «молнии». А ползунок, дойдя до середины, вдруг застрял! И чем резче и злее она рвала его вверх и вниз, тем получалось хуже. Драма обернулась фарсом. С пылающим лицом и закушенной губой она подняла на меня полные злых слез глаза, в отчаянии не зная, что теперь делать.

Я не выдержал и расхохотался. Какой режиссер мог бы придумать такую мизансцену?

И пока я возился, извлекая из-под ползунка прихваченную им складку трикотажных плавок, острота момента прошла. Закончив спасательные работы, я помог ей снять чересчур тесные джинсы, и дальше все получилось как бы само собой. Теоретически она была подготовлена достаточно...

Только таким образом, через год самой тесной дружбы наши ласки завершились не взаимной, пусть и тщательно скрываемой отчужденностью, обидой с ее и неловкостью с моей стороны, а так, как должно было случиться уже давно. И мы лежали, обнявшись, смотрели на пересекающий черное небо Млечный Путь, Ирина то смеялась почти без повода, то прижималась щекой и шептала всякую ерунду, просила прощения за не слишком деликатные выражения и объясняла, что где-то я все же свинья. И так началась та самая, непередаваемо прекрасная осень. А потом я ее предал...

...Пока я курил, пуская в потолок безвкусный в темноте дым, Ирина вернулась из кухни с двумя ды-

мящимися чашками и двумя рюмочками коньяка на подносе, согнала меня с кровати, разобрала постель, сбросила на пол свою короткую рубашечку, нырнула под одеяло и оттуда потребовала подать ей вечерний кофе.

Теперь это была уже совсем другая Ирина. Молодевшая, как бы освободившаяся от сжимавшего ее тугого корсета и незримой паранджи. Забывшая о том, что было, не желающая думать, что будет.

Она обнимала меня, прижималась горячим и чуть влажным после душа телом, и мы начали ласкать друг друга, наконец-то легко и раскованно, вспоминая все наши старые любовные слова и привычки. Ирина вновь стала очень разговорчивой, откровенной и говорила обо всем вперемешку, и о том, чем мы занимаемся сейчас, и о прошлом. Только о будущем мы не говорили ничего.

— Признайся, все-таки с Альбой у тебя что-то было? — вдруг спросила она как бы в шутку, чуть прижимая мне горло сгибом руки.

— Да что у меня с ней могло быть? — Я вывернулся из захвата, не люблю, когда меня душат, даже в виде игры. — Все же происходило у тебя на глазах...

— Не совсем. Два месяца вы в форте жили без меня, да и в Замке было достаточно укромных мест. Она говорила девчонкам, что своего добьется и я ей не соперница... А девушка ведь действительно эффектная... Валькирия... И формы...

— Не люблю валькирий...

— Отчего же... Где Валгалла, там и валькирии. Неужели так-таки и ничего? А в последний раз, в прощальный вечер? Ты с ней больше чем на час уединялся...

Вот уж чего не ожидал от Ирины, так это ревности. Причем столь примитивной. Будь я поглубже, спросил бы ее в лоб — а как мне тогда относиться к ее замужеству? Это тебе не час душещепетельной беседы с платонически влюбленной девушкой, которая уходит навсегда из нашего мира... Я ведь тогда, накануне отправки космонавтов домой, в свой век, на стилизо-

ванном под первое застолье на Валгалле прощальном вечере, действительно сидел с Альбой на диване в каминном зале и утешал ее, уговаривал возвращаться и бросить глупую мысль остаться в нашем времени навсегда. Были и слезы (ее, разумеется), и почти братский утешительный поцелуй. И ничего больше, хотя Ирина права, стоило лишь захотеть...

Так я ей все и объяснил, не вспомнив о вельможном муже, но слегка намекнул, что ее гораздо более долгое общение с Берестинным дает не меньше оснований для ревности с моей стороны. Однако я-то ей верю, хотя любой другой на моем месте не поверил бы ни за что, хватило бы одного ее странного зарока «ни нашим ни вашим»...

В итоге произошло нечто вроде семейной сцены, которую удалось пресечь только единственным в нашем положении способом.

Нет, что-то все-таки пугающее, близкое к черной магии есть в тех превращениях, что происходят с охваченной страстью женщиной.

Неужели это один и тот же человек — до невозможности элегантная, холодноватая, умеющая осадить любого взглядом, изгибом губ, движением бровей, гордо несущая затянутое в строгие одежды тело женщина, о которой и помыслить чего-нибудь такого нельзя, и та, что сейчас кусает губы, стонет и вздрагивает, оплетает меня руками и ногами, прижимает мое лицо к упругой, напряженной груди?

Сколько раз это происходило, столько я и не переставал удивляться...

Может, напрасно я все это сейчас пишу, касаюсь того, о чем порядочный человек вроде бы должен молчать? Ну а если мне необходимо запечатлеть все хотя бы для самого себя, чтобы когда-нибудь, через многие (надеюсь на это) годы, десятилетия перечитать и опять пережить то, что наверняка забудется, по крайней мере — в деталях. «Остановись, мгновенье», если не наяву, то хоть так, на бумаге. Да и она, возможно,

тоже прочтет мои записки и вспомнит эту ночь, даже если уйдет все — чувства, желания, а там, глядишь, и я как таковой, как способ существования белковых тел...

В очередной раз придя в себя, она вдруг повернулась ко мне лицом, привстала, опираясь на локоть.

— Скажи, неужели ты совсем забыл?

— О чем? — не понял я.

— О том, что было на улице... Ты застрелил трех человек и сразу забыл?

— Ну-у, дорогая... Мало того, что вопрос бестактный, он еще и просто глупый. Это ТЫ спрашиваешь у МЕНЯ?! После всего, что уже было? С тобой, со мной, со всеми нами? В роли товарища Сталина я убивал, пусть и не своими руками убивал, посылал на смерть сотни тысяч человек. И на Валгалле... И твоих коллег-соотечественников мы тоже... А тут всего-то банальные уголовники, которым вообще, наверное, ни к чему было жить... Да, застрелил (слово «убил» в этом контексте произносить не хотелось), ну и что? Зато завтра они сами уже никого не ограбят и не зарежут. А представь, что сегодня на нашем месте оказались бы просто парень с девчонкой вроде нас десять лет назад... И оказывались, наверное: эти ребятки не впервые на мокрое дело вышли, чувствуется. Так тех, кого они могли бы, — не жаль?

— Война, Сталин — то совсем другое. И твои доводы — абстракция. Я о другом. Не страшно разве — сейчас, ты своими руками... Пусть бандитов, но все равно настоящих людей, а не инопланетных своих врагов и не фантомов сконструированного мира...

— Настоящих людей — это хорошо сказано. А если серьезно — кто это знает? Может, как раз эти — фантомы, а там была настоящая война и подлинно существовавшие люди... Но дело, повторяю, не в том.

Помнишь наши разговоры про поручика Карабанова и про мою «карабановщину»?

— Помню, конечно...

— Здесь и ответ. Я ощущал себя Карабановым и

до того, как прочитал «Баязет». И, прочитав, поразился, насколько совпадают психотипы. Так что никуда не деться. Он, как и я, всегда исходил только из собственного понимания справедливости, чести, добра и зла. Стихийным экзистенциалистом он был, пусть ни он, ни Пикуль такого термина не употребляли... И тезки мы с ним, случайно ли? Я ответил на твой вопрос?

— Наверное... — Она погладила меня по щеке. — И все равно страшно. За тебя, за себя... Давай ты не будешь больше Карабановым, хотя бы со мной...

— Постараюсь, по единодушной просьбе трудящихся...

...Спать в эту ночь нам не пришлось, потому что около шести она сказала, что через два часа Левашов откроет канал для выхода.

— А нам же не нужно, чтоб по нашему виду все стало ясно?

— Мне так все равно, но если для тебя это существенно...

Видимо, она считала, что да. Ушла в ванную, долго там плескалась и шумела душем, а потом еще с полчаса занималась перед трельяжем своей внешностью, а я готовил завтрак из подручных средств, в смысле из того, что Бог послал прежнему хозяину квартиры.

В результате после макияжа, кофе, консервированных сосисок и мангового сока, легкой сигареты и нескольких завершающих штрихов губной помадой в облике Ирины ничто не намекало на бурно проведенную ночь.

А когда наконец проход открылся, мы, чувствуя себя пассажирами «Титаника», к которому вовремя подошли спасатели, без толкотни и паники пересекли межвременной порог и вновь оказались в пультовом зале, где нас встретил измученный и явно нервничающий Олег, сдержанно-напряженный Берестин, тщательно имитирующий безмятежное спокойствие

Сашка. Удивительно, что не оказалось в числе почетных встречающих Воронцова с девушками.

Причем собрало их здесь отнюдь не нетерпеливое желание поскорее узнать, где мы были и что видели. Оказывается, в работе аппаратуры внезапно обнаружили такие возмущения и сбои, что Олег на полном серьезе испугался. Удержать настройку и выпустить нас обратно ему удалось едва ли не чудом.

— Никогда не наблюдал ничего подобного, — говорил он, нервно затягиваясь сигаретой, когда уже убедился, что мы целы и невредимы, а также соответствуем всем предусмотренным тестам на подлинность. — Вот как на экране телевизора идет помеха, если самодельный генератор включить. Жуть прямотаки. Не знаю, как себя чувствуют космонавты при ручной посадке, но думаю — не лучше...

— А чего же ты нас раньше не выдернул? — спросил я, бросив короткий взгляд на Ирину. Вот цирк был бы, застань они нас в самое интересное время. Эротический театр для эстетов. А с другой стороны, как раз Олег бы и не удивился, он про нас все с самого начала знает. Вот для Берестина было бы потрясение...

— Так нельзя же... Раз шаг процесса был в двенадцать часов установлен. Тут свои принципы, совсем не то, что на моей установке. Межвременной переход с дополнительной фиксацией... Я боюсь, как бы не полный к нам абзац подкрался. Без Антона я совсем дураком выхожу. Кнопки нажимать научился, как дрессированная обезьяна, а смысла не понимаю. Короче — завязываем с прогулками. Пусть хоть самые прекрасные характеристики на контроле будут. Или пока я теории не пойму, или — навсегда... Кстати, могу намекнуть, в вашем случае не просто вы за бортом остались бы, а могло так рвануть, что и Замок, и окрестности — в щебенку...

— Да ладно, не горюй. Ирина ж вот есть, она малюто соображает, вдвоем помаракуете... Да и Антон...

Появится, — сказал я как можно оптимистичнее. — Не в первый раз пропадает по-английски.

Но для себя, без всякой теории, чисто интуитивно я чувствовал, что скорее всего действительно — абзац! Если такого класса инопланетная техника, ранее успешно работавшая, вдруг отказывает, то не в настройке дело. Не молотилка чай! Предчувствие, которым я всегда гордился, намекало — дома нам в ближайшее время не бывать. Но суеверное нежелание признать даже намек на возможное поражение заставило еще раз повторить с небрежной уверенностью:

— Появится наш Антон. Куда ему деться? Срочная командировка непредвиденная, по высочайшему повелению, раз даже попрощаться не успел. Или мамаша, наоборот, внезапно и тяжело заболела...»

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО I

...Нет, не мамаша срочно заболела у шеф-атташе, и не в экстренную командировку по вверенному ему региону он отправился. Это все дела, как говорится, житейские, простые и понятные. У Антона же все получилось совсем иначе.

После успешного завершения операции, и не какой-нибудь рядовой, а стратегической высшего разряда, положившей конец многовековой галактической войне, он, как принято, ждал традиционного приглашения для личного доклада Председателю Совета Администраторов Департамента Активной Дипломатии, небезызвестному Бандар-Бегавану.

Доклада, следствием которого должна была стать награда с непременно повышением по службе. Ведь в анналах Департамента вряд ли найдется пример столь же изящно разработанного и блестяще осуществленного плана. Пост Брата-советника на высокоразвитой союзной планете шеф-атташе считал для себя вполне заслуженным.

Однако предусмотренные регламентом и обычаем

сроки прошли, а Департамент словно позабыл о его существовании. Это было непонятно и вселяло тревогу.

Осознав, что происходит нечто экстраординарное, Антон направил на имя Бандар-Бегавана стандартный отчет, в котором как бы вообще не упоминалось о «победе» и содержался вполне рутинный перспективный план работы земной резидентуры на ближайший год. Но между строк профессор должен был прочесть все, что нужно. В конце концов он является соавтором акции и не может быть безразличен к происходящему.

Ответ пришел быстро и для любого профессионального дипломата означал едва ли не катастрофу. В традиционных торжественных периодах Председатель выражал сдержанную благодарность за отчет (но не за итоги операции) и настоятельно рекомендовал воспользоваться очередным регулярным отдыхом, местом для которого, с учетом мнения психоаналитиков и терапевтов, определен Даулгир-5.

Он знал этот курорт и в другое время принял бы рекомендацию с удовольствием. Лишенная материков, но покрытая десятками тысяч более-менее крупных островов планета, с климатом, почти идеально соответствующим климату его родного мира, где небо почти всегда затянуто облаками, а постоянные по силе и направлению ветры создают непревзойденные условия для парусного спорта и воздухоплавания, эта планета действительно была подходящим местом, чтобы привести в порядок утомленную психику и в уединении пройти полный курс самосозерцания.

Но в данном случае категорическое пожелание означало, что его появление в Департаменте, да и вообще местах более населенных, дающих возможность бесконтрольных и несанкционированных контактов, признано нецелесообразным.

Он, разумеется, мог и не последовать «совету», избрать для себя иной способ и место отдыха, вообще остаться на Земле до прояснения обстановки, но так поступать у них в Департаменте было не принято. Именно

потому, что в период и в процессе занятий активной дипломатией он и его коллеги пользовались чрезмерной, бесконтрольной свободой, в Метрополии полагалось быть утрированно лояльным.

Однако, наряду с чисто формальными фразами, в предписании содержались и иные, составленные с использованием терминов и оборотов амбивалентной логики, с помощью которых Бандар-Бегаван намекал, что отнюдь не забыл о связывающих его и Антона узах и взаимных интересах и что главный разговор впереди.

Прибыв на Даулгир, Антон употребил все известные ему способы и приемы непрямого воздействия, чтобы избежать процедуры рекондиционирования. Как известно, для работы в мирах, подобных Земле, личность резидента подвергается довольно серьезной структурной перестройке, позволяющей не играть роль аборигена, а действительно быть им, оставаясь при этом в необходимой мере самим собой. А за время службы, естественно, этот психологический каркас обрастает живой, так сказать, плотью практических навыков и специфических привычек.

Разумеется, для жизни в Метрополии все это не нужно и по возвращении сотрудника из миров аккредитации устраняется, окончательно или временно, исходя из обстановки. Нельзя не признать такую практику разумной.

К примеру, у нас на Земле неплохо бы научиться извлекать возвращающихся с войны граждан от многих обретенных там талантов и способностей. А то человек год или пять берет «языков», снимает часовых, вырезает на прикладе или рисует на борту самолета звездочки по числу убитых врагов, взрывает дома и мосты, прицельно бомбит что прикажут с бреющего полета или мало ли еще какие подвиги совершает с вдохновением и блеском, а потом, в мирной жизни, хорошо, если только по ночам мучается кошмарами или впадает в депрессию, бывает, что просто не может остановиться...

Но в данной, конкретной, лично его касающейся си-

туации Антон считал, что как раз черты характера поднаторевшего в интригах, в должной степени беспринципного землянина могут очень и очень пригодиться.

Заняв отведенное ему бунгало на почти необитаемом острове, Антон старательно включился в предписанный образ жизни.

Вволю наплававшись на архаических «танреках» с роторным парусом, покорив с помощью гравизащитного махолета все наиболее престижные горные пики, прояснив душу соответствующими месту и времени медитациями, овладев под руководством наставника очередным уровнем своего «сверх-Я», он тем не менее сохранил в себе как раз то, что должно было уйти в первую очередь, — беспокойство о завтрашнем дне, готовность ответить ударом на удар, нежелание смириться с предначертанной участью. Скверные, одним словом, приобрел он на Земле привычки.

Но все равно отдых есть отдых, и во всех основных чертах Антон оставался адекватной форзейлианскому образу жизни личностью. Наряду с общеукрепляющими процедурами он завязал знакомство с группой проводивших время на соседнем острове дипломниц Высшей школы ксеносоциологии и летал к ним в гости почти каждый вечер, покоряя эти прелестные существа веселостью нрава и эрудицией.

Уединившись в очередной раз с самой из них общительной, он был искренне удивлен, когда вместо обещанной демонстрации экзотических танцев (тема диплома: «Хореография как социокультурный фактор межрасовых адаптационных синдромов») девушка с таинственным видом провела его в глубь дома, приоткрыла овальную, покрытую местным орнаментом дверь и, почтительно сомкнув перед глазами скрещенные ладони, исчезла.

Небольшой Сад голубых мхов освещался мерцающим светом, а на возвышении сидел сам Бандар-Бегаван.

Произнеся положенные формулы приветствия, Антон сел напротив. Председатель выглядел утомленным,

и его аура, которую он не пытался скрыть, говорила о растерянности и упадке духа. Это давало право обратиться к нему не как к администратору, а как к Учителю.

— Мы проиграли, увы, — тихим голосом говорил Бандар-Бегаван, совершая манипуляции с чашей синганга без должной сосредоточенности. — Я слишком долго занимался чистой теорией и совсем не задумывался о том, насколько декларируемая политика не совпадает с подразумеваемой. Поэтому мы оба с тобой должны уйти...

— Простите, что осмеливаюсь перебить, но я не перенастроен. Потому буду говорить прямо. Что произошло? Я уверен, что мы достигли полного успеха, и никто не в состоянии это оспаривать. О каком проигрыше вы говорите?

— Хорошо, я тоже постараюсь быть прямым, как землянин. Кстати, девушка, что тебя привела, — моя побочная племянница, и наша встреча абсолютно конфиденциальна. Сам я нахожусь здесь инкогнито. Так вот — Совет Ста миров признал, что наша, как ты считаешь, «победа» на самом деле — проявление преступной некомпетентности, а руководство Департамента и исполнители заслуживают строгой кары. От тебя требуется составить оправдательный меморандум. В виде вербальной ментаграммы.

— Я сначала хотел бы изучить формулу обвинения.

— Отказано. Признано, что степень причиненного нашей деятельностью вреда превосходит уровень твоей компетенции, и ознакомление с подробностями дела сотрудника твоего ранга противоречит интересам Конфедерации...

С подобным Антон сталкивался впервые.

— Тогда в чем мне оправдываться? Я получил положенную санкцию и не нарушил ни одной официальной инструкции или формализованного прецедента.

— Очевидно, это и будет предметом рассмотрения. Но, насколько я могу судить, итог предрешен. Тебя скорее всего ждет отстранение от должности и изгнание, а

я... Наверное, я выберу «путь просветления». (В переводе на земные аналогии это означает добровольное заточение в заведении типа тибетского монастыря, где «просветляемому» создавались условия для занятий самосовершенствованием, изысканными искусствами и написанием мемуаров. Без права публикации.)

— Вы хотите сказать, что неким Облеченным доверием не по вкусу пришлась наша победа над агтрами?

— Вот именно. Доброжелатели мне сообщили, что своими действиями мы аннулировали восемь Программ, пресекли одиннадцать близких к завершению Карьер, изменили к худшему статус нескольких очень влиятельных в Совете территорий... Понимаешь, друг мой, оказывается, никто и никогда не рассчитывал на столь радикальное, а главное — неожиданно быстрое решение стратегической проблемы высшего порядка. Соответственно не оказалось и тех, кто делал бы ставку на «победу» и сегодня бы нас поддержал.

Антон неожиданно рассмеялся. Бандар-Бегаван посмотрел на него осуждающе-удивленно.

— Простите, Учитель. Я вспомнил земной анекдот. Там представители вооруженных сил двух непримиримых коалиций долго и с переменным успехом сражались за важный стратегический пункт — дом лесника. А потом пришел лесник и всех их прогнал. По-русски это довольно смешно, если знать контекст. У нас с вами получилось примерно так же...

— Возможно. А там не сказано, что в итоге случилось с лесником?

«Да, старик совершенно не в форме», — подумал Антон и ответил, что в русском анекдоте обычно не принято прослеживать дальнейшую судьбу персонажей.

— И что же, в результате нашего с вами наказания кто-нибудь надеется восстановить статус-кво? По-моему, малоперспективная затея.

— У тебя слишком игривое настроение, уважаемый, — опальный Председатель сжал губы в узкую

щель. — Не думаю, что предстоящая тебе участь будет столь же весела. Найдутся те, кто об этом позаботится.

— То есть, раз ситуацию нельзя повернуть вспять путем принимаемых мер, налицо всего лишь банальная месть? Да еще по отношению к столь незначительной фигуре... Я начинаю разочаровываться в истинно высоком духе Облеченных доверием...

— У Земли очень ядовитая ноосфера, — будто про себя, но достаточно громко сказал Бандар-Бегаван. — Скепсис, цинизм, гордыня, нравственный релятивизм — суть самые распространенные симптомы отравления. Я думал, что хоть ты избежнешь ее деморализующего влияния. Я ждал, что ты, мой ученик, здраво оценив объективную ценность своего... нашего деяния, примешь тем не менее как должное и воздаяние за право реализовать свою свободу воли... Выиграв в большом, мы потеряем в малом, что лишь послужит восхождению на новую ступень совершенства...

— Знаете, Учитель, вы правы, конечно, как в своем смиренномудрии, так и в оценке характера земной ноосферы. В нее, кстати, составной частью входят две или три философии, очень близкие к исповедуемой нами. Но есть и другие. Причем не знаю, замечали вы один парадокс? У них там учения, духовно близкие нашему, наложены на совершенно чуждый нам материально-психологический субстрат. И я как-то невольно, просто из любопытства, взялся и промоделировал зеркальную ситуацию. То есть привел свой подлинный психотип в соответствие с прагматическими идеологиями Земли...

— Это интересно... — В администраторе проснулся ученый. — То есть ты сознательно расширил сферу соприкосновения внутреннего мира с внешней средой в окружении принципиально иной ноосферы? Я думал, судя по твоим манерам, ты только лишь уклонился от рекондиционирования на поведенческом уровне... А ты впустил чужое в глубины личности. Не слишком ли опрометчиво?

— Нет, ничего, я проверял. Но зато теперь я знаю,

как избежать и обвинения, и наказания. И даже... Я не зря спросил насчет статус-кво. Я могу сделать и это...

И кратко, чтобы не сказать лишнего (он не был до конца уверен в подлинной широте взглядов профессора и его способности переступить через некоторые незыблемые этические догматы), Антон обрисовал контуры своего нового, только что приобретшего стройность плана. Упирая на то, что после возвращения группы космонавтов в их личное будущее и задержки с решением судьбы группы Воронцова—Новикова состояние мировых линий в пространстве-времени «Земля, XX век» настолько лабильно, что возможно практически любое решение.

— Насколько я понимаю, ты предлагаешь мне шантаж в отношении Совета? — Слово «шантаж» он выговорил по-русски с плохо скрываемым отвращением, но в целом выдержка профессора оказалась на уровне. В конце концов в своих трудах по имморальным этикам он подошел достаточно близко к нынешним взглядам Антона, хотя и с иных позиций.

— Вы употребляете термин в его земном значении, — уточнил Антон.

— Ни в каком другом он просто не существует.

— Тогда назовем это так. Кроме шантажа в моих замыслах можно вычленить еще преступный сговор, злоупотребление служебным положением, вымогательство и покушение на дачу взятки должностным лицам. (Все вышеназванное Антон произнес по-русски.) Как видите, я неплохо знаком с юриспруденцией. К нашему с вами счастью, ни одно из перечисленных преступлений не имеет у нас наказуемых аналогов, а следовательно, и не может усугубить нашу участь.

— А как быть с кармой? — (На самом деле Бандар-Бегаван имел в виду несколько иное понятие, но для адекватного разъяснения у нас не хватит ни места, ни времени.)

— Русские говорят: «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься».

— Послушай, у меня возникла мысль! На самом деле, не ввести ли в мою этическую систему «покаяние» как самостоятельную монаду?

— Думаю, ее гибкость значительно увеличится. Только отложим реализацию идеи до более спокойных времен, — пресек Антон вспыхнувший у профессора реформаторский энтузиазм.

«Тоже мне Лютер нашелся», — добавил он про себя.

— Пока что следует сосредоточиться на текущих работах. Не знаю, как вы, а я предпочитаю изгнанию повышение по службе. И даже согласен еще поработать на Земле. В этом есть своя прелесть. Она мне близка и привычна, а после устранения аггров пребывание на ней сулит неограниченные возможности. В том числе и для научных занятий. А вас какой пост устроит?

И они углубились в обсуждение тонкостей своего заговора, или все-таки лучше сказать — сговора. Несмотря на нравственный максимализм, Бандар-Бегавану слишком не хотелось терять должность, кафедру, интеллектуальную да и физическую свободу. А предлагал ему Антон вещи, вполне естественные на Земле, но с местной точки зрения, пожалуй, действительно довольно циничные...

Глава первая

...Наташа вошла в кабинет Воронцова. Кажется, совсем недавно она впервые побывала тут, только видела его с другой стороны, из Зазеркалья. И до сих пор не понимала — на самом ли деле было то, что было, или эти воспоминания вложили ей в мозг пришельцы с непонятной целью, не просто ведь затем, чтобы облегчить второе знакомство с Дмитрием. И снова, как тогда, Воронцов сидел за массивным письменным столом адмирала, сверкал серебром кофейник, поднималась над пепельницей струйка табачного дыма.

Он не сразу заметил ее появление, погруженный в изучение каких-то чертежей, покрывавших всю поверх-

ность стола. Попискивал работающий компьютер, по его зеленоватому экрану пробегали колонки цифр, разноцветных квадратиков и схем.

Под ногой Наташи чуть скрипнула плашка паркета, и Воронцов обернулся.

— А, это ты? Разыскала? — улыбнулся.

— Да, разыскала. Раз ты сам не догадался показать мне свое убежище. А оно мне не совсем чужое. Понимаешь, о чем я? Исчез куда-то, третий день не появляешься, пришлось искать. Хорошо хоть, что в Замке ничего случиться не может, а то бы уже с ума сходила.

— Чего ж не понять? В чем-то ты права, согласен. Только... Если уж мы об этом заговорили. Мужчина должен иметь свое, как ты выразилась, убежище. У меня дома даже мать к отцу в кабинет без приглашения не заходила. И я лет до шестнадцати — тоже. Так было заведено, и, по-моему, — правильно...

— Может, мне уйти?

Воронцов снова улыбнулся, как когда-то, похоже, сохранил эту улыбку последним напоминанием об их общей юности, встал и взял Наташу за руку.

— Обижаться не нужно. И пытаться переделывать друг друга — тоже. Есть вещи, которые нужно принимать как данность. Или не принимать вообще. Вот у меня срочная работа появилась, такая, что буквально не оторваться, даже на обед ходить нет ни времени, ни желания... И еще не раз что-то подобное возможно. Я тебе уже говорил, что жена морского офицера — довольно специфическая профессия. Я думал, ты давно поняла. Оттого что я сейчас на берегу, ничего не меняется. Тем более что это только вопрос времени...

Наташа из всего им сказанного выделила для себя только одно — что он второй раз за время их нового знакомства употребил слово «жена» применительно к ней. И впервые — в прямой постановке. Тот, первый раз он сказал противоположное, что она скорее выгадала, не став его женой. А больше они этой темы не касались. Ей было достаточно, что он с ней, и Наташа боя-

лась спугнуть свое счастье, начав что-то выяснять о сути их отношений. Да честно говоря, и не считала себя вправе претендовать на большее после того, как вышла замуж за другого, жила с другим и не сама пришла к Воронцову, а встретилась с ним случайно. То есть фактически у них имел место не добровольный и равноправный союзнический договор, а безоговорочная капитуляция. И пусть Наташа не формулировала для себя положение именно таким образом, но понимала его так и старалась держаться соответственно.

Но теперь слово произнесено.

— Ты и здесь все сам решил? — спросила она, чуть наклонив голову и прищурившись. — И я имею право официально считать себя женой?

Воронцов потер ладонью подбородок, словно проверяя, не пора ли побриться. Заложил руки за спину, качнулся с каблука на носок.

— Как тебе сказать? Я думал, мы с тобой сразу все решили. Когда ты меня с порога не выгнала и... все остальное. Впрочем, если имеешь иные соображения — дело твое, не смею навязываться.

— Какой ты... невыносимый тип. Тебе только с мостика командовать да политзанятия с матросами проводить. Интересно, с кем-нибудь так было — живешь-живешь и вдруг узнаешь, что уже полгода чья-то жена?

Воронцов пожал плечами. Подошел к малозаметной дубовой дверце в стенной панели. Полуобернувшись, спросил:

— Так как же? Согласна ты с названной должностью или...

Только что Наташа обрадовалась, и вдруг ей снова стало не по себе. Что-то такое угрожающее послышалось ей в тоне Дмитрия. Будто он так и не забыл ничего, и не простил ей, и продолжает утонченно мстить, словно невзначай язвя и унижая.

Как граф Монте-Кристо долгие двенадцать лет во всех своих жизненных перипетиях недобро помнил о ней, лелея планы, для того ее и разыскал, сделал своей

любовницей и по-прежнему выжидает момента, чтобы задеть побольнее... Да ну, ерунда какая, тут же одернула Наташа себя. Уж он-то на подобное не способен, просто такой у него выработался характер. И не без ее, признаться, помощи.

— Ну что ты меня мучаешь, Дим, сам же все знаешь. Конечно, я согласна, просто иначе себе все представляла...

— Хорошо, если так... — Он открыл дверцу, и в руке у него оказалась красная сафьяновая коробочка.

Воронцов надел ей на палец давно приготовленное кольцо с тремя довольно крупными бриллиантами — ее зодиакальными камнями. И поцеловал, тут же словно застеснявшись этой процедуры. На глаза Наташи набегали слезы, но она сдержала их, улыбнулась вздрагивающими губами.

— А по-настоящему — как-нибудь позже, — сказал он, доставая из бара бутылку «Абрау-Дюрсо». — Не хочется мне цирк устраивать...

— Да, — кивнула Наташа, подставляя под горлышко сразу наполнившийся пеной бокал. — Давай пока вообще никому не говорить. Тут с этим делом, сам знаешь, сплошные драмы и трагедии...

— Воля ваша, барыня. Я эти соображения тоже учитывал, хоть и не все понимаю. Тому же Олегу с Ларисой вроде никто и ничто не мешает. Правда, между нами говоря, особого смысла в подобных актах не вижу, в наших конкретных условиях. Как будто, в случае чего, данная процедура тебя удержит...

— Ты, как всегда, ничего не понимаешь. — С кольцом на пальце Наташа на самом деле чувствовала себя совсем иначе, немного даже удивляясь происшедшей перемене. Ей казалось, что в первый раз, во Дворце бракосочетаний, все было не так абсолютно. Там она испытывала скорее растерянность и страх — от бесповоротности совершаемого, от неуверенности в том, что стоящий рядом с ней человек действительно любим и нужен... И ведь не обмануло предчувствие.

Ну что ж, остается надеяться, вдруг на этот раз боги будут к ней милостивее.

Чтобы как-то разрядить слишком уж многозначительную и чересчур мелодраматическую сцену, Наташа, поставив бокал на край стола, спросила:

— А теперь-то, надеюсь, я могу узнать, чем ты тут в одиночестве занимаешься?

— Да ничем таким уж особенным. Просто я — человек предусмотрительный. На волю обстоятельств полагаться избегаю. И в успешное завершение нашей эпопеи не слишком верю. В смысле — не до конца. Всегда может произойти что-нибудь непредвиденное. Как уже на Валгалле случилось. Посему следует иметь кое-что в запасе.

— Что значит — не веришь? Думаешь, мы можем остаться в Замке навсегда? — Подобные мысли тоже приходили ей в голову, особенно когда она слушала споры друзей с Антоном и между собой. Но там все завершалось на оптимистических нотах, несмотря на то, что космонавты благополучно отбыли в свое родное время, а они остались здесь. Но ведь, с другой стороны, отбыли же, значит, и им в свое время удастся. А услышав слова Дмитрия, она как-то вдруг поверила, что прав оказаться может именно он.

— Не знаю. Утверждать не берусь. Все может быть. Но вдруг? Да еще и из Замка нас попросят...

— Кто?

— Тоже не знаю. Но Антон-то исчез. А вдруг — навсегда? Придет на его место новый хозяин и скажет: — Выметайтесь, господа...

О подобном Наташа тем более не задумывалась. В Замке ей понравилось. И хоть последнее время стало немного скучновато, не хватало сильных ощущений, приключений и интриг, о которых она мечтала, ничего другого она себе не желала. Пока. Прекрасные окрестности, неограниченные возможности для любого вида развлечений, приятное общество, удовлетворение самых изысканных потребностей. Ну, пусть не хватает зрителей,

перед которыми можно блистать красотой, нарядами, положением, если угодно, нельзя пока порисоваться перед московскими подругами в своем новом качестве, и все же мысль, что она может вдруг оказаться, как Ева, изгнанной из рая, была непереносимой.

— Неужели ты серьезно? Просто выгонят, и все?

Воронцов снова пожал плечами.

— Да откуда я знаю? Может, ничего и не будет. Но просто в море нельзя выходить, если весь экипаж и пассажиры не обеспечены спасательными средствами. Это же означает, что корабль непременно утонет...

— И что в нашем случае можно считать спасательным средством?

Воронцов подвел ее к столу, указал на верхний лист чертежей. Наташа увидела продольный разрез очень, судя по масштабу, большого четырехтрубного парохода.

— Мы находимся на Земле, — словно читая лекцию, начал Дмитрий. — Земля на две трети покрыта океанами. Следовательно, наиболее универсальным транспортным и спасательным средством является хорошее мореходное судно. Что знал еще праотец Ной. На таком вот пароходике — здесь изображена знаменитая «Мавритания» — при любом развитии событий можно просуществовать сколько угодно, хоть всю жизнь, пользуясь при этом невозможным на суше комфортом и иными прелестями цивилизации. Ну вот, допустим, пусть и чисто условно, что домой мы не попадем, а из Замка придется уйти. На суше куда нам деваться? Если за бортом средневековье или вообще палеолит? Перемрем-с. Да пусть даже и в наше время вернуться, но без ничего, сильно это нам после здешней жизни понравится? А на корабле проживем ничуть не хуже, чем в Замке. Каюты суперлюкс, рестораны, библиотеки, мастерские, электричество, медпомощь мирового класса, запасы продовольствия на годы и годы, оружие... И полная свобода передвижения плюс экстерриториальность.

Воронцов настолько увлекся, рассказывая и показывая на чертежах и рисунках все, о чем говорил, что

Наташа подумала — дело совсем не в гипотетических опасностях. Просто Дмитрию надоело на суше, вообще без привычного дела, вот он и придумал себе забаву. Стать владельцем и капитаном собственного корабля, плавать по морям куда захочется... И главное — не чувствовать себя на вторых ролях. Она же понимала, что Воронцова не могло устраивать то положение, какое он занимает в их маленьком мирке. А если он воплотит в жизнь свой план...

Она еще подумала, что с него вполне станется самому организовать нечто такое... После чего план осуществится сам собой.

— А как же... — спросила она совсем не то, о чем подумала, — на таких кораблях, по-моему, сотни человек должны управляться.

— Все продумано, — заговорщически подмигнул он ей, — впрочем, это я пока так, прикидываю...

— Подожди, — пришло ей в голову самое главное. — А где ты возьмешь этот корабль? — Она уже привыкла ко всяким чудесам, но одно дело — разные там пистолеты, напитки, еда, одежда и прочие мелочи, что извлекались из камеры дубликатора на Валгалле или вообще неизвестно откуда в Замке, а совсем другое — пароход длиной в двести метров.

— Не вопрос. Этим я как раз и занимаюсь, — он кивнул на экран компьютера, продолжавшего свою таинственную деятельность. — Только об этом пока никому ни слова. Ты, я — и больше никого в нашей компании.

— Само собой. Только давай ты на сегодня закончишь свои труды, соберем народ на общий ужин или лучше на пикник, придумаем убедительный повод, и только сами будем знать, в чем дело...

— Принимается, госпожа Воронцова. Теперь в подобных вопросах ты хозяйка. Но так-таки никому и не скажешь? Даже и Лариске?

Наташа беспечно махнула рукой.

— Ей как раз и нечего говорить. Все, что нужно, я

ей давно рассказала, а всяким формальностям она принципиально значения не придает.

— Ну-ну... — с некоторым сомнением протянул Воронцов. В безразличие женщин к таким вещам он не верил.

...Можно подумать, что Воронцов обладал даром ясновидения, хотя это и не совсем так. Просто предыдущий образ жизни (при том, что психологически он всегда оставался оптимистом) выработал у него привычку всегда предполагать возможность наиболее неблагоприятного развития событий и готовиться действовать именно в таких условиях.

Оттого он и не удивился, когда его прогнозы начали сбываться, причем неожиданно быстро.

Антон появился в тренировочном зале, когда Воронцов с Шульгиным фехтовали. Не на спортивных эспадронах, а настоящими офицерскими шашками образца 1909 года. Сам по себе риск получить серьезное ранение был не так уж велик, потому что кевларовые чехлы поверх курток клинок не прорубал, титановые маски надежно защищали голову, но и вес оружия, и сила удара создавали ощущение подлинности поединка.

Несмотря на то, что Воронцов в училище был кандидатом в мастера и чемпионом флота, против Шульгина он держался едва-едва.

Счет был один—четыре, и Воронцов медленно отступал, с трудом успевая парировать непрерывные атаки партнера. Обычно принято писать о «звоне сабель», а на самом деле никакого звона не бывает. Острия встречаются с глухим стуком, а при боковом соприкосновении клинков раздается короткий немзыкальный лязг.

Звуки, в общем, неромантические и для употребления в поэзии малопригодные.

Появления на пороге зала знакомой фигуры Воронцов, поглощенный боем, не заметил, зато Шульгин увидел форзейля сразу.

Дмитрий в этот момент сделал длинный выпад, целясь рубящим ударом в голову противника. У них было

джентльменское соглашение — фехтовать по правилам, без всяких фокусов и азиатских штучек.

Но тут Сашка удержаться не смог. Уж больно захотелось показать надменному пришельцу, кто есть кто... Он давно не тренировался в этом смертельном номере, но сейчас был уверен, что получится. Кураж этакий появился...

Вместо того чтобы парировать шестой защитой воронцовский удар, он молниеносно перебросил шашку в левую руку, а открытой ладонью правой встретил рассекающее воздух лезвие. Воронцов не успевал ни остановить удара, ни отвести его в сторону и непроизвольно зажмурился. Ощущение было такое, будто клинок вошел в мягкую глину.

Открыв глаза, Воронцов увидел, что Сашкина рука в полном порядке, не хлещет из нее фонтан крови и отрубленные пальцы не валяются на дорожке. А сам Шульгин, плотно зажав лезвие в кулаке, медленно отводит его в сторону.

— Что ты... делаешь! — Дмитрий в ярости сбросил маску.

— Тс-с... — Шульгин указал взглядом в сторону идущего от двери Антона. — Это я не для тебя, для него. А риска ноль, я же захватил клинок сверху... Детали потом, наш приятель уже близко, и морда у него не такая уж радостная... О, смотрите, кто к нам пришел! — восхитился он и отсалютовал шашкой, которая так же мгновенно вновь оказалась в его правой руке. — А мы думали, ты навсегда нас покинул...

— Как можно, куда же я от вас денусь? Но вы, похоже, не слишком без меня скучаете... — Он взял Сашку за руку, с интересом осмотрел ладонь. На ней, кроме едва заметной красноватой бороздки, никаких признаков происшедшего не наблюдалось. — Вам, видно, без сильных ощущений уже и жизнь не в жизнь? Тогда бы уж и маски снимали. Видно, — вздохнул он, — нельзя таких орлов надолго без дела оставлять. Дичают...

— Опять какую-нибудь пакость придумал? — спокойно поинтересовался Шульгин, стягивая промокшую от пота стеганую куртку.

Воронцов раздевался молча, ожидая от Антона следующей реплики.

— Смотря что ты под этим понимаешь, — форзейль улыбнулся еще шире, словно рекламируя новый сорт зубной пасты. — На мой взгляд, уж кто-кто, а ты ко мне претензий иметь не должен...

— Ладно, — сказал Шульгин, вогнав клинок в ножны, — насчет претензий разговор особый, а сейчас мы в душ сходим. После чего, если желаешь, можно и побеседовать... Поподробнее.

— За тем и пришел. Я вас в баре подожду. Что пить будете?

— Придем — тогда и определимся. Зависимо от настроения.

— Чего это ты с ним так сурово, даже слова не сказал? — спросил Дмитрия Шульгин, поворачиваясь под секущими, как шомпола, струями шарового душа.

— А так. Для интереса. Я сразу понял, что ему от нас чего-то надо. Вот и пусть анализирует, в каком я настроении и как со мной разговаривать...

— Позицию согласовывать будем? Или на интуиции?

— Позиция у нас всегда должна быть одна — не позволять держать себя за дураков и не продешевить...

— Это понятно, а конкретнее?

— Конкретнее я не больше твоего знаю. И гадать не берусь, хоть и чую — пахнет керосином. И скорее для него.

— Почему не для нас? Было бы логичнее.

— Я его лучше тебя знаю. Если б только нас касалось, он бы без заходов из-за угла обошелся.

— О! Без заходов — обошелся. Это что — каламбур?

— Скорее просто тавтология. Пошли, что ли?

В маленький, примыкающий к раздевалке спортзала бар, терпко пахнувший кожей мебели и обивки стен,

женщины не заходили, и Шульгин украсил все свободные вертикали вызывающе эротическими «ню» на стеклянных слайдах в натуральную величину, с подсветкой.

Антон ждал друзей, помешивая соломинкой коктейль в высоком стакане и меланхолически рассматривая смуглую красавицу, почему-то решившую прокатиться верхом в одних лишь кружевных чулках и лакированных туфельках на умопомрачительных шпильках. Все остальное у красавицы тоже было умопомрачительное, но наибольший интерес у серьезного зрителя вызывали естественные вопросы: каково ей приходится на рысях в глубоком драгунском седле и как она вообще оказалась в ситуации, похожей на сцену из старого фильма, «Котовский», кажется, где голые красноармейцы атакуют белых в конном строю.

— Ну-с, вот и мы, — доложил Шульгин, пока Воронцов переминался у стойки с бутылками, не зная, ограничиться ли пивом или для предстоящей беседы стимулировать себя чем-то поосновательней.

— Собственно говоря, Саша, я хотел бы пообщаться с каждым из вас тет-а-тет...

— Чего это вдруг? Тайн у нас с капитаном давно друг от друга нет.

— Да и у меня нет, тем более вы потом все равно будете мнениями обмениваться. Но просто и мне так проще, и вам тоже... Мало ли что вы при себе оставить захотите...

— Кстати, Саш, где-то он прав, — неожиданно поддержал Антона Воронцов. — Если хочешь — я уйду, а хочешь — ты...

— Мне тоже сугубо одинаково. Пусть сам скажет, с кого начать желает.

— Раз вам все равно, я бы предпочел сначала с Дмитрием. С тобой, Саша, разговор будет специфический и довольно длинный, а с тобой, — он обратился к Воронцову, — может, и за пять минут закончим...

— Ну, коли так — я пошел. Потребуюсь — найдешь... — Шульгин, так ничего и не выпив, утрирован-

но церемонно откланялся и удалился по коридору на- свистывая.

— Итак? — Воронцов выдавил в стакан вермута цельный апельсин, добавил льда, почмокал, оценивая вкус, откинулся в кресле, заложил ногу за ногу и весь обратился в слух.

— Может, и вправду, удастся в пять минут все порешить? — с надеждой повторил Антон.

— Я такой, что можно и быстрее... Формулируй...

Оба понимали, что играют в одну и ту же игру и ни о каких пяти минутах не может быть и речи, только Антон знал, чего он хочет, а Дмитрий не подозревал даже приблизительно.

— Да и формулировать особенно нечего. Я попал в очень неприятную и для себя, и для вас ситуацию и плохо представляю, как из нее удастся выпутаться. Но в любом случае без вашей помощи не обойтись.

— Это уж само собой. Похоже, в Галактике вообще не осталось мест и моментов, где без нас можно обойтись. За что тебе только деньги платят?

— Можешь смеяться, но в чем-то ты прав. Иначе зачем бы я полжизни на ваши земные дела угробил? Но пофилософствовать на эту тему мы еще успеем. А сейчас мне нужно, чтобы ты отдал наконец Книгу. Пока можно было, я тебе не надоедал. Теперь же...

Антон развел руками.

Воронцов почувствовал даже нечто вроде разочарования.

«От него кровопролития ждали, а он чижика съел» — как писал, по другому, впрочем, поводу, Салтыков-Щедрин.

Он про загадочную Книгу уже почти что и забыл, и тогдашнее настроение давно ушло, Дмитрию теперь было скорее странно, что он вдруг так уперся. После всех событий и приключений до тайн ли древней истории, и кого теперь с теми тайнами знакомить, если вообще неизвестно, удастся ли вернуться домой, и даже

если да — то в каком качестве... Но раз Книга до сих пор нужна Антону...

— Сдается мне, что это твои проблемы. Я же как-то не вижу, отчего вдруг следует возвращаться к старому? Тем более что ни одного из своих обещаний ты так и не выполнил...

И не дав Антону возразить, перешел в контрнаступление. Начав с того, что даже полуштутливого условия о передаче ему прав владения на дачу в Гульрипше Антон не выполнил, Воронцов обвинил его во всех нынешних бедах, главной из которых, безусловно, следует считать невозможность вернуться на Родину.

— А если даже и вернемся, что нас там ждет? Я прямо и не представляю, чем по-настоящему честные и благородные партнеры должны отблагодарить тех, кто обеспечил им столь грандиозную победу над историческим врагом! Их осыпали бы всеми мыслимыми и немыслимыми почестями, титулами и орденами, наградили бы поместьями, да что там поместьями? Целые провинции и вассальные государства! Вспомни, как Наполеон благодарил своих верных соратников. А Александр Филиппович!

— Какой Александр Филиппович? — оторопело спросил сбитый с позиций форзейль.

— Разумеется, Македонский. Птолемею — Египет, еще кому-то — Персию, и так далее. А ты? Ходишь, клячишь то одно, то другое. А мы, как недоумки какие, ни отказать не можем, ни цену настоящую спросить. Вот зачем ты утверждал, что без проблем нас домой переправишь? А лапшу мне вешал насчет поездки в вашу Метрополию, торжественный прием на Совете Ста, или сколько у вас там миров? Может, ты вообще никакой не форзейль, или этой кличкой у вас своих оставов бендеров называют? Союз меча и орала! Так я не Кислярский, ни пятьсот, ни двести рублей не дам!

Получилось это у Воронцова гениально. И ему даже стараться особо не пришлось. Он просто вспомнил соответствующее состояние и настроение, какое было,

когда он разбирался с обманувшим его в одном щекотливом деле вторым помощником с «Маршала Куликова».

Удались и праведный гнев, и оскорбленная невинность, и легкий намек, что как бы там ни было, а при определенных условиях примирение еще возможно. К чему он и подводил. В тот раз удалось выбить у коллеги в покрытие морального ущерба бочку свинцового сурика и две бухты капронового троса. Антон оказался не крепче. Он начал оправдываться, ссылаясь на действие непреодолимых сил природы и форс-мажорные обстоятельства, сказал, что с удовольствием передал бы Воронцову не только провинцию, но и вообще большую часть оставшегося после устранения аггров бесхозным имущества и подконтрольных им сфер влияния. Но вот беда, все это станет возможным как раз только после возвращения Книги.

— Опять за рыбу гроши! Ну а какие у меня основания и дальше тебе верить? Может, ты больше вообще ничего не можешь или не хочешь сделать? Вот без тебя Олег попробовал настроиться на Москву, на день нашего исхода, а ничего не вышло. И занесло черт знает куда, и канал едва-едва сумел удержать. А раньше ведь получалось. Если после переброса правнуков на самом деле зафиксировалась другая реальность, так нам что, здесь и помирать?

— Ну, что вас не туда занесло — еще не самое страшное. Олег не учел принципа неопределенности, а на таком коротком интервале при точной пространственной наводке разброс по времени на три-пять лет очень вероятен. Особенно если опыта нет. Думаешь, я на твоём месте, на капитанском мостике, сумею корабль с ходу к стенке подвести и ошвартоваться, хотя и теорию знаю, и не раз видел, как ты это делаешь? Проблема совсем в другом...

Дмитрий немного послушал его рассуждения, нить которых довольно быстро потерял (на что, возможно, Антон и рассчитывал), а потом, словно только что до этого додумался, с сомнением сказал:

— Вот чтобы нам не трепаться больше зря, давай так и условимся — в качестве задатка ты выполнишь мою просьбу, для тебя не слишком обременительную, а я тебе после этого вручу Книгу. Причем если в ней действительно есть что-то полезное из земной истории, ты мне это перепишешь. Консультант у нас есть, разберется, ценно оно для нас или нет. А когда ты товар получишь и свои проблемы решишь, поговорим об окончательном расчете. Годится?

Воронцов тоже, видимо, утомил Антона своим многословием, примитивными хитростями и детской неуступчивостью. И форзейль с облегчением согласился.

— Если, конечно, твое требование вообще выполнимо в нынешних условиях.

— Для тебя да чтоб невыполнимо? Не приbedняйся...

И Воронцов рассказал, чего именно он хочет, причем, как бы преуменьшая размеры своей просьбы, говорил о корабле как о небольшой яхте, на которой хотел бы совершать морские прогулки и отдыхать от монотонности здешней жизни.

— Действительно, ничего принципиально невыполнимого здесь нет, — ответил Антон, когда Воронцов замолчал. — Но нужна ведь очень тщательная проработка. Если в твоей памяти есть все нужные данные... Как, например, были о Наташе...

— Зачем же на память полагаться? Технические чертежи, фотографии, спецификации и прочая документация годится?

— Вполне... Плюс кое-что еще.

— Но это еще не все. Сам понимаешь, с нормальным пароходом мне одному не справиться, впятером — тоже, поэтому система управления должна быть... Чтобы из рубки я мог управлять, как автомобилем...

— Придется подумать, но и это возможно.

— И последнее. Как бы легко корабль ни управлялся, без экипажа он обойтись не может. Палубные работы, погрузка-разгрузка, ЧП всевозможные... Я же не могу

круглые сутки не спать и находиться в десяти местах одновременно. Даже на самом лучшем автомобиле в дальний рейс поодиночке не ездят. Не знаю, как на самом деле, но в соответствующей литературе развитые цивилизации имеют нечто вроде роботов. Вот и я бы хотел... Желательно человекообразных.

Антон откинулся в кресле и поставил свой стакан на стол.

— Ну, ты вообще... Лишку хватил, не кажется? Какие тебе еще роботы?

— Обыкновенные. Так называемые биороботы, или киборги, или андройды, не знаю, как лучше сказать. Чтобы по возможности внешне и заданным поведением от человека не отличались. Наталью ты сумел смоделировать? Вот примерно то же самое, но со свободой перемещения и способностью совершать полезную работу. Техническое задание я подготовлю. Да вот наша Ирина — разве не биоробот?

Воронцов давно уже искал способа как бы между прочим задать Антону вопрос об истинной сущности инопланетянки. И сейчас случай представился. Логика разговора сама собой подвела к нему. В то, что Ирина настоящая аггрианка, он отчего-то не верил с самого начала. Слишком вся она была земная. И в то же время иная, чем все.

Ни у нее самой, ни у Новикова он, разумеется, ни о чем подобном спросить не мог. А Антон наверняка должен был знать.

— Проницательный ты парень, а вот тут ошибся. Но не слишком. Она как раз человек. И даже в большей мере, чем ты сам.

— Это значит как?

— Лекцию тебе, что ли, прочитать? Вряд ли имеет смысл. А если вкратце, то дело обстоит так. Аггры в данном их воплощении — гуманоиды. Биологически почти стопроцентно вам идентичны. Но есть и отличия. В пропорциях тела, некоторых деталях физиологии и главное — психики. Тут они и от вас, и от меня доволь-

но сильно отличаются. И те, кому предстоит пожизненно работать на Земле, с младенчества проходят курс биокоррекции. Все характеристики организма приводятся в идеальное соответствие с «базовой моделью». На субклеточном уровне. Внешность, само собой, тоже. Отчего, по-твоему, она такая красавица? Им-то вы, люди, кажетесь на самом деле уродами. Как нам с тобой пигмеи с Конго. Ну и наоборот, соответственно. Поэтому они берут сотню-две моделей, которые здесь считаются красавицами, и создают обобщенный образ. В случае с Ириной — современной русской женщины. Нужна англичанка — делают англичанку. Но вот здесь и кроется тонкость. Просчет это или расчет — не знаю точно. Они планируют создать типичную представительницу, а выходит суперзвезда. Почему — тебе понятно. То же касается и фигуры, и всех функций организма. И оптимальные для данного времени и референтных групп общества показатели: роста, длины ног, формы бедер, основных окружностей и прочего. А стопроцентная оптимальность — это идеал. Так что сомневаться нечего — биологически ваша Ирина абсолютно идеальная русская женщина, по всем показателям. Андрей может быть доволен.

— Если бы он один... — почти неслышно вставил Воронцов.

— Я, сам понимаешь, возможностями создавать такие модели не обладаю.

— Мне этого и не требуется. Но раз ты можешь создавать достоверные фантомы и твоя здешняя техника умеет синтезировать белковые структуры — еду, выпивку эт сетера, то, совместив эти возможности... Мне даже не нужно, чтобы они были такими уж белковыми... Пусть будут металлоорганическими, резиновыми — мне все равно. Лишь бы они имели внешний облик матросов, нормально двигались, разговаривали и имели интеллект в объеме флотской учебки. На сем и закончим. Мое упрямство ты знаешь...

Антон хлопнул себя ладонью по колену.

— Да уж знаю! И если бы только упрямство. Давай так — ты представляешь полный проект корабля, и мы его сделаем. Что касается роботов... Это против всех законов и правил, но я обещаю подумать. Может, что-то и удастся. Но предупреждаю — даже если ты их получишь, они будут не более чем инвентарь твоего парохода. Подключенные к центральному компьютеру, жизнеспособные только в сфере его действия и функционирующие только в качестве матросов.

— И механиков, и штурманов, и стюардов... — продолжил Дмитрий.

— В общем, членов экипажа. С широкой специализацией. Но не более. Не хватало, чтобы, вернувшись к себе, ты их по всей Земле бесконтрольно применял...

— А тебе-то какое в принципе дело? Азимова начался? Я тебе за день такой шпаны набрать могу, что они любым роботам сто очков вперед... Не мировое же господство я с их помощью собираюсь завоевывать, да и что такое любые роботы, десяток или два, супротив современной техники? Когда агтры у нас свои дела делали...

— Снова мы начинаем друг друга не понимать. Да делай ты сам по себе что хочешь, это твоя планета, и сам ты не ребенок. А вот у меня свои принципы. Ты, к примеру, можешь шестилетним пацанам гранаты раздать, чтобы они рыбки поглушили, раз захотелось? Пусть даже тебя никто не увидит, и при любом исходе отвечать тебе не придется. Совесть или здравый смысл позволят?

Воронцов встал, стряхнул с белых брюк крошки табака, просыпавшегося при неоднократном набивании трубки.

— Все. Вопросов больше не имею. Считаю, что в основном договорились. Чертежи и прочее завтра будут. Благодарю за приятную и поучительную беседу. Насчет же моей совести и прочих принципов поговорим в следующий раз...

Глава вторая

...На следующий день Антон появился на общем завтраке, который, как и на Валгалле, соблюдался неукоснительно, являясь не только моментом приема пищи, но и средством поддержания социальных связей и внутренней дисциплины в их маленьком обществе. Достоинно ответив на вопросы полушутливого блиц-интервью, вызванного как его неожиданной отлучкой, так и возвращением, он ничего по-настоящему существенного не сказал, будто действительно всего лишь захотел съесть свой салат и сосиски в компании приятных ему людей. А потом догнал в коридоре направляющегося в тир Шульгина и, не вспоминая о вчерашнем, будто бы просто так предложил совершить небольшую верховую прогулку. Сашка, уже все знавший о содержании беседы Воронцова с Антоном, согласился, слегка, впрочем, удивленный антуражем предстоящего разговора.

— И винтовки с собой прихвати, — добавил Антон, — глядишь, и постреляем заодно.

Забота Антона о своих гостях простиралась настолько, что он даже организовал для желающих небольшую конюшню с десятком отличных, пожалуй, мирового класса, лошадей, тренированных и для стипль-чеза, и для парфорсной охоты. А покататься в окрестностях Замка было где! Как раз Шульгин, особо томящийся постоянным бездельем, почти ежедневно покидал ограду Замка и отводил душу, совершенствуясь в джигитовке, вольтижировке и «рубке лозы», компенсируя тем самым заброшенные в последнее время тренировки в прочих боевых искусствах.

Проскакав по залитой солнцем тропе между заросшими шиповником и боярышником холмами километров пять переменным аллюром, они остановили коней на пестрой от алых и голубых цветов лужайке и, не сговариваясь, спешили. Стреножив коней и пустив их пастись, они присели на траву в тени огромного раскидистого дуба.

Шульгин снял с предохранителя карабин, прислонил его к стволу дерева, чтоб был под рукой, — за пределами силовой защиты Замка начиналась натуральная доколумбова Америка, и встречи могли быть самые неожиданные, — неторопливо закурил и приготовился слушать, не выражая на лице ни малейшей заинтересованности. Вокруг было достаточно приятных для глаз объектов, чтобы полностью отдаться их созерцанию. Чего стоит только одна панорама пологих холмов, покрытых всеми оттенками красного, желтого, зеленого, с густо-синим небом над ними и грядой причудливых кучевых облаков на горизонте. «Индийское лето» в самом разгаре. И запахи из прерий ветерок приносит такие...

— Я знаю, Саша, что своим положением ты не очень-то доволен, — без приличествующих предисловий заговорил Антон. Шульгин впервые посмотрел ему в глаза с искренним недоумением.

— Не понял... — протянул он. — Как раз мое положение меня устраивает вполне. Ни на какое иное не претендую.

Он вообразил, что Антон имеет в виду его личный статус в здешнем обществе.

— Нет-нет, я не об этом, — догадался о смысле его ответа Антон. — Я хотел сказать совсем другое. Мы же с тобой оба мужики, в конце концов. Вот что я подразумеваю. Ты здесь практически один, без пары...

— Не один...

— Там другой случай. Берестин себя одним не ощущает, просто у него не получается, но объект-то есть... Рядом, на глазах. Он, между прочим, даже находит в своем положении определенное, пусть и горькое, удовольствие. И не теряет надежды... Ты же воистину без вины виноватый. Хочешь, организуем доставку сюда твоей супруги?

Шульгин на мгновение представил, что из этого может получиться, и от полноты чувств прищелкнул языком.

— А, кстати, ты уверен, что она все еще в Кисловодске?

— Абсолютно. Август в Москве еще не закончился.

— Ну вот и пусть отдыхает. Она так радовалась, когда путевку достала...

Антон удовлетворенно кивнул, будто и не ожидал иного ответа.

— Тогда пойдем дальше. Есть у тебя на примете какая-нибудь особа, которую ты хотел бы здесь видеть? Скрасить, так сказать, одиночество.

— Если хорошенько подумать... А чего это ты так вдруг озаботился моими проблемами? — Шульгин внутренне напрягся. — Может, намекаешь, что командировка затягивается?

— Ну, так бы я это не формулировал... Некоторые затруднения возникли, не скрою, но ничего фатального. Скорее я позволил себе предположить, что вам самим еще не хочется немедленно возвращаться. Столько вокруг еще неизведанного... Неиспытанного, я бы добавил. Тем более то, что я тебе хочу предложить, как раз и должно поспособствовать решению многих ваших проблем... в будущем.

— Ты сам-то что-нибудь о том будущем знаешь? О том, где Андрей побывал? — попробовал поймать его на слове Шульгин.

— Абсолютно ничего. Оно... не по моей епархии. Содержание рассказа Новикова и некоторая способность к экстраполяции наводят на разные мысли, и не более... Но вернемся... Я заметил, что ты грустновато выглядишь... Временами... Особенно в окружении не обделенных женским вниманием друзей. — Сейчас Антон своей манерой выразиться очень напоминал Новикова, а может, и специально его слегка пародировал. Но вторым планом Шульгин ощутил нечто куда более серьезное, чем забота о его сексуальных проблемах, и, чтобы перехватить инициативу, задал первый пришедший на ум вопрос.

— А может, обойдемся без походов к снаряду? Я уже

в курсе некоторых твоих забот и как-то вчерашнее с сегодняшним связываю. Какую новую авантюру ты замыслил, брат по разуму, в которой требуется моя, и только моя персона? — В умении разгадывать психологические задачки Сашка мало уступал своему дипломированному другу, а моментами и превосходил, что Новиков и сам неоднократно признавал. Только обычно Шульгин в отличие от Андрея, а также и самого Холмса не раскрывал хода своей мысли и методики построения силлогизмов. Но сейчас решил выложить карты на стол.

— Поскольку, немного тебя зная, не допускаю с твоей стороны голого альтруизма, готов предположить, что тебе требуется человек достаточно свободный, не связанный нравственными обязательствами, да еще и соскучившийся по женской ласке. Плюс наделенный и еще рядом не слишком встречающихся качеств. Эрго — ты хочешь, чтобы я охмурил для твоих очередных штук некую даму. Скорее всего — в нашем настоящем мире, ибо здесь некого, а по инопланетянкам я не спец. И в качестве награды получил то, что сумею или успею поймать в процессе... Так, май диа френд? И попутно, не с этим ли заданием связана наша здесь задержка?

— Произношение у тебя ужасное, но это поправимо. А в остальном почти так. Прими мое искреннее восхищение, хотя ты в нем и не нуждаешься.

Тут он немного ошибся. В душе Шульгин был в меру тщеславен, и похвала привела его в приятное расположение духа, пусть и не такое, как в прошлый раз, когда ему удалось показать самоуверенному пришельцу, у кого из них реакция лучше.

— Ладно. Но у меня как в магазине — цены без запроса. Объяснишь, что ты задумал, будем разговаривать. Снова темнить начнешь — свободен... Еще раз на твои приколы ловиться не собираюсь. Хватит.

— Ну какие там приколы? Я уже говорил Дмитрию — все, что обещал, я сделал. И еще больше сделаю, в обиду не останетесь. А сейчас у меня совсем маленькая просьба. Для тебя на самом деле чистое развлечение.

И скрывать я от тебя ничего не собираюсь. Вам, землянам, от этого пользы больше, чем мне в итоге будет. Скоро сам поймешь...

Он не успел закончить фразу, потому что Шульгин вдруг, как пружина из автоматного рожка в руках немелого солдата, взлетел, разгибаясь, подхватил стоявший на расстоянии вытянутой руки карабин и, выбросив его вперед, как клинок во флеш-атаке, трижды выстрелил в густое переплетение кустов по другую сторону поляны. И опустил ствол, прислушиваясь.

— Что такое? — Антон уже стоял рядом и тоже готов был открыть беглый огонь.

— Черт его знает, зашевелилось там что-то. Пойду посмотрю. А ты прикрывай в случае чего...

Пошуршав в кустах валежником, он вернулся, загоня на ходу в обойму недостающие патроны.

— Показалось, наверное...

— Такой нервный стал? — участливо спросил Антон.

— Может, нервный, а может — предусмотрительный... — сплевывая табачную крошку с губы, ответил Сашка. На самом деле ему просто потребовалось немножко сбить Антона с настроения, чтобы легче было разговаривать.

— Так что ты там насчет нашей грядущей пользы?

— Ах да! Значит, я хотел сказать, что аггров в нашей реальности больше нет, ты это знаешь. Но на Земле осталась одна милая женщина. По внешним данным ничуть не уступает вашей Ирине. Зовут ее Сильвия. Моя коллега. Шеф-атташе аггров на планете Земля. В недавнем «прошлом» — ваш смертельный враг. Организатор акций против Ирины, Левашова и многого другого. У них вообще женщины занимают большинство такого рода руководящих постов... Встречался я с ней. Умна, красива, лет тридцати с небольшим по вашему счету. И тебе наверняка понравится. И теперь она очень одинока. Больше, чем Ирина. Ее цивилизация

вдруг исчезла, как ничего и не было, а она осталась одна в чужом мире...

— Совсем одна?

— Ну, может, еще экземпляров с десятков на всю планету, но те ей не пара и не компания, простые исполнители, интеллект чуть выше табуретки. Да ты кое с кем из таких встречался. А подобных ей или Ирине, тем более мужского пола, скорее всего нет. Больше нет... В подготовке агентов класса «люкс» аггры довольно экономны. Та, к примеру, дама, что Новикова и Берестина на Валгалле вербовала, — просто фантом, скоординированный с их восприятием, а у Сильвии только сознание частично аггрическое. О чем она, впрочем, не догадывается. Они с Ириной о себе другого мнения, отчего и все душевные терзания...

— Ну а ты? — неожиданно вставил Шульгин.

— Я — совсем другое дело. Я истинный гуманоид, мне только кое-какие функции пришлось подкорректировать под вашу атмосферу и солнечный спектр, чтобы я от рахита и лейкозов не зачах... Так вот о Сильвии. Она сейчас, по моим расчетам, должна пребывать в сильно расстроенных чувствах, как бы еще руки на себя не наложила, чего не дай, конечно, Бог. Потому что мне с ней очень и очень нужно побеседовать. По ряду причин сам я на Землю, в вашу реальность, выйти сейчас не могу, а тебя переправлю.

— Каким это образом? Нас всех домой отправить не можешь, а одного — пожалуйста?

— Долго все это, Саша, объяснять, и не уверен, что образования нам обоим хватит. Всех и окончательно — действительно пока не могу, а для тебя я квазипереход организую, по открытому лучу и с жутким расходом энергии. Максимум на двое суток. По здешнему, конечно, времени. Там чуть-чуть растянуть можно, но не слишком. За это время тебе нужно будет с ней познакомиться, как-то объяснить ситуацию и убедить прийти сюда, в Замок. Желательно добровольно. Потому что в ином случае шок может стать необратимым, и ни я, ни ты ни-

какой пользы из нашего мероприятия не извлечем. Я же хотел, чтобы она после непродолжительной со мной беседы смогла вернуться к нормальной жизни, в идеале — стать членом вашей группы...

— Ну ты действительно альтруист... — с долей иронии в голосе протянул Шульгин. — Такая забота о злейшем враге... Тогда уж вообще вернул бы ее на родину...

— Ты что, все никак не поймешь? Нет у нее никакой родины и никогда не было. Эти девочки действительно камикадзе с бензином в один конец. Вроде как Новиков в роли Сталина. Работают сколько могут, а потом... — Антон присвистнул и сделал руками движение от груди, будто отбросил что-то. — Если уж очень нужно — матрицу обратно отзывают, а нет — просто выключатель щелк, и все...

Шульгин невольно передернул плечами. Жуткие дела творятся на свете. Задал еще вопрос.

— А разве, когда агтры исчезли, матрица сама собой не отключилась?

— Нет. Именно потому, что она полностью автономна. Если бы агтры исчезли, когда Новиков в теле Сталина был, он бы там навсегда и остался. Так и Сильвия, и Ирина... Будь сюда агтрианин в своем натуральном физическом теле переброшен, изменение реальности его бы стерло, но дамы ваши в материальном смысле подлинные люди. Я Воронцову это вчера только объяснял.

— Допустим. Если и не убедил, то разъяснил правдоподобно. Теперь второе — какой тебе сейчас, после конца всего, в ней интерес? «Языков» после войны не ловят...

— Да кто ж тебе такое сказал? Как раз после войны самая работа и начинается. Полковой разведке «языки», тут ты прав, в мирное время без надобности. А главному командованию, контрразведке? Пораскинь мозгами. Вот и мне... Сколько всего интересного узнать можно: загадки неудачных операций, профессиональные секреты и методы, преломление наших акций в представ-

лении противника, данные на их тайных союзников и невольных пособников... Золотое дно. Тем более что у меня некоторые неприятности намечаются, и Сильвия с Ириной весьма и весьма могут помочь из них выкрутиться. Все у нас, Саша, как у людей, с поправкой кое на какую специфику. Так договорились?

— А что мне теперь терять? И не таким занимались. Куда идти нужно?

— Не очень далеко. В Лондон. Ты по-английски как?

— Сам слышал...

— Не проблема. Я тебе пленочку прокручу, через два часа лучше Вебстера и профессора Хиггинса язык знать будешь. За два часа и на всю жизнь. Тоже польза. И остальное все объясню. Что сам про нее знаю. И если ты ее сюда приведешь, после короткой взаимопольной беседы со мной она свободна. Сможете принять ее в свою компанию. И не пожалеете...

— Ты Экзюпери читал? — внезапно перебил его Шульгин.

— Читал что-то. При чем он здесь?

— При том, что написал: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Ты, значит, ее выпотрошишь и повесишь отработанного «языка» мне на шею... И что дальше?

— Ну дальше... Если не понравится, можно ее обратно в Лондон вернуть. Снять матрицу и вернуть, пусть живет в рамках своей легенды. Она там, кстати, очень неплохо устроена. Вам и не снилось. А может, наоборот, она тебя так очарует, что с женой разведешься и сам в Лондон отправишься. Тут тебе полная свобода воли.

— Знаешь, Антон, не в обиду будь сказано, ты все-таки...

— Большая сволочь, хочешь сказать? Ну и скажи, не обижусь. Работа у меня такая, да и шкурный интерес. Как монах Варлам говорил: «Коль дело до петли то доходит...» И ведь при всем при том я никого не неволю. Они, аггры то есть, честно признать, к вам таких

благородных чувств не испытывали. А вы... Откуда столько «гуманизма» при ваших условиях жизни? Ладно, ладно, не заводись. Сам у вас пожил, знаю и понимаю. И ничего плохого в моем предложении нет, поразмысли только спокойно. Человека спасете, мне можете, да и другие возможные последствия... Аггров уже нет, а они — Сильвия с помощниками — есть, и вдруг будут, как тот партизан, еще двадцать лет поезда взрывать? А?

Шульгин встал.

— Ладно, пока обратно ехать будем — подумаю. А как Ирина к ее появлению отнесется?

— Вот чего не знаю... Да и в чем проблема? Лично они незнакомы, хотя Сильвия о ней все, что положено, знает. Но когда мы с нее функцию снимем, глядишь, и подругами станут. Все-таки, как ни крути, коллеги и землячки в некотором роде.

— Ну-ну, — с остатком сомнения в голосе сказал Шульгин универсальную, когда нечего больше сказать, формулу. Раздавил каблуком окурок сигары, закинул за плечо ремень карабина. И, уже вставив ногу в стремя, спросил:

— А она действительно такая же, как Ирка, красавица?

— В другом несколько роде, но до невероятности интересная дама.

Шульгин кивнул, резким толчком бросил тело в седло, громко свистнул и с места послал коня в крупный галоп.

...Шульгин никогда не позволял никому догадаться, что он плохо разбирался в женщинах и даже опасался их. Он считал их существами, настолько от себя отличными, что искренне удивлялся, когда обнаруживал у них мысли и реакции, подобные своим собственным. Отчего и отношения с прекрасным полом строил, исходя из представлений, не слишком соответствующих реальности.

И, увы, ошибался гораздо чаще, чем натуры менее

утонченные. Его женитьба, удивившая всех друзей явной бессмысленностью, тоже случилась вследствие психологического просчета, которым тогдашняя случайная подруга безошибочно воспользовалась и превратила в свой стратегический успех.

И вот сейчас, после неожиданного предложения Антона, Шульгин ощутил возможность реванша. Вооруженный опытом последнего года и близкого знакомства с женщинами разных веков и рас, он решил, что сумеет провести эту сексуально-дипломатическую партию с должным блеском и докажет всем, а прежде всего себе, что умеет не только стрелять от бедра и протыкать пальцем подвешенный на нитке лист фанеры.

К подготовке он подошел со всей необходимой тщательностью, усвоил и переработал полученную от Антона информацию. И очень быстро заподозрил форзейля в лицемерии. Прежде всего выходило, что в разговоре Антон явно и непонятно зачем приуменьшил исходящую от Сильвии опасность. И для себя лично в ходе операции, и для всей Земли в целом. С ее техническими возможностями и психологическим состоянием она способна наделать бед куда больше, чем непримиримые самураи, продолжавшие в дебрях тропических островов мировую войну через двадцать лет после капитуляции. Не планирует ли Антон перевербовать резидентшу агров и заставить ее работать на себя? Но в каком направлении и в каком качестве? Ведь Шульгин по-прежнему не имел понятия о раскладе галактических сил и высшем смысле драки за контроль над Землей. Вполне ведь можно предположить, что картина войны на самом деле выглядит совсем иначе. А по некоторым намекам не исключено, что Антон подумывает о чем-то похожем на внутренний конфликт среди своих соотечественников. То ли борьба за власть, то ли...

Но, несмотря на все сомнения, отказываться он не собирался. Слишком ему надоела нынешняя бесцельная жизнь. Ему ведь по-настоящему не удалось поучаствовать ни в чем серьезном. За исключением последнего

рейса на базу пришельцев. А все действительно увлекательные приключения прошли мимо. И насчет женщин Антон тоже угадал.

Полгода строгого воздержания кого хочешь выведут из равновесия, особенно когда рядом друзья еженочно уединяются с подругами, при взгляде на которых чувствуешь то, что и пацан, украдкой листающий «Пентхаус».

Конечно, занятия спортом, стрельбой и стипль-чезом отвлекают, но весьма и весьма недостаточно. Отчего и попить по вечерам Сашка стал как бы чрезмерно...

С полученным заданием Шульгин познакомил только Андрея. Не скрывая посетивших его сомнений. Новиков поусмехался каким-то собственным мыслям, сказал, что придерживается того же мнения, и спросил, каким же образом Сашка намеревается Антона переиграть?

— Честно говоря, хрен его знает! Но ведь до сих пор мы их переигрывали? На вдохновении... С этим у них слабовато.

— Да как тебе сказать... У меня нет ощущения, что мы Антона переиграли. Сам посуди...

— Ну а чего? Пока что я ощущаю себя в выигрыше. Кем мы были и что имели год назад? И что теперь? А не потеряли пока ничего...

— Это в рамках нам известного. А на самом деле?

— На самом деле... Может, если б я на четвертом курсе согласился, чтобы Ленка Кораблева в постель меня затащила, сейчас был бы доктором наук и зятем завотдела ЦК, вот и скажи, проиграл я или выиграл?

— На этом уровне рассуждать, так, конечно... Ну а в целом мы уже столько наворотили, что хуже вряд ли будет. Если только головы при нас останутся. Давай попробуй себя и в такой еще роли, может, и будет какая польза, хотя бы лично для тебя...

Шульгин удивился плохо скрываемому Андреем безразличию к проблеме, представлявшейся ему самому важной. Но отнес его к общей апатии, охватившей друзей в последнее время. Сам же он испытывал сейчас

все нарастающее приятное воодушевление, как перед интересным, к примеру, путешествием в дальние страны. Тем более что и на самом деле в Лондоне он никогда не был, и образ загадочной аггрианки рисовался в мрачно-романтических тонах...

...Лондон Шульгин благодаря введенной прямо в мозг информации знал теперь великолепно, видел его весь сразу, как на подробном многокрасочном макете, только, выходя на знакомую улицу, в первый момент удивлялся, что на проезжей части не написано большими буквами название. Следуя своему собственному, слегка отличающемуся от согласованного с Антоном плану, он первым делом направился в Сохо, где снял номер в пользующемся сомнительной славой отеле, приюте сутенеров, шлюх обоего пола и не вполне законных иммигрантов.

Для чего специально три дня не брился и был соответственно одет.

И лишь потом, сделав все, что входило в первый этап «увертюры», переоделся согласно легенде, тщательно привел в порядок свою внешность и вышел в грязноватый, с пузырями краски и штукатурки на стенах коридор. Редкие в тот час постояльцы провожали его удивленными взглядами. Портье его, похоже, не узнал, только шумно вдохнул широкими ноздрями распространяемый Сашкой тонкий аромат элегантных мужских духов. Пристально посмотрел вслед безупречно одетому джентльмену и подумал, что сам на его месте никогда бы не стал таскаться к здешним занюханым девкам. Или к не менее занюханым геям.

...Сильвия жила в центре чуть ли не самого аристократического в Лондоне района, во внешне неприметном двухэтажном доме с фасадом в четыре окна. Обойдя квартал по периметру, вжившись в обстановку, присмотревшись, как ведут себя аборигены этого зеленого и тихого островка покоя и благополучия в центре необъятного и шумного города, вообще освоившись в капиталистической реальности, Шульгин позвонил у ок-

рашенной шоколадной краской и покрытой сверху лаком двери. В соседней витрине он с удовольствием еще раз осмотрел свое отражение — весьма приличного молодого джентльмена, не могущего не внушить симпатии и доверия. Правда, какой-нибудь последователь Шерлока Холмса без труда опознал бы в нем совсем недавно прибывшего из стран Содружества представителя тамошнего европейского истеблишмента, ибо до коренного англичанина Сашка все-таки не дотягивал... Но от среднестатистического лондонца все же отличался в лучшую сторону.

Мелодичный женский голос из прикрытого бронзовой решеткой динамика слегка игриво, как показалось Шульгину, произнес «Хелло?», и он назвал себя и сообщил, что желал бы видеть мисс Сильвию по важному делу.

Голос с некоторым недоумением повторил его фамилию, но через пару секунд предложил войти. Дверь бесшумно приоткрылась.

Хозяйка встретила гостя на верхних ступеньках широкой дубовой лестницы. Увидев ее, Шульгин понял, насколько был прав Антон. Совсем в другом стиле, чем Ирина, агтрианка была тем не менее поразительно хороша собой. И удивительно при этом Ирину напоминала. Не чертами лица, а гармонией облика и степенью приближения к идеалу. Даже трудно представить, что моделью для нее служили те англичанки, которых он видел сегодня на улицах. Чуть холодновата, конечно, на славянский вкус... Но изысканнее в то же время, аристократичнее, рафинированнее...

Шульгин перебирал в уме эпитеты, чтобы поточнее определить свое первое от этой дамы впечатление и соответственно сымпровизировать начало разговора. Но главное он уже знал — чтобы соблазнить, или, оставаясь на ее уровне, лучше сказать — покорить сию представительницу уже не существующей враждебной расы, он заранее готов сделать все возможное. И невозможное тоже. Если от этого пострадают интересы или планы

Антон — тем хуже для него. С такой тигрицей сразиться — это вам не лаборантку охмурить на вечер-другой...

Кстати, вот это — с лаборантками — у него получалось, хотя каждый раз он несколько наивно про себя удивлялся, вновь убеждаясь, что весьма приличным на вид девушкам, оказывается, на самом деле нравится то, чем они с ним занимались. Он же в глубине души оставался почти непоколебимо убежден, что если они и уступают его домогательствам, то либо просто из вежливости, либо преследуя свои, неизвестные ему интересы, но сам процесс никак не должен бы являться для них самоцелью.

И это при его медицинском образовании... Наверное, тут виноваты какие-то фрейдистские мотивы или ненароком залетевший из прошлого века псевдоромантизм.

Но, конечно, именно в данный момент Шульгин ничего такого не думал, прекрасно сознавая, что перед ним в коротком ржаво-коричневом платье-свитере, подчеркивающим все подробности ее фигуры и открывающем пусть и тонковатые при ее росте, но крайне волнующие ноги, стоит и дежурно улыбается не просто привлекательная женщина, а весьма опасное и хитрое существо, много лет руководившее целой сетью коварных и безжалостных инопланетян, для которой отдать приказ о его уничтожении не составит ни малейшей проблемы, разве только ей захочется расправиться с ним лично... Особенно сейчас, в ее нынешнем отчаянном положении.

Только и об этом тоже нужно забыть, чтобы невзначай раньше времени не выдать себя и не спровоцировать эту «черную вдову» на непоправимые действия. Вот именно, «черная вдова» — отличный образ, самка-паучиха, пожирающая своих не успевших вовремя убежать партнеров.

И, улыбнувшись в ответ на ее улыбку, Шульгин чуть наклонил голову, представился, назвав себя старым,

еще в школьные годы придуманным для игр и мистификаций английским именем.

Сильвия на мгновение наморщила лоб, пытаясь вспомнить, говорит ли ей что-нибудь это имя, но, вздохнув, с сожалением пожала плечами. Не знаю, мол, и никогда не слышала. И сделала три шага по лестнице вниз, чтобы запереть за гостем дверь, если он не скажет чего-нибудь более существенного в оправдание неназначенного визита.

Тогда он, как и было согласовано с Антоном, сообщил, что ее имя и адрес назвал ему в Веллингтоне сэр Говард Грин и порекомендовал обратиться к ней, когда это действительно станет необходимым.

Тут Шульгин рисковал, потому что стоило Сильвии заявить, что и сэра Говарда она знать не знает, пришлось бы откланиваться... И вводить в действие свой совсем уже авантюрный план.

Расчет у них с Антоном был на то, что сама Сильвия тоже находится в критическом положении и не захочет обрывать чуть ли не последнюю нить, связывающую ее с «родиной». Потому что указанный сэр являлся, подобно Ирине, агентом-координатором по Южному полушарию и, как догадывался Шульгин, каким-то образом был выведен из игры самим Антоном или его людьми. Кстати, он, то есть Антон, так и не признался, имеет ли он такую же сеть агентуры, как агтры, или работает в одиночку. Возможно даже, что сэр Говард был устранен специально, чтобы создать Шульгину условия для контакта.

По существовавшим у агтров правилам никто из агентов не имел права по собственной инициативе связываться с главным резидентом, а уж тем более выводить на него землянина. Ирина, к примеру, даже Новикову ни разу не сказала ничего проливающего свет на структуру своей организации и систему подчиненности в ней.

Лицо Сильвии на миг отразило тень происшедшей в ней душевной борьбы. Заметив это, Шульгин удивил-

ся. Вроде бы разведчики ее уровня должны лучше владеть собой.

Приняв наконец какое-то решение, агтрианка сделала приглашающий жест и пошла в глубь дома, предоставив Шульгину следовать за собой и любоваться ее отработанной на паркетах салонов походкой.

В холле, выходящем сплошь застекленной стеной во внутренний дворик, украшенный скульптурами, фонтаном и разнообразной растительностью, она указала на пухлые, словно надутые воздухом, темно-зеленые кожаные кресла.

«Не повезло Ирине, — подумал Шульгин, — в капстранах вон как агентов устраивают, а у нашей — то общежитие, то двухкомнатная в старом фонде...»

— По-моему, я встречалась с сэром Говардом. Только не в Веллингтоне, а, кажется, в Нью-Йорке. И довольно давно. Я не совсем понимаю, чем смогу вам помочь, но раз уж вы пришли... Наверное, у вас действительно есть на то веские причины.

Шульгин с чувством облегчения вытянулся в кресле. Самое главное сделано — она не выгнала его с порога.

Садясь напротив, Сильвия попыталась натянуть пониже свое, условно говоря, платье. И этот жест, долженствующий изобразить как бы скромность, на самом деле лишь привлек дополнительное внимание, поскольку заставил задуматься, а колготки у нее там или просто очень длинные чулки? Ничего другого ее свитер скрыть все равно не мог. Да и скрывать такую красоту не стоит, подумал судорожно сглотнувший слюну Сашка.

Сильвия считала так же. Поэтому ограничилась тем, что плотно сдвинула колени. Потом поправила зачесанную назад и направо прядь темно-русых волос, сплела на колене тонкие пальцы с двумя изысканными перстнями явно старинной работы.

— Так я вас слушаю...

Судя по большой настольной пепельнице, курить здесь разрешалось, и Шульгин, достав золотой, очень

похожий на тот, что был у Ирины, портсигар, вопросительно взглянул на собеседницу.

— Да, пожалуйста, — и когда он взял сигарету, протянула руку.

— Вы позволите взглянуть? Довольно красивая вещь...

Одного прикосновения ей было достаточно, чтобы потерять к этой имитации интерес. Впрочем, портсигар и был сделан так, чтобы только отдаленно напоминать оригинал, отнюдь не создавая впечатления сознательной подделки. Однако желаемый эффект был достигнут.

— Откуда это у вас? Я уже видела точно такой же... У одного знакомого.

— Может быть, как раз у Говарда? Он с ним никогда не расставался. Мне понравилось, знаете, такой элегантный штрих... Увидел в Каире похожий и купил.

— Вы с ним были достаточно близки?

Шульгин усмехнулся.

— Вопрос звучит несколько двусмысленно. Боюсь, что придется ответить — нет. В любом смысле. Мы были всего лишь достаточно хорошо знакомы. Признаюсь — во многом я брал с него пример. Я люблю викторианскую Англию, а он как раз был словно ее живым воплощением, причем ему удавалось при этом не выглядеть анахронизмом. Иногда я выполнял кое-какие его просьбы. И он мне тоже помогал при случае. Незадолго до своей смерти он выглядел встревоженным, словно его постоянно терзали мрачные мысли и предчувствия. Я кое-что подозревал, не скрою. Род его занятий наводил подчас на странные мысли... А за неделю, кажется, до смерти он назвал мне ваше имя, адрес и попросил сообщить вам, если с ним случится нечто... неожиданное. И, если мне потребуется, я могу рассчитывать на вашу помощь...

— Как он умер? — резко спросила Сильвия.

— Автомобильная катастрофа. Довольно нелепо, но даже в Новой Зеландии такие вещи иногда случаются.

Его «Роллс-Ройс» — они любил выезжать на «Роллс-Ройсе» — потерял управление и столкнулся со встречным трейлером. Погибли и он, и его шофер.

— Когда это случилось?

— Скоро будет месяц. 17 июля. Завещания он не оставил. Похоронен в Веллингтоне. Координаты могилы у меня есть...

Сильвия с минуту сидела молча, перебирая сплетенными в замок пальцами.

«Даже не пыгается остаться в образе... — подумал Шульгин. — Только что ведь говорила, что едва помнит этого Говарда...»

— Ну что же, — словно отвечая на его мысль, сказала женщина. — Не буду скрывать, сэр Говард был моим хорошим другом, хотя мы с ним довольно давно не встречались. Я огорчена этой нелепой смертью и, надеюсь, вы понимаете, хотела бы услышать о его последних днях как можно больше. Не скрывайте — он говорил вам обо мне что-нибудь, кроме имени и адреса?

Шульгин подавил в себе желание блеснуть информированностью и подать кое-что известное от Антона как слова покойника, но благоразумно сдержался.

— Сожалею, но не могу удовлетворить ваш вполне понятный интерес. Ничего, кроме уже сказанного, я от него не слышал. Но... упоминая вас, он говорил с большим... как бы это лучше назвать — уважением или, может быть, даже почтением. В любом случае я понял, что он был более чем прав. Мы с вами знакомы едва полчаса, а я уже готов благодарить судьбу, что позволила мне увидеть вас. Пусть и по такому... печальному поводу. Впрочем, что мы знаем о судьбе и используемых ею методах?

После многозначительного пассажа Шульгин слегка пригорюнился, не прекращая, впрочем, деликатно скользить глазами по ее ногам, от щиколоток до обреза платья и обратно. В глаза же смотреть избегал.

— Выпьете что-нибудь? — спросила Сильвия, прерывая паузу.

Умение использовать паузы для воздействия на партнера Шульгин перенял у Новикова и значительно усовершенствовал применительно к собственному характеру и манерам.

— С удовольствием. У меня был трудный день...

Присутствия слуг в доме не ощущалось. Может, вообще, а может, именно сейчас, и Сильвия сама прикатила столик с напитками и символической закуской.

Подумав, Шульгин выбрал «Джонни Уокер», причем словно невзначай плеснул виски больше чем полстакана. Огорчился, чуть ли не попытался вылить его обратно, потом, как бы смирившись с неизбежным, добавил содовой и добавлял так аккуратнo, что сохранил благородный напиток в почти исходной концентрации. Сильвия ограничилась небольшой порцией розового джина.

— Так чем же ваш день был так труден? — спросила она, когда Шульгин сделал два хороших глотка. Его манипуляции она, конечно, заметила, только вот какие выводы сделала? Он хотел, чтобы она увидела в нем человека деликатного, застенчивого, сильно нервничающего, нуждающегося в разрядке, но беспокоящегося, как бы его не сочли алкоголиком.

— Можно откровенно? Я опасался, что смерть сэра Говарда действительно не случайна, что за мной могли следить и по дороге к вашему дому меня ждет ловушка...

— Вот даже как? Интересно. И что же заставило вас так думать?

Шульгин совсем засмутился. Он покусывал губу, вздыхал, не зная, как подойти к столь щекотливому предмету.

— Да вы не стесняйтесь, — подбодрила его Сильвия. — Говорите прямо. Или, если вам будет проще, — расскажите сначала о себе. Как вы познакомились, что вас объединяло, о чем беседовали и о всех своих... подозрениях тоже. Тогда нам легче будет разобраться и во всем остальном.

Шульгин посмотрел на нее с сомнением. Впервые —

прямо в глаза. И на мгновение позволил своему взгляду стать достаточно жестким. Мол, не такой уж я простак, дорогая, и еще неизвестно, стоит ли тебе говорить всю правду. Гарантии-то где, что тебе самой можно полностью доверять?

У них с Антоном была разработана достаточно подробная легенда, базирующаяся на подлинных фактах жизни и деятельности означенного мистера Грина, в меру достоверная и в то же время не настолько конкретная, чтобы дать возможность поймать себя на противоречиях и деталях. Правда, здесь Шульгину пришлось полностью положиться на Антона, сам он, разумеется, не располагал не только информацией о делах сэра Говарда и ему подобных, но и о реальной жизни западного человека вообще. За исключением того, что можно увидеть в кино или прочесть в переводных романах. Впрочем, навыки и формы поведения своего прототипа Шульгин получил вместе со знанием языка, а на умение Антона моделировать личности можно было рассчитывать, имея в виду хотя бы создание фантома Наташи.

Итак, согласившись с предложением Сильвии, Шульгин достаточно сжато обрисовал картину своих деловых и личных отношений с Грином, начиная от случайного знакомства в Сиднее и до его печального конца. Эти полтора года включали в себя встречи за карточным столом и на поле для гольфа, обеды и ужины в клубе, а также ряд совместных деловых мероприятий, принесших Шульгину, то есть Ричарду Мэллони, не только чувство удовлетворения от приобщения к новой привлекательной жизни, но и ощутимый финансовый успех.

Но как раз эту сторону их взаимоотношений Шульгин постарался изложить наименее внятно, и только после настоятельных, с нажимом расспросов Сильвии ему пришлось признать, что занимались они делами, чересчур глубоко вторгавшимися в сферу не только налогового и гражданского, но подчас и уголовного права. Еще более резко поставив вопрос, Сильвия узнала на-

конец, что, по мнению мистера Мэллони, занимался сэр Говард в основном шантажом, противозаконным лоббизмом, контрабандой оружия и наркотиками...

Когда слово было произнесено, Сильвия не только не ужаснулась, а даже повеселела.

— Что ж, как бы там ни было, сэр Говард в полной мере искупил свою вину, если она действительно была, а мертвый человек не подсуден никому, кроме Господа... А вот лично вы в чем увидели для себя опасность, раз так поспешно покинули страну и, «рискуя оказаться в ловушке», появились здесь?

— Я же сказал, что почувствовал вокруг себя не слишком приятную атмосферу, стал замечать каких-то подозрительных людей, изменение отношения со стороны лиц, ранее вполне лояльных, с которыми имел деловые контакты. Это трудно объяснить тому, кто сам не попадал в похожую ситуацию, но знающий поймет и без слов.

— Так, допустим. Вам показалось, что лица, устранившие Говарда, обратили внимание на вас. Зачем, как вы считаете?

— Но это же очевидно. Многим известно, что я был его... ну, не доверенным лицом в полном смысле, а достаточно близким сотрудником. Если произошло нечто, повлекшее ликвидацию патрона, то по отношению к себе я мог ждать двух исходов — или некие силы сочтут меня также достойным устранения, или...

— Что — «или»? — подалась вперед Сильвия, фиксируя взгляд на переносице Шульгина.

— Или я попал в поле зрения полиции, которой стало известно о роде нашей деятельности...

Сильвия с видимым облегчением откинулась в кресле. Очевидно, она ожидала услышать нечто иное, гораздо более неприятное для себя.

— Даже если так... При чем тут я и для чего вы здесь?

— Раз у нас пошел столь откровенный разговор, не буду скрывать, меня привела к вам забота о собствен-

ной безопасности... и дальнейшей жизни, скажем так. Замечу, сэр Говард вполне определенно дал мне понять, что с вашей стороны я могу рассчитывать на помощь. Думаю, я сделал для вас, — он подчеркнул последнее слово, — достаточно, чтобы ждать достойной компенсации за прошлое, помощи в настоящем и надеяться на спокойное будущее.

Сильвия рассмеялась, на взгляд Шульгина, слишком резко для элегантной женщины. Он вообще с какого-то момента их разговора начал подмечать в ней черточки, портящие первоначальное впечатление.

Если Ирина (он невольно постоянно их сравнивал как представительниц одной расы и профессии) в любой обстановке выглядела неизменно женственной, ровно благожелательной, покоряла своим тонким шармом, то Сильвия чем дальше, тем больше напоминала ему пресловутую премьершу Тэтчер. И вдобавок его нервировала направленность разговора. Он никак не мог перехватить инициативу и подойти к моменту, когда следовало использовать первую из домашних заготовок дебюта. Продолжая шахматные аналогии, он оказался в положении гроссмейстера, противник которого достаточно дурацкими ходами уклоняется от общепринятых у специалистов розыгрышей и создает на доске утомительно-бессмысленную ситуацию. Поскольку никак не удается понять: то ли партнер дилетант и от растерянности двигает фигуры просто так, то ли имеет чересчур хитрый и далеко идущий замысел.

— Неужели вы вообразили меня этакой «крестной матерью» международного преступного синдиката, которая вдобавок обязана заботиться о будущем каждого... — Она едва не произнесла ожидаемое Шульгиным слово, но, вздохнув, закончила нейтрально: — Каждый, кому вздумается этого потребовать...

Вот тут она все же подставилась. И Шульгин с простодушной, почти естественной улыбкой произнес, предварительно плеснув себе еще виски и закурив новую сигарету:

— Ну зачем же вы так? Я ничего подобного не говорил. А вот Говард, очевидно, предусмотрев в случае нашей встречи подобную недоверчивость, попросил меня сказать вам вот что... — И он медленно, как говорят заученное, но непонятное, произнес фразу на агтрианском, которая, по словам Антона, должна была прозвучать паролем.

И ожидаемого эффекта достиг. С минуту Сильвия смотрела на него молча, только еще туже сплела пальцы на колене. А левое веко у нее чуть заметно задергалось.

Когда Шульгин спросил у Антона, что эта фраза значит, тот ответил:

— А зачем тебе знать? Твой Ричард же не знает. Вдруг ты сказал «Немедленно убей этого человека»? Или нечто похожее. Ты должен испытывать неуверенность, может, даже страх, и надежду в то же время. Сыграть будет трудно, а так само собой получится.

И хотя страха Шульгин не испытывал, поскольку не допускал, что Антон решил от него избавиться столь сложным способом, все остальные чувства присутствовали.

Взяв себя в руки, Сильвия сказала с облегчением:

— Да, пожалуй, это меняет дело. Вы знаете язык, на котором сейчас говорили?

— Понятия не имею. Отдаленно напоминает маорийский. По звучанию.

— Хорошо. Сэр Говард... уже, можно сказать, оттуда, — Сильвия на мгновение подняла глаза вверх, — передал, что вам действительно можно доверять и вы можете быть полезны. Из уважения к его памяти я вам помогу. Что вы хотите?

— Вы, наверное, удивитесь, но — покоя. Я бы хотел иметь возможность скрыться туда, где меня никто не найдет, и при этом вести вполне обеспеченную жизнь.

— И не иметь дело со мной и мне подобными? — с милой улыбкой осведомилась Сильвия.

— Как раз с вами я был бы рад иметь дело... но только с вами. Сознывая, насколько это маловероятно,

я готов ограничиться реально достижимым. Например, сумму в пять миллионов вы сочли бы разумной?

— Миллионов долларов? — без удивления, просто уточняя, спросила она.

— Я патриот своей исторической родины и предпочел бы фунты.

— Еще один вопрос — почему такая конкретная сумма?

— Нет ничего проще. Я примерно определил срок своей жизни в семьдесят пять лет, суммировал свой заработок и пенсию за оставшиеся мне годы и ввел коэффициент, учитывающий моральный ущерб, темпы возможной инфляции и то, что мне остался должен сэръ Говард. Сумма вышла даже чуть больше, но я не скряга. Пять миллионов достаточно...

Сильвия снова рассмеялась. И смеялась довольно долго. Перестав, поднялась с кресла, тем же заученным жестом вновь одернула платье, подошла к окну. Стала так, что свет закатного солнца, проходя сквозь петли вязки, отчетливо обрисовал фигуру и оживил у Шульгина слегка угасший во время трудной беседы интерес к ее телу.

— Вы знаете, наверное, это можно устроить. Только мне надо кое с кем посоветоваться. Честно говоря, жаль так рано отпускать на покой человека, сумевшего заслужить доверие и расположение Говарда. Если бы вы согласились... Сумма компенсации может значительно возрасти.

— Боюсь показаться неучтивым, но повторю. Если не очень расстрою вас своей настойчивостью и не вызову слишком большого неудовольствия — а неудовольствие со стороны такой женщины, как вы, было бы для меня убийственным (при этом каламбуре губы у Сильвии чуть дрогнули), — я все же предпочел бы ограничиться уже названной суммой... — Шульгин помолчал ровно столько, сколько счел нужным, и добавил совсем другим тоном: — Я действительно смертельно устал.

Сильвия вздохнула сочувственно. И спросила тоже очень мягко, как бы между прочим:

— Да, а вы ведь так и не сказали мне, какова ваша основная профессия.

И Шульгин ответил ей в тон:

— Я был офицером контрразведки.

Вопреки ожиданию, его признание не вызвало никакой видимой реакции. Женщина слегка кивнула головой, принимая информацию к сведению, и предложила, если Ричард не против, поужинать сегодня в обществе ее друзей в одном вполне респектабельном заведении. Шульгин принял предложение с видом человека, которому некуда деваться. Но взятая им на себя роль требовала кое-чего еще. В конце концов его коллега Джеймс Бонд, будучи вполне джентльменом, позволял себе в отношении дам весьма большие вольности. К тому же он вспомнил решительный поступок некоего Разумовского, сделавший его графом и фаворитом императрицы, и положил ладонь на талию аггрианки. Сильвия чуть вздрогнула, как ему показалось, но позы не изменила и даже не повернула головы.

Расстояние от талии до края платья оказалось слишком коротким. Ощувив шершавую фактуру обтягивающего бедро материала (он не знал названия этой ранее не попадавшейся ему синтетики, а может, и натуральной ткани типа тонкого парашютного шелка), Шульгин решил особенно не мешкать, развивая успех, прикоснулся губами к тонко пахнущей цветочными духами шее и продвинул руку вверх по плавному изгибу. Успел убедиться, что надеты на Сильвии все же не колготки, а длинные чулки на резинке. Воображение уже рисовало дальнейшее, но — увы...

Аггрианка небрежным движением руки, словно отстраняя задевшую за платье ветку, убрала ладонь Шульгина с завоеванного им плацдарма и, повернув голову, с прищуром посмотрела из-под изогнутых ресниц.

— Боюсь, что вы торопитесь... Впрочем, я вас не

осуждаю. Пожалуй, женщина, одетая подобным образом, должна ожидать соответствующей реакции.

Она отодвинулась на шаг, не спеша поправила платье, еще раз смерила Шульгина взглядом.

— Я не очень хорошо знаю психологию мужчин. Что, действительно невозможно удержаться?

«Психологию она не знает, стерва! — мысленно возмутился Шульгин. — А какого ж хрена вырядилась?..» — и ответил с виноватой улыбкой:

— Обо всех говорить не буду, а что касается меня... Сами все видите. Я рад, что не обидел вас своим, согласен, несколько дерзким поведением...

— Хорошо, оставим пока эту тему... — Из ее слов следовало, что решительного отказа в своих притязаниях он не получил и в дальнейшем может рассчитывать на большой успех.

...План, разработанный Антоном, начал, кажется, претворяться в жизнь. Он и заключался в том, чтобы настолько заинтриговать Сильвию и, по возможности, добиться ее благосклонности, чтобы в течение отведенного на операцию времени оставаться рядом с ней или в крайнем случае обеспечить новое свидание наедине в момент, когда откроется проход в Замок.

Чтобы пригласить ее туда — в идеале добровольно, но можно и с применением силы. Специфическая форзейлианская этика не позволяла, видите ли, Антону самому применять насилие, даже и к неприятельскому солдату, каковым с точки зрения известных конвенций являлась аггрианка. А вот убедить землянина сделать это, причем опять же добровольно, нравственность ему разрешала.

Шульгин мог бы выполнить боевую задачу прямо сейчас — не затрудняя себя дальнейшими ухищрениями, — Антон снабдил его переходником мгновенного действия, который раньше уже испытал в деле Воронцов, но по некоторым причинам воспользоваться им Шульгин не имел возможности. И, с тоской взглянув на часы, он

подумал, что тянуть волюнку еще целых семнадцать часов. До первого контрольного срока.

Правда, если не совершить грубой ошибки или не вмешаются непредвиденные обстоятельства, это время можно провести с пользой и удовольствием. А за переходником, если все пойдет нормально, можно и отлучиться на часок.

Пока Сильвия готовилась к вечеру, предоставленный самому себе Шульгин принялся бродить по дому, по той его части, которая открыта для посторонних. Скоро он понял, что, вернувшись к нормальной жизни, хотел бы поселиться в таком же. Прежде всего изнутри он был гораздо больше, чем казался с улицы. Т-образной формы, вытянутый в глубину обширного парка, со всех сторон окруженного высоким забором и глухими стенами соседних зданий, этот дом стоял здесь не одно столетие и на протяжении веков не раз достраивался и перестраивался.

Многочисленные коридоры и коридорчики, прямые и винтовые лестницы соединяли холлы, каминные залы, картинную галерею, библиотеку и другие помещения, не имеющие выраженной специализации, в сложный, разветвленный и запутанный лабиринт, создающий уважающему себя англичанину ощущение защищенности, комфорта и связи с теряющейся во временах норманнского вторжения вереницей почтенных предков.

Масса произведений искусства со всех концов некогда великой империи: африканские щиты и копья, индийские сабли, бронзовые и нефритовые статуэтки из Китая, персидские и афганские ковры, причудливые раковины Южных морей. Память о грандиозных сафари колониальных майоров и полковников — головы антилоп, бегемотов и носорогов, шкуры тигров и леопардов на полу и обшитых темным деревом стенах. неподвижный воздух полутемных зашторенных комнат — как сложная композиция парфюмера, составленная из запахов старого дуба, тика, красного и эбенового деревьев, воска, столетиями втираемого в узорный паркет,

индийских курительных палочек, кожи кресел и диванов, переплетов старых книг и, наверное, духов и благовоний тех дам, что шелестели здесь шелками, муслинами и парчой своих туалетов. Как звуковое дополнение — частые перезвоны идущих вразброд, потерявших свое время часов, настенных, каминных и напольных...

Не дом, а миниатюрная копия музея принца Уэльского. У Шульгина сложилось впечатление, что дом Сильвии — не архитектурное сооружение со специально придуманным и оформленным интерьером, а словно бы живой, растущий и развивающийся в пространстве и времени организм. И его помещения — как годовые кольца. Вот здесь, ближе к сердцевине дома, семнадцатый век. В восемнадцатом прибавились эти комнаты, в них и мебель другая, и форма оконных переплетов, к ним примыкает девятнадцатый, викторианский век, а самые близкие к парадному входу комнаты оформлены современно — мебель, картины сюрреалистов, японский музыкальный центр, видеоаппаратура, современные телефоны и россыпь американских журналов на столике в холле.

Переходя из помещения в помещение, Шульгин старался лучше понять характер хозяйки и, к своему удивлению, не замечал ничего, что говорило бы о «низменных» чертах ее натуры. Скорее наоборот. А чего он, собственно, ждал? Надеялся увидеть орудия пыток, расчлененные трупы, садистские фотографии? Смешно... Впрочем, одна деталь привлекла его внимание. В видео-теке непропорционально большое место занимали фильмы мистического и эротического содержания. Может, действительно таким вот образом она взбадривает свое подсознание?

Зато фотографии на стенах наводили на размышления другого рода. Среди персонажей конца прошлого и начала нынешнего века он несколько раз заметил даму, поразительно похожую на хозяйку дома.

Конечно, платья, костюмы, прическа совсем другие, но черты лица, но выражение глаз... Что это? Под-

гонка облика к легенде, имитация принадлежности к древнему аристократическому роду или?.. Если так, то сколько же ей лет? Она что, вроде героини фильма «Секрет ее молодости» в исполнении Гурченко разменивает уже вторую сотню? И никто этого не замечает и не удивляется? Загадка, достойная размышлений. Ну, если Бог даст, и до этого докопаемся, а пока есть проблемы более животрепещущие...

Когда Сильвия закончила сборы, Сашка не нашел слов для комплиментов, а лишь изобразил немое восхищение.

У дверей их уже ждал большой вишневый «Бентли» с шофером, похожим на премьер-министра теневого кабинета.

Смысл ужина, состоявшегося в действительно респектабельном загородном ресторане, скорее похожем на закрытого типа клуб, ускользнул от понимания Шульгина. Если только не сводился к тому, чтобы показать его двум серьезного вида джентльменам. О делах не говорили совсем, если не считать вполне дежурных фраз о приятности знакомства и возможном его продолжении. Зато вдумчиво и со вкусом ели, смаковали чересчур тонкие для Шульгина вина, обсуждали перестановки в правительстве, погоду, проблемы ближневосточной политики, прогнозы на предстоящие дерби и тому подобные малоинтересные Шульгину вещи.

Как о деле почти решенном было вскользь сказано, что если мистер Мэллони решит разместить свои капиталы именно в Соединенном Королевстве, то мистер Кэвин Фарелл (слегка похожий на принца Чарльза господин, сидевший слева) окажет всю необходимую помощь и постарается, чтобы дивиденды были максимальными.

Шульгин горячо поблагодарил и заверил, что именно так он и поступит, особенно если будет что размещать. На что Сильвия ответила гримаской легкого недоумения, а господа сотрапезники восприняли как тонкую шутку.

Очевидно, хозяйка обрисовала его финансовое положение как прекрасное.

Такая нудная ерунда длилась до полуночи, и Сашка вполне уверился, что жизнь британского высшего света до невозможности скучна. Однако принимающая сторона так не считала, и, расставаясь, все горячо благодарили друг друга за прекрасный вечер.

Так и не поняв, справился ли он со своей ролью, Шульгин вслед за Сильвией погрузился в ароматное чрево автомобиля.

— Вас не затруднит завезти меня в какой-нибудь приличный отель? — спросил он, когда машина описала полукруг по Пикадилли.

— А разве вы еще не устроены? — удивилась Сильвия. — Где же ваш багаж?

Сашка беспечно махнул рукой.

— Номер у меня есть. И вещи там же. Только я не хотел бы туда сейчас возвращаться. По известной вам причине. Если я под контролем, то лучше провести ночь в другом месте. Убедившись, что я не пришел, утром наблюдение скорее всего снимут. А там и посмотрим...

— Тогда лучше поедем ко мне. Гостевые комнаты к вашим услугам. И я уверена, что до утра вы будете в безопасности. Не думаю, что кто-нибудь осмелится потревожить того, кто ужинал с сэром Филиппом.

Спорить Шульгин не стал. Ей виднее.

Устроившись в отведенных ему апартаментах, приняв душ, второй раз за день с тщанием побрившись и облачившись в фиолетовый махровый халат, посмотрев по телевизору ночную программу новостей, от которых отвык за время Валгалло-Замкового сидения и которые не сообщили ему ничего принципиально нового (ведь на Земле прошло всего пять дней с момента их бегства), улучшив свое настроение парой рюмок коньяка, поскольку аристократические вина обладали нулевой убойной силой, Шульгин решил заглянуть к хозяйке. Под благовидным предложением.

И увидел ее полусидящей в просторной кровати с дикой, на взгляд простого советского человека, расцветкой постельного белья.

Освещенная изогнувшимся над ее головой торшером, Сильвия перелистывала толстую книгу неуместного для чтения в постели формата. Пеньюар модного в этом сезоне цвета «цикламен» почти не скрывал загорелую грудь. Вмонтированное в прикроватную золоченую тумбочку музыкальное устройство наполняло комнату звуками не то Грига, не то Сибелиуса.

Наблюдая с порога эту великолепно выстроенную мизансцену, Сашка еще успел понять, что сейчас не его игра, что теперь все пойдет так, как придумала она, и вряд ли можно угадать замысел режиссера. Сомнительно, что скучающая дамочка решила просто развлечься с приглянувшимся ей гостем или, наоборот, просто сделать приятное ему. Но соображать, что, как и зачем, у него уже не было ни сил, ни желания. Слишком она была соблазнительна и слишком давно он не видел женщины, кажется, готовой разделить с ним ложе.

Сильвия, будто бы только что заметив застывшего на пороге постороннего мужчину, последовательно изобразила на лице испуг, растерянность, смущение и, наконец, радость. Привстав, положила на тумбочку книгу, улыбнулась ободряюще, даже кивнула и выключила торшер.

Стараясь не потерять во внезапно наступившей темноте направление, Шульгин подошел и присел на край постели, протянул руку, коснулся ее распушенных на ночь волос.

Сильвия молча привлекла его к себе, одной рукой обнимая за шею, другой нетерпеливо потянула с его плеч халат. Отодвигаясь к середине кровати, с неожиданной силой повалила на нее Шульгина.

Сашке приходилось иметь дело с достаточным количеством женщин, но ни одна из них не вела себя так, как эта. С полным безразличием к привычкам и желаниям партнера. Он только собирался приступить к обыч-

ной преамбуле, как понял, что от него здесь ничего не ждут и не намерены потакать всяким глупостям.

Не успев удивиться ее активности и напору, Шульгин оказался в полной власти той, кого весь день собирався соблазнять и покорять. Остатками трезвого сознания он понял, что попал в руки специалистки высшей квалификации, которая знает, чего хочет и как этого добиться. Сам же он в виде самостоятельной личности интересовал ее настолько мало, что можно было вообразить, будто она вообще одна в постели. Под гладкой и нежной кожей Сильвии скрывались невероятной силы мышцы, эта тонкая, гибкая женщина управлялась с Шульгиным, как ковбой с укрощаемым мустангом, то оказываясь сверху и сжимая его бока стальными шенкелями, то меняла позу на противоположную, и в каждый момент ее руки, ноги, движения спины задавали партнеру необходимый темп и ритм, управляли им как предметом вполне неодушевленным, имеющим лишь одну конкретную функцию.

И лишь когда сочла себя полностью удовлетворенной, она позволила наконец и объекту своей страсти принять участие в бурном апофеозе.

Если бы не эти несколько секунд, за которые Сашка пережил нечто абсолютно несравнимое со всем, что могли ему дать все его прежние подруги, он мог бы почувствовать себя униженным, даже, по тюремному выражению, опущенным. Женщина-аристократка обошлась с ним, как толпа уголовников с несчастным пегухом... Но зато финал был феерически великолепен!

Шульгин отвалился на свою сторону постели измученный и потрясенный. Чем-то его ощущения напоминали те, что он испытал, посмотрев впервые в жизни настоящий секс-фильм. Вполне художественный и до невозможности эротический. Открыл то есть совершенно новую грань жизни.

Придя немного в себя и вновь обретя способность мыслить логически, он сообразил, что удивляться особенно нечему. Просто Сильвия, как классный развед-

чик, считает тело таким же оружием, как и многое другое в своем арсенале — деньги, интеллект, связи, инопланетные приспособления и устройства, да и те же пистолеты и яды, если ими вообще пользуется. Поэтому и владеть им обучилась соответственно. А вдобавок, не будучи по духу настоящей землянкой, она свободна от многих предрассудков, мешающих нормальным женщинам в полной мере наслаждаться имеющимися у них возможностями.

Потом они, переведя дух и успокоившись, вполне мило поболтали на подходящие к случаю темы. Слушая Сильвию, нельзя было заметить, что она считает свой стиль чем-то необычным или тем более постыдным. Сашка, чувствуя рядом горячее обнаженное тело, касаясь то тонких пальцев, то тугих, с заостренными бугорками груди, не теряющих формы даже когда она лежала навзничь, слушая ее мягкий и ласковый шепот, постепенно вернул себе должное самоощущение и начал делать то, что собирался с самого начала. И теперь все получилось, как он и мечтал. Сильвия на сей раз оказалась нежной, чуть застенчивой, соскучившейся по мужской ласке женщиной, в меру покорной и тонко чувствующей партнера. Вместе они подходили к самому краю, но вовремя останавливались, приглушая взаимную страсть тихими поцелуями, выбирали позы, позволяющие продлить наслаждение, и, только вдоволь наигравшись, дали полную волю неконтролируемым эмоциям.

Короче, когда она, обессиленная и счастливая, занула наконец в его объятиях, доверчиво прижавшись щекой к Сашкиному плечу, он нашарил на тумбочке замеченную еще при свете пачку легких ментоловых сигарет, покурил, прямо на ковер стряхивая пепел, довольный собой и полный оптимизма. Черт его знает, думал он, очень похоже, что действительно удастся все сделать просто и красиво...

Сейчас почти три, часов до одиннадцати она поспит, а там, за утренним кофе, он и раскроет карты. У нее даже времени опомниться не будет. И все...

Заснул он почти мгновенно, не успев еще раз, теперь уже мысленно, повторить самые пикантные подробности сегодняшней ночи.

Оттого и пробуждение оказалось слишком уж неприятным. По контрасту.

То, что проснулся он совсем в другом месте, Шульгин понял сразу. Даже не открывая глаз. В этом смысле он отличался почти звериным чутьем. К примеру, в поезде с точностью плюс-минус десять километров мог определить, сколько проехал во сне и какая сейчас будет станция. На знакомом, само собой, маршруте.

Осторожно приоткрыв глаза, Сашка окончательно убедился в собственной правоте. Он лежал на узкой кровати в тесном помещении со скошенным, обшитым некрашеными рейками потолком. Сквозь полукруглое окно с радиальным переплетом проникал тусклый, очевидно, предутренний свет. Вначале он подумал, что, возможно, находится в чердачной комнате того же лондонского дома, но, поднявшись и выглянув в окно, увидел неожиданное: с высоты примерно третьего этажа ему открылась заснеженная перспектива горной долины, окруженной сплошным кольцом скальных стен, за которыми сквозь мелкий снегопад различались острокопечные, соединенные зубчатой грядой пики.

— Ни хрена себе хохмочка, — пробормотал Шульгин, отходя от окна. Как-то слишком безвкусно все сделано. Очередной сюжет стандартного боевика — прекрасная соблазнительница, подстроенная ловушка, наркотический сон, пробуждение в темнице... Впрочем, об этом они с ребятами уже говорили. Пристрастие пришельцев к банальным ходам. Да и зачем, в сущности, изобретать что-то свое, когда земляне все для них давно проработали? Причем во всех вариантах, расписав поступки и мысли каждого персонажа. С этой точки зрения вся земная литература — действительно учебник жизни и всеобъемлющая инструкция. Знай выбирай нужное... И значит, чтобы выкрутиться, надо либо тоже изо всех сил вспоминать подходящее и по возмож-

ности неизвестное агграм произведение, либо придумать самому нечто совсем уж оригинальное. И то и другое достаточно трудно. Хорошо еще, что для его отключения и транспортировки применили средство, не оставляющее неприятных и вредных для полета фантазии последствий, а не какой-нибудь эфир или хлороформ. На деревянном, как и все остальное вокруг, стуле Шульгин вместо своего костюма увидел другой, спортивный адидасовский, мечту любого богатого грузина. Слава Богу, что ничего ценного или опасного для легенды в карманах его старого костюма не было. Шульгин порадовался собственной предусмотрительности. Без подстраховки с помощью отеля положение стало бы совсем аховым.

Одевшись и зашнуровав удобные, как раз по размеру кроссовки, Шульгин снова прилег на кровать и приготовился сколь угодно долго ждать неизвестно чего. Впрочем, почему неизвестно? Судя по завязке, его ожидает прежде всего допрос, а затем перевербовка или ликвидация.

Знать бы, на чем он спалился. Совершенно ничего не предвещало столь резкого поворота.

Сказать, чтобы Шульгин пришел в отчаяние, нельзя. Закалку за последние месяцы он получил серьезную. Да и помощи со стороны друзей и Антона он отнюдь не исключал. А в то же время... Если вспомнить все, что Антон говорил об аггровских манерах общения с противником... Но опять же ничего плохого они Новикову с Берестиным не сделали...

Но на чем же она его все-таки поймала? Или, как в известном фильме «Майор Вихрь», сам факт выхода на контакт — уже провал?

Но, может, он зря паникует? Его показали кому следует, сочли подходящим и доставили на секретную базу для дальнейшего прохождения службы. Тоже где-то было. В «Ошибке резидента»? А куда доставили? Что за горная страна за окном? Шульгин остро пожалел, что почти не знает географии и астрономии, не может,

как Воронцов, в пять минут по наклону солнечного пути, фазам Луны, расположению созвездий вычислить координаты. Ему остается только дедукция и полузабытый школьный курс.

Союзом это быть не может, какой дурак потянет пленника из Лондона за «железный занавес»? Если Европа, то скорее всего Альпы. Или Скандинавия. Он не помнил точно, какие там горы и бывает ли снег в августе. А кто сказал, что тут именно август? Может, его и во времени тоже переместили? Да нет, вряд ли. Ирина по крайней мере сама по времени двигаться или не могла, или не хотела, судя по случаю с Берестиным. Значит, примем, что все же август.

Если не Европа, то что? Тибет, север Канады, Кордильеры? Насчет последнего он, пожалуй, уверенности не питал, там все же почти тропики. Разве что на большой высоте, да и август в Южном полушарии что-то вроде нашего февраля... И на чем доставили? Самолетом? Не то — расстояние, пограничный контроль... Внепространственный переход, очевидно. Для Шульгина теперь этот способ передвижения выглядел никак не экзотичнее самолета.

Он снова подошел к окну. Небо затягивали сплошные серые тучи. Даже время и то не угадаешь. А наплевать, к чему забивать голову несущественными деталями! Дождаться появления Сильвии или людей, ею уполномоченных, выслушать, что ему скажут и предложат, и уж потом соображать, как жить дальше. В случае чего уйти он сможет без труда, сколько бы человек его ни охраняли. Разве только здание окружено сплошным электрозабором и линией дотов снаружи...

Было бы куда бежать, вот что важнее.

Слишком долго ему ждать не пришлось. Дверь открылась приблизительно через полчаса. Среднеевропейской внешности парень лет тридцати, сильно загоревший под горным солнцем, провел его, не вступая в разговоры, вниз, на второй этаж, в обставленную как

малоиспользуемый кабинет комнату, выходящую широким окном на тот же самый пейзаж.

Здесь Шульгин увидел Сильвию, но теперь одетую в бело-голубые джинсы, крупной вязки свитер и кожаные сапоги без каблуков, а рядом с ней незнакомого мужчину, похожего в равной степени на латиноамериканца, итальянца или еврея. Толстый носатый, с неухоженной седеющей бородой, но в безукоризненном синем костюме, будто не в затерянной неизвестности находится, а в офисе солидной фирмы.

Конвоир скрылся за дверью, а Шульгин сел в специально для него, похоже, выдвинутое на середину комнаты кресло, закинул ногу за ногу и молча стал ждать дальнейшего.

С несколько, пожалуй, излишним спокойствием. Для нормального человека поведение неестественное. Если не возмущаться, то хоть спросить, что все это значит, стоило бы. А так он вроде признает право хозяев поступать с ним таким именно образом. И странности в случившемся не видит. Но по легенде-то он офицер контрразведки, каких-то пакостей давно ждал и слишком уж пугаться не должен. Удивиться разве что, поскольку от этих вот людей ждал как раз помощи, а не ареста. Но в целом действует в рамках образа.

Первым не выдержал паузы напарник Сильвии. Поморщившись, словно страдая от происходящего, он спросил вялым, негромким голосом:

— Судя по вашему поведению, вы по-прежнему настаиваете на том, что вы Ричард Мэллони? Бросьте, не стоит. Всем все ясно. Назовите, кто вы на самом деле, и будем разговаривать предметно...

Шульгин в первый момент даже не сообразил, что говорит носатый по-русски. Но вовремя опомнился, сделал вид, что вслушивается в звуки незнакомой речи, ответил спокойно:

— Не понимаю, говорите по-английски...

— Желаете продолжать валять дурака? Думаете,

вас надолго хватит? — опять по-русски спросил незнакомец, пожимая плечами.

— Хватит морочить нам головы, — вмешалась Сильвия. Голос у нее был злой. — Мы прекрасно знаем, кто вы на самом деле. И вопрос стоит только так — добровольная готовность к сотрудничеству и полная откровенность или... все известные последствия вашего неразумного упорства.

— Ну, май бьютифул леди, это даже непрофессионально. Вы меня хотите обидеть... У нас так даже с уголовниками не разговаривают давно уже. Кем бы вы меня ни считали, отказываться от собственного имени до того, как мне аргументированно докажут, почему и зачем... «Признавайся, мы и так все знаем...» Даже не смешно. Я вчера рассказал вам все, что хотел и мог, не скрывая даже наиболее деликатных подробностей. Если у вас есть основания сомневаться — поделитесь, возможно, я сумею рассеять ваши подозрения. Не исключено, что вас ввели в заблуждение. Возможно, имеет место хорошо подготовленная провокация наших общих врагов, я об этом тоже говорил. Если бы вы навели справки...

— Не считайте нас идиотами, — резко сказал мужчина. — Как будто мы не понимаем — вы для того и назвались сотрудником секретной службы, чтобы исключить возможность детальной проверки...

— Ну а сэр Говард, хоть он-то существовал в природе, или я его тоже выдумал вместе с паролем?

Ему показалось, что своим вопросом он поставил агтров в тупик. В тщательность разработки легенды Антоном он верил. Но понимал и то, что никакие презумпции и прочие юридические гарантии не помогут, если им решили заняться всерьез. О том, на что они способны, Шульгин знал достаточно. Однако неясным оставалось, каковы их реальные возможности теперь, после исчезновения Метрополии, и в чем смысл происходящего с учетом названного обстоятельства. Это и следовало вы-

яснить, прежде чем к нему начнут применять третью и последующие степени допроса.

— Реальность сэра Говарда мы под вопрос не ставим, — ответила Сильвия, и Шульгин порадовался первой маленькой победе. Противник сам начал отвечать на его вопросы. А будь следователь поквалифицированнее, кулаком бы по столу или сразу в морду: «Молчи, падла, здесь только я спрашиваю!» — Однако это ничего не значит, — продолжала между тем Сильвия. — У вас было время и возможности втереться к нему в доверие...

— Ну, кто к кому втирался — тоже большой вопрос, — огрызнулся Шульгин.

— Хорошо, допустим и это, сэр Говард сам вас нашел. И вы с ним дружно и плодотворно работали. Но как вы объясните вот что...

Сильвия взяла со стола пульт дистанционного управления. Засветился экран большого телевизора в углу.

Мелькнули цветные пятна и искры, изображение стало четким, и Шульгин увидел словно бы кадры из импортного боевика, цветные, сочные, необыкновенно объемные. А на них... На первом плане в белой ветровке Новиков, заложивший руки за спину, кривящий губы в недоброй усмешке. Очень, оказывается, кинематографичный... Позади — он сам стоит, облокотившись о бак мотоцикла. Та самая сцена в московском тупике, когда они оставили в дураках пришедших за Ириной агентов.

Сильвия остановила изображение, прибавила контраста и с увеличением показала лицо Шульгина. Спорить с таким доказательством было трудно. Хотя...

— Ну и что? — изобразил он недоумение. — Определенное сходство есть, и не более. Этот человек, по моему, несколько моложе, да и на мотоциклах я не езжу. Не говоря о том, что такого рода оперативная съемка вообще не документ...

— Судебную процедуру никто с вами соблюдать не собирается, — отрезал толстяк. — Мы и так слишком долго проявляем nepозволительную сдержанность. Если бы в данный момент, — он ткнул пальцем в экран, —

агенты действовали по инструкции, мы избежали бы многих неприятностей. А если вам потребуется абсолютное доказательство, то через полчаса компьютер подтвердит вашу полную идентичность с этим... персонажем.

— Пожалуй, это было бы нелишним, — врасстяжку, с усмешечкой ответил Сашка. Сама его усмешка, уж такая не английская, могла быть достаточным доказательством. Только... «Они ведь сами еще не знают точно, я это или нет», — сообразил Шульгин. Отчего продолжил с напором: — Нелишним... Потому что кто ж его знает... Бывают очень странные совпадения. Известны случаи, когда даже расстреливали по ошибке. У Жюля Верна в одном романе преступники-близнецы действуют. Один грабил, другой алиби обеспечивал. А еще артисты загримированные. Да и кстати, раз вы меня как-то с данным человеком ассоциируете, какой именно криминал ему вменен? Интересно было бы знать, а то, может, мне выгоднее его дело на себя принять, чем при своем оставаться? Так уж будьте любезны... И еще вот что мне в голову пришло — где и когда изображенное здесь происходило? Уверен, что представлю вам полное алиби, поскольку знаю, что снят не я...

Он валял дурака, надеясь вывести противника из равновесия, чтобы в дальнейшем как-то это использовать, но на самом деле понимал, что раз его опознали, то речь пойдет об Ирине, о Валгалле, обо всех неприятностях, что они успели агтрам причинить, если, конечно, проигрыш галактической войны можно назвать «неприятностью».

И тут же до него дошла наконец простая мысль. Удивительно, что только сейчас. С момента съемки в Москве прошло меньше недели, а последний бой на базе агтров состоялся, может быть, только вчера, и, оставаясь здесь, знает ли вообще Сильвия со своими приспешниками, что там случилось? После взрыва информационной бомбы агтры исчезли из текущей реальности,

никаких сигналов от них прийти сюда не могло в принципе. Значит, для Сильвии тот мелкий, почти забытый эпизод — событие совсем свежее, охота на Ирину все еще в разгаре!

Чудны дела твои, Господи... Ну ладно, пусть спрашивают. Еще кое-какие доводы в запасе у него есть. Ультима рацию реи...¹

Однако спросили его совсем не о том, о чем он думал (Шульгин ведь не знал о дипломатической встрече Антона и Сильвии).

Сильвия прокрутила запись немного вперед, прибавила звук, и в комнате отчетливо прозвучали слова Новикова: «У нас есть свои интересы в этом мире, у вас тоже, вот и подумаем вместе».

— Вот что нас интересует. В каком смысле произнесена последняя фраза? Означает ли она вашу связь с так называемыми форзейлями, или следует считать вас представителями некой третьей силы? И если да, то какой именно?

Шульгин с трудом удержался, чтобы не выдать своего изумления и даже, пожалуй, восхищения. Надо же, как четко тогда Андрей выдал!

До сих пор понять не могут и вообразили, что они с Андреем еще каких-то третьих пришельцев изображают. Здесь можно еще ого-го как попридуриваться!

Он ведь ни сном ни духом не ведал о «Ставангерском пакте» форзейля и агтрианки, о том, что Сильвия передала куда следует наводку Антона, где искать обидчиков, и что других контактов со своим руководством она больше не имела. Но зато понял, что сейчас Сильвия считает, будто зверь пришел на ловца, что, сделав свое дело в Москве, таинственные соперники прибыли и в Лондон. По ее душу...

Зато сообразить, как следует вести себя в таком варианте, Шульгин явно не успевал. И решил пока продол-

¹ Последний довод королей (*лат.*). Имеется в виду использование вооруженной силы (*примеч. авт.*).

жать по-старому. А там видно будет. Но Антон!.. Какая же, в самом деле, сволочь! Как же он такого-то не предусмотрел? Если бы Шульгин знал, что форзейль действительно упустил из виду наличие на заднем плане неизвестной ему видеозаписи Сашкиной личности, он повторил бы вслед за Талейраном: «Это хуже, чем преступление, это ошибка!»

— Ничем не могу помочь. Прежде всего я не понял, что сказал человек в шлеме. Какой-то славянский язык, по-моему? Соответственно туманным для меня остается и смысл вашего вопроса. Переведите, если не затруднит...

— Жаль, искренне жаль. Проще было принять мое предложение. К взаимной пользе. Не исключено, что у нас нашлись бы очень перспективные точки соприкосновения. Значит, поступим так. Раз вы не кто иной, как офицер новозеландской разведки Ричард Мэллони, настаиваете на данной версии, не можете привести никаких доводов, позволяющих считать вас лицом экстерриториальным или пользующимся иными правовыми льготами, мы решили дать вам время подумать. Через какой-то срок мы встретимся и продолжим беседу. Думаю, у вас не будет оснований жаловаться на плохое обращение. Если вам покажется, что время нашей разлуки несколько затянулось, не огорчайтесь. Постарайтесь скоротать его с пользой...

Тут Шульгина подвела семантика. Он понял последнюю фразу слишком буквально. И обрадовался. Именно этого он и хотел. Если ему дадут на размышление хотя бы полсутки, а лучше сутки, он обязательно что-нибудь придумает. А то ведь от Антонова плана одни лохмотья остались. И в крайнем случае, когда истечет положенное время, Антон его обязательно выдернет, остаться здесь хронофизика не позволит. Хотя... Шульгин испытал легкое беспокойство — сможет ли Антон здесь его найти или при закрытии «прямого канала» его ждет... Аннигиляция, к примеру?

Его отвели в прежнюю комнату и оставили одного.

По пути он постарался запомнить в деталях планировку той части дома, где проходил. Вплоть до числа ступенек. Вдруг придется маневрировать в темноте. И прикинул, где и сколько может помещаться охранников и тайных постов. Пока что все выглядело не слишком серьезно.

Минута работы...

С полчаса он осматривал через окно окрестности, изучал местность, соображал, какое, в случае чего, выбрать направление. Знать бы, насколько далеко его узилище от населенных мест, проходимы ли горы, есть ли поблизости дороги и тому подобное. Стоит ли вообще ориентироваться на побег, или найдется более изящное решение?

Закончив рекогносцировку, он, не раздеваясь, прилег на кровать, заложил руки за голову и стал ждать обеда. По времени — в самый раз. И еще решил потребовать книг, газет, телевизор или радио, наконец. Такой минимум развлечений должен входить в цивилизованные представления о нормах обращения с военнопленными.

Но получилось все несколько иначе.

От нервной перегрузки Сашка решил избавиться оптимальным способом — прикрыл глаза и вернулся к подробностям минувшей ночи.

Занятие само по себе возбуждающее, потому что припомнились такие детали... И где только нахваталась рафинированная англичанка подобных изысков? Не иначе как в гонконгских или бангкокских притонах, по примеру небезызвестной Эммануэль. Той, которую играла Сильвия Кристель. Серия с Гемзер нравилась Сашке гораздо меньше.

Но постепенно соблазнительные сцены перед его внутренним взором начали расплываться, терять конкретность и связность. Уже в полудреме Шульгин повернулся на бок, накинул на ноги край одеяла и плавно погрузился в крепкий сон человека с железными нервами и чистой совестью.

... Проснулся он от страха. Привычного уже, нудного, тошнотворного, который не оставлял его много месяцев. Иногда страх немного отступал, заслонялся суматохой неотложных дел, но никогда не проходил совсем. Постоянное сосущее чувство под ложечкой, глухая ноющая боль в сердце стали его неразлучными спутниками, и еще ему непрерывно хотелось спать. Не то чтобы он не высыпался, в сон ему хотелось спрятаться как в берлогу. Лечь, укрыться с головой и хоть на час-другой забыться, уйти от ставшей невыносимой жизни.

Немного помогала водка, но он избегал ее пить, зная, что вряд ли сможет остановиться после первых, приносящих облегчение рюмок, начнет ежевечерне напиваться до беспамятства. Правда, чем такой путь хуже любого другого, он не совсем понимал...

А ведь, несмотря ни на что, нужно было каждый день к десяти ноль-ноль приезжать в наркомат, вести совещания, сидеть в президиумах, делать доклады в Совнарком и всегда быть готовым ответить на любой звонок по кремлевской вертушке. И сохранять подобающее должности суровое, строгое, но и доброжелательное выражение лица, уметь вовремя пошутить и вовремя проявить партийную принципиальность, в общем, жить так, как давно привык и как жили все люди его окружения.

Но каждую ночь, возвращаясь домой, он сбрасывал дневную маску и превращался в испуганного, нервного и желчно-раздражительного мужа и отца, поглощенного одной-единственной мыслью — как-нибудь дожить до следующего утра, и обливающегося холодным потом при звуках каждого въезжающего во двор автомобиля.

Шульгин открыл глаза и с недоумением осмотрелся. Он сидел за письменным столом в незнакомом большом кабинете, круг света из-под глухого черного колпака лампы освещал разложенные бумаги, пучок цветных карандашей в латунной снарядной гильзе, раскрытую пачку папирос и стакан недопитого чая в серебряном тяжелом подстаканнике.

Еще он увидел лежащие на столе руки — крупные кисти, покрытые рыжеватыми волосами и россыпью веснушек, большие золотые часы на левом запястье, обшлага серой коверкотовой гимнастерки... Потом он понял, что руки эти принадлежат ему, и он, очевидно, только что спал, уронив голову на локтевой сгиб.

Он помнил все, что было с ним, вплоть до того, как задремал в своей комнате-камере на вилле Сильвии, и в то же время знал все, что относилось к человеку, в чьем теле он внезапно очнулся.

Если бы не подробные рассказы Берестина и Новикова об ощущениях, сопровождающих перенос психоматрицы в чужое тело, реакция Шульгина могла быть куда более острой. Сейчас же он, даже не вставая из-за стола, а только приняв более удобную позу, начал осваиваться в своем новом воплощении. Первым делом еще раз проверил, насколько полно сохранилась его собственная личность. Память, рефлексy, черты характера, быстрота реакции — все оставалось при нем, как специалист он установил это легко. Новое тело слушалось его безукоризненно.

Затем он прошелся по личности реципиента. И почти сразу же ему стал ясен замысел аггров. Этот человек, нарком одной из ведущих отраслей промышленности, по всем советским меркам — счастливчик, баловень судьбы, сделавший блестящую карьеру, недавно награжденный орденом Ленина и обласканный доброжелательным вниманием Хозяина, уже почти год ежедневно ждал ареста. Потому что за окном подходил к концу пресловутый тридцать седьмой и в отличие от более наивных людей нарком все понимал правильно. Обладая точным инженерным мышлением, он за время, прошедшее после февральско-мартовского Пленума, вычислил систему и логику происходящего и не обольщался насчет своей судьбы. Единственного защитника — Серго — на свете уже не было, прочие же стопчут с уханьем и свистом, был бы лишь намек. Правда, иногда ему очень хотелось, и он заставлял себя думать так, как думало боль-

шинство: что он ни в чем не виновен и очень нужен, делает важнейшее дело, известен с самой лучшей стороны товарищу Сталину, не зря же орден ему дали уже после того, как исчезли сотни и тысячи других, а значит — он признан заслуживающим доверия. Но почти сразу же трезвый внутренний голос подсказывал, что то же самое мог про себя сказать и, наверное, говорил каждый посаженный и расстрелянный. Он готов был обратиться к Господу с мольбой: «Да минет меня чаша сия!», и тут же с горькой усмешкой вспоминал, что она не помогла даже Христу.

Единственный, кому он по-настоящему завидовал, был капитан Бадигин, сидящий сейчас в каюте вмержшего в полярные льды «Седова» и передающий оттуда изредка короткие бодрые радиogramмы. Уж он-то, по крайней мере до следующего лета, может не бояться ничего, кроме внезапного сжатия льдов...

А наркому приходилось трепетать каждую ночь, обмирая от гула автомобильных моторов, лязга лифтовых дверей, шагов на лестнице и уж, конечно, при виде казенных печатей на дверях квартир их огромного дома. А также и от любого внепланового звонка «оттуда», по которому требовалось давать санкции на арест себе подобных, но сидящих чуть ниже по служебной лестнице.

Приведя в порядок мысли и чувства наркома, Шульгин предположил, что, раз его всунули в тело этого человека столь внезапно, без предупреждений и инструктажа, цель у Сильвии могла быть только одна. Устрашение. Дать понять наглому существу, кем бы оно ни было, человеком или инопланетным конкурентом, что он в полной ее власти. А если действительно ждет сегодня наркома арест, то поучить его чужими руками. Бить, допрашивать, гноить в камере и ставить к стенке энкавэдэшники будут наркома, а чувствовать все это придется Шульгину. Остроумно, ничего не скажешь. И не нужно иметь своих палачей, свои камеры пыток, пачкать руки и совесть, если у аггров вообще существует такая нравственная категория.

И арестовать его должны именно сегодня, вряд ли имеет смысл заставлять Шульгина ждать слишком долго...

За спиной скрипнула дверь. Шульгин обернулся. На пороге стояла женщина неопределенного возраста, но все же, на взгляд Шульгина, ближе к тридцати, чем к сорока, в длинной ночной рубашке и наброшенном поверх халате.

«Жена, Зоя», — тут же вспомнил он, и не только имя, а и вообще все к ней относящееся.

— Ты почему не ложишься, второй час уже... — спросила Зоя, и не потому, что на самом деле хотела узнать причину, а так, по привычке, в виде ритуала.

— Не видишь разве, работаю. Завтра коллегия... — ответил нарком без всякого участия Шульгина. — Иди спи, мешаешь...

Женщина хотела еще что-то сказать, шевельнула губами, но в последний момент передумала, махнула рукой и тихо прикрыла дверь.

На Шульгина нахлынула волна противоречивых чувств, чужих не только потому, что принадлежали они наркому, а вообще чужих, несовместимых с его обычным психотипом. Тут были и жалость к жене, и раздражение на нее, и желание догнать, излить наконец душу в надежде на поддержку и сочувствие, и страх сделать это, чтобы не дать оснований подумать, что, раз боится — значит, чувствует за собой что-то... И еще была почти ненависть — при мысли о том, что Зоя, быть может, очень скоро станет отрекаться от него, врага народа, и на каком-нибудь собрании клеймить позором... О том, что жену скорее всего арестуют вместе с ним или чуть позже, он в своем смятенном состоянии даже не подумал...

«А почему бы тебе не плюнуть на все и не сбежать? Союз большой, где-нибудь в тайге запросто затеряться можно, а там и через границу? — спросил он владельца тела и сам же ответил: — Да куда ему! Тут совсем другой характер нужен. Вот я бы мог... А если и вправду —

прямо сейчас? Деньги есть, переодеться, вызвать машину, ехать на дачу, водителя отпустить, велеть приехать завтра, изобразить несчастный случай на рыбалке — и привет! А самому товарняками на Хабаровск, есть там кое-кто... Шаману Забелину сейчас лет тридцать... Поможет уйти на ту сторону... Никакой Карацупа не догонит...»

Шульгин закурил хозяйскую папиросу. Все это имело смысл, но если бы ему на самом деле здесь оставаться. А аггры наверняка заберут его обратно, им же нужно просто припугнуть на первый случай. Ну и пусть — это может оказаться даже интересным — застенки Лубянки, новые впечатления и все такое...

И нарком впервые за много дней под воздействием доминирующей личности успокоился. В физиологическом смысле — прекратились постоянные выбросы в кровь адреналина, замедлился пульс, свободным и ровным стало дыхание. Шульгин вышел в ванную, стал рассматривать в зеркале свое новое тело. Крупный мужик, нестарый еще, сорок два года. Лицо, конечно, рыхловатое, чуть обрюзглое, с начальственными складками у носа и рта. Полувоенная гимнастерка, слева на груди орден и депутатский значок. Плечи широкие, пуза нет... Шульгин нагнулся, достал из-под ванны оставшийся после ремонта кусок дюймовой водопроводной трубы, примерился и почти без усилия согнул под прямым углом. «Так чего же ты мандражишь, братец? С твоими мышцами и моей подготовкой...»

Вдруг сильно захотелось есть, и Шульгин направился на кухню, где шкафы и последняя новинка — электрический ледник — ломались от деликатесов. Ассортимент кремлевского пайка — как в дореволюционном Елисейском, одна беда — с аппетитом у наркома давно уже неважно, все больше на бутербродах да на крепком чае перебивался. «Ну и ничего, мы ему сейчас поможем и водочки, натурально, употребим, чтоб секрецию улучшить...»

Но не пришлось Шульгину полакомиться господ-

скими деликатесами, еженедельно привозимыми со специальной охраной в опломбированном контейнере, и довоенной «Столичной» не успел он попробовать.

То, чего так долго ждал нарком, наконец случилось.

В другом конце длинного, как пульмановский вагон, коридора в обширной прихожей грубо и требовательно загремел дверной звонок.

Не успела еще перепуганная жена выглянуть из спальни, не проснулись дети, а Шульгин, отнюдь не помертвевший от последнего на свободе ужаса, а благодушно улыбающийся, открыл добротную двойную дверь. В квартиру ввалились два сержанта НКВД в форме, еще один человек в штатском, но настолько типичного облика, что сомневаться в его принадлежности к органам не приходилось, боец конвойных войск с винтовкой, а за ним переминались на площадке постоянные понятия — лифтерша и дежурный электромонтер. Бесмысленно-круглое лицо лифтерши выражало слабое любопытство, а монтеру явно хотелось опохмелиться. На обысках, если в квартире обнаруживалась выпивка, ему обычно перепадало.

— Проходите, товарищи, проходите, будьте как дома... — Шульгин отступил от двери, сделал приглашающий жест, чуть ли не согнулся в поклоне.

Оторопевший от такой встречи чекист протянул ему ордер на обыск.

Скользнув глазами по тексту с подписью самого Вышинского, Шульгин вернул бумагу.

— Не возражаю. Приступайте. А может, сначала чайку? Дело вам предстоит долгое, на улице слякоть, дождь... Попьете — тогда и за работу... Да я и сам покажу все, что вас интересует, чтобы зря не возиться, вы только скажите — что требуется: письма Троцкого, инструкции гестапо, списки сообщников?

Наверняка с подобным эти злые демоны московских ночей еще не сталкивались.

— Вы что, гражданин, пьяны, что ли? Не понимаете, в чем дело?

— Отчего же? Прекрасно понимаю. А выпить не успел, вы же и помешали. Дурацкая, между прочим, привычка в вашем ведомстве по ночам людей тревожить. Утром куда удобнее, после завтрака. И вам лучше, и нам... Да вы заходите, заходите, — обратился он к понятным, — не стесняйтесь, присаживайтесь, до вас не скоро очередь дойдет.

Из спальни наконец появилась жена.

— Это что, Гриша? — прошептала она, хотя прекрасно все поняла.

— Не тревожься, Зоя, товарищи ко мне. Иди пока оденься да чайку согрей...

— Товарищ лейтенант, может, «санитарку» вызвать, он вроде того! — попробовал подсказать начальнику выход из положения один из сержантов.

— Все они того. На каждого врачей не хватит. А если что — в тюрьме разберутся. Петренко, стой у двери. Понятые, садитесь здесь, ждите. А вы приступайте, — приказал лейтенант подручным.

— С чего планируете начать? — поинтересовался Шульгин. — Я бы советовал с кабинета. Там много книг, бумаги всякие. Пока перетрясете, жена оденется, сготовит на скорую руку. Опять же и мне с собой кое-чего соберет...

— Мы сами знаем, — огрызнулся лейтенант, решив игнорировать небывалого клиента. — Стойте вот тут и не вмешивайтесь.

Однако обыск начал действительно с кабинета. Шульгин прислонился спиной к боковой стенке шкафа, заложив руки за спину. Минут пятнадцать молча наблюдал за чекистами. Сержанты сноровисто, сантиметр за сантиметром, обшаривали комнату. Лица у обоих простые, вроде как рязанские, отнюдь не отмеченные печатью интеллекта. Классов семь образования да какие-нибудь курсы по специальности. Лейтенант, похоже, покультурнее, скорее всего — москвич, десятилетку наверняка окончил, да и чин у него, по их меркам, нема-

ленький, равен армейскому капитану. А в те годы нередко и сержанты райотделами НКВД руководили.

Он сидел сбоку от стола, писал что-то, положив на коленку планшетку.

Сколько, интересно, раз ему приходилось заниматься подобным делом, носителей каких громких имен и званий препроводил на первую ступеньку ведущей в ад лестницы? Мемуары мог бы в старости написать, пожалуй, интересные, только вот старости как раз и не будет. Через годик-другой сам станет объектом подобной процедуры. А может, и без процедуры обойдется. Шульгин не знал, каким образом происходила «смена караула» в НКВД после устранения Ежова и прихода Берии. Может, просто пуля в затылок прямо на рабочем месте? В любом случае долгая жизнь лейтенанту госбезопасности не светит, так что комплексовать Шульгин не собирался.

— А у вас там, на Лубянке, какие порядки? — нарушил он тишину. — В камерах курить можно? Если можно, я папиросами запасусь. Кстати, если желаете, закуривайте прямо здесь, вон на столе коробка...

Лейтенант поднял голову, намереваясь вновь обрвать надоедливов врага народа, однако то, что он хотел сказать, так и осталось тайной.

В стремительном броске Шульгин ребром ладони перебил ему шейные позвонки. Крутнулся на месте, носком сапога ударил в висок присевшего у нижних полок шкафа на корточки сержанта, резким толчком ладони в область сердца отбросил к стене второго. И успел придержать его, плавно опустил обмякшее тело на ковер, чтобы, падая, оно не произвело лишнего шума.

Выпрямился, машинально поправил упавший на глаз чуб.

Да, подумал Сашка, спецподготовка ежовских гвардейцев не выдерживает никакой критики. Любой, наверное, муровский опер даст им сто очков вперед. Да и неудивительно, воры — народ серьезный, могут и пером пощекотать, и бритвой полоснуть по глазам, а от нарко-

мов, маршалов и старых большевиков чекисты подвоха не ждут. Народ дисциплинированный. Даром что у каждого то «маузер» именной, то «браунинг» в кармане штанов, ящичке стола или прямо под подушкой.

И ведь, кажется, за все эти годы больших и малых терроров случая не было, чтобы хоть один чекист на таких вот задержаниях пострадал. Что-то такое про Каширина, кажется, рассказывали, да про Буденного был анекдот. Все прочие ночные аресты воспринимали как должное.

Шульгин отодвинул край шторы и выглянул в коридор. Боец с винтовкой скучал у двери, понятия переговаривались шепотом.

Шариков от подшипника в доме у наркома не водилось, но и мраморная пепельница подошла. Звук от удара в лоб получился тупой, с отчетливым хрустом треснувшей кости. Лязгнула об пол штыком винтовка.

— Тихо, тихо, граждане понятия... — успокаивающе сказал Шульгин, покачивая стволом лейтенантского «нагана». — Я вас трогать не собираюсь, только без глупостей. Официально вам сообщаю — группа бандитов, бухаринцев-троцкистов, намеревалась, переодевшись в форму наших славных органов, совершить теракт против члена правительства, — он пощелкал пальцами по значку и ордену. — Однако я их обезвредил! Но могут появиться сообщники, возможна и перестрелка. Поэтому прошу пройти в чуланчик и сидеть тихо, пока не приедут настоящие чекисты и не снимут с вас показания... — С этими словами он втолкнул понятий в комнату без окон, еще раз погрозил «наганом» и запер дверь снаружи.

Он заглянул в детскую, где жена наркома с каменным лицом сидела между кроватями все еще спящих сыновей.

— Собирайся, Зоя...

— Что? Что такое? — воскликнула женщина. Ее словно разбудили, резко встряхнув за плечи, и она озиралась с недоумением и испугом.

— Я сказал — собирайся. Товарищи поняли, что были не правы. И не возражают, чтобы мы уехали...

— Как? Куда? Что ты говоришь?.. — Она ничего не понимала, зная, что пришедшие с обыском чекисты никогда просто так не уходят, а главное — никогда не видели у своего мужа такого лица и такого взгляда.

— Все скажу, только не сейчас. Одевайся теплее, одевай ребят, поедем на машине, погода холодная. На все сборы — тридцать минут...

На самом деле времени было сколько угодно. Такие обыски длятся по несколько часов, водитель в машине скорее всего спит, и собираться можно без спешки.

Шульгин и сам не знал, для чего все это сделал и продолжает делать. Наверное, ему, оказавшемуся в одной с наркомом шкуре, просто захотелось показать, как следует поступать в трудные моменты настоящему мужчине. Он не знал, в самом ли деле все происходит наяву, как у Новикова с Берестинным, или внушено ему, по-прежнему лежащему на койке в логове аггров, но это не имело значения. Пока ему не помешают режиссеры, он будет исполнять свою сольную партию. Да ведь и просто интересно, получится у него или нет, сумеет он оставить в дураках всесильное «ведомство страха»? А если все происходит наяву — так пусть нарком получит свой шанс.

В большой портфель Шульгин сложил все оказавшиеся в доме деньги, драгоценности жены, «наганы» чекистов, в два чемодана — самое необходимое из одежды, альбом с семейными фотографиями, несколько детских игрушек.

План у него был самый простой. Используя резерв времени до момента, пока на Лубянке спохватятся да пока поднимут тревогу, отмотать на машине километров триста, а то и больше, день пересидеть в укромном месте, а дальше, как любит выражаться Берестин, бой покажет...

Дрожащая, постукивающая зубами от страха и волнения женщина заканчивала одевать детей. Старший,

десятилетний, все время спрашивал, куда они едут. И почему ночью?

— К бабушке поедем. На машине. Он нас давно ждет, да все времени не было.

— А сейчас появилось?

— Появилось. Отпуск мне дали. Три года не давали, а сейчас дали.

Шульгину и самому стало интересно, как у него все легко и складно выходит.

Наскоро, но плотно перекусили. Он заставил Зою выпить полстакана водки. Сам пить не стал, початую бутылку и две полные тоже сунул в портфель, наполнил рюкзак банками деликатесных консервов, красными головками сыра, копченой колбасой. Вот хлеба оказалось маловато, но не беда, хлеба в любом сельпо взять можно.

— Так. Сейчас я спущусь к машине, все уложу, а когда посигналю — выходите. Сразу же. И до гудка — из кухни ни шагу. — Последнее он сказал жене шепотом. Она испуганно кивнула.

По пути к двери окончательно вошедший в роль Шульгин вырвал телефонный шнур из коробки, придвинул к двери чулана тяжеленный, набитый всяким ненужным хламом комод.

Надел длинный кожаный реглан, наркомовскую фуражку со звездочкой и нелепым квадратным козырьком. Наверное, специально придумали, чтобы не похоже было на элегантные фуражки царского времени. Вернувшись в кабинет, забрал у чекистов удостоверения, вытряхнул из карманчиков на кобурах запасные патроны, из ящика письменного стола вынул именной никелированный «ТТ» — подарок от коллектива завода к какой-то дате.

Черная «эмка» стояла у выходящей в глухой внутренний двор двери подъезда. И водитель, как и предполагал Сашка, посапывал носом, подняв воротник шинели и надвинув на глаза буденовку.

«Куда же они меня сажать собирались? — удивился

Шульгин, — вчетвером на заднее сиденье не втиснешься. Или к концу обыска «воронок» пригонят?

Шофера он будить не стал. Просто придавил, где нужно, артерию и оттащил легкое тело в подвал. Не забыл и у него выдернуть из кирзовой кобуры револьвер. Сел за руль, с первого оборота стартера завел еще теплый мотор и трижды коротко посигналил.

Не слишком разгоняясь, пересек Каменный мост, на пустынном Манеже крутнул влево, чтобы не проезжать мимо Лубянки, по Садовому кольцу выехал к Первой Мещанской, доверху заполнил бак на бензоколонке у Крестовского моста и на предельной скорости погнал машину по Ярославскому шоссе.

План у него сложился достаточно четкий. Он намеревался, путая следы, добраться до Осташкова, там под предлогом рыбалки пересидеть два-три дня у знакомого егеря на глухом кордоне, сменить на машине номера и пробиваться к финской границе...

Планируя, он не верил, что ему позволено будет это сделать. Он заботился о наркоме. Вдруг все происходит на самом деле, так пусть его, шульгинские, мысли и настроение покрепче застрянут у наркома в мозгах и помогут не растеряться, не запаниковать, оставшись вдруг в одиночестве. Мужик-то он все же крепкий, пять стволов при себе, жена, дети и никаких путей назад — пробьется, если не совсем дурак, а нет, так лучше с «наганом» в руках, чем в лефортовском подвале...

И действительно, через минуту или две для Шульгина все кончилось. Только что дрожали перед глазами световые пятна на мокром асфальте, упруго дергался в руках непривычно тугий руль — и сразу тьма...

Тьма, истома сладкого предутреннего сна и неожиданно — жгучий укус в щеку.

«...Клопы, что ли?» — с недоумением и брезгливостью подумал Шульгин, просыпаясь и в первый миг вообразив, что лежит на той же постели, а лихой поединок с лубянской гвардией — лишь удивительно яркий и по-

дробный сон. Он шлепнул по лицу ладонью и открыл глаза.

...Он сидел на краю грязной и тесной площади, окруженной бурым глинобитным забором, на уровне глаз мелькали худые грязные и голые ноги, раздавались гортанные и визгливые звуки неизвестного языка, орали ослы, в нос били отвратительные запахи, хуже, чем летом из шахты мусоропровода, сверху палило висящее в зените солнце. Все окружающее, кроме самых близких предметов, Шульгин видел смутно, словно через видоискатель не настроенного на резкость «Зенита» да еще и с захватанным пальцами объективом.

Все тело зудело, будто искусанное комарами и осами, болело под ложечкой, подташнивало.

В первые секунды ему показалось, что он очнулся после тяжелой пьянки где-нибудь на термезском базаре.

Но прошло совсем немного времени, и Шульгин понял, что все гораздо хуже. Слегка сориентировавшись в своих новых ощущениях, он осознал, что, во-первых, дело совсем не в похмелье, а во-вторых, у него нет ног!

Две грязные гноящиеся культы со свищами на месте коленных суставов! Не менее отвратительные руки, покрытые язвами и воспаленными расчесами, с черными обломанными ногтями. Осмотрев и ощупав себя, Сашка убедился, что совершенно гол, не считая обрывка прелой мешковины на бедрах. В сальных волосах на голове и даже в бровях копошились крупные вши. А туманная муть в глазах — оттого, что его поразила сильная близорукость, а может, и катаракта.

«Паскуды, — с ненавистью подумал он. — Не получилось первый раз, так решили по новой! Андрей рассказывал, что на Валгалле ему тоже угрожали перспективой оказаться в теле раба на постройке пирамид или гаремного евнуха... Вот и эти сочли, что в роли базарного калеки мне будет думаться куда продуктивнее, чем в уютной лубянской камере или в бою с чекистской погоней...»

За следующий час, терзаемый обжигающим солнцем, свирепыми насекомыми, нудной болью в каждой клеточке тела, он все же как-то сориентировался в своем нынешнем положении.

Тело, в котором он оказался, принадлежало если и не глубокому старику, то человеку преклонных лет, пораженному массой экзотических болезней. Проанализировав ощущения, характер и локализацию болей, сумел отдифференцировать не меньше десятка. В том числе ришту, лейшманиоз, эхинококкоз и скорее всего проказу. Каким образом владелец тела ухитрился до сих пор жить — загадка.

Находился он в какой-то ближневосточной стране и явно до Рождества Христова. То, что он мог рассмотреть своими подслеповатыми глазами, выглядело очень похожим на картинки из учебника истории древнего мира. Он не помнил, где и когда появились стремена и седла, знал только, что давно, а здесь всадники сидели на кошмах и шкурах, и ноги у них болтались без всякой опоры. Не слишком ценное наблюдение. Да и какая разница, где именно он оказался? Если б еще не калеккой, тогда стоило попытаться еще что-нибудь лихое учинить. А так — не все ли равно?

Его заслали сюда, чтобы сидел и проникался. Потому и не оставили в памяти ничего от истинного владельца тела. Шульгин не понимал языка, не знал даже, где поблизости найти воду для питья, где скоротать ночь. В теле наркома он знал о нем все, а у теперешнего даже имени не знает.

В половинке серо-желтой высохшей тыквы, исполняющей роль шапки отечественного нищего, перед Шульгиным лежал брошенный каким-то местным гуманистом кусок неаппетитной лепешки. Вот и весь его жизненный ресурс.

До тех пор, пока жажда не стала нестерпимой, он, сумев отключиться от посылаемых телом раздражающих сигналов, размышлял довольно спокойно. И надеялся, что вот-вот его извлекут обратно. То есть пока-

зять, что могут сделать с ним какую угодно пакость, они показали. Держать же его в этом теле и дальше — какой смысл?

Но время шло, а ничего не менялось. Шумел вокруг маленький, почти первобытный базар, совершалась на нем какая-то жизнь, орали ослы, вспыхивали перебранки и потасовки, заключались сделки, и участники здешней жизни находили в ней, наверное, прелесть не меньшую, чем Шульгин с его современниками у себя дома, сам же Сашка только и смог, что переползти в удлинившуюся тень стены, и привалился к ней, кусая пересохшие губы, отмахиваясь от назойливых мух и слепней, с омерзением вдыхая вонь растоптанного дерьма и ослиной мочи.

Редующая толпа обтекала этот жалкий человеческий обмылок, просто не замечая его. И хоть бы одна сволочь бросила в чашку если и не монетку, то хотя бы какой-нибудь водянистый фрукт, чтобы смочить отвратительный, как кусок заскорузлой портянки, язык.

Аггры, похоже, старательно выбирали новый вариант. Поняли, что, сделай они Шульгина кем угодно, но не беспомощным калекой, пусть вправду евнухом, пусть гладиатором, он и здесь бы нашел для себя приемлемый выход. Раб, обладающий сознанием человека двадцатого века и неплохой физической подготовкой, может убежать, изобрести способ прилично устроиться даже в таком мире, как этот. А сейчас...

Отталкиваясь руками, отправиться на поиски глотка наверняка тухлой, кишасей всякой пакостью воды, забиться в какую-то нору, чтобы скоротать ночь и вновь с рассветом выползти на солнцепек в надежде продлить куском лепешки существование? Ждать, пока смиловтившиеся пришельцы заберут его обратно и под страхом еще худших мучений заставят сделать что-то нужное им, но скорее всего неприемлемое для него?

Так стоит ли давать им такой шанс? Тем более можно допустить, что ожидание затянется. В самом деле — время-то разное. Кто помешает им продержаться здесь

Шульгина месяц, год... И вернуть в тот же самый момент? Ну вот уж хрен вам, господа!

Шульгин попытался извлечь из своих желез хоть каплю слюны, чтобы облизнуть пергаментные губы. «В зеркало бы взглянуть» — непонятно к чему вдруг подумал он и сам удивился странному желанию.

Как же все-таки снова показать межзвездным подонкам, кто есть кто в их поединке?

И он таки придумал, хотя удовольствия ему острумная идея не доставила.

Верхние фаланги пальцев и суставы кистей у калеки покрывали твердые мозоли. Значит, не один, пожалуй, год владелец тела передвигался, отталкиваясь руками от земли. Придется и Шульгину попробовать.

Ориентируясь по направлению людского потока, он запрыгал-пополз в сторону ворот. Заметив чернородого коренастого мужика с тугим бурдюком под мышкой, очевидно, водоноса, Шульгин замычал, показывая на бурдюк и на свой рот.

Водонос, словно бы удивленный, приостановился и, судя по интонации, что-то спросил. Кто знает, может, хозяин тела даже и знал этого человека, здешний мир тесен, а может, и нет, но своей просьбой он, похоже, нарушил какие-то общеизвестные правила. Чернородый замотал головой и произнес довольно длинную фразу, вызвавшую смех у окружающих. Шульгин повторил жест и промычал громче и требовательней. Водонос распялил рот, в котором торчало всего два или три зуба, выдернул пробку и плеснул из бурдюка в лицо калеке. Жидкость, похожая по запаху на прокисший квас, попала в глаза, потекла по щекам, две-три капли попали и в рот. А мужик оттолкнул назойливого попрошайку и отправился по своим делам.

Шульгин матерно выругался ему вслед. И тут же подумал, что, если за ним наблюдают, то он выдал себя окончательно. Но сейчас ему было плевать — они и так все знают, в роли наркома Сашка раскрылся до доньшка.

Он прополз по площади метров тридцать, пока не

увидел того, кто ему был нужен. Местного полицейского, свободного воина или охранника богатого купца — не существенно. Достаточно, что на боку у него висел короткий бронзовый меч, а на плече воин держал копье с широким листовидным наконечником. Форму ему заменяла дерюжная полосатая мини-юбка, а обут он был в примитивные сандалии.

Шульгин подобрался к его ногам и довольно сильно ткнул обрубками пальцев под колено. Воин дернулся, шагнул в сторону, потом глянул вниз и, увидев калеку, прорычал нечто грубо-угрожающее. Сашка, как мог точнее, повторил непонятные звуки, стараясь, чтобы прозвучало это поагрессивнее.

Более удивленный, чем рассерженный, человек отступил на шаг, бросил еще одну короткую фразу, глядя сверху вниз с презрением и брезгливостью. Тогда Шульгин метнулся вперед, одной рукой схватил за перевязь меч, а другой швырнул в глаза копыеносцу горсть смешанной с мелким щебнем пыли.

И случилось то, чего он добивался. Возмущенно зарывшись, отплеываясь и тряся головой, воин сбросил с плеча копье и без замаха ткнул сошедшего с ума нищего острием в грязный впалый живот.

Боли не было. Хруст кожи, ощущение раздвигающего внутренности твердого предмета, приступ резкой тошноты, спазм пищевода, вкус крови во рту — и почти сразу накрывшая его гулкая тьма...

Очнулся Шульгин на сей раз, как и рассчитывал, в кровати и почти в прежней позе. Опустив глаза, он увидел свои ноги в спортивных брюках и кроссовках, обнаружил Сильвию, сидящую рядом. Никого больше в комнате не было. Заметив, что Шульгин пришел в себя, она улыбнулась почти сочувственно.

— Ваше мужество заслуживает уважения. Мы не ждали от вас такого поступка.

— А чего же вы ждали? — шепотом, словно не оправившись от смертельного шока, спросил Сашка. Помолчал и добавил английский аналог слова «сволочи».

— Мы ведь вас предупреждали, — ответила она, будто не услышав прямого вопроса. — Теперь вы, надеюсь, поняли, что не следует демонстрировать нам свой героизм, в котором мы и так не сомневались, смею вас уверить.

— А кто мне помешает в любой ситуации выбирать подобный выход?

— Мы, разумеется. Просто, если так и не удастся договориться, мы найдем способ лишить вас такой возможности. И сделать наказание даже и пожизненным, с короткими перерывами. Понимаете, о чем я говорю?

— Еще бы... Для вас века, для нас единый миг, — процитировал Шульгин, глядя на нее снизу вверх и не слишком приятно кривя губы.

«Знала бы ты, — думал он, — что я могу тебя сейчас угрохать в секунду, и никакая ваша медицина не поможет, потому что мозги со шпунтованных досок очень долго отскребать. Только зачем? Я лучше буду тихий и сговорчивый...»

— Что вы наконец от меня хотите? — спросил он тоном умирающего лебедя. — И покороче, пожалуйста, я плохо себя чувствую...

— Не буду скрывать, я сейчас нахожусь в весьма сложном положении, — начала говорить Сильвия почти дружеским тоном. — И вы, наверное, об этом догадываетесь. Вот мне и нужно, во-первых, чтобы вы сказали, кого здесь представляете, в каких отношениях находится ваша... группа с так называемыми форзейлями, и, во-вторых, если вы не связаны с ними какими-то особыми отношениями, ответьте, не можем ли мы найти определенные точки соприкосновения уже наших интересов...

Шульгин понял, что выиграл, но торопить события не стал.

Он испытывал сейчас к Сильвии спокойную и холодную ненависть. И ее нужно было не обманом завлечь в Замок, что было бы слишком просто, а добиться чис-

той, убедительной победы. Поставить на колени и заставить просить о снисхождении. Сломать ее натуру.

То, что между ним и Сильвией было лондонской ночью, только усиливало его жажду мести. К чему к чему, а к подобному отношению со стороны женщины, с которой только что занимался действительно нетривиальной любовью, он не привык. Эдмон Дантес не зря был его любимым героем.

— Сейчас я не могу и не хочу говорить с вами. Поймите меня правильно. На Земле еще никто со мной так не поступал. (И это было правдой, и опять Сильвия поняла его в другом смысле.) Мне нужно прийти в себя. Хороший ужин, коньяк для снятия стресса — умирать крайне неприятно, смею заметить, не дай вам Бог узнать это слишком рано — и хоть какая-то степень свободы, в пределах здания как минимум. Согласен даже на ваше общество, хотя оно мне и глубоко неприятно. И если вы будете вести себя правильно, избавите от назойливого внимания ваших... прислужников, завтра мы поговорим на равных и, возможно, найдем взаимоприемлемое решение. Если нет... Да что вам объяснить? Кстати, просто любопытно, где мы сейчас находимся?

— Вот этого я не скажу. Пока. Остальное, пожалуй, можно сделать. Но с того момента и до утра вы будете находиться под моим контролем. Больше никто вам надоедать не будет.

— Если так, как вчера, ради Бога. — Шульгин изобразил двусмысленную радость. — Как личность вы мне антипатичны, но в остальном...

Сильвия поджала губы и отвернулась.

— Ну хорошо, с этим тоже подождем, — Сашка хамил уже в открытую, — дайте мне туалетные принадлежности, бритву, проводите в ванную, а там как получится...

Когда Сильвия ушла, Шульгин долго лежал и смотрел в потолок, до тех пор, пока не ощутил непреодолимого желания встать и подойти к окну. Какое-то время он

пытался понять, отчего оно вдруг возникло и какой в нем смысл? Лежать ему совсем неплохо, смотреть за окном не на что, да и незачем. Но логика не помогла, желание стало нестерпимым. Сашка счел за благо подчиниться. Он оперся ладонями о подоконник и долго смотрел на скалистую гряду и заснеженное плато, над которым кружились в усиливающемся ветре крупные снежинки. Смеркалось, и картина за окном, не в деталях, а настроением, напомнила Шульгину что-то из раннего, проведенного в среднерусской деревне детства.

И вдруг ему показалось, что среди камней мелькнул огонек. Он всмотрелся. Примерно в двух километрах от дома между скалами обозначилось нечто вроде узкого прохода. А возможно, просто никуда не ведущая расседина. Чуть выше и правее — едва различимое темное пятно, похожее на отверстие пещеры. Вот оттуда и мелькнул первый раз световой блик, а вот еще раз, еще. С равными пятисекундными интервалами, время самой вспышки — примерно четверть секунды.

«Не Антон ли семафорит часом? — подумал Шульгин. — Или, может, ребята. Должны же они разыскать... Мы Андрея и Лешку с Валгаллы достали...»

До сих пор он хотел только получить относительную свободу, остаться наедине с Сильвией, чтобы определить дальнейшую программу, а то, что он увидел, подтолкнуло к конкретному решению. Вспомнилась вайнеровская «Эра милосердия» и Шарапов с Жегловым. Может, и тут подобная история? Если ребята знают, где он, но не могут вмешаться открыто, освободить его с боем, то и придумали такую вот наводку в козырь. Кому еще нужны здесь сигналы фонариком, причем целенаправленные? Ведь вряд ли эта дыра в скале видна в нужном ракурсе из других окон.

Ну что же, пусть будет так. Как говорил петух, не догоню, так согреюсь.

В течение ближайшего часа Шульгину удалось увидеть почти все, что требовалось. Особенно его порадо-

вал встреченный в коридоре первого этажа крепкий парень с лыжными ботинками в руках.

— Они у вас и на лыжах катаются? — мельком спросил он у Сильвии.

— Охрана в свободное время тренируется, — не усмотрев в его словах ничего особенного, ответила Сильвия.

Попутно Шульгин заметил сторожевой пост у тамбура, и второй, в нише рядом с лестницей, и караульное помещение недалеко от холла, куда вошел тот самый лыжник. Этого ему было достаточно.

Потом, позже, после ужина и пары рюмок ликера с очень хорошим кофе, он осторожно вернулся к интересовавшей его теме, тщательно, по методике Штирлица, замотивировав вопрос.

И выяснил, что формально эта вилла — действительно уединенный горный приют отдохновения для особо важных лиц, входящих в круг интересов Сильвии, а также и ее личная резиденция в моменты, не требующие присутствия в иных точках планеты, или когда иные места представляются слишком шумными. Но географической привязки все равно получить не удалось. Наверное, она имела резоны хранить ее в тайне, да Шульгин особо и не настаивал, поскольку дал понять, что склонен принять почти все предложения хозяйки, если итоги соглашения будут приемлемы. То есть на Брестский мир он не согласится, а на Портсмутский при определенных условиях, пожалуй, что и да.

Он выпивал, закусывал, угасал даму и продолжал фривольные разговоры. Бросал на Сильвию откровенные взгляды, из которых следовало, что считает он себя если и не собственником, то близким другом, уверенным, что уступившая вчера женщина не будет ломаться и сегодня.

Агтрианка тоже как будто расслабилась, принимала намеки и двусмысленные комплименты Шульгина если без благосклонности, то и без протеста. Вполне идилли-

ческий складывался вечерок у камина, под свист постепенно разыгрывающейся за окнами метели.

В точно вычисленный момент Шульгин сделал внезапное и неуловимое движение, после которого Сильвия откинулась на подушки дивана, не успев даже закрыть так ничего и не понявших глаз.

Парализующий удар должен был действовать минут двадцать как минимум. Но, памятуя о московской встрече с агтрами, Шульгин для надежности связал ей руки шнуром от торшера, уложил поудобнее и двумя салфетками туго забинтовал нижнюю часть лица.

Остальное было делом техники. Не начав, как это полагается уважающему себя ниндзя, тренировок с детства, и лишенный вследствие этого многих фундаментальных навыков, он в меру сил заменял их творческим подходом к делу и интеллектом, который все же был повыше, чем у средневековых японских крестьян и люмпенов.

Используя технику психологической невидимости, он в полутемных коридорах виллы сумел обнаружить и дезактивировать всех перекрывавших первый этаж постовых. В качестве трофея он приобрел два длинноствольных пистолета — незнакомой марки «генц», но понятных в обращении. И еще штуку, с помощью которой агтрианские боевики вызвали у них с Новиковым болевой шок.

Какой-либо тревоги на вилле он поначалу не вызвал. И спокойно прошел в холодный тамбур, где стояло несколько пар лыж с пристегнутыми ботинками. Выбрав подходящие по размеру, он потрогал входную дверь. Она оказалась заперта.

«Ну, теперь уже все равно», — подумал он, ударом ноги вышибая язычок замка вместе с накладкой и куском дверной коробки. Ему показалось, что содрогнулся весь первый этаж. И тут наконец завывла сирена, вспыхнул свет в только что темных окнах справа от крыльца.

Невысокую ограду рядом с воротами он перемахнул

одним прыжком, сбросил кроссовки, сунул ноги в ботинки, защелкнул застёжки и изо всех сил оттолкнулся.

К счастью, сразу от ворот поляна довольно круто понижалась, и Шульгин успел набрать приличную скорость, когда на крыльце и во дворе началась суета.

Присев, он заработал палками, как галерный раб веслами под бичом надсмотрщика.

За оградой сильно мело, и хотя мороз не был таким уж сильным, резкий ветер сразу прохватил насквозь тонкую куртку.

Если за ним погонятся на лыжах, то вряд ли догонят, а если у них снегоходы, то придется принимать бой, в котором на его стороне преимущество позиции и возможность стрелять с упора. И, пожалуй, у преследователей не будет права стрелять на поражение. Он нужен Сильвии живой. О том, что его могут достать каким-нибудь нечеловеческим способом, Шульгин старался не думать.

Отвиллы донесся гул мотора. Судя по интенсивности звука, не иначе как вертолетного.

«Дураки, — злорадно подумал Сашка. — В темноте, под снеговой поземкой попробуйте меня увидеть. А от луча прожектора я всегда успею спрятаться...» Но тут же в голову пришла новая мысль, что им необязательно искать его сверху. Достаточно посадить машину в горловине ущелья...

Спуск становился все круче, ветер свистел в ушах и заставлял щурить глаза, снежная крупа секла лицо, вперед было видно от силы метров на двадцать, и оставалось молить Бога, чтобы на пути не оказалось подходящего камня.

Если рассуждать здраво, положение его практически безвыходное. Надежды на огонек в пещере казались теперь иллюзорными. Других же шансов тем более ноль целых и так далее... Зато уж пострелять он успеет, покажет преследователям то, что не успел показать московским энкавэдэшникам.

Мотор за спиной взвыл на форсаже и тут же обрубил звук.

«Неужели сломался? Ну, пилоты, так вашу мать...»

Ему показалось, что он слышит надсадное дерганье стартера вдали, но, впрочем, это мог быть и вой ветра.

Шульгин затормозил, развернувшись и подняв веер снега, оперся на палки и стал прислушиваться. Сначала он заметил размытые блики, похоже, что там, у ворот, с фонарями искали след его лыж. Если так, то самые хорошие лыжники не могут надеяться перехватить его до входа в расселину. Может, они знают, что никакого прохода там нет, вот и не торопятся? Куда ему в таком разе деваться? Без снаряжения и продовольствия. А в самом деле, как, в случае неудачи с пещерой, быть? Но отступить все равно поздно, путь только вперед, ждет его там помощь и спасение, или совсем наоборот.

А потом он услышал стрекот мотора, негромкий, совсем не вертолетный, и догадался, что за ним гонится снегоход.

Различив впереди темный массив скал, Шульгин попытался сориентироваться. Куда дальше — вправо или влево? Направление он выдерживал по памяти, и несколько поворотов на спуске сбили его с толку.

Погоня же приближалась. Он не видел ее, но чувствовал. А единственный ориентир — свет из окна виллы — давно скрылся за пеленой горизонтально летящего снега.

Еще раз прикинув свой предыдущий путь, Шульгин взял вправо. Теперь снег лепил ему прямо в лицо, и бежать было куда труднее, на пути все чаще попадались каменные обломки.

И все-таки он нашел проход раньше, чем погоня его настигла. Переведя дух и в очередной раз оглянувшись, Шульгин вновь заметил мутное световое пятно. Снегоход шел строго по его лыжне, скорость развить остерегался из-за все тех же камней, да и на пулю нарваться побаивался. Но и вдоль лыжни идти ему тоже не следовало...

Опершись спиной о ледяной камень, Шульгин

двумя руками поднял пистолет. Четыре раза он выстрелил точно по оси своего следа, целясь примерно на уровне груди, и еще по два раза чуть левее и правее.

Ему показалось, что он услышал вскрик. Свет погас, и через несколько секунд рассыпалась дробь торопливых выстрелов по крайней мере из трех стволов.

Теперь преследователи остановились и чуть задумались. Если они знают местность — а не знать близкие окрестности они не могут, — им ясно, что из укрытия он перестреляет всех, стоит им подойти еще немного. Правда, знают и то, сколько у него патронов. А сам он этого как раз не знает. Судя по размерам и форме рукоятки, магазин может содержать от двенадцати до двадцати. Столько же — во втором пистолете. Что ж, из первого он будет стрелять до щелчка затворной задержки, тогда и узнает, сколько боеприпасов в резерве.

Пальнув для остротки еще дважды, убедившись заодно, что мотор снегохода молчит, Шульгин углубился в ущелье. В его памяти четко зафиксировалось, что отверстие пещеры выше и правее начала прохода, и теперь Сашка искал подходящее для подъема место.

Ветер гудел свирепо, с подвыванием, толкая Шульгина в спину, а путь резко пошел под уклон. Пришлось развернуться боком и усиленно тормозить палками. Впереди могло быть все, что угодно, в том числе и пропасть. Нормальному человеку вообще не пришло бы в голову кататься на лыжах ночью, в незнакомых горах, и отсутствие выбора еще не являлось бы для этого достаточным основанием.

Но, кажется, он все же достиг нужного места. Прогнулся еще немного вперед, оттолкнувшись палками, развернулся в прыжке на сто восемьдесят градусов и вернулся назад точно след в след.

Отстегнув и присыпав снегом лыжи у подножия почти отвесной стенки, он полез вверх по крутому, однако вполне доступному склону. И сразу понял, насколько теплее было внизу. Успел подняться метров на

восемь, пока не услышал внизу приглушенные ветром голоса, а потом различил и короткий взблеск фонаря.

Как часто бывает в приключенческих романах, его преследователи остановились как раз под ним, так что он мог слышать их разговор. Впрочем, им больше негде было останавливаться — здесь скала защищала от ветра, можно передохнуть и осмотреться, а дальше уже только вниз...

Шульгин замер, прижимаясь к стене и сжав за пазухой рукоятку пистолета. Почти напрасная предосторожность — заметить его снизу, сквозь тьму и метель, да еще и в темном костюме было невозможно.

— Метров через пятнадцать лыжня кончается, — разобрал он слова, сопровождаемые ругательством, по-английски деликатным.

— Метет сильно. Особенно здесь и дальше. Через десять минут мы друг друга не увидим.

— Да куда ему деваться, только вперед...

— Спуск дальше крутой. Если не врежется в камни, до самой реки не догоним...

— Зато уж там ему совсем бежать некуда. Через реку и летом непросто перейти, а зимой да ночью...

— Так, может, и спускаться не стоит? Днем с вертолета все равно найдем.

— Приказано сейчас догнать и привести...

— Значит, вперед, ничего не поделаешь. Посигналь Баку, пусть подъезжает... Только как представляю, что придется вверх тащиться... «Сноукэт» всех не поднимет.

— А мы и не будем. Когда поймаем, вызовем вертолет. Посветим ракетами, он и сядет...

Говорившие — Шульгин насчитал четверых по голосам и вспышкам сигарет — закончили перекур, взгромозились на медленно подползший полугусеничный снегоход и осторожно отправились дальше.

Теперь он знал, что до утра у него время есть. Долго им придется искать его по берегам неведомой реки. Когда Шульгин добрался до входа в пещеру, то настолько продрог, что едва сумел зацепиться за каменный порог

и перевалить через него сотрясаемое крупной дрожью тело. Овладев многими тайнами боевых искусств, он понятия не имел о технике йогов, умеющих сушить на теле мокрые простыни в лютый гималайский мороз.

Вход был узкий, примерно метр на полтора. И тьма внутри стояла совершенно египетская. Держа в вытянутой руке пистолет, Шульгин осторожно пробирался тесным тоннелем, то и дело цепляясь головой и плечами за выступающие углы. Он уже начал опасаться, что коридор никогда не кончится, или, хуже того, упрется в глухую стену. И не лучше ли было, пропустив мимо себя погоню, тут же вернуться обратно и попробовать решить все вопросы самостоятельно.

Если мимо проехали пятеро и хоть одного он убил или ранил на льжне, то в доме, кроме Сильвии и ее напарника, не должно остаться слишком много людей. Еще два-три охранника, ну, прибавим экипаж вертолета. Размеры самой виллы ограничивают возможную численность ее гарнизона. И все могло получиться неплохо.

Да что теперь рассуждать, надо идти до конца. Тем более что сигнальный огонь он видел отнюдь не во сне.

И почти тут же шестым чувством ощутил, что коридор закончился и теперь его окружает гораздо больший объем пространства.

Он выпрямился во весь рост, поднял руку, но не достал до потолка.

В карманах, кроме пистолетов, не было абсолютно ничего, тем более — зажигалки или спичек, и он, ругая себя еще и за этот промах, пошел по периметру пещеры, ощупывая стену руками.

Метров через пятнадцать рука провалилась в какую-то нишу. Пошарив там, Шульгин наткнулся на холодный металлический предмет, оказавшийся длинным цилиндрическим фонарем. Двинув вперед ребристую кнопку, он тут же зажмурил глаза — таким ярким показалось световое пятно на розоватой гранитной стене.

Значит, он все-таки не ошибся. В себе и друзьях.

Но уже через минуту его посетило сомнение. То, что он увидел, напоминало скорее уголок экспозиции музея в Нерубаевских катакомбах под Одессой.

Не слишком обширный зал, явно естественного происхождения, который кто-то использовал под тайное убежище. Только более цивилизованное, чем у катакомбных сидельцев.

В глубокой продолговатой нише два спущенных надувных матраса, несколько скомканных шерстяных одеял, рядом с нишей складной дюралевый стол, два таких же стула, у стены штабель зеленых деревянных ящичков с маркировками на английском. На каменном выступе довольно древняя полевая рация размером с посылочный ящик, на полу черные коробки аккумуляторов, на столе керосиновый фонарь, блестящая никелированная зажигалка, открытая банка консервов с окаменевшим содержимым, почти полная пачка сигарет, какие-то газеты.

Еще в пещере обнаружилась печка типа буржуйки и много других, необходимых в жизни цивилизованного человека предметов.

Но больше всего Шульгина удивил и обрадовал прислоненный к стене автомат системы «томпсон». Образца 1923 года. Совсем слегка тронутый ржавчиной. Сашка взял его в руки, наслаждаясь приятной тяжестью и старомодной элегантностью конструкции, легко оттянул непривычно, сверху ствольной коробки расположенную ручку затвора, увидел толстый, золотисто поблескивающий патрон. Круглый, на сто зарядов диск был полон. И все остальное здесь было такое же — на вид старое, давно брошенное, но вполне готовое к действию.

Сидя у гудящей и источающей волнами сухое тепло печки, Шульгин дымил почти не потерявшей вкуса сигаретой «Лаки Страйк» (без фильтра), ощущал почти такой же душевный покой, как дома на Валгалле, вернувшись из дальнего похода, и при свете керосинового

пламени, чуть подрагивающего за пыльным, закопченным стеклом, просматривал найденную газету. Хотя была она на испанском, кое-что он прочесть сумел. Главное — дату, 4 сентября 1965 года, и место издания — Буэнос-Айрес. Выходит, он в Латинской Америке, где-то в Андах, а пещеру эту занимали не иначе как соратники Че Гевары. А может, наоборот, кокаиновые мафиози. Впрочем, с не меньшим успехом пещера могла быть наблюдательным пунктом местной полиции, следившей за виллой Сильвии или тех, кто жил здесь до нее.

В шестьдесят пятом Сильвии было лет десять. Но по-прежнему Сашка не мог вспомнить, где в испаноязычных странах бывают в горах такие снега и метели.

Большинство остальных предметов имели американские фирменные знаки и маркировки. В том числе и виски «Джим Бим» из Кентукки. Шесть бутылок его нашлось в одном из ящичков. Качество и крепость были вполне приемлемы. Мясные консервы он есть не рискнул и закусил твердой, как фанера, галетой.

Шульгин с некоторым даже раздражением думал; снова и снова все происходящее напоминает известного сорта литературу — Жюль Верна, Майн Рида и тому подобное. Счастливое спасение, в самый нужный момент под рукой обнаруживается все необходимое, в финале — неременная победа добра над злом...

Последнее, впрочем, проблематично, но если оставаться в пределах тенденции... Думать о предстоящем возвращении на виллу и обо всем с этим связанным ему пока не хотелось, и он стал анализировать текущий момент.

Куда, интересно, девались хозяева убежища? Похоже, сбежали они весьма поспешно, или проще — убиты или схвачены полицией далеко отсюда. Но все же кто, кроме Антона, мог указать призывным сигналом путь в пещеру? Указать, не оставив даже намека, а тем более инструкции.

Он еще раз осмотрел каждую вещь и каждый уголок

пещеры. Нет, ничего! Но ведь такого не может быть! При условии, что сигнал фонаря ему не померещился.

А что, если?.. Привыкшее за последний год к самому невероятному подсознание выдало вариант ничем не хуже прочих: если виллу Сильвии окружает поле, искривляющее пространство и время, сигнал пришел из прошлого и предназначался совсем не ему, а действующим лицам тех, двадцатилетней давности событий?

И все же он нашел то, что искал. На обратной стороне газеты зеленым фломастером было размашисто написано по-английски: «Ежедневно каждые двенадцать часов, считая с ноля, здесь. Или по старой схеме. Задание должно быть выполнено любой ценой. Прорыв с нашей стороны невозможен». Подписи не было, как и иных намеков, кому адресован текст. Вполне можно допустить, что и это след прежних обитателей базы. Слово «любой» дважды подчеркнуто.

Какой осторожный деятель наш Антон. Истинный дипломат.

Разбирая и смазывая автомат прованским маслом из банки с сардинами, Шульгин старался понять: отчего форзейль ведет себя именно таким образом, с маниакальным почти упорством избегая оставить хоть какой-то след в нашем мире? Ни разу, насколько известно, не предпринял он ни одного прямого действия.

Всегда только слова, которые, как говорится, к делу не подошьешь. Да еще и без свидетелей. И почти всегда в сослагательном наклонении или в виде ненавязчивой просьбы, намека, совета. Мол, если да, то и слава Богу, а не хошь — как хошь... Даже в угол загонять партнеров он умеет чрезвычайно изящно. Не Антон, а прямо Сократ с его диалогами. С одной стороны, это говорило в его пользу, подтверждая заявленные принципы, но с другой — не могло Сашку не раздражать именно этим. Шульгин с детства не терпел подстрекателей, которые всегда оставались в стороне, подставляя менее хитрых и подлых приятелей. Хотя — Шульгин старался быть

справедливым — это может на самом деле быть базовым принципом их этики.

На доступных примерах — наш цивилизованный, воспитанный современник в любых условиях, хоть на необитаемом острове, не станет насиловать оказавшуюся с ним наедине женщину. И он же не считает себя ответственным за последствия для семейной жизни замужней дамы, добровольно и сознательно согласившейся стать его любовницей, особенно если честно ее предупредил, что ничего, кроме взаимного удовольствия, не обещает...

От общих рассуждений он незаметно соскользнул на личный вопрос. На тему своего полного, в общем-то говоря, одиночества. Которое четко подметил и использовал тот же Антон. И в семейной жизни он одинок, и в общении с друзьями. Некоторые психологи считают, что тесная мужская дружба, тем более возведенная в принцип, — пережиток архаических времен и признак душевного нездоровья нации, где этот феномен относится к разряду положительных ценностей. Оно, конечно, Бог судья тем теоретикам, но то, что именно он горячо привержен идее мужского братства и его же чаще других охватывают приступы меланхолии и тоски от осознания никчемности своего существования, — тоже, по словам О.Бендера, медицинский факт.

Но, с другой стороны, в качестве утешения можно спросить: а кто доказал, что человек вообще должен стремиться к поискам смысла жизни? Моральный кодекс строителя коммунизма? Шульгин всю жизнь ухитрялся уклоняться и от его выполнения, и вообще от участия в «общественной работе». Как-то, по молодости, вступил было кандидатом в партию, но, опомнившись, исхитрился не пройти кандидатский стаж. Что слегка повредило в карьерном смысле, но оказалось благотворным в плане личной свободы. Так что же ему горевать?

Принять, что смысл жизни в ней самой, и успокоиться. Тем более что как раз сейчас его существование

имеет не глобальный даже, а вселенский смысл, знать бы только, к добру или ко злу все делается?

Поставив на место последнюю деталь, он несколько раз передернул затвор, полюбовался, как мягко и четко работают все механизмы, и занялся магазином. Снял крышку, проверил ход пружины. Аккуратно расставляя по спиральному ходу толстые, как бочоночки для лото, кольцовские патроны, Шульгин вдруг сообразил, что и сейчас Антон проявил свою иезуитскую сущность.

Ведь подсунув именно такое оружие, с сотней смертей в диске и жуткой убойной силой, он как бы подгалкивает Сашкино подсознание к тому, чтобы на полную катушку эти качества оружия использовать. Как в гангстерских фильмах: длиннейшие очереди, горы трупов, море крови... Да еще и ящики гранат, для вящего эффекта и надежности. «Иди и убей всех!» — так следует понимать.

— Ну вот уж хрен, товарищ генерал-лейтенант! — вспомнил он любимое присловье Берестина.

Однако так ли, эдак, а дело делать придется. Теперь даже и не для Антона. Для самого себя прежде всего. Никому не позволено безнаказанно держать Сашку Шульгина за дешевого фраера. А уж тем более бабе, с которой спал только вчера...

Он вогнал на место диск, поверх найденной здесь же нейлоновой куртки затянул ремень с еще одним магазином и сумкой на пять гранат. С сожалением погасил печку, передернул плечами, представив, как охватит его сейчас ледяной ветер, как придется вновь ползти по скале, подниматься вверх по длинному склону...

— Ладно, когда ни помирать, все равно день терять... — это уже народная мудрость из репертуара селигерских плотников, придуманная для таких вот примерно случаев.

...Вырубить топтавшегося на крыльце, да еще под фонарем часового не стоило ни малейшего труда, и все остальное заняло максимум пять минут.

Сильвия с носатым сидели в том же холле второго

этажа у почти прогоревшего камина и, судя по их виду и отрывистым фразам, начинали нервничать, не получив до сих пор известия о поимке отчаянного беглеца.

— Заждались, господа? — сочувственно спросил Шульгин, держа автомат на изготовку и недвусмысленно пошевеливая пальцем на спуске. — Дергаться не советую, от дюжины пуль в упор не поможет и гомеостат, которого, кстати, я на вашей прелестной ручке не вижу... Дорогая... — ерничая и улыбаясь, Шульгин разыгрывал сейчас мизансцену «появление грозного мстителя». — Чтобы нам в дальнейшем беседовать спокойно — информирую: вертолета у вас больше нет, пилоты небоеспособны, как и охрана, ребята, что ищут меня у реки, тоже вряд ли скоро вернуться, а если попробуют без приказа — им же хуже, по пути найдется парочка сюрпризов... Ну а если я не все предусмотрел и у вас какие-то резервы имеются... Чтоб зря не надеялись... — говоря все это, Шульгин придержал локтем левой руки висящий на ремне автомат, а правой достал гранату с уже привязанным к кольцу капроновым шнурком, зацепил ее рычагом за плетеный пояс, стягивающий талию агтрианки.

После чего сел в кресло напротив обоих, по другую сторону стола, на котором лежала плоская рация с выдвинутой антенной.

— Эта граната, к вашему сведению, довольно универсальная. Как видите, у нее три взрывателя. Один нормальный, четырехсекундный, второй натяжной, мгновенного действия, и третий, нажимной, позволяет использовать эту штучку как противопехотную мину. Веребочка привязана ко второму. Так что шансов у вас никаких, уважаемые. Лично я смерти не боюсь, как вы убедились, а для себя уж сами решайте. Одно резкое движение — и я дерну. Вас, милая, — пополам, а джентльмену достанутся осколки. Гранатные и ваши...

На самом деле Шульгин слегка блефовал. Тросик он пристегнул как раз к четырехсекундному запалу и был почти уверен, что после хлопка разбитого капсюля

собеседников охватит предсмертный ступор, а он вполне успеет выскочить в окно или закатиться за диван.

— Вот ты, — обращаясь к мужчине, он наконец перешел на русский, чего тот так добивался вчера. — Вытяни руки и положи на стол. Так и будешь сидеть. Скажи спасибо, что к стенке не поставил...

Сашка имел в виду обычную позу задержанного американскими полицейскими, но носатый понял его в более русском смысле.

— А вы, мадам, можете чувствовать себя как дома, если не станете дурить. Не спеша возьмите рацию, свяжитесь с теми, кто меня ищет, и прикажите до утра не возвращаться. Ей-Богу, так для них лучше будет. Я ведь человек не кровожадный...

Когда Сильвия с каменным лицом исполнила требуемое, Шульгин одобрительно кивнул.

— Вот и славно. Теперь будем разговаривать. Как друзья и коллеги. Если бы вы догадались откровенно изложить свои сомнения и предложения при нашей первой встрече, хоть днем, хоть ночью, все мы были бы избавлены от многих неприятностей. Но и теперь... При наличии с вашей стороны доброй воли жизнь вам гарантирую обязательно, а свободу и свое благорасположение — при выполнении некоторых условий. О'кей?

Ему сейчас было хорошо. Он сделал все, что собирался, доказал себе, аграм, Антону, что по-прежнему в отличной форме и в гробу видал всех и всяческих пришельцев, он весел и не испытывает больше ненависти — как настоящий солдат к заслуживающему уважения врагу, взятому в плен.

— А для разминки неплохо бы побеседовать просто так, за жизнь... Вот вы, например, — он снова перешел на «вы», — господин... до сих пор отчего-то не представились.

— Называйте меня Джорджем, или Георгием, как вам угодно... — Мужчина успокоился за свою жизнь и явно расслабился.

— Ну раз я Дик, нехай вы будете Джордж, — ус-

мехнулся Шульгин. — И заодно поясните, человек вы или агр...

— Откуда вы взяли это слово? — поморщился тот.

— Так, слышал где-то. Не нравится, скажите, как вас там... Важен смысл.

— Вот именно. В этом смысле я пришелец, такой же, как Сильвия, Ирина Седова... А вы?

— Для вас я тоже пришелец. Но, как вы вчера тонко заметили, вопросов МНЕ задавать не нужно. Разве только риторические... На них я отвечу. А сейчас прошу вас, не спеша и не делая резких движений, подойти к бару и принести... Желательно коньячку. Так, хорошо, разлейте. И себе тоже, и даме... Так вот, господа коллеги, вам не кажется, что игра ваша сыграна окончательно? У вас, по-моему, на днях начались затруднения? Центр не выходит на связь, аппаратура молчит, шар ослеп, да? Отвечайте, когда я спрашиваю!

— Да, — нехотя ответил Джордж. (А Сильвия продолжала упрямо молчать.) — Но так уже бывало, гравитационные возмущения, неконтролируемые хроносдвиги...

— Так, — Шульгин сказал это с нажимом, — так не бывало! И, должен вас разочаровать, это уже окончательно. Нет больше вашей базы на Таорэре и вообще следов вашей цивилизации в обозримой реальности. И надежды на будущее вам придется связывать отныне только со мной. Если договоримся...

Очевидно, слова Шульгина прозвучали убедительно, или он просто произнес вслух то, что они знали и без него, но до конца не хотели смириться.

Сильвия словно получила похоронку, так вдруг изменилось ее лицо. Джордж держался лучше, хотя и из него тоже вряд ли получился бы сейчас натурщик для плаката «Вперед, к победе коммунизма».

Дав им освоиться с услышанным, Шульгин продолжил, демонстративно смакуя коньяк.

— Но вы не огорчайтесь сильно. В определенном варианте кое-что еще можно придумать... Впрочем, об

этом чуть позже, — остановил он себя, увидев, как блеснули глаза у Сильвии. На первый раз сказано достаточно. А сейчас я хочу услышать вот что. Знаете ли вы господина, именующего себя Антоном, который выдает себя за форзейля и якобы выполняет здесь роль, аналогичную вашей?

— Так вы и до него добрались? — В голосе Сильвии прозвучала искренняя радость. Хотя чему бы ей радоваться? Что врагу твоему, может быть, не лучше, чем тебе? Впрочем, естественное дело. Когда двое давно и безнадежно ухаживают за одной девушкой, весть, что она выходит за третьего, незнакомого, приносит даже облегчение. Главное, чтобы не досталась «тому».

— Мы до всех доберемся, — пообещал Шульгин. — Вы, помнится, уже спрашивали меня о моей расовой принадлежности, это же интересовало ваших московских ребят, царство им небесное, а еще эта тема возникла у вас в ходе заключения «Ставангерского пакта», правильно? Так вот, чисто для вашего сведения — кем бы мы ни были, мы не терпим, чтобы кто-то еще мог без разрешения не только хозяйничать, но и просто появляться на планете, которая нам нравится и которую мы считаем своей. Как я тоже уже говорил, мы гуманны, но до определенного предела... Предрассудки для нас не имеют самодовлеющего значения...

Шульгин импровизировал с наслаждением. Как и герой довольно известного рассказа, он старался говорить только чистую правду, но в соответствующем контексте она звучала именно так, как требовалось для окончательной дезинформации партнеров.

— Но как же это возможно? — Сильвия уже не старалась скрывать свои эмоции. Слишком поразил ее возмущение факт, что так внезапно и вызывающе просто обнаружила себя еще одна, неизвестная, но явно сверхмогущественная цивилизация. — Как вам удалось оставаться незамеченными? За тысячи лет никаких следов вашей деятельности...

— Многие вещи нам непонятны не потому, что наши

понятия слабы, а потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий. Советую обдумать данную истину. А другого ответа не будет, я уже предупредил. Чтобы нам не отвлекаться на посторонние темы, давайте исходить из следующего — вы тоже совсем недавно оказались в поле нашего внимания, мы знаем о вас достаточно, чтобы убраться со своего пути, в чем вы убедились, но маловато в, так сказать, этнографическом смысле. Вот и побеседуем немного в таком разрезе.

Если вам покажется, что я спрашиваю об очевидном, не смущайтесь, значит, так надо. Иногда мне важна степень полноты ответов и их искренности, а исходя из них, я уже буду делать далеко идущие выводы. Итак, верно ли, что у вас на Земле нет технических средств и оружия, за исключением так называемых «шаров», «портсигаров», гомеостатов и болевых разрядников?

— Да. Мы не имели возможности перемещать на Землю ничего другого. Все, что требовалось для выполнения основной программы, было на Таорэре.

— Хорошо. Сколько в данный момент на Земле постоянных агентов вашего класса? — Вопрос был обращен конкретно к Сильвии.

— Кроме меня — никого. Таких, как Седова и Джордж, очевидно, одиннадцать... Седову мы заметить не успели.

— Так, значит, территория СССР вне контроля?

— Европейская часть. Азиатскую курирует другой агент.

— А вы? — Он указал стволом на Джорджа.

— Я координатор по Западной Европе...

— Тогда что вы делали в Москве? — Шульгин догадался, что Джордж и человек, подходивший к Воронцову в «Праге», — одно лицо.

— Кто-то же должен был руководить поисками Седовой после того, как вы устранили специально отправленных агентов. Я в тот момент был ближе...

— Хреново руководили, — отметил Шульгин. —

С тремя землянами не справились. И всю программу завалили...

По вдруг изменившейся атмосфере, какому-то напряженному молчанию, выражению глаз собеседников он понял, вернее, ощутил, что в очередной раз, сам того не желая, усложнил партию. Повторил про себя последнюю фразу и чуть не шлепнул себя ладонью по лбу. «Хреново руководили» и, главное, — «с тремя землянами...». «Они ведь сейчас вообразили и еще не знают, верить или нет своей догадке, что я могу быть совсем не загадочным суперпришельцем, а каким-нибудь сверхсекретным ревизором, к примеру. Посланным, чтобы разобраться в причинах грандиозного провала и покарать виновных. И что теперь правильно, рассеять их сомнения или усугубить их?»

Он задал еще один пристрелочный вопрос. Сильвия и Джордж переглянулись в растерянности и чуть ли не со страхом, чем и подтвердили его догадки.

— Отвечать! — стукнул он кулаком по столу. — Так или иначе, выбора у вас нет! Вы понимаете, о чем я говорю? В любом случае только чистосердечное признание может облегчить вашу участь! — И тут же от стиля гэбэшного-милицейского опера Шульгин вновь перешел к своей прежней манере.

— Есть сейчас на Земле, кроме постоянного персонала, какие-нибудь «командированные»?

— Таких, которые сообщили бы мне о своем визите, — нет. О других я знать не могу, — ответила Сильвия.

— Хорошо. Как вы думаете, что будут делать ваши сотрудники, перестав получать инструкции от вас или из центра?

— Скорее всего ничего. Просто жить... И ждать указаний.

— До самой смерти?

— Другого выбора у них просто нет. Мы не готовили координаторов к самостоятельной деятельности.

— Вы в Том абсолютно уверены? Неужели хоть

один, такой же умный, как вы, да вдобавок наделенный честолюбием, не может вдруг попытаться изменить ситуацию? Ну, к примеру, переместиться в прошлое, на тот участок, где развилка еще не образовалась, и провести акцию? Скажем, туда, где исчезла первая экспедиция форзейлей?

И снова ему показалось, что сказал он что-то не то. Слишком далеко вышел за пределы сценария, ступил на слишком зыбкую почву, где каждый шаг в совершенно неожиданный момент мог закончиться провалом. Но уж очень ему хотелось успеть выяснить что-то такое, о чем умалчивал Антон, что позволит в дальнейшем иметь резерв в еще предстоящих, Шульгин не сомневался, психологических хитрых играх с форзейлем.

— Вы разрешите мне закурить? — спросила вдруг Сильвия упавшим голосом. Как принято у подследственных на допросе в острый момент.

Шульгин потянулся к карману, но вспомнил, что там пусто. «Лаки Страйк» он забыл в пещере, а других сигарет у него после Лондона не осталось. И к тому же в руке у него был вытяжной шнурок гранатного запала. Он пожал плечами.

— У меня там, в сумочке...

— Принесите, только без шуток... — кивнул Сашка Джорджу.

Взяв у него из рук золотой портсигар, двойник того, Ирениного, и похожий на врученный ему Антоном, Шульгин повертел его в руках, открыл. Кроме длинных черных сигарет с серебряным ободком и встроенной зажигалки, там не было ничего. Передав Сильвии и Джорджу по сигарете, он закурил сам и протянул им трепещущий огонек, сняв на это время палец со спуска. И тут же своей вообще неплохой, а в последнее время особенно обострившейся интуицией ощутил приближение опасности. Словно попал в сильное электромагнитное поле, от которого начинают потрескивать и шевелиться волосы. Источника опасности он пока не видел, но весь подобрался. Быстрым, но плавным движением

положил портсигар на середину стола и отдернул руку к автомату.

Ему как-то приходилось отвечать на вопросы о своих физических возможностях — в том смысле, каким образом он достиг изумительного темпа действий и что произойдет, если попадетсЯ противник, не уступающий в реакции и знающий некие совершенно оригинальные приемы? И он честно отвечал, что понятия об этом не имеет, а так называемые «приемы» его не интересуют. Осознает ситуацию он лишь задним числом, когда все уже закончилось.

Подсознание работает само. По той же причине, кстати, в соревнованиях ковбоев обычно проигрывает тот, кто первым начинает выдергивать револьвер из кобуры. Осмысленные действия всегда медленнее рефлекторных.

Джордж, введенный в заблуждение его внешней расслабленностью, не знакомый с подробностями московского инцидента, решил поставить на карту все, одним махом разрубить гордиев узел антиномий, в которых запутался, тем более что имел, наверное, основания рассчитывать на успех.

С очень хорошей для немолодого и полного джентльмена скоростью он выбросил вперед веером раскрытую правую ладонь.

Но движение пальца Шульгина оказалось еще быстрее. У «томпсона» высокий темп огня, и короткая очередь прозвучала как грохот тракторного пускатча. Джорджа вместе с креслом отбросило назад и опрокинуло на ковер. Он так и остался лежать, разбросав руки, а ноги медленно соскользнули вбок и, задержанные подлокотником, застыли, нацелив в люстру острые носки начищенных ботинок.

И тут же рванулась вперед Сильвия, упала грудью на край стола, накрыла ладонью свой портсигар. Еще долю секунды Шульгин ощущал тупую боль в плече, задетом парализующим лучом, а потом его словно вывернуло наизнанку, он вновь пережил то, что почувствовал после удара копьем. И, удержавшись от провала

в беспмятство, вдруг понял, что вновь перед ним Джордж, не лежащий на полу с развороченной грудью, а делающий первую затяжку сигаретным дымом, и Сильвия, напряженно фиксирующая его остекленевшим взглядом, и сам он только-только касается пальцами спускового крючка... Он помнил то, что произошло только что, но очень смутно, неясно, как сон, оборванный резким звонком будильника. Спасло его именно натренированное на автоматизм подсознание. Программа оставалась прежней — внезапная опасность и необходимость адекватного ответа. Автомат отчего-то не сработал, значит — запасной вариант...

Уже много позже он догадался — секунд, наверное, через десять — и не догадался, а вспомнил вскользь сказанные и оставленные без внимания слова о «растянутом настоящем». После едва не ставшего роковым столкновения с грузовиком Ирина говорила, что с помощью универблока (то есть как раз портсигара) возможно зафиксировать текущий миг и даже отмотать время назад, если событие не стало необратимым, то есть не породило соответствующую цепочку причинно-следственных связей. Вот, значит, сейчас Сильвия это и проделала.

Но вспомнил-то он потом, а в тот самый миг левая рука его дернулась назад, натягивая шнурок.

Тишину разорвал отчаянный крик Сильвии.

— Нет! Не-ет!! — Она подалась вперед, не давая чеке выдернуться, и вскинула вверх руки, показывая, что в них ничего нет. И Сашка успел остановить рывок. Возможно, от хроношока реакция у него несколько замедлилась.

— На пол, лечь на пол! — почти истерически выкрикнул он и, бросив шнур, провел над головами агров ревушим и дергающимся автоматом. Сильвия и Джордж распластались на ковре с быстротой, сделавшей бы честь опытному фронтовику под обстрелом. В серванте напротив зазвенели под градом пуль бьющееся стекло и драгоценный фарфор. И только после этого Сашка полностью пришел в себя и все осознал.

Глотнув прямо из горлышка коньяк, Шульгин перевел дух.

— Ну, кретины, ну, сволочи! Что, мало я вас уже учил? Что вы дергаетесь... и так далее. ... Со всеми вашими игрушками, растянутым временем и прочим... Я вам сейчас не время, а... порастягиваю...

Постепенно он совсем успокоился. В конце концов все закончилось лучше, чем можно было ожидать. Нет, именно так, как он и рассчитывал. Иначе послал бы Антона со всеми его предложениями. Он ведь действительно был уверен, что сумеет выкрутиться. Вот и выкрутился. Но теперь не будет больше изображать джентльмена. Какое тут, на хрен, джентльменство?!

С размаху пнув Джорджа в бок и наставив в голову ствол, он бросил сквозь зубы:

— А ну вытаскивай ремень, вяжи ей за спиной руки... Так, теперь сам мордой вниз...

Наступив прищельцу ногой на поясицу, заставил завести руки назад и туго скрутил их снятым с автомата ремнем.

Поднял обоих с пола, поставил спиной друг к другу, закрепил гранату так, что малейшее движение любого из них могло освободить ударник запала.

— Ну вот, господа. Теперь дергаться не советую. Стойте, как на посту номер один, и слушайте. Выходит, что по-хорошему мы не договорились. Что крайне осложнило ваши перспективы. Тебе, например, вообще лучше бы не воскресать. Помер и помер, хлопот меньше. А теперь... Впрочем, еще один шанс я вам дам. Но для этого...

Сильвия в ходе его разглагольствований тоже пришла в себя и стала сбивчиво объяснять, что понятия не имела о замысле Джорджа, что готова была к честному сотрудничеству и доказала это, не используя универблок как оружие, а просто восстановив статус-кво...

— Вы все, когда прижмешь, ничего такого не хотели... Да уж ладно... Оставаться тут я больше не намерен. Не тот интерьер. Поэтому будем менять позицию.

Есть варианты. Или пешком по снегу до моей установки... А что? — перебил он себя, увидев удивление агтрианки, — думали, я так, погулять вышел? И аппаратура при мне, и база ваша под контролем, но, повторяю, по морозу с ветерком мне таскаться лень. Поэтому предлагаю напрямую перейти в мой лондонский отель, а там узнаете, что дальше. Сумеешь, подружка, отсюда — прямо туда?

— Сумею...

— Но предупреждаю последний раз! Больше никаких героических жестов. Смерти, я понял, ты боишься. Руки я тебе развяжу, но обниму крепко-крепко, и хоть в Лондон, хоть на тот свет — вместе. Все ясно?

И он действительно обнимал ее за талию, сжимая в руке гранату со снятой чекой, оставалось только пальцы разжать, пока она настраивала блок и открывала переходный канал. И лишь увидев знакомую комнату, успокоился.

— А ты, черт с тобой, делай что хочешь, но помни... — Он толкнул Джорджа в спину так, что тот упал на колени, и увлек Сильвию в номер с обшарпанными обоями и стойким запахом прогорклых пепельниц.

Подождал, пока закрылась межпространственная дверь, вставил на место чеку, сел на стул и подтолкнул Сильвию к соседнему.

— Кажись обошлось, слава тебе Господи... — взял из рук Сильвии портсигар, спрятал в карман, предвзительно достав две сигареты.

За окном только-только разгоралось раннее утро, совсем не сырое и туманное, будто не Лондон там был, а Подмосковье в самую золотую пору.

Сашка постоял у окна, повернулся к своей пленнице. Выглядела она измученной, потерянной и никак теперь не тянула на коварную и страшную предводительницу пришельцев.

— Знаешь, такая ты нравишься мне куда больше. А теперь послушай, что я тебе скажу...

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО II

...Антон принимал Сильвию с полным уважением к ее рангу, но — как победитель. То есть без всякой имитации своей и ее жанровых ролей на Земле. Принимал в комнате, по-форзейлиански меблированной и с панорамным окном, за которым простирался совсем не земной ландшафт. До двери ее проводил Шульгин, и она до конца все еще не осознавала, что с ней произошло на самом деле. (Как Кейтель на пути в Карлсхорст.) А вошла — и поняла, что проиграла окончательно. И Антон по ее лицу тоже понял, что никаких дополнительных методов воздействия не потребуется.

— Вот, располагайся, — сказал он по-агтриански, потому что не хотел больше говорить с ней на земных языках, но не был уверен, что пленница владеет языком Конфедерации, и указал на подобие низкой кушетки с пушистым покрывалом из сиреневых водорослей.

Сильвия не очень ловко присела, даже не пытаясь повторить его небрежно-причудливую позу, а по-европейски на этой конструкции расположиться с достоинством было невозможно.

— Я надеюсь, ты не забыла нашу последнюю встречу и достигнутое соглашение? Что ж, не могу не признать, что мы оба выполнили взятые на себя обязательства. И не твоя вина, что результат получился иным, чем ты рассчитывала. Просто в любом поединке побеждает кто-то один. Я оказался дальновиднее, и мои расчеты правильнее. Всего лишь...

— Не следует даже в таких обстоятельствах преувеличивать значение одной, пусть и значительной акции. Не раз бывало, что самые яркие успехи обращались в свою противоположность. Тем более что сейчас тебе нечем так уж гордиться. Успеха добился не ты, а один из этих... Кстати, скажи наконец, как мне их называть? Пусть моя игра и закончена, но все же я заслужила право знать, кому проиграла. Из какой системы они сюда пришли? Если бы центр вовремя прислушался к

моим предостережениям, оценил, какая нам грозит опасность... И кто есть кто в вашем союзе? Они — ваши наемники, или наоборот? Не бойтесь, что и сами повторите мою судьбу?

Антон рассмеялся совершенно по-человечески. Но смеялся, пожалуй, чуть дольше и натянутее, чем следовало бы, оставаясь он в своем обычном образе.

— Так ты до самого конца ничего не поняла? Это же самые обычные люди! Люди, и ничего больше. Даже без всякой специальной подготовки. Ваши эксперты на Таорэре должны были понять это, когда зондировали их личности для ментальной трансгрессии...

— Эксперты Таорэры ни при чем. — В отличие от хрестоматийных советских разведчиков Сильвия, признав свое поражение, не пыталась героически молчать, выкрикивать патриотические лозунги и с достоинством плевать в лица врагов. — Просто я не сообщала о своих подозрениях. Надеялась предварительно отыскать своего агента и собрать как можно более достоверную информацию. У меня ведь не было ничего, кроме одной двусмысленной фразы, твоих намеков и... использования нехарактерной для земного уровня техники. Тут моя главная ошибка. Надо было их просто уничтожить, а не затевать сложные многоходовые комбинации...

— Вот уж нет. Ты пробовала, у тебя просто ничего не получилось. Как и сейчас с Шульгиным. Мощная резидентура, без сомнения, высокая квалификация, богатейший опыт — и такой провал! — Антон снова рассмеялся. Пожалуй, ни Воронцов, ни его друзья не узнали бы сейчас своего старого приятеля в персонаже, похожем на сибаритствующего тирана античных времен. В роли ироничного и мужественного соотечественника он смотрелся лучше.

Сильвии его манера поведения тоже не понравилась. Она, как и Ирина, во всех своих мыслях, чувствах и реакциях была по преимуществу землянкой, причем англосаксонского воспитания, и не умела так легко перестраиваться. Она напряглась, поджала губы, слов-

но подготовившись к дальнейшим унижениям, моральным, а то и физическим, и это ясно отразилось в ее взгляде. Антон сразу сменил тон.

— Но на самом деле тут нет твоей вины. Ты и не могла выиграть. Карты так разложились. Твоя помощница поняла все гораздо раньше и сделала единственно правильный выбор.

— Все еще может измениться, — упрямо сказала Сильвия.

— Нет, не может. Ты до сих пор не поймешь. Вашей цивилизации просто нет больше. Она не существует в этом пространстве-времени. Ушла по отношению к нам в область гипотетических псевдореальностей. И развилка заблокирована навсегда. А лично тебя спасло от исчезновения знаешь что? Когда твои коллеги на Таорэре громили базу землян, их самодельная и весьма примитивная СВП-установка проработала на несколько секунд дольше, чем должна была. Возникла интерференция их и вашего волнового каналов. Образовался зазор между временами Земли и Таорэры. Он и рассек твою связь с базой.

Иначе ты и все твои люди, имеющие приборы, настроенные на контакт с Таорэрой, разделили бы ее участь. А так — ты здесь. Участь побежденной все же лучше растворения в Великом Ничто. Даже если назвать его по-земному — нирваной.

Но Сильвия, казалось, уже не слышала его последних слов. От внезапного и полного осознания масштабов и необратимости катастрофы она впала в состояние, близкое к шоку. И лишь то, что она обладала предельно крепкой и уравновешенной психикой, не позволило ей упасть лицом вниз на покрывало или прямо на полированный, как крышка рояля, пол и забиться в истерике, зайти в рыданиях, наконец, просто потерять сознание. Она ведь только что потеряла... не страну, не планету даже, а целую родную Вселенную. Антону пришлось волевым усилием подавить этот взрыв отчаяния, чтобы

вернуть ей самообладание и способность продолжать беседу.

— Смирись и прими свою участь как должное. — Эта установка впечаталась в приоткрывшуюся под воздействием шока область подсознания, и Сильвия действительно сбросила оцепенение, взгляд снова стал осмысленным, и голос, когда она заговорила, звучал ровно, пусть и без нормальных, живых интонаций.

— Какую же судьбу вы мне теперь уготовили? Быть пленницей на одной из ваших планет? Служить учебным объектом этнологов? Экспонатом в музее исчезнувших рас? Или просто наложницей в твоём гареме?

— Ты плохо обо мне думаешь. И у людей моего клана не бывает гаремов. Впрочем, это не важно. Просто на Земле я научился сентиментальности и тому, что здесь принято называть благородством. Мы с тобой много лет работали рядом, и обычно ты была достойным партнером. Пока что я себя ощущаю человеком больше, чем форзейлем, и я не хотел бы омрачать свое будущее воплощение воспоминанием о том, что обошелся с женщиной не так, как подобало. Возможно, впоследствии я об этом пожалею, но сейчас будет так, как решил тот, кого зовут Антоном...

— Ты слишком долго был русским аристократом, — в первый раз за время беседы улыбнулась Сильвия.

— Английский аристократ поступил бы иначе? Один из тех, с кем ты была близка?

— Пожалуй, нет. Аристократы везде одинаковы. Наверное, в этом тоже была наша ошибка. Выгоднее было бы избрать другие модели...

— Кто и что может утверждать наверняка? Случилось то, что случилось. Но давай оставим бесполезные умствования. Разумеется, мои слова будут иметь силу только в одном случае — если ты согласишься сделать то, что я тебе скажу.

Антон уловил мгновенную тень, промелькнувшую по ее холодно-красивому даже сейчас лицу, и сделал успокаивающий жест.

— Все это не имеет для ТЕБЯ и ТЕПЕРЬ никакого значения. Как, допустим, подписка о сотрудничестве, данная контрразведке Ашшурбанипала. А мне, чтобы обеспечить достойное меня будущее, потребуется твоя помощь. Скажу больше — у меня есть свои трудности и без тебя их преодолеть будет нелегко. Я должен составить по-настоящему полный отчет о своей работе и должным образом осветить ее наиболее выигрышные стороны... И даже... несколько интерпретировать события, участниками которых были мы оба...

Сильвия поняла, что он имел в виду, но решила вынудить его назвать все своими именами.

— Я нужна тебе как лжесвидетель? Ты хочешь с моей помощью ввести в заблуждение свое руководство?

— А если даже и так? Ты не можешь сказать, что для тебя неприемлема ложь. Наоборот, считай это своей последней операцией. Ты дезинформируешь верховное командование противника. Пусть это не принесет пользы твоему народу, но вред врагу ты причинишь...

— Ты не боишься, что на допросах или где-нибудь еще я вольно или невольно выдам тебя? Чтобы причинить вред не абстрактному, а вполне конкретному врагу?

— Не боюсь. Ты не встретишься ни с кем, кроме меня. Все будет сделано здесь. Мой отчет, записи твоих бесед с разными лицами, якобы полученные оперативным путем, документы, которые, кроме тебя, не сможет составить никто. Учти, что в моем распоряжении и Седова, и еще кое-кто. Качество материалов будет безупречным...

Сильвия задумалась. И думала достаточно долго. За это время Антон сформировал перед ней столик, накрытый для настоящего фэйф-о-клока, а унижающую (в обоих смыслах) кушетку перестроил в удобный диван.

— Скорее всего я соглашусь... — как бы продолжая размышлять вслух, сказала Сильвия. — Но что ты предложишь взамен? Неужели все-таки есть способ вернуть меня... домой? Или в ту реальность, что была

до катастрофы? — Она произнесла эти слова спокойно, но не сумела скрыть едва теплящейся, но — надежды.

— Даже боги не могут бывшее сделать не бывшим. Хотя в нашем случае правильнее бы сказать наоборот. То, о чем ты говоришь, теперь для всех, кроме нас с тобой и кое-кого еще, — как раз никогда не бывшее. И попытка вернуться к развилке заведомо обречена. В открытой для моих возможностей реальности ее просто нет...

— Как же тогда твой человек смог найти дорогу в Лондон? Я-то жила еще в прошлой реальности...

— Тоже нет. Ты жила как раз в том временном зазоре, о котором я говорил. И только потому, что я держал этот островок прежней реальности на прямом луче. И потратил столько энергии, что мой Замок начал растворяться в безвременье. Если бы Шульгин не успел тебя выгнать, черед двенадцать часов вы все исчезли бы...

— Тогда что ты мне можешь предложить?

— Я дам тебе возможность остаться человеком и прожить целую новую жизнь. По-настоящему свободную. Не помню кто, но, несомненно, мудрый из землян сказал: «В мире бытия нет блага выше жизни. Как проведешь ее, так и пройдет она...»

— Поясни. Я не вижу для себя способа прожить в какой-то новой реальности. Ты хочешь вытолкнуть меня в чужую действительность и предоставить неведомой участи? В моем возрасте, — она чуть усмехнулась, — включиться в незнакомый мир не слишком просто.

— Я знаю. И все равно даже такой выход лучше предстоящей судьбы, если я буду действовать по закону. К счастью, я могу предложить тебе гораздо больше. Те самые люди, среди них и твоя сотрудница Седова, и так изящно переигравший тебя господин Мэллони, он же Александр Шульгин, — они все в равном сейчас с тобой положении. И им некуда возвращаться, и они должны будут начинать новую жизнь в новой реальности. Но их восемь человек, они хорошо подготовлены к разным неожиданностям, и, став девятой, ты сохранишь все, что имела, а то и получишь гораздо больше... Впе-

рвые почувствуешь себя свободной и красивой женщиной, а не разведчиком на поле боя... Может быть, еще я буду тебе завидовать...

Предложение показалось Сильвии настолько невероятным, что она даже не нашлась сразу, что и как на него ответить. Она сидела, сжимая ручку прозрачной фарфоровой чашки, и смотрела на Антона широко раскрытыми глазами.

— С ними? С людьми, которые лишили меня всего? Да и я сделала все, чтобы их уничтожить. И это ты предлагаешь мне как выход и даже награду?

— Ну зачем же так удивляться? Один из твоих друзей и покровителей, то ли Гладстон, то ли Чемберлен, говорил, что у Англии нет постоянных друзей и постоянных врагов, есть только постоянные интересы... У тебя сейчас тоже один интерес, который совпадает с их интересами... Только с ними ты выживешь и сохранишь привычный тебе уровень.

Сильвия опять задумалась. Но поскольку базировалась ее личность на английской, а не на русской, как у Ирины, основе, ей принять рациональное решение было легче. Никаких рефлексий по поводу нравственной стороны вопроса.

— Допустим. Но что же может ждать их... нас в предложенном тобой варианте?

— Не берусь сказать точно. Им решать. Однако не думаю, что они выберут аналог своего времени... Я бы посоветовал, пожалуй, начало века. Разве тебе не покажется заманчивым еще раз прожить те годы, исправить кое-какие ошибки, по-другому построить отношения со своими друзьями? Ты, помнится, была близка к кружку леди Астор, встречалась с сэром Уинстоном... Представь, ты снова приезжаешь в Кливден, по-прежнему молодая, прекрасная и богатая, знаешь, что со всеми будет дальше, у тебя новые возможности, а главное — право поступать теперь, как хочется тебе, а не как требует долг... Вспомни, ведь иногда он тебе мешал?

Сильвия вдруг увлеклась предложенной темой, и

они довольно долго вспоминали, когда и как по разные стороны фронта занимались одними проблемами, уличали друг друга в ошибках, которые становились очевидными позже, чем их можно было исправить, и, напротив, смаковали удачные пассажи, кому бы они ни принадлежали. Так сошедшие с круга гроссмейстеры со вкусом обсуждают партии, чуть было не приведшие к мировой короне.

Потом она собрала всю силу духа и, как недавно Антон, послала ему в один из мозговых центров точно направленный и сфокусированный импульс. Он, конечно, сможет его отразить, но не мгновенно, и она успеет получить ответ на главный для нее вопрос.

И он ответил:

— Нет, как раз здесь нет моей выгоды. Я на самом деле хочу тебе помочь. Если сама ничего не испортишь, они тебя примут...

Антон на мгновение прикрыл глаза и тут же вновь открыл их, такие же ясные и насмешливо-проницательные.

— На этот раз у тебя получилось. Но только потому, что я ничего и не собирался скрывать. Все же вы слишком подозрительны, аггры. Неужели ты еще не убедилась за время знакомства, что я привык играть честно? Как вы там, в Лондоне, в бридж. Для чего мне сейчас, после полной и окончательной победы, затевать новую интригу? Я уйду с Земли навсегда, без всяких проблем мог бы уничтожить тебя чужими руками или просто предоставить воле рока... Неужели так трудно поверить, что я на самом деле решил устроить твою судьбу?

Сильвия в третий раз за сутки ощутила свое поражение. И больше ей не хотелось пытаться изменить неизбежное.

— Что я должна для тебя сделать конкретно?

— Этим мы займемся завтра. Я посажу тебя перед моим информарием, ты наденешь шлем и вступишь с ним в прямой контакт. Он сам знает, что от тебя требуется. Твоя задача одна — не сопротивляться и не иска-

жать без особой команды информацию. А после этой процедуры я как можно деликатнее введу тебя в круг будущих друзей. С Шульгиным ты уже знакома... А с Седовой?

— Знаю о ней все, но лично не встречалась... Но Шульгин — он же меня ненавидит. После некоторых действительно не слишком приятных эксцессов...

— Ошибаешься. Он тобой восхищен! И не только как женщиной. Надо лучше его знать. Он тебя победил в честном единоборстве и теперь любит, как коллекционер — жемчужину своей коллекции... Но только вот что — тебе придется с помощью информария избавиться от своей, даже подсознательной, агрессивности. Не ровен час, она у тебя проявится невольюно...

— Согласна, — почти без колебаний ответила Сильвия. — Но только от агрессивности, привнесенной профессией и воспитанием. Естественный уровень останется при мне.

— Конечно, конечно. Я ведь и сам не заинтересован, чтобы ты превратилась в унылое беззубое существо. Они, твои друзья и коллеги, ценят только самостоятельных и сильных. Иначе, сама понимаешь, перчатку на ринге поднял бы кто-то другой...

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО III

...На этот раз Антон явился на административную планету легально, чтобы предстать перед Советом или той его частью, которая будет уполномочена решать судьбу его и Бандар-Бегавана.

Чувства обреченности он не испытывал, хотя, погружившись в родную атмосферу, несколько потерял в обычном своем земном оптимизме.

Первый свой визит он нанес, как и обещал, профессору.

За время его отсутствия положение Председателя значительно, почти катастрофически ухудшилось. Его практически отстранили от реальной деятельности, пусть

даже номинально он еще занимал должность, сохраняя весь набор прав и благ, но реально ощущал себя уже ступившим на «путь просветления». Кабинет референта занимал довольно несимпатичный псевдогуманоид, который вел себя, по меркам Департамента, почти вызывающе. Во всяком случае, с дипломатами такого ранга, как Антон, мелкие чиновники Внутренней администрации всегда держались с почтением. А сейчас этот «псевдохомо» только что в носу не ковырял и допустил Антона в кабинет лишь после нудного и бестолкового «предварительного собеседования».

Антон разозлился до зуда в кончиках пальцев и вошел к профессору в хорошем бойцовском настроении.

Вид шеф-атташе, загорелого, разгоряченного конфликтным диалогом, плохо вписывался в интерьер покоев Председателя, проникнутый апатией, меланхолическим смирением и ароматом успокаивающих трав.

— Считайте, что мы уже победили, Учитель, — неподнятым тоном сообщил Антон после положенных приветствий. — Все документы и ментаграммы у меня здесь, — он коснулся верхних складок форменного плаща. — И мне интересно будет наблюдать за реакцией членов Совета, когда они соберутся для вынесения своего вердикта!

В ответ он получил вялый отстраняющий жест.

— Не надо. Я не хочу ничего знать. Ты представишь отчет, или что там у тебя есть, и пусть случится то, что должно. В меру наших заслуг и нашей вины. Я контрастную твою официальную, адресованную на мое имя записку, в остальном будь волен в своих поступках. И не говори мне ничего. Я тебе не судья и не соучастник...

— О вине не может быть и речи, совсем наоборот... — Он хотел достучаться до бывшего профессора, самоуверенного, даже агрессивного, автора многих epochальных трудов с эпатирующими послылками и скандальными выводами, но видел перед собой старца с потухшим взглядом. И после того, как Бандар-Бегаван движением руки поставил между собой и верным учеником туман-

ную, почти непрозрачную завесу, Антону оставалось только откланяться, изобразив на прощание фигуру крайнего разочарования.

«Что же еще могло случиться после того разговора? — недоумевал он, спускаясь по знакомой лестнице. — Старик сломан, будто его уже подвергли публичному покаянию. Но это невозможно. Будь мы на Земле, я решил бы, что его кабинет прослушивается, а самого загружают наркотиками... Но здесь такого последнюю тысячу лет не бывало, если я хоть что-нибудь знаю о процедуре... Что ж, пусть даже так. Вообразим, что я по-прежнему окружен агтрами, вдобавок уже проникшими в Совет и в Департамент соответствия... проиграть им сейчас было бы совсем унижительно... — И Антон усмехнулся нехоти родившейся мысли: — Уж тогда-то Шульгин окончательно поймет, кто из нас дурак...»

Это воспоминание о Шульгине в такой момент его даже несколько позабавило — как же глубоко он погружен в земные реалии, если и сейчас, в роковой, по-настоящему критический момент, придает значение мнению человека. А ведь оно должно волновать его куда меньше, чем египетского фараона, — точка зрения раба на необходимость строительства пирамиды.

Возвратившись в отведенное ему гостевое бунгало, Антон первым делом погрузился в горячую, насыщенную радоном и серой воду высеченного в нефритовой скале бассейна, заставил себя расслабиться и, впадая в транс, подумал, что самоустранение Бандар-Бегавана пойдет скорее всего лишь на пользу их замыслу. Старик не будет связывать инициативу и досаждать пусть и безупречными этически, но неуместными в предстоящей борьбе сентенциями.

Последним волевым усилием он подключился к единой информационной сети «Системы» и растворил свою индивидуальность в доступных ей уровнях интеллекторной сферы.

А ближе к вечеру, когда свирепое экваториальное светило коснулось зубчатой горной гряды, Антон, заря-

женный физической и нервной энергией, с подсознанием, свободным от тайных сомнений и настроенным на успех во всех своих начинаниях, приступил к делу. Окончательно отринув клановые предрассудки и опираясь на детально проработанный, многократно подстрахованный план.

Мало того, что этот план учитывал все традиции, обычаи и прецеденты вводимых в интригу департаментов и служб, он еще и опирался на богатый опыт европейских бюрократий, восточных деспотий и преступных сообществ Японии и Китая.

Главной же «бомбой» Антон считал реконструированный с помощью Книги, десятков давно выведенных из оборота документов, показаний Ирины и Сильвии «протокол» сговора высших правящих сфер Галактической Конфедерации и Агтрианского союза, который и предопределил на многие века вперед состояние бесконечной бесцельной и, по всем канонам, абсолютно аморальной информационно-психологической войны. Даже намек на возможность оглашения такого документа мог вызвать катастрофические для Совета Ста миров последствия.

И ведь что самое интересное — начиная реализацию своего замысла, Антон и помыслить не мог, какие ему откроются бездны.

Он ведь, невзирая на свой опыт и стаж, был всего лишь честным идеалистом, как и подобает уважающему себя члену клана форзейлей. И привык верить в абсолютную нравственность и «историческую правоту» Конфедерации. Теперь же получалось нечто совсем иное.

Тем не менее в глубине души Антон продолжал надеяться, что нынешний состав Совета, узнав и поняв то, что теперь известно ему самому, примет решение истинно мудрое. Ну а уж если нет... Тогда Антон удовлетворится устройством своей личной судьбы, но навсегда откажется от Подтверждения Соответствия, то есть, выражаясь по-земному, от участия в конкурсах на право баллотироваться в члены Совета Ста миров.

Однако очень скоро Антону пришлось испытать гораздо более сильные ощущения, чем те, на которые он рассчитывал. Он успел нанести всего два или три предусмотренных планом визита, сдать крайне хитро составленный отчет и запросить о сроках предварительного собеседования с секретарем Малого жюри. Срок был определен в пределах ближайшей декады, и, таким образом, времени на все задуманное хватало с избытком. Но на следующий день он получил экстренную и конфиденциальную ментаграмму, предписывающую немедленно явиться в Секретариат Совета.

Встревоженный, он исполнил предписание. Там, в Церемониальном зале, освещенном переливающимися бликами полуденного океана, до невероятности любезный Администратор одного из высших рангов вручил ему патент на звание Тайного Посла первого класса со всеми вытекающими правами и привилегиями, а также Особо Важную Инструкцию, которую надлежало активизировать не ранее возвращения в свою земную Резиденцию.

«Однако! Один лишь миг, и стандартная операционная база превратилась в Резиденцию...» — подумал Антон, сразу не осознав смысла происшедшего. А Администратор продолжал плести фразы, составленные исключительно из слов Парадного Стиля. Суть же их сводилась к тому, что досточтимый Тайный Посол никак не связан сроками, может в разумных пределах наслаждаться самыми изысканными удовольствиями на любой из планет Метрополии, но когда он сочтет необходимым возвратиться к исполнению своих Высоких обязанностей, Инструкция должна быть исполнена неукоснительно и в полном объеме.

...Давно уже можно было начать наслаждаться преимуществами своего внезапного возвышения, переселиться в подходящие апартаменты, созвать друзей, покровителей и коллег на то, что по-русски можно назвать банкетом или даже пиром, а Антон все сидел на скамье повисшей над водами бухты ажурной ротонды и мучительно размышлял. Впервые за время своей дипломати-

ческой карьеры он ощущал растерянность. Того, что случилось, случиться было не должно.

И значит, его представления о порядке вещей неадекватны реальности. Как, скажем, если бы в царской России посаженного на гауптвахту поручика вдруг отвезли в Зимний дворец и министр двора граф Фредерикс передал ему Высочайшее повеление о назначении петербургским генерал-губернатором.

Такого не бывало даже при Павле Первом, насколько ему известно.

Выходит, что знакомый и привычный ему мир управляется совсем другими законами. Жесткая и незыблемая система управления таковой не является, и, следовательно, Галактическая Конфедерация как бы не существует. Он попытался совсем немного нарушить традицию, намекнув «Системе», что знает о ней нечто сверх дозволенного и намеревается эти знания использовать в обход существующего порядка и... в личных целях! А в личных ли, возникает теперь вопрос. Он как бы поставил себя выше «Системы»; вообразил себя землянином, захотел воздействовать на нее извне, а не изнутри. И тут же понял — или ему дали понять? — что «Система» на деле не более чем одна из «подсистем», направляемая и регулируемая чем-то гораздо большим. Таким образом, продолжал рассуждать Антон, ему как бы подан Знак. Но о чем это говорит? Что отныне он приобщен к неким высшим сферам и выведен за рамки общих правил? Или наоборот? Мол, мы тебя заметили, оценили, наградили. Получи и успокойся. Хотя бы здесь, в Метрополии. А Инструкцию узнаешь там, где вреда от тебя уже не будет...

Ему стало очень неудобно. При любом повороте он переходит в иное качество. Взамен необходимо расстаться с жизнью, к которой он привык, которая ему нравилась, да и просто казалась единственно возможной...

Антон теперь только осознал, как должен был чувствовать себя Воронцов при их первой встрече. Некий пришелец, носитель высшего разума, вторгся внезапно

в его жизнь, заставил делать нечто совершенно ему лично ненужное и сокрушил все представления о прошлой и будущей жизни. Просто потому, что указанный пришелец счел его, Воронцова, пригодным для участия во вселенских играх, отчего-то захвативших и его родную планету.

Но Воронцов сумел выдержать шок достойно. Теперь пришла и твоя очередь, Тайный Посол...

Он действительно приблизился к разгадке, но пока еще не знал, насколько и что последует далее.

Как-то в разговоре с Новиковым Дмитрий заметил:

— Не воспринимаю я Антона как носителя высшего разума, представителя расы, повелевающей Галактикой. Слишком он... человекообразный. Я больше Стругацким верил, про всех этих люден, Странников и прочих... Вот там действительно... Высший разум должен быть несопоставим и непостижим для нас...

— Ты, кстати, тоже не слишком похож на представителя расы, способной за минуту уничтожить планету со всем населением, умеющей пересаживать сердца и создавать суперкомпьютеры. — Новиков охотно подхватил тему, потому что и сам неоднократно размышлял о том же. — Лично ты не похож. Умеешь на уровне надсмотрщика с триремы погонять своих матросов, чуть лучше Колумба определяешься по звездам, знаешь, как пользоваться радиолокатором, стрелять из пистолета, включать телевизор... Еще кое-что. — Андрей развел руками. — Но ведь поселись ты среди пигмеев Конго, в чем сможешь проявить свое величие, кроме как парой фокусов с радиотелефоном, телевизором на батарейках, умением убить на расстоянии, чуть большем, чем позволяет примитивный лук, залечить с помощью антибиотиков рану от когтей леопарда... Это так, первые попавшиеся примеры. Я вот, размышляючи и с Ириной давно общаясь, для себя так предполагаю — а если, скажем, Антон наш нечто вроде того самого муравья, о котором Берестин неглупо написал. Живет он в необыкновенно сложно и хитро устроенном муравейнике, а

сам по себе — исчезающе малая величина, носитель миллионной доли общей функции, и не всего муравейника даже, а своего подвида, солдат там, фуражир или доильщик тлей...

А в нашем случае он — именно контактер, связник между несравнимыми по уровню цивилизациями. Так же, как Ирина...

— Понижающий трансформатор, — рассмеялся Воронцов. — Понижающий интеллектуальный уровень своей цивилизации до приемлемых параметров.

— Совершенно верно. Чтобы лампочку на двести двадцать к стокиловольтной ЛЭП подключить...

Как всегда, интуитивно они угадали главное. Антон на самом деле представлял не суперцивилизацию, а лишь один из ее уровней. Уровень настолько близкий к протоцивилизациям типа земной, что между ними возможно прямое взаимодействие. И хоть разность технических потенциалов во многом превосходила самые смелые допущения земных мыслителей, принципиальной разницы между ними не было. Как между пигмеями Конго, на которых сослался Новиков, и... ну пусть даже Эйнштейном или Сахаровым. А если на место пигмея из тропического леса поставить древнеегипетского жреца, а на место Эйнштейна — просто способного инженера, так вообще станет не слишком понятно, кто кого превосходит.

Тем более что Антон, в силу особенностей развития своей цивилизации, был подготовлен к осознанию истинного положения вещей даже меньше, чем Новиков с Воронцовым.

Потому что он-то на самом деле считал себя носителем высшего разума, и все происходящее во Вселенной — плодами именно этого разума. На самом же деле все было совсем не так.

...К ночи Антон, не желая демонстративно нарушать традиции, выказывать неуважение к только что обретенному рангу, переселился в удобный коттедж высоко в горах. Там, на краю окруженного изумрудными ска-

лами плато, среди насыщающих воздух радужным туманом целебной воды гейзеров, и похожих на дворцы древних владык виллах отдыхали местные чиновники старших рангов и высокопоставленные визитеры. Там и нашел его Бандар-Бегаван.

Они сидели на обращенной в сторону индигово-лимонного заката веранде, и вновь приободрившийся профессор, согрев в ладонях фарфоровую пиалу, процитировал старинный стих:

Приятен терпкий аромат
Ланлинского вина.
Им чаша яшмовая вновь
Как золотом полна...

— А чем, позвольте узнать, наградил вас мудрейший и справедливейший Совет? Надеюсь, они не поскупились? — спросил Антон, дослушав декламацию Учителя.

— В твоем голосе я слышу иронию. Вряд ли она уместна. Прав оказался я, а не ты. Видишь, и без твоих сомнительных авантюр все разрешилось наилучшим образом. Со вчерашнего дня я — Пожизненный Наставник!

Антон склонил голову. Старик достиг вершин желаемого, но, похоже, так ничего и не понял. А не понял ли? Или понял все гораздо раньше и счел за благо сыграть в смирение, которое не только на Земле паче гордости?

— Скажите, Учитель — если мне дозволено по-прежнему называть вас так, — а вам не показалось странным как начало нашей истории, так и ее неожиданный, хотя, безусловно, приятный конец? Не слишком ли все это экстраординарно? — Он все же попытался еще раз прощупать старика. Неужели даже сейчас, в их скорее всего последнюю встречу, тот не приоткроется, хоть намеком не подскажет ученику, как жить дальше?

— Не мудрствуй сверх меры, друг мой. Я намного мудрее тебя, и не только в силу возложенной на мои плечи мантии. Победа наша значительна, и заслуги велики. Их просто недооценили сразу поглощенные сиюминутными заботами не слишком просветленные чи-

новники. А потом все попало в поле зрения тех, кто Видит и Знает.

Результат налицо. И достаточно об этом. Выслушай лучше еще несколько стихов, а потом мы обсудим перспективы твоей грядущей карьеры. Я не намерен забыть о тебе и хочу после завершения новой миссии предложить тебе свою прежнюю кафедру...

— Вы что-нибудь знаете о моей... миссии?

— О ней мы поговорим в свое время, а сейчас слушай стихи. Я думаю, они помогут тебе понять еще кое-что важное...

...Лежа на обширном низком ложе, Антон смотрел в круто изогнувшийся над ним купол ночного неба, гораздо более черного, чем на Земле, и усеянного немыслимым количеством звезд, среди которых невозможно было выделить какие-нибудь созвездия, так равномерно и плотно они располагались.

Разговор с Бандар-Бегаваном не принес ни радости, ни успокоения. Скорее даже напротив. То, что ему якобы, по словам Наставника, предстояло сделать на Земле (а откуда, кстати, тот мог знать о содержании Инструкции?), Антону, конечно, понравиться не могло. Ведь кем он был по самой своей сути? Карьерным дипломатом, уроженцем планеты с довольно архаическими традициями, где до сих пор сохранились твердые принципы клановости, своеобразно понимаемой рыцарской чести, сложная философско-этическая система, заменяющая религию. И хотя уже очень давно они, форзейли, входили в Галактическую Конфедерацию, овладели всеми достижениями ее науки и техники, но все равно сохраняли свою неуловимую особость и лучших своих представителей направляли в соответствующие своему генотипу сферы деятельности: в ту же дипломатию, галактическую разведку, психологические службы или отрасли эзотерических и мистических знаний. Антону, например, досталось работать на Земле, и он всегда был этим доволен. Считал, что занимается делом важным и перспективным. Что самым блестящим образом и под-

твердилось. Не кому-то еще, а именно ему довелось поставить точку в самом длительном конфликте галактической истории. А теперь вот выяснилось, что все обстоит совсем по-другому...

Не то чтобы его слишком уж сильно волновали моменты идеологические, за время работы он достаточно убедился в относительности всяких принципов и догм, гораздо труднее было принять факт, что он прожил довольно много, не имея понятия, в каком именно мире живет.

Казалось бы, все устроено разумно, прочно, на века, скорее даже — на вечность. За исключением войны с агграми — которая, кстати, никак не отражалась на реальной жизни большинства разумных, населяющих те самые пресловутые Сто миров, ну, может, на самом деле их чуть больше или меньше. Но теперь истинная картина реальной Вселенной должна быть пересмотрена. Если не такова, как казалась, система административно-политическая — а она изображалась как единственно возможная для эффективного функционирования объединяющей все планеты и планетные системы Конфедерации, — то отчего не быть иной вообще всей картине мира?

Продолжая размышлять, сопоставляя ставшие известными ему факты и возможные их интерпретации, Антон незаметно погружался в сон. Но чем-то это засыпание тоже отличалось от обычного.

Казалось, что он как раз не погружается, а, наоборот, воспаряет в бездонную высь ночного небосвода. И так же, как в космосе, направления вверх и вниз потеряли свой смысл, и ему показалось, что началось стремительное падение, тут же перешедшее в горизонтальный полет среди звезд, по всем направлениям сразу. Будто его локализованный внутри черепной коробки мозг превратился в облако газа или плазмы и со световой скоростью расплывется в межзвездном вакууме.

Сохраняя какое-то остаточное самоощущение, он даже понимал, насколько разреженной становится его

личность, разлетающиеся ее фрагменты стремительно теряют связь между собой, начинают словно бы автономное существование. Чем-то это походило на классическую картину Большого Взрыва. И следовательно, переставая быть самим собой, он начал осознавать себя аналогом формирующейся Вселенной.

И как раньше его личность включала в себя знание собственного анатомического устройства, законов, по которым функционирует организм, так теперь Антону стала приоткрываться суть Вселенной, в которую он превращался.

Он никогда не изучал всерьез фундаментальных космогоний, имел представление о физике микро- и макромира примерно на уровне земных читателей популярных журналов, но сейчас свободно понимал то, чему не имелось даже названий.

Без всякого удивления он осознал, что многомерность мира имеет не только абстрактно-теоретический, но и вполне конкретный смысл, и что вся их могущественная Сверхцивилизация в сравнении с этим миром не более чем тонкая пленка плесени на предметном стекле микроскопа. Возможно, тоже убежденная в своей значительности и вполне самодостаточная.

Следующим этапом постижения стало ощущение пронзающей и связывающей этот мир, эту Гипервселенную гигантской сети, равно похожей на структуру мозга и нервной системы человека и на устройство чудовищных размеров компьютера.

Благодаря этой сети сама Вселенная превращалась в своеобразное псевдомыслящее устройство, способное не только усваивать и перерабатывать информацию, но и воздействовать на свое собственное физическое состояние. Также по аналогии с разумным биологическим существом.

И наконец, как некое последнее озарение к нему пришло понимание того, что структура эта — искусственного происхождения! Плод миллионолетних трудов совершенно уже невообразимо могущественной цивили-

лизации, если только столь банальный термин можно применить к уровню развития мыслящей материи, способной управлять аксиоматикой N-мерной Гипервселенной, интеллектуальным усилием создавать Галактики с любыми заданными свойствами, играть реальностями так же, как опытный софист играет словами...

Из всего этого следовало, что Сверхцивилизация, к которой принадлежал Антон, и Сверхцивилизация аггров, и еще десятки подобных же образований в данной трехмерности, в трехмерностях иных порядков, которые были или еще только будут, а также прочие мыслимые и немислимые миры, существующие в четырех- и более мерных континуумах, — всего лишь артефакты, продукты, а может быть, и отходы «мыслительной» деятельности каких-то совершенно непредставимых существ.

Осознание всего вышесказанного полностью исчерпало интеллектуальные возможности Антона, а может быть, некий проникший в его мозг информационный импульс ничего, кроме этого, не содержал, но его распространившаяся на миллионы парсек и миллиарды лет личность практически мгновенно вновь сжалась до пределов естественной локализации.

Он проснулся, или очнулся, на том же роскошном, покрытом фиолетовым мехом ложе и, обессиленный, только и успел перевести в слова и мыслеобразы исчезающе малую часть открывшейся (или открытой ему) истины.

Если все это не было бредом, галлюцинацией, вызванной переутомлением или наркотическим действием редчайшего вина с планеты Ланлинь, то понятным становилось очень и очень многое. За исключением одного — неужели та самая сверхцивилизация в состоянии заметить столь исчезающе малую частицу реальности (в одной из многих реальностей), как отдельный человек?

Ну а если посмотреть с другой стороны, даже земная наука может во время грандиозной эпидемии выявить и рассмотреть одну-единственную чумную палочку и отыс-

коть песчинку, попавшую в гигантский механизм... Для них, наверное, нет вообще ничего невозможного. Особенно если поступки мыслящих элементарных частиц, считающих себя венцом творения, вызвали какие-то значимые деформации в их умозрительной реальности...

А перед тем, как заснуть по-настоящему, Антон успел спросить себя, как теперь, возможно ли продолжать жить как в ни в чем не бывало, зная, что и ты сам, и весь вообще мир — не более чем эманация чьего-то разума? И ответил — а почему бы и нет? Велика ли разница — быть продуктом прихоти Бога, сцепления случайных атомов или интеллектуальных игр существ, которых нельзя ни вообразить, ни увидеть?

Пожалуй, можно предположить, что вместе с дарованным Знанием суперсущества позаботились и о том, чтобы восприятие знания не привело объект воздействия к непереносимому шоку.

Утром же Антон долго пытался понять, было ли что-нибудь вообще, кроме яркого сна-фантазии на космогоническую тему?

Такое решение значительно облегчило бы дальнейшую жизнь, однако жизненный опыт и иные, более глубокие чувства подсказывали: правда ему открылась или нет, но лучше впредь исходить из возможности если и не именно такой картины мира, то из предположения, что некие высшие силы и уровни существуют, что они контролируют ситуацию, и что, наконец, очередная встреча с ними — не за горами...

Глава третья

...Снова Воронцов с Антоном сидели на полукруглом диванчике у открытой балконной двери адмиральского кабинета, где для Дмитрия вся история и началась. Только теперь кабинет выглядел, как во время работы Морского министерства над Большой судостроительной программой после русско-японской войны. Всюду разложены альбомы, справочники, чертежи и

рисунки, на столе и подоконниках — несколько великолепно выполненных моделей трансатлантических лайнеров, реально существовавших или скомпилированных из разных прототипов. На резном столике в углу похрюкивал кофейник, сквозь полуоткрытую дверь соседней комнаты виднелся край дивана с наброшенным на него пледом — Воронцов, поглощенный работой над проектом, здесь же и ночевал.

Антон с обычной слегка вальяжной манерой очень уверенного в себе человека, которому и черт не брат — такой тип иногда встречался среди высокопоставленных и в то же время интеллигентных, слегка вольнодумных партийных работников, — повествовал о своих похождениях в Метрополии. Еще не зная истинной причины столь неожиданной откровенности, но догадываясь, что причина есть, Воронцов с интересом слушал хлесткие, злые оценки, почти в щедринском духе, нравов и манер галактической бюрократии. А Антон просто давал выход эмоциям, до того подавляемым дисциплиной и осторожностью.

Терять ему теперь было нечего, да вдобавок Дмитрий был для него одним из тех немногих, кто мог разделить удовлетворение от выигранной, как бы там ни было, партии.

Сомнения же и мрачные мысли здесь, на Земле, словно бы отошли в туманную даль. Тем более что ничего особенно неприятного Инструкция в себе не содержала. Во время беседы с Бандар-Бегаваном Антон предполагал гораздо худшее.

Разговор получился совершенно светский. Воронцов в нужные моменты задавал вопросы, и Антон на них отвечал, судя по всему — вполне искренне, затрагивая такие моменты инопланетной жизни, которых раньше предпочитал не касаться, а от излишнего любопытства собеседника умело уходил.

Словно бы невзначай возникла тема дальнейшей Антоновой судьбы.

— Боюсь, что довольно скоро нам придется рас-

статься. Хотя я теперь и Тайный Посол с неограниченными полномочиями, а фронта работ для меня, похоже, не найдется. Здесь я свою миссию считай что завершил. Так, кое-какие шероховатости устранить, и все. На других планетах, кроме Земли, настоящей работы тоже не будет, скучно там... да и интриганы всякие не успокоятся, найдут способ напакостить. Действительно наукой заниматься, что ли?

Антон окончательно превратился в глазах Воронцова в нормального советского аппаратчика, за рюмкой водки рассуждающего в сауне о вариантах своей и чужих карьер. Был у него такой приятель, секретарь парткома пароходства, весьма толковый парень, жаль, что сел во время андроповской чистки рядов...

— А здесь пожить не хочешь? — спросил Дмитрий, не подначивая, а с дальним прицелом. — На покое. Тебе Земля вроде нравится. Придумай какую-нибудь подходящую отмазку, проблему важную якобы, и пересидишь смутные времена, пока нормализуется все у вас...

— Ну уж нет, упаси Бог! Служил бы ты где-нибудь в Полярном или Северокурильске, получил бы адмиральские погоны с отставкой в придачу, неужели так бы и остался в своем бараке, ни в Питер, ни в Москву не захотел возвращаться?

— Бывает, что и остаются. И там не всегда плохо. На тех же Курилах, к примеру...

— Я ж и не говорю, что совсем плохо... Только ты про рыбалку небось вспомнил, про красоты дальневосточные, про пикнички со свежими крабами и медицинским спиртом? — Антон засмеялся и потер руки исконно русским жестом, будто и сам неоднократно принимал участие в таких офицерских мероприятиях. А ведь и принимал, наверное, под журналистской своей крышей или под какой-нибудь другой.

— Нет, и я про Землю вспоминать буду, и даже с тоской, а все равно база подводных лодок в скалах и трехэтажная вилла, пусть не на Палм-Бич, пусть в Гульрипше, — две большие разницы.

Воронцов не мог с ним не согласиться, пусть и трудно, эмоционально трудно было ему это представить. Если уж Замок и вся Земля со своими красотами и прелестями для Антона вроде лейтенантского щитового барака, в котором сам он прожил два года в Аниве... Посмотреть бы лично на тамошнюю жизнь. Дмитрий вспомнил свое первое впечатление от Нью-Орлеана, когда после военной службы сумел наняться третьим помощником на сухогруз и, преодолев Атлантику, сошел на берег, по уши напичканный душеспасительными речами помполита... Да-а... Но теперь уж не удастся увидеть чужие миры, натрепался тогда форзейль.

Но касаться этой темы больше не стал, спросил о другом:

— В чем все же ошибка была твоя? Не могли же тебя обвинить впрямую, что чужие шкурные интересы нарушил, о пользе дела радея? Было хоть что-то, к чему прицепились? Цивилизация же у вас там, не феодализм, в самом деле?

— Рискованное занятие — оценки цивилизациям давать. Особенно с марксистских позиций. Ты же мне не поверишь, если я скажу, что у вас в Союзе пострабовладельческий строй намного регрессивнее, чем в Древнем Риме? И правильно сделаешь, потому что все куда сложнее и... хуже. Вот и у нас. С одной стороны — действительно сверхцивилизация, даже Сверхкоммунизм, вашим языком выражаясь, а с другой — почище империи инков, до межзвездных полетов развившейся. Но я не об этом. Ошибок и мои предшественники, и я лично на Земле порядочно наворотили. Достаточно, чтобы вот лично меня из дипломатов таки выгнать. Не с той формулировкой, что мне клеили, но ... Один мой умный коллега знаешь что сказал? Совсем недавно, когда я уже реабилитирован был и обласкан. Что, покончив с аграрями, я всю нашу цивилизацию в такое болото загнал... Поначалу я не понял, но потом разобрался. Не столько в своей конкретной вине, сколько в ходе его мыслей. Эта так называемая «война» сплавивала входящие в Кон-

федерацию народы, расы, давала им общую, якобы благородную цель, а также не давала проявляться... ну, по-вашему говоря, великодержавному шовинизму и тоталитарным тенденциям наиболее развитых и могущественных звездных систем. Вот как если бы Сталину на самом деле удалось самому, без союзников победить Гитлера году в сорок втором и установить советскую власть во всем мире... Чего от Новикова агтры и хотели.

— Ну, может быть, и не слишком не прав твой коллега... — кивнул Воронцов.

— Я и не говорю, что совсем не прав, да дело не в этом. Тут другое важнее. Слишком поздно я понял, что вкочлененные в меня алгоритмы активной дипломатии на Земле все время работают неправильно. Искажаются настолько, что чуть не в противоположность свою обращаются, и всегда так бессистемно, что никаких поправок на девиацию изобрести невозможно. И мозги у нас для Земли неподходяще устроены. Вот, на твой взгляд, я человек самый настоящий, а по правде говоря — все равно форзейль. И в свои представления, в те постулаты и логики, которыми оперирую, серьезных корректив внести не могу. В бытовом-то плане я умный, умнее каждого из вас, но не в состоянии настолько свою психику переделать, чтобы в должной мере человеческую информированность с родным менталитетом совместить. И в каждый конкретный момент выигрывая тактически, мы лишь приближаем стратегическое поражение.

Хочешь, скажу, в чем мои предшественники кардинально ошиблись, отчего история ваша на перекокс пошла? Когда, геополитическую концепцию раннего средневековья выстраивая, сочли необходимым помочь Руси Хазарский каганат уничтожить.

— При чем тут каганат? — искренне удивился Воронцов. Про хазар он знал не больше, чем можно почерпнуть из «Песни о вещем Олеге».

— Да вот при том самом. Может, и с агтрами сейчас та же ошибка. Решили тогдашние аналитики, что после

избавления от хазарской опасности расцветет русская держава, с половцами и печенегами поладит, превратится в северную Византию, истинный Третий Рим, достигнет немыслимых высот культуры, Европу и весь мир за собой поведет. И главное, все предпосылки к этому на самом деле имелись!

Сам помнить должен — Киев, Новгород... Мегapolis по тем временам, когда Париж деревней был, про Лондон и не слышал никто. А тут молодой этнос, мозги до невозможности изобретательные, строй мыслей эдакий... Космический... А хазарскую пробку вышибли — и открыли дорогу кочевой Степи. Возможность же появления таких фигур, как Чингисхан вкупе с Субедеем, предвидеть за триста лет никакая теория не могла. Ну и пошло. В 1237 году наша тогдашняя резидентура попыталась вмешаться, не допустить полного разгрома русских войск, но, увы, погибла сама в полном составе.

Кстати, не без участия аггров. С того момента мы уже не свои сверхзадачи решали, а пытались только размахи маятника гасить. Каждое же активное вмешательство новую волну непредсказуемых следствий вызывало... Отчего, кстати, кое-кто из тогдашних наших деятелей и решился заключить с агграми секретный пакт. Во-первых, о неприменении силы по отношению друг к другу, а во-вторых... Вот я тебе о них говорил, мол, силы зла и все такое... В принципе, конечно, по отношению к вам, россиянам, и вообще ко всем, против кого они работают. А с другой стороны, только с помощью их встречно направленных действий, для нас неожиданных и случайных, была надежда ваш исторический флаттер погасить. Вот и дали друг другу взаимный карт-бланш. С точки зрения моралистов, может, и цинично, и непозволительно, а другого выхода не нашли, решили, что цель оправдывает... А я вот видишь каким принципиальным и сообразительным оказался... — Антон произнес это таким тоном, что Воронцов удивленно приподнял бровь. Неужели сидящий перед ним и откровенничающий парень — полномочный представи-

тель высшего разума? Сам-то он ладно, пусть просто средненькой руки чиновник, ограниченный, но честный, но кого он представляет?!

— Ты подожди, Антон. Или я чего-то не понимаю? Ты же мне показывал, как из Замка можно выходить в любую точку пространства-времени... Так как же? Раз ты знаешь, что произошло и случилось, откуда у вас вообще могут быть такие, как с хазарами, просчеты? Открой канал в десятый век, предупреди там своих предшественников...

Антон хмыкнул разочарованно, покрутил головой.

— Это ты до сих пор ничего не понял. А ведь и я тебе растолковывал, и Ирина вас пыталась просветить... Время необратимо. Это абсолютная аксиома. И если что случилось, то случилось. Когда я выхожу из Замка в прошлое, совершаю там что-то, то тем самым перевожу стрелку. Меняю реальность. И могу попасть только в то будущее, которое вытекает из прошлого, в котором нахожусь. Поперек реальностей мы двигаться не можем. Для того я тебя и посылал в сорок первый, а не сам пошел. Иначе бы остался в той же вновь возникшей реальности. А моя работа в этой, и живу я в ней в масштабе времени один к одному. Дошло?

— Кажется. Если что — еще раз переспрошу. Давай дальше.

— Так вот. Когда я на Земле резидентуру принял, поработал, вник, то составил свою теорию, по которой требовалось постепенно ограничивать и наше, и агтрианское воздействие на события местной жизни, притормаживать аккуратненько, а в перспективе поймать момент и как-то аггров вообще нейтрализовать и самим отойти в сторону.

Мой Учитель, он же начальник Департамента, вполне мой план поддержал. Увы, как я теперь понял, — чисто теоретически. В реальную осуществимость он не верил, отчего и не препятствовал. Я же, наоборот, вел дела именно к практическому воплощению. Вот тут вы и подвернулись...

— Что, без нас не вышло бы? — с живым интересом спросил Воронцов.

— Без вас другие заготовки должны были работать, но растянулось бы все лет, может, на пятьдесят. А с вами так удачно сошлось! Где бы я еще такую Ирину нашел? Так вот, я считал, что, если Землю оставить в покое, вы на главную историческую последовательность мало-помалу выберетесь, а главная наша цель уже потом сама собой достигнется. Я на это, считай, всю сознательную жизнь положил и в итоге выяснил, что все наоборот...

Пропустив без внимания последние слова, Воронцов спросил:

— А сколько же ты на Земле работаешь?

— Да скоро полтора ста лет...

— С крепостного права? — присвистнул Дмитрий. — Сколько же тебе лет?

— Лет, по-нашему, не слишком много, в пропорциональном пересчете мы ровесники. А крепостное право... На его отмене я как раз стажировался.

— Вон даже как? Ты, значит, на просвещенную монархию работал. А аггры?

— Естественно — наоборот. Кто, по-твоему, царя-освободителя грохнул?

За время знакомства с Антоном привык, кажется, Воронцов ко всякому. Насмотрелся чудес в Замке, дважды лично побывал в прошлом, пил коньяк с товарищем Сталиным, но сейчас опять, как в момент первого появления в Замке, ощутил легкое головокружение.

Наверное, даже и его закаленная психика не в состоянии бесконечно переваривать абсурдные реалии слишком далеко ушедшей (или зашедшей?) цивилизации. Сидишь в обыкновенном кабинете давно умершего адмирала, героя Порт-Артура, сквозь стрельчатые окна падают косые столбы золотистого предзакатного света, вдали перекачивают волны, которых не касались борта не то что Колумбовых каравелл, а даже и норманнских драккаров, Атлантический океан, рядом в непринуж-

денной позе устроился пришелец, как только что выяснилось, — близкий соратник Александра II Освободителя... И что? Ты по-прежнему уверен в своем полном психическом здоровье, товарищ бывший капитан-лейтенант? Или все же поехала крыша в долгом и нудном рейсе, и на самом деле вокруг совсем не то, что тебе воображается, а всего лишь палата в соответствующем заведении?

Но после короткой заминки и слишком, может быть, пристального взгляда на своего собеседника Воронцов всего-навсего прикурил очередную сигарету, выплеснул в кадку с бонсаи развесистого клена (память о последнем визите адмирала в Нагасаки) остывший кофе и налил свежезаваренного.

— Н-да... И в каком качестве ты при дворе состоять изволил?

— Несущественно это. Официальных должностей не занимал, но кое-каким влиянием пользовался. Дело в результате. Если бы все пошло как надо, сейчас бы мировой расклад совсем иначе выглядел. Сколько раз я говорил Горчакову... — Антон словно понял, что сказал лишнее, оборвал фразу.

— То-то я всегда удивлялся, отчего история наша такая дурацкая. Две шага направо, две шага налево, шаг вперед и два назад... — изобразил он с характерным акцентом припев известного в свое время одесского шлягера. — А это, оказывается, ты ее вершил... — Воронцов оттопырил губу и посмотрел в лицо Антону с пренебрежительно-сочувственной миной. — У нормальных стран все логично и в основном последовательно, а у нас куда ни кинь... Везуха швейцарцам, за тыщу лет ни один форзейль туда, видать, не добрался. Или санмаринцам каким-нибудь... Не зря один мой друг говаривал: «Самая у меня большая мечта — быть послом Исландии в Швейцарии». Из-за тебя, значит, у нас и с флотом такой бардак — строили, строили — и р-раз! То тебе Крымская война, и мы топим флот, то Японская — и наш флот топят, потом гражданская —

снова сами... У англичан — Гран-Флит, у немцев — Флот Открытого моря, а у нас — в основном «шаланды, полные кефали...». Все остальное, впрочем, так же. Одна теперь радость — известно, кому морду бить!

Однако стоп! В последний раз агтры, кажется, ворота сменили? По идее, они должны были как раз на стороне настоящего Сталина действовать, а они Андрея подсадили...

— Почему же? Все правильно. Они ведь и хотели, чтобы Новиков стал Супер-Сталиным, он же, вопреки заданию, совсем не туда поехал. Еще ничего не зная, мне подыграл. Я ведь с самого начала пытался сталинизм как-то окоротить...

— Ну и дурак, прости за выражение! Надо было его году в восемнадцатом и ликвидировать. Делов-то...

— В восемнадцатом я такой умный, как ты сейчас, еще не был...

— Ты и сегодня не очень-то... А вот кем мы в таком разрезе получаемся? Пешки на доске истории или эти, марионетки?

— Только давай без комплексов! Хоть раз я тебя заставлял что-нибудь против твоей воли делать? И никого другого тоже. У нас, кажется, с взаимного согласия все началось... Ни мы, ни агтры ни разу, повторяю — за последние семьсот лет ни разу ничего не сделали сами. Мы только просчитывали варианты и вероятности, плохо или хорошо — другой разговор, и активизировали наиболее перспективные через морально готовых именно к такому сюжету людей. Не хотел бы Гриневицкий бомбы бросать, никакой форзейль, или агтр, или Нечаев его бы не заставил...

— Ага! Я под запал на человека рукой замахнулся, а ты мне из-за спины в эту руку топор...

— А если даже и так? Умный остановится...

— Говорил тебе Шульгин...

— Ну и ты скажи, чего уж! Оправдываться не собираюсь, но это как раз я жандармов на первомартовцев

навел. И Достоевскому деньги давал, когда он «Бесов» задумал и писал...

— Еще того лучше! Братца Сашу заложил, так братец Володя всем такую козью морду показал... Ты б и тут лучше все наоборот делал...

— Не заводись, капитан. Я, можно сказать, как раз исповедуюсь и каюсь.

— Я не поп. Бог простит. Ладно мы тут, в России, сроду дураки, оттого у нас все через... А на Западе чем твои коллеги занимались?

— Да примерно тем же самым. По общему плану. И все равно кое-какой прогресс имел место. Представь, что было бы без балансировки этой. В 1878 году, на Берлинском конгрессе, например... Если бы Россия захватила Константинополь и проливы, мировая война произошла бы на сорок лет раньше. Исходя из текущей реальности, мы правильно тогда поступили. И в девятьсот пятом Портсмутский мир казался наиболее удачным вариантом.

Воронцов с удовольствием продолжил бы дискуссию, сказал бы, что ни в коем случае серьезный специалист, да еще оснащенный сверхмощными анализаторами, не должен был допустить такую массу грубейших просчетов, задал бы еще множество вопросов, чтобы прояснить для себя волнующие белые пятна истории, но вместо этого ограничился сравнением, показавшимся ему очень уместным:

— Черчилль, кажется, называл подобные тайные игры сильных мира сего схватками бульдогов под ковром. Так получается, что и вы с аграми не более чем бульдоги, и нас ты в свою свору зачислил... А вот если, к примеру...

Форзейль резким жестом оборвал собравшегося развить свою мысль собеседника.

— Я ведь не для ликбеза разговор затеял. Моя миссия подходит к концу. Вот я и решил вам последнюю, может быть, услугу оказать. Да и перед людьми вообще вину слегка загладить, насколько еще можно.

— Так, значит, есть вина?

— Она у каждого есть, кто хоть что-то в этой жизни делает. У тебя разве не было? Ты для пользы службы матросов местами поменял, и того, кто тебе больше других нравился, на том самом тралении взрывом убило. Не хочешь вспоминать, муторно тебе? Тогда и меня пойми...

С Воронцовым действительно был такой случай, и когда Антон о нем напомнил, на душе стало погано. Вроде и забылось уже, а вот снова... Нельзя не согласиться — если уж взялся хоть в какую игру играть, будь готов отвечать за проигрыш. Бывало, что и отвечали честные люди — пулей в лоб. В свой, а не в чужой, как при большевиках в моду вошло...

И он перемолчал эту минуту, дождался, пока Антон вновь начал говорить по делу.

— Я, наверное, совсем скоро отсюда уйду и, сам понимаешь, просто обязан сделать для вас все, что в моих силах. Скажи — что?

Воронцов пожал плечами. Встал, открыл дверь и вышел на широкий, с добела выскобленным ореховым настилом балкон. Облокотился о перила, долго смотрел на собирающиеся у горизонта грозовые тучи. Низкие фиолетово-багровые, обещавшие, судя по всему, жуткий метеорологический катаклизм.

После того, как они так вот поговорили — о чем он мог бы просить? Сознание одновременно неограниченных возможностей и их же бессмысленности. Вернуть их домой, к маме? Теперь уже ясно, что этого не будет. По условиям задачи. И все же он спросил именно об этом.

— Извини, но, пожалуй, не выйдет. Я со всей душой... Но давай вдумаемся... Как только космонавты вернулись к себе, ваше настоящее закончилось. Подумай сам, это же несовместимо. То будущее, в котором они уже жили, и то, что увидел Новиков, — как их совместить?

— Нельзя? — Воронцов и сам обо всем давно догадался, может быть, еще тогда, когда впервые увидел Альбу и ее товарищей, но спросил.

— А разве можно? Ты же реалист.

— Я — да, а ты? Как-то ведь у них получилось? И именно то, о чем мы думаем. Коммунизм, братство народов...

Антон вздохнул разочарованно. Оперся локтями о перила рядом с Воронцовым, помолчал, глядя на завораживающее зрелище надвигающегося шквала.

— Захолустная, побочная линия... Я даже не очень понимаю, как вы с ними состыковались. Да, их звездолеты научились прорываться через пространство, как танки через «линию Маннергейма». А какой ценой? Тебе же говорили — они одиноки во Вселенной. А почему? Вся цивилизованная Вселенная оказалась на другой линии. На одной они, на другую попали аггры, на третьей — все остальные.

Антон неопределенно махнул рукой.

— Неужели так мрачно?

— А что тебя удивляет? Ведь вы примерно так и жили. В СССР. Весь мир что-то делает, решает, ошибается, даже страдает, но живет. А вы строите светлое будущее. Только оно почему-то никак не светлеет. Ты же весь мир исплавал, неужто не заметил?

— Заметил. И не только то, о чем ты говоришь, а и то, что многое у нас лучше...

Антон снисходительно цыкнул, повернулся спиной к перилам.

— Знаю, что дальше скажешь. И даже могу, черт с ним, устроить вам такой вариант. Коммунизм по Хрущеву. Есть у меня в запасе линия. Не тик в тик ваша, но совсем близкая... Без микроскопа не отличишь. Хоть сейчас. Если твоим друзьям ничего не говорить, будут в полной уверенности, что домой вернулись. Однако подумай, почему ты с детства определенные книжки любил читать? Майн Рид, Джек Лондон и Жюль Верн почему тебе милее, чем Павленко, Гайдар и Зоя Воскресенская? А в моряки зачем подался? Священные берега Отчизны горел защищать или все же мечтал об Азорских островах, проплывающих мимо бортов? Если ты на самом

деле совершенно искренне презирал «свободный мир» за «железным занавесом», как излагал матросам на политзанятиях, то, так и быть, рискну в последний раз, сделаю вам красивую жизнь...

— То есть?

— То есть пробью за счет всех наличных ресурсов и, не считаясь с последствиями, дырку в мир вашей детской мечты, уберу оттуда ваших аналогов — тех самых вас, какими вы были бы, не встретив Андрей Ирину, а ты меня, и живите...

Дмитрий в мгновение, как говорится, ока вообразил себе сказанное Антоном. Никак оно не могло ему понравиться. Ладно, допустим, вернется он в Сухуми за день до встречи с форзейлем. Еще дней через десять-пятнадцать, и придется возвращаться в родное пароходство, ждать, нет, выпрашивать назначение, снова видеть гнусную морду завкадрами, елейную ухмылочку секретаря парткома, отправляться на ржавую коробку с совершенно никчемным фрахтом, ну и так далее... А если еще при этом помнить о бывшем и будущем...

И знать, что этот мир не просто плох сам по себе, а еще и является заведомо тупиковым... Да еще удастся ли в нем встретить Наташу?..

Но сдаваться просто так, признать, что Антон поймал его в ловушку, Дмитрию не хотелось.

— Одним словом, ты хочешь сказать, что коммунистическая идея порочна в принципе и ничего вроде справедливости, равенства, братства и «каждому по потребностям» быть не может? Но у нас действительно жить спокойнее и лучше, чем там... Я бы ну, в нормальных условиях ни за что не эмигрировал...

Антон достал из кармана потертый кожаный портсигар и, что делал очень редко, закурил толстую, в палец, папиросу.

— Ты сам сказал практически все... «В нормальных условиях»... Значит — пока не допекло. А пароход зачем строишь? Подсознательно домой не собираешься. Зачем советскому моряку личный пароход?

— Ну, я его на другой случай планировал...

— Вот тебе и другой случай. К себе вы не попадаете, и корабль действительно на неограниченное время заменит вам Замок. Но ведь всю жизнь на палубе не проживешь. Какая-нибудь Реальность, где на берег сойти можно, все равно необходима. И я предлагаю выход.

Выбор у нас невелик.

Будущее исключается по условиям задачи, насчет настоящего ты сам все понимаешь, простор для маневра остается только в прошлом.

Туда я могу вас переправить безболезненно, как уже и делал. Однако число перемещений в прошлое подчиняется довольно сложной формуле. Тебе достаточно знать, что в двадцатом веке их не так много, и далеко не каждая точка вас устроит. В девятнадцатом веке их больше, но зато и век соргом пониже...

— Да это еще как сказать... А в общем, знаешь, пойдем коньяку выпьем, трудно мне на трезвую голову с тобой общаться, — взмолился Воронцов и, не дожидаясь, пока Антон за ним последует, решительным шагом направился к шкафу, где размещался адмиральский бар, или, по-русски выражаясь, — погребец.

— Вот, значит, так и выходит, — продолжил Антон, когда они расположились в креслах и Дмитрий выпил большую рюмку «Шустовского» и закусил гвардейским «пыжом», то есть сэндвичем из двух кусков сыра с проложенным между ними ломтиком лимона. — Выходит, что я предлагаю начать новую, достойную свободного человека жизнь. Если — заметь, я все-таки говорю «если» — вам не придется больше увидеть свое время. Я не гарантирую, но вдруг все-таки... — По тому, как Антон это произнес, Воронцову показалось, что проблема возвращения имеет не технический, а скорее идеологический аспект и как-то связана с последними событиями в Метрополии. — Но в любом случае я приложу все свои силы и... влияние, чтобы вы оказались в лучшем из возможных времен. В таком, где не очень мучительно больно от взаимодействия с окружающей сре-

дой. В таком, где люди ваших способностей достигнут пика самовыражения и в то же время не слишком повредят остальному человечеству. Этаким взаимоприемлемый гомеостаз и две ладьи форы...

— А может, ты снова хочешь нас втравить в те же забавы? — подозрительно спросил Воронцов, подняв на уровень глаз наполненную рыжеватым напитком рюмку и рассматривая сквозь нее, как через лорнет, своего собеседника.

— Да Бог с тобой! Теперь я точно ничего не хочу, кроме как помочь. Ты просил личный пароход — и практически его уже имеешь. Любое оборудование, которое есть в моем распоряжении, включая роботов, — пожалуйста. Невзирая на последствия... Впрочем, об этом никто и не узнает. И правил, которые запрещают снабжать аборигенов принципиально новой техникой и технологиями, я не нарушаю, поскольку они перекрываются предписанием об активизации перспективных открытий и озарений, а роботов, формально говоря, ты самостоятельно придумал, и в дальнейшем чем смелее будут ваши идеи, тем лучше для вас. Так что, приняв мою помощь, вы не прогадаете. Ну а если откажетесь, придется устраивать вашу судьбу по собственному усмотрению...

Воронцов вздохнул, не зная, на что решиться. Он догадывался — как всегда, Антон не врет, но и правдой его слова признать трудно. Вокруг их возвращения явно идет очередная дипломатическая игра, оно по-прежнему затрагивает чьи-то разнонаправленные интересы, а Антон ведет себя, как врач, не желающий объявить пациенту страшный диагноз, но подводящий к мысли, что в любом случае ничего особо утешительного ему не светит.

— Скажи хотя бы, к чему нам готовиться? Согласись, в двадцатом веке тоже не все равно, где оказаться. Начало, середина, конец — далеко не одно и то же...

— Увы, этого как раз и не могу сейчас. Сам еще окончательно не знаю. Не от меня зависит. Тут считать и считать... Многие факторы должны сойтись. Не только чтобы мир вам подошел, а чтобы и вы ему... Чтобы не

повторить старых ошибок, не допустить еще большей дестабилизации. В конце концов есть риск загнать вас вообще в ложный мир...

— А это что за новость?

— Хитрая штука. Нечто вроде фантомной реальности, возникшей в результате ошибки или... — Антон снова оборвал себя на полуслове, будто понял, что опять говорит лишнее. Или, как уже предполагал Воронцов, давая таким образом понять, что, несмотря на чины и награды, по-прежнему несвободен в своих поступках.

— Короче, ты друзей пока не расстраивай, поскольку не окончательно все. И сам в уныние не впадай. Процентом двадцать пять за то, что все решится к взаимному удовольствию. Слово даю, постараюсь перебрать все мыслимые варианты. А пока развлекайтесь, отдыхайте, с кораблем заканчивайте... Одним словом, времени не теряйте, а то мало ли...

Глава четвертая

...Доклад Воронцова об итогах последней, не слишком связанной и оставляющей массу открытых вопросов беседе с Антоном произвел на слушателей тяжелое впечатление. И это при том, что в своем большинстве они уже давно свыклись с нынешним образом жизни и, пусть не до конца осознанно, все же держали в уме и такой вариант.

Левашов, например, пришел к мысли о сомнительности возвращения в заданную точку путем здоровой оценки технических возможностей доступной ему аппаратуры Замка и экспериментов с собственной установкой. Их со всех сторон окружал барьер, столь же непреодолимый, как вертикальная стенка для живущего на плоскости двухмерного существа. И преодолевать его раньше они могли просто потому, что кто-то как бы извне проделывал в нем отверстия. Именно извне, изнутри проблема не имела даже намека на решение.

Новиков же с Ириной не верили в возвращение

домой чисто психологически, исходя из несовместимости их теперешних личностей с ноосферой покинутой реальности. Грубо говоря — изменился рисунок папиллярных линий на пальце, и замок, настроенный на их старое сочетание, просто не откроется.

Однако окончательный и не подлежащий обжалованию приговор пока еще не был произнесен, и у большинства сохранялось в душе нормальное русское: «авось обойдется».

Настоящий срыв произошел только у Ларисы. Со слезами, истерическими рыданиями и не слишком выбираемыми словами упреков и обвинений в адрес всех и каждого. Хотя полностью невиновной в этой истории могла бы считаться только Наташа. Однако нет, это ведь она пригласила Ларису на Валгаллу, соблазнив приятным пикником и интересными знакомствами... А уж знала сама, куда приглашает, или нет — не имеет значения!

Новиков, как всегда, приняв главный удар, вначале еще более самокритично, чем требовала обстановка, признал все свои реальные и мнимые ошибки и просчеты, а потом, в утешение Ларисе, которая сильнее всего горевала, что мама сойдет с ума, она ведь обещала вернуться через сутки-двое, сказал, что за маму как раз беспокоиться не надо, она просто ничего об исчезновении дочери не узнает.

— Как это? — У Ларисы даже слезы высохли на глазах.

— Я сам не понимаю — как, но тем не менее. Может, Ира лучше объяснит, а я просто знаю, и ты знаешь, только от волнения забыла, что там, у нас, так и продолжается все тот же день...

— Но это же ерунда, бред. Как может один день длиться вечно?

— Лар, но ты же не удивлялась, когда мы полгода жили на Валгалле, а собирались вернуться в момент ухода. И наоборот, Ира с Алексеем четыре месяца провели в параллельном мире, а мы с Андреем и рюмку вы-

пить не успели, — постарался успокоить ее Левашов, воздействуя больше интонацией.

— Зато сейчас успеем, — очень кстати вмешался Шульгин, который до этого о чем-то перешептывался с Сильвией, и тут же разлил, в качестве противошокового, кому коньяк, а кому ледяную, только что из холодильника, водку.

— Не знаю, — Лариса растерянно пожала плечами. — Там я понимала: вот мы ушли, вот вернулись, ну как будто видик выключили, а потом опять включили с того же места. А если мы никогда не вернемся?

Объяснений Ирины тоже никто до конца не понял, но обстановка все же немного разрядилась.

Помогла и Наташа, приведшая чисто женский довод.

— Ну вот представь, ты вышла замуж за иностранца и уехала, в Америку или в Израиль. И обратно неизвестно когда приедешь. Расставаться с родными тяжело, конечно, но ведь не смертельно! Многие вообще больше не встречаются... Так зато своего рода и плюс есть — не надо по крайней мере все время переживать, как там дома без тебя, живы ли, здоровы? До самой смерти знать будешь, что у них все в порядке.

Утешение достаточно странное, но ведь не более странное и абсурдное, чем все остальное.

Сама-то Наташа настолько давно жила отдельно от родителей, встречаясь с ними даже и не каждый год, что отнеслась к случившемуся спокойно. Гораздо важнее для нее было, что Дмитрий с ней и нет больше опасности постоянных, на полгода и больше, разлук. Ну и, как уже говорилось, ее по-прежнему влекла перспектива красивой, полной приключений жизни.

А впервые оказавшаяся на общем ужине в «кают-компании» Сильвия радовалась тому, что благодаря столь эмоциональному фону ее вхождение в здешнее общество прошло гораздо легче, чем она ожидала. Подчеркнуто скромно одетая — в серо-голубые вельветовые брюки и белую с голубой клеткой фланелевую ру-

башку, — совсем без косметики, гладко причесанная, говорящая по-русски без акцента, она почти не привлекала внимания.

То есть, конечно, появление нового человека, тем более красивой женщины, да еще и «соотечественницы» Ирины и новой подруги Шульгина, вызвало благожелательный интерес, но совсем не такой, каким он должен был оказаться в других обстоятельствах.

Сыграло роль и то, что Ирина познакомилась с Сильвией несколько раньше, когда вместе с ней помогала Антону делать отчет, дополняя его подлинными показаниями агтрианских резидентов, и потом почти целый день они проговорили на общие для них темы. Сильвия умело изобразила такую же, как сама Ирина, рядовую агентессу, так что в итоге Ирина почувствовала к ней симпатию не столько из-за общего прошлого, сколько из-за предстоящего им отныне совместного будущего.

Наташу же с Ларисой Сильвия без слов, одним только поведением успокоила, показав, что точно понимает свое место в сложившемся мирке и пока не собирается претендовать на что-либо большее.

В обширной, отделанной темными дубовыми панелями столовой быстро темнело, тем более что грозовые тучи все плотнее затягивали небосвод, и уже трудно стало различать лица собеседников. Обычная в такое время суток и при таком освещении легкая, беспричинная грусть как-то незаметно приглушила более сильные эмоции, всем захотелось отвлечься, не думать больше о том, что все равно непоправимо, а если все-таки обстоятельства повернутся в лучшую сторону, так и тем более... Кто-то попросил включить свет, но вместо электричества Новиков предпочел поставить на стол и зажечь толстые свечи в грубых бронзовых шандалах. Стало куда уютнее, появилось, как и хотел Андрей, чувство особенной духовной общности и защищенности от внешнего мира.

Под разнообразные холодные закуски Воронцов

предложил выпить по второй и произнес тост, как бы подводя черту под всем, что было прежде:

— Дай нам Бог сил изменить то, что мы можем изменить, мужества пережить то, что изменить невозможно, и мудрости отличить первое от второго.

И только произнеся эти слова, он сам услышал их как бы впервые, задумался, что они должны значить теперь, и к тому моменту, когда последняя опорожненная рюмка коснулась стола, полностью изменил свои намерения. Вместо тех слов, которые он собирался сказать и за которыми наверняка последовал бы очередной спор, и необязательно по делу, а так — ради удовлетворения собственных амбиций, Дмитрий сказал совсем другое.

— А что, господа, не надоело ли нам это крепостное сидение? Все одно и то же, все в тех же стенах. Не пора ли проветриться? Я тут намедни местечко одно присмотрел — для шашлыков изумительное. По-моему, с самого начала мы на природе в полном составе не отдыхали. Заодно и поужинаем по-человечески... Тем более что и тучи вроде расходятся...

— Что, прямо сейчас?

— Именно. Долго ли собраться?..

На самом деле, не прошло и часа, как, загрузив в рюкзаки и сумки все, что требуется для непритязательного пикника, соответственно экипировавшись, по-студенчески шумная компания вывалилась из ворот Замка и, прогремев шагами по легкому подвесному мосту, погрузилась в окружавшую высокие стены осеннюю темноту.

Предводительствующий Воронцов включил мощный аккумуляторный фонарь и, громко предупреждая о неровностях рельефа, повел свою команду в сторону гудящего прибором берега.

Место он действительно отыскал отменное — густая сосновая роща вплотную примыкала к каменистому пляжу, мачтовые, почти совсем как на Валгалле, сосны окружали небольшую полянку, по краю которой журчала и серебрилась под лучом света прозрачная мелкая

речушка. Гул набегающих на берег волн смешивался с шумом ветра в невидимых кронах деревьев.

И никакой проблемы с дровами для костра — вся земля вокруг была усыпана до звона сухими сучьями и огромными шишками размером с дыню.

Еще через полчаса на поляне пылало сразу два костра — в целях скорейшего получения нужного количества угольев, а также и для освещения фронта работ. Берестин, Левашов и Новиков собирали и стаскивали в кучу все новые и новые охапки дров — сухая сосна горела со скоростью соломы, а пикник намечался долгий, женщины накрывали стол на большом полотнище брезента. Второе полотнище натянули сверху — на случай дождя. Воронцов же с Шульгиным занялись самым ответственным делом — приготовлением шашлыка. Если имеется парное мясо совсем молоденького барашка, хорошее сухое вино и необходимые приправы, процесс занимает не много времени, но требует тщательности и своего рода таланта. Ибо настоящий шашлык — совсем не то же самое, что поджаренная на углях баранина.

Присев на теплый валун за пределами освещаемого костром пространства, глядя на веселую суету друзей, Новиков в очередной раз не мог не оценить воронцовского экспромта. В том, что имел место действительно экспромт, Андрей не сомневался, он наблюдал за лицом Дмитрия, видел, как тот колеблется, собираясь сказать нечто неожиданное, и даже готовился его прервать, слишком уж неустойчива была общая атмосфера и легко было вызвать новую волну неконтролируемых негативных эмоций. Вот что значит врожденный талант! Никогда человек не изучал тонкостей психологии, но интуитивные его решения почти всегда безукоризненны. Неплохо бы теперь выяснить, что же он все-таки собирался сказать...

И все же Андрей решил не думать сейчас на «служебные» темы. В конце концов сам он тоже не железный и имеет право хоть сегодня сбросить с себя так называемую ответственность. Хоть до утра забыть обо всем,

как следует выпить и закусить, повалить дурака, непридуманно пошутить с девушками, вспомнить к случаю пару анекдотов.

Кстати, тыщу лет никто в этой компании не рассказывал анекдотов. Плохой, между прочим, признак. Немедленно нужно выдать что-нибудь смешное, и желательно поглупее.

— Леш, ты гитару не забыл? — окликнул Берестина Воронцов, закончив раскладывать над малиново пылающими углями шампур и вытирая разгоряченное лицо.

— Как можно...

— Да я тут вспомнил один текст, подходящий к случаю. Пока шашлык доспевает, можно изобразить...

— У Андрея хлеб отбиваешь?

— Куда уж мне. Я так, по-любительски...

Пока Воронцов настраивал на свой вкус гитару, Шульгин разлил по объемистым серебряным чаркам почти черное греческое вино, терпкое от виноградной смолы и растертой в порошок коры старых лоз.

— Дураки мы все, братья и сестры, — меланхолически заявил он и тут же пояснил свою мысль, — не ценили на Валгалле своего счастья. Сколько таких ночей зря пропустили...

— Ничего, — утешил его Берестин, — еще не вечер. И такие будут, и лучше, ежели...

— Что — ежели?

— Ежели дураками больше не будем...

— Да-а, зверски тонкая мысль. Эрго — бибамус!¹

Воронцов обычно избегал петь перед публикой, особенно в присутствии гораздо более сильных исполнителей, как, скажем, Новиков, но слух у него был неплохой, да и голос вполне подходящий, чтобы в разгар сурового мужского застолья заставить умолкнуть и пригорюниться самых крутых и громогласных.

Подобрав ритм и тональность к уже звучащим внут-

¹ Следовательно — выпьем! (лат).

ри и рвущимся на волю словам, он начал низко и угрожающе:

Кончено время игры,
Дважды садам не цвести,
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.

Область унынья и слез —
Скалы с обеих сторон
И оголенный утес,
Где распростерся дракон.

Острый хребет его крут,
Вздых его — огненный смерч, —
Люди его назовут
Сумрачным именем: Смерть.

Что ж, обратиться нам вспять,
Вспять повернуть корабли,
Чтобы опять испытать
Древнюю скудость земли?

Нет, ни за что, ни за что!
Значит, настала пора,
Лучше слепое Ничто,
Чем золотое Вчера!

Вынем же меч-кладенец,
Дар благосклонных наяд,
Чтоб обрести наконец
Неотцветающий сад.

Тишину, наступившую после того, как смолк долгий звон последней струны, нарушил Шульгин.

— Здорово... Это ты сам сочинил?

Новиков громко хмыкнул, а Наташа рассмеялась. Не над необразованностью Шульгина, а от радости, что Дмитрий и здесь оказался на высоте, показал, что не уступит Новикову и на его поле. И не слишком почитаемый ею Гумилев пришелся сейчас очень и очень к месту.

Новиков же, в очередном озарении, не слишком, впрочем, гениальном — отгадка лежала почти на поверхности, — понял, что задумал и о чем хотел сказать Воронцов. Впрочем, что значит — на поверхности? Чтобы восстановить ход мысли Воронцова, Андрею пришлось

вспомнить некоторые ранние беседы с ним на общеисторические темы, намеки Антона да вдобавок сопоставить стихи Гумилева с одной сценой из почти всеми забытого романа «Угол падения» некоего В. Кочетова.

Андрей одобрительно кивнул Воронцову и показал ему сложенные кольцом большой и средний пальцы. А теперь пусть думает, к чему этот знак относится: к песне или...

Пикник же на самом деле удался на славу. Казалось бы, все давно пресытились и чудесами, и приключениями, любой мыслимой роскошью и неограниченным выбором самых экзотических блюд и напитков, а вот поди ж ты — оказывается, звездного неба над головой, тепла и света костра, душистого мяса, запиваемого дешевым вином, и разговоров, и песен под гитару вполне достаточно, чтобы вновь ощутить себя молодыми, способными довольствоваться столь малым, и вспомнить, что жизнь и вправду хороша сама по себе, несмотря ни на какие «привходящие обстоятельства».

Лариса, тоже давно забыв о своем недавнем срыве, подбила женщин на ночное купание в океане, и все согласились, даже Сильвия, самая молчаливая и будто бы настороженная.

— И чтоб не подсматривать! — крикнула Лариса, скрываясь в темноте и на ходу начиная раздеваться.

— Только смотрите, как бы вас не похитили... — игривым тоном добавила Наташа.

— Слушай, смех смехом, а как тут насчет акул? — спросил Воронцова Новиков.

— Не должно. Здесь мелководье, опять же речка пресноводная впадает, но вообще надо предупредить, чтоб за отмель не заплывали.

Когда он вернулся, проведя необходимый инструктаж, Шульгин предложил добавить по стопарику, пока бабы не мешают.

— А то они когда-нибудь тебе мешали...

— Не в том суть. Просто так положено. Они отвернулись, а мы раз — и все...

— Ну, разве что положено...

— И вообще, мужики, — сказал Воронцов, прислушиваясь к доносящимся с берега крикам, взвизгиваниям и смеху, — чтобы со всякими такими разговорами завязывали. Хватит философий и мировых проблем. Затянули девушек в наши заварушки, хоть извольте создать им подходящую жизнь.

— А то она у них неподходящая, — тут же возразил Шульгин. — Где это они красивше видели?

— Все правильно, — поддержал Андрея Левашов. — Наше дело решать проблемы, а им «санни сайд оф лайф»...

Берестин молчал и ковырял гаснущие угли острием шампура. Новикову стало неловко. Черт его знает, не одно, так другое.

В обратный путь тронулись, когда небо над океаном начало светлеть. Гроза так и не собралась разразиться.

Чуть приотстав от основной группы, Шульгин спросил Сильвию:

— И как тебе наша компашка?

— Трудно ответить сразу. Ты же понимаешь — мне нужно привыкнуть. Раньше у меня было несколько иное общество...

Шульгин по своей российской наивности предполагал, что Сильвия станет рассыпаться в комплиментах и поведаст о том, как она счастлива быть принятой в столь приятную компанию; он просто не принял во внимание, что в отличие от Ирины, изначально запрограммированной на роль советской студентки и оттого легко и естественно вошедшей в их круг, Сильвия прожила жизнь прирожденной английской аристократки. Она тоже поняла, что обманула Сашкины ожидания.

— Но вот я наблюдала за вами всю ночь и абсолютно не могла понять, как вы — такие, какие есть — смогли все это сделать? И в Москве, и на Таорэре, и...

— И с тобой, — мстительно продолжал Шульгин.

— Да, и со мной тоже, — легко согласилась она.

— Что же ты, столько лет прожила в Англии и даже

про Джеймса Бонда не смотрела? Он как раз англичанин и работал ничуть не хуже нас...

— О чем ты говоришь, Саша? — Его имя она произнесла с заминкой, словно ей трудно было окончательно перейти на русский язык и русскую манеру обращения. — Кто всерьез воспринимает эту бульварщину? Я привыкла общаться на ином уровне и исходить из совсем других критериев. А когда партнер, которого ты считаешь серьезным, начинает себя вести... как персонаж комикса...

Шульгин рассмеялся самодовольно.

— На это мы как раз и рассчитывали. А брак по расчету бывает счастливым, когда расчет правильный... Ладно. Привыкнешь, как другие привыкли. Ты тут, кстати, не одна такая аристократка, есть и покруче. Причем настоящие, прямая линия аж с одиннадцатого века. Лучше вот что мне разъясни, раз к слову пришлось. Для чего вы с Джорджем именно такое для меня испытание выбрали, ну с тем, с наркомом? Я же для вас все-таки новозеландцем выглядел, и вы сами, со своими британскими привычками, как-то, на мой взгляд, далековаты от сталинских штучек. Я об этом все время думаю.

— Ничего странного. Новозеландец из тебя и вправду получился довольно убедительный, только мы-то сразу знали, что ты русский. Пусть даже «пришелец», однако с базовой подготовкой русского. Стоило тебе появиться, и я через минуту тебя идентифицировала. Мы даже сумели определить твое подлинное имя... Жаль, что не имели информации об эксперименте базы с Новиковым и Берестиным. Если бы знали, выбрали что-то другое. А так... Сам по себе замысел был безупречен: ты подсеяешься в уже измученного страхом человека, плюс твой шок от переноса матрицы, тут же арест, тюрьма — а этого человека отвезли не на Лубянку, а сразу в Сухановскую, и почти месяц непрерывно и жестоко пытали... Ты должен был сломаться...

И Шульгин с запоздалым страхом подумал, что

ведь действительно... Откуда он знает, что стало бы с ним после месяца костоломных упражнений ежовских специалистов? На лихую эскападу он способен, на хороший технический мордобой, на красивую смерть при свидетелях, в конце концов, но к сталинским застенкам он себя не готовил. Зато... Зато подтвердилась еще одна теория, выработанная им умозрительно, а сейчас получившая проверку практикой. Точно как учили классики. Если бы он помедлил, решил подождать, что дальше будет, опомнился бы только там, откуда и при его способностях не убежишь. И значит, все верно — сначала бей, потом думай...

— Ты так спокойно мне повествуешь... — Он заглянул в лицо совершенно нормальной на вид, милой и привлекательной молодой женщине.

— Я говорю тебе о том, что планировала руководимая мной резидентура в отношении неизвестного, внедряющегося с заведомо враждебными намерениями. А не я, нынешняя Сильвия, собиралась мучить тебя нынешнего Сашу... Для тебя есть разница? И еще, заметь, ты по отношению ко мне вел себя не слишком по-джентльменски... Впрочем, в своем теперешнем положении я ни на что не могу претендовать, победитель всегда прав.

Шульгин не совсем понял, означают ли ее слова истинную покорность судьбе или имеет место в лучшем случае кокетство. Но возмущился он искренне.

— Вот этого не надо! У нас так не принято. Если ты с нами... со мной дальше быть собираешься, про то, что было, — забудь. То есть никто зла не таит и никаких больше счетов. Сумеет по-настоящему подружиться — хорошо. Нет — устраивайся по своему разумению.

— Извини. Если ты действительно так думаешь и чувствуешь, я постараюсь...

В предрассветных сумерках Шульгин вновь посмотрел ей в лицо. Может, дело в сероватом рассеянном свете, но ему показалось, будто выражало оно сейчас чисто русский бабий фатализм. Тех еще, естественно, времен. Когда просватали за впервые увиденного му-

жика — и делать нечего, остается только надежда, что, может, сильно бить не будет, а то и приласкает при случае...

Подчиняясь аналогичному генетическому чувству, он слегка приобнял ее за плечи и тут же отпустил, чтобы не подумала, будто он, пользуясь случаем, предъявляет на нее свои права. После той лондонской ночи он прикасался к ней впервые.

И не желая выглядеть сентиментальным, снова вернулся к прежнему. К тому, что его волновало, несмотря на некоторую уже привычку.

— Ну а на самом деле что это было? Фантоматика, наведенная галлюцинация или все же реальность?

— Что ты имеешь в виду? Ах это... Даже не знаю, как тебе ответить. Для наркома совершеннейшая реальность. Он существовал на самом деле и был расстрелян. Убежать ему, естественно, не удалось. Да и не приходило в голову. С момента наложения на его мозг твоей матрицы возникла новая реальность... И он ее прожил как-то иначе.

Шульгин уже неоднократно обсуждал с друзьями временные парадоксы, в которые им довелось попадать, но в отличие от Левашова и Новикова Сашка даже не делал вида, будто что-то понимает в этой проблеме. Он просто выслушивал те или иные доводы, согласно кивал, с умным видом говорил что-то, но рано или поздно говорил одну и ту же ритуальную фразу: «Ну, про пар мне, барин, все ясно. Теперь только скажи, куды здесь лошадь запрягать?»

— Значит, все-таки те чекисты были настоящими людьми?

— Нет, это удивительно! У вас, русских, мозги совершенно по Достоевскому устроены. В каком-то смысле они, безусловно, были настоящими. Но с другой точки зрения, как можно беспокоиться о судьбе людей, которые умерли задолго до твоего рождения? В данной реальности ты, в собственном физическом облике, никого не убивал. А за поступки не существующего здесь и сей-

час человека, телом которого ты якобы управлял, отвечаешь никак не больше, чем драматург или актер, играющий Макбета.

Явно пришло время Шульгину опять вспомнить про паровоз и лошадь. Тем более что не волновала его мифическая вина, а именно хотелось понять соотношение вымысла, реальности подлинной и, так сказать, реальности второго порядка.

Они постепенно так отстали от компании, что уже и голоса стали не слышны. И вполне можно было сменить пластинку, начать, как подсказывала обстановка, закреплять успех на любовном фронте, тем более что Сильвия, похоже, ждала после первого робкого прикосновения более решительных действий. Но Шульгин решил раз и навсегда покончить с прошлым, выяснить все, что пока оставалось непонятным, и более к этому уже не возвращаться. Чтобы завтра, то есть сегодня, после восхода солнца общаться с Сильвией «с чистого листа».

И очень уж отчетливо запечатлелась в памяти картина: несущаяся сквозь ночь машина, два «нагана» в карманах кожаного пальто, «ГТ» под ремнем, перепуганная женщина и двое детей за спиной, которых он обязан спасти, и не поймешь, чья — своя собственная или теперь уже наркомовская — решимость прорваться, с боем или без, умереть, если придется, но никогда больше не позволить тем, от сержантов с малиновыми петлицами до усатого Хозяина, распорядиться его судьбой...

— Зачем только вы меня выдернули оттуда? Как он там один, сумеет — или снова лапки кверху?

— Как ты понимаешь, в наши планы не входило развлекать тебя вестернами «а-ля рюсс». И так вместо запланированного шока получилось нечто противоположное. А твой нарком... Если очень хочешь, верни мне универблок, и попробуем посмотреть, чем дело кончилось.

Такого предложения Шульгин не ожидал и вместе с

острым желанием действительно вернуться и доиграть партию до конца ощутил вновь проснувшееся недоверие. Верни ей блок, а она? Впрочем, когда-нибудь, под строгим контролем Ирины...

— Канэшно, хочу... — ответил он словами грузина из анекдота и поймал удивленный взгляд Сильвии.

— Попробуем, если время будет, — уточнил он, подумав, что вот и опять ситуация поразительным образом повторилась. Тогда Андрей с Алексеем оставили своих персонажей в машине в самый острый момент, вот и он тоже. Не зря сказал однажды Воронцов: «И обязательно приезжаешь на станцию. Как правило — с буфетом».

Словно не подлинную жизнь они живут, со свободой воли и прочими неотчуждаемыми правами, а возятся с кубиками, которые, как ни верти, а ничего, кроме того, что на них нарисовано, не сложишь.

— И последний теперь уже вопрос, — извиняющимся тоном сказал он. — Замучил я тебя, да вон уже и ворота показались. Раз вы убедились, что испугать меня не вышло, зачем была еще и та ассирийская хохмочка?

— Наверное, потому, что мы тоже действовали в условиях стресса. Кардинально менять планы было просто некогда. Увидели, что ты вышел из положения, да еще так, что твоя самоуверенность должна была только возрасти, и сразу включили следующую программу, которая была под руками, подготовленная для другого случая. Ты считаешь себя сильным, героем-одиночкой, которому вся тайная полиция нипочем, так как тебе понравится в теле прокаженного калеки? Мы тебе снизили напряженность матрицы, чтоб не мог пользоваться его памятью, и собирались поддержать там подольше, чтобы выветрились воспоминания о собственном героизме. И снова недодумали — надо было лишить и двигательных функций тоже...

Шульгин предпочел не заметить прозвучавшей в ее голосе нотки сожаления. Отнес на счет вполне естественного профессионального чувства, уязвленного проигрышем, и кому — дилетанту и самозванцу.

Но все же и просто так оставить провоцирующей реплики не смог.

— Если бы покойник с бубей зашел, еще хуже было бы...

— Извини?

— Да нет, это я так, присловье у нас такое. В преф научишься, поймешь, не все в бриджи да гольфы играть. Ладно, проехали...

Тем более что они уже вышли к мосту, на другом конце которого их поджидал Новиков. Не решился уйти, оставив их двоих за пределами охраняемой территории.

Глава пятая

В глубокой, скрытой между крутыми прибрежными холмами бухте, откуда Замок был не виден из-за густо покрывавшего вершины холмов леса, Воронцов разместил то, что шутливо называл своей военно-морской базой. «Первая советская база на американской территории», — обычно добавлял он.

Дороги к ней не было, только причудливо петляющая по распадкам тропа, позволяющая, впрочем, добираться до базы не только верхом, но и на маленьком вертком «Виллисе» времен второй мировой войны. А большего и не требовалось, грузы доставлялись сюда иным способом.

От обширной забетонированной площадки и почти до середины бухты протянулся совсем недавно изготовленный волнолом, а к нему левым бортом был пришвартован сверкающий белой эмалью бортов и надстроек трехтрубный пароход, настолько же неестественный среди здешнего первозданного пейзажа, как древнеримская трирема, допустим, в Североморске, рядом с атомными субмаринами.

Но оттого же он был особенно хорош, и, вывернув из последнего поворота, Воронцов всегда останавливал джип и несколько минут молча наслаждался прекрасным зрелищем.

Он теперь постоянно испытывал чувства автолюбителя, долго и тщетно мечтавшего о собственном «Запорожце» и вдруг получившего право бесплатно выбрать любую машину на всемирном автосалоне да еще и с каким угодно дополнительным оборудованием. Не веря своему счастью, он готов был часами созерцать и ощупывать этот подарок судьбы, вникать в конструкции и постигать назначение невиданных приборов, наслаждаться запахами свежей краски и кожи сидений, с трепетом и чувством подавляющего превосходства перед владельцами заурядных «троек», «шестерок» и прочих «Москвичей» готовиться к первому выезду в город... Ну а поскольку предмет обожания Воронцова своими габаритами и параметрами в сотни раз превосходил самый большой на свете автомобиль, то и процесс наслаждения тоже...

И это несмотря на то, что сам он был и генеральным конструктором корабля, и заказчиком оказавшегося у него чуда техники. Но ведь одно дело — вообразить и даже набросать на дисплее эскиз и совсем другое — увидеть свою мечту воплощенной в металле и иных материалах, с применением последних достижений инопланетной техники.

Пребывая в состоянии почти постоянного радостного возбуждения, Воронцов, словно в первые лейтенантские годы, с утра до вечера мотался по судну от фор-ахтерштевня, от киля до клотиков, проникал в самые дальние закоулки трюмов, отсеков и коффердамов, вникал в тонкости работы всевозможной механики и автоматики, только вместо замусоленных чертежей и инструкций имел при себе плоский компьютерный блок, предупредительно выдававший на экран ответ на любой практический вопрос, вплоть до шага резьбы каждого болта или назначения третьего слева пакетника на распределительном щите в отсеке номер шесть на четвертой палубе... И хоть значительную часть забот, связанных с корабельной электроникой, принял на себя Левашов, вопросы снабжения припасами, необходимыми на неиз-

вестно сколько лет автономного существования, легли по преимуществу на Берестина с Шульгиным, а женская часть экипажа под руководством Натальи занималась интерьерами жилых помещений, все равно Воронцов, как истинный капитан, считал своим долгом и приятной обязанностью разбираться во всем и находиться в нескольких местах одновременно.

Иногда он поднимался в свою каюту, отдыхал пару часов, наскоро перекусывал в буфетной и вновь окунался в бесчисленные заботы. И дело не только в том, что впервые за пятнадцать лет службы он стал наконец полным и безраздельным хозяином корабля, и не какого-то там тральщика или сухогруза, а прекрасного, совершеннейшего лайнера в двадцать пять тысяч тонн водоизмещением и со скоростью до сорока узлов, с таким навигационным оборудованием, что словами передать невозможно!

Воронцов спешил. Из всех туманных и уклончивых слов Антона он сделал для себя главный вывод — надо как можно скорее подготовить судно к плаванию. Словно бы война надвигается, вот-вот разразится, а столько еще не сделано, и упаси Бог оказаться в «час Ч» с полуразобранными машинами или без боезапаса на борту...

Но как он все же красив! Внешне напоминая прославленную «Мавританию», пароход имел три трубы вместо четырех, и не такие огромные, а соразмерные. В надстройках тоже чувствовалось неуловимое влияние последних достижений корабельной архитектуры, форштевень получил легкий клиперский наклон, обводы корпуса тоже стали элегантней и рациональней. И главное, чего стремился добиться Воронцов, — чтобы судно выглядело естественно и не вызывало ненужных вопросов в любом году двадцатого века. Начинку корпуса он не собирался показывать никому из посторонних, а при взгляде извне все было совершенно. Включая устройство, имитирующее густой дым из труб, — если доведется попасть во времена угольных пароходов.

Имелось и бортовое вооружение. Вполне достаточ-

ное, чтобы отбиться, не от современной авианесущей эскадры конечно, но от парочки линейных крейсеров времен первой мировой — точно. Да и второй тоже.

...Воронцов снова включил мотор и медленно скатился прямо к парадному трапу. Встретил его вахтенный биоробот и доложил как положено. Для поддержания дисциплины Дмитрий сделал ему замечание за слабо подтянутый ремень и не слишком надраенные ботинки и взбежал на мостик. Нет, не обманул Антон, парни получились хоть куда. Сейчас и он сам, и все остальные пообвыклись, научились пользоваться их возможностями в полном объеме, а поначалу было немного странно. Особенно женщины смущались в их присутствии. А теперь присмотрелись — и ничего.

Нормальные моряки. Знающие, дисциплинированные, сообразительные. До предела универсальные. Прикажешь — и за пивом в буфетную сбегает, и паровую турбину разберет и соберет. Не в одиночку, конечно, детали там есть тяжелые, но вчетвером — свободно и без всяких подъемных кранов. Воронцов еще раздумывал — а не заказать ли некоторое количество роботесс, женского то есть облика, на роль горничных и тому подобное, потому что не в каждом случае матрос-вестовой может девушкам услужить. Но к окончательному решению он пока не пришел, были у него некоторые сомнения. А вот первая встреча с роботом получилась забавная. Работу Антон предьявил с хорошо рассчитанным эффектом. Такие шутки вообще в его вкусе, вспомнить хоть внезапное появление Наташи...

Проснувшись ранним-ранним утром, Воронцов вышел по персональному капитанскому трапу из каюты прямо на ходовой мостик, полюбовался сквозь мелкий морозящий дождь на бухту и проступающие сквозь туман сопки, опустил на шлюпочную палубу и вдруг увидел у бота фигуру в белой форменке и фуражке-мичманке. Никого из своих быть здесь не могло.

Воронцов еще не сообразил, как отреагировать на появление постороннего на борту, а тот уже его заметил

и с места взял крупную рысь. Остановился в четырех шагах, вскинул к козырьку руку.

— Так что разрешите доложить, господин капитан, на вверенном вам судне все в полном порядке. Происшествий нет! — и добавил несколько не по уставу, но почтительно: — Доброго вам утречка...

Неизвестный выглядел колоритно. Здоровенный, на полголовы выше Воронцова, на плечах штангиста — контрпогончики старшего унтер-офицера царского флота, поперек необъятной груди цепочка боцманской дудки, грубоватая, но не лишенная добродушия (так и хочется сказать — морда) физиономия, загорелая и обветренная, закрученные молодецкие усы, татуировка — якорь на тыльной стороне ладони.

— Дозвольте напомнить, вашескобродие, через пятнадцать минут побудка, так что какие будут приказания?

Прямо из «Капитального ремонта» персонаж.

— Да ты кто такой? Откуда здесь?

На лице унтера отразились недоумение и обида.

— Осмелюсь доложить, вашескобродие, старший боцман Иванов. Прибыл из Первого гвардейского флотского экипажа, назначен на должность вашим приказом... — Иванов мучительно пытался понять, шутят их высокоблагородие или здесь какая-то новая командирская причуда.

А Воронцов наконец догадался, в чем дело.

— Благодарю за службу, боцман. Но ты мне вот что скажи, а почему это на корабле часовой у трапа не выставлен? И вместо вахтенного офицера почему ты командиру рапортуешь, а?

Похоже, Иванов растерялся. Он глубоко вздохнул, открыл рот и снова его закрыл. Лицо, несмотря на загар, стало багроветь. Еще бы, такой конфуз. Командир спрашивает, а он не знает, что отвечать...

И неизвестно, чем бы эта мизансцена закончилась, если бы из-за трубы не появился Антон.

— Спокойно, Иванов. Программа снята. Отклю-

чись... — После этих слов боцман слегка обмяк, полуприкрыл глаза, но в основном осанки не потерял.

— Хорош, да? — с легкой гордостью мастера спросил Антон. — Только зачем так сразу? Он еще и не подключен по-настоящему...

— Мне откуда знать? Вижу — классный служака, вот и решил проверить, насколько он соответствует...

Воронцов обошел вокруг робота, осматривая.

— Отлично сделано, ничего не скажешь. Правдоподобие стопроцентное. Только к чему именно такой... антураж? Посовременнее нельзя было?

— Почему нельзя, все можно. Это я так, пошутил. А если серьезно, то в центральном компьютере тебе целый набор программ. У каждого робота свой номер. Задаешь ему специализацию, присваиваешь номер, или имя, если угодно, внешность можешь подрегулировать, хоть произвольно, хоть под любое портретное сходство, и он будет тем, кто тебе нужен. Боцман — значит боцман, лакей — так лакей. Если захочешь — и нейрохирургом может работать. В общем, я все покажу. Но, как и договаривались, радиус действия не больше километра от борта.

— А если я его дальше пошлю? Скажем, в город сигареты купить?

— Если ближе километра не найдет — вернется...

— А если я ему прикажу на пирсе стоять, а сам в море выйду?

— Догонит. Даже и пробовать не советую, тут гарантия стопроцентная.

Воронцов задал еще ряд вопросов и получил исчерпывающие ответы. Антон, похоже, предусмотрел все, что только могло прийти Дмитрию в голову.

— Одним словом, я сделал даже больше, чем ты просил, — заключил объяснения Антон с таким видом, будто ждал похвалы.

— Да я и не сомневался. Только вот последний вопрос. Как у них с этими... Законами робототехники? Взбунтоваться они не могут или, наоборот, в толстовство

удариться, когда меня, к примеру, у них на глазах убивать будут?

— Законы робототехники... — В голосе Антона прозвучали скептические нотки. — Литература это все. На самом деле все иначе. Взбунтоваться они, конечно, не могут. В принципе. Программа это исключает. Не может же такой служака, — он показал на боцмана, — не выполнить приказ капитана, нагрубить, а уж тем более поднять на него руку. Это абсолютно преданная, абсолютно послушная, инициативная в пределах программы личность. Ничего другого в нем просто не заложено. Но если тебе вздумается запрограммировать его, как... капитана Сильвера или кронштадтского матроса семнадцатого года, последствия будут соответствующие. Просто, зная тебя и твоих друзей, я уверен, что наемных или добровольных убийц вы фабриковать не станете. А уж если на вас нападут... малайские пираты или чикагские гангстеры, эти ребята вполне способны действовать по обстановке. Не подведут... Полсотни «заготовок» я сделал. Пойдем, полюбуешься.

...И всех остальных работа на корабле увлекла. Как и в первые, незабываемые дни на Валгалле. Конкретное, интересное и нужное дело, для большинства необычное еще и тем, что раньше на такого класса судах им бывать не приходилось. Разнообразие и количество помещений — кают, салонов, баров и ресторанов, соляриев, зимних садов и библиотек, — качество и роскошь отделки трансатлантика с непривычки просто потрясали нормального советского человека, больше привыкшего к убожеству провинциальных гостиничных номеров и сервису уровня плацкартных вагонов.

Тем более что Воронцов предоставил каждому возможность занять под личные апартаменты любую площадь в предназначенной для просторного размещения полутора тысяч человек надстройке. И оформить их по собственному вкусу, не стесняя себя никакими ограничениями. Желаетшь мебель слоновой кости и золотые

унитазы — пожалуйста. Лишь бы все запросы и капризы были облечены в технически грамотную форму.

К услугам заказчиков было огромное количество альбомов, проспектов, справочников по корабельному дизайну и квалифицированная помощь архитектора Натальи Андреевны и художника Берестина. Она же, Наташа, предложила гарантированную конфиденциальность своих услуг. Чтобы до поры сохранялась тайна расположения и оформления личных помещений. Тем интереснее потом будет ходить друг к другу на новоселья. Вдобавок соблюдался принцип «мой дом — моя крепость». Может, кто-нибудь захочет, чтобы окружающие даже адреса его не знали... У людей, обреченных на жизнь в замкнутом пространстве и в узком кругу одних и тех же людей, могут возникать странные причуды в целях защиты душевного равновесия.

Если кто и был здесь сегодня по-настоящему счастлив, так это Наташа. В большей, наверное, степени, чем даже Воронцов.

...Постепенно трюмы корабля наполнялись припасами, и его ватерлиния, недавно еще на три метра возвышавшаяся над краем пирса, почти коснулась гребешков мелких прибрежных волн. В принципе необходимости загружаться таким количеством продовольствия, топлива, оружия, всякого прочего снаряжения не было. Выполненные теперь не кустарно, из подручных материалов, а вполне промышленным способом дубликаторы позволяли ограничиться единственным экземпляром каждой нужной вещи, но тут уже вступила в свои права психология. Как это можно — отправляться в долгое-долгое плавание с пустыми трюмами, провизионками, крюйт-камерами? Дубликатор — вещь хорошая и полезная, а запасец лет на пять карман не тянет...

А к тому же даже и образцов потребных изделий набиралось много и много тысяч, в том числе достаточно больших и тяжелых, например, автомобилей, тракторов, всевозможной бронетехники прочая, прочая, и прочая... Доведется попасть в первую треть века, и

какую-нибудь забытую батарейку для прибора ночного видения не достанешь ни за какие деньги. Кстати, с деньгами тоже серьезный вопрос. Золота и драгоценностей набрать можно десятки тонн, но не будешь же таскать с собой кошель с монетами и, сходя на берег, бегать в поисках менял? Значит, нужен и самый широкий ассортимент банкнот, пригодных в любое время и в почти любом месте. С не слишком часто повторяющимися номерами.

Одним словом, забот хватало всем.

Во время ужина в небольшом зале, оформленном как кают-компания парусного линкора времен адмирала Нельсона, разговор снова коснулся наиболее болезненной темы. Теперь, как и было условлено, говорили об этом лишь в чисто мужском кругу.

Воронцову по-прежнему не удавалось добиться у Антона даже намек на время, в которое им предстоит вернуться. Хотя бы в пределах десятилетий. Он, как обычно, отделялся ссылками на «неподготовленность вопроса». А на самом деле, что очевидно, просто чего-то выжидал.

Параллельно этой же темой занимался Левашов. Исходя из как бы невзначай брошенных Антоном слов, Олег задался целью вычислить возможные точки перехода чисто теоретически, с помощью своих предположений и неограниченных (как казалось) возможностей Главного компьютера Замка.

— Мне вот что еще интересно, — говорил Воронцов, трудясь над запеченным в сметане карпом. — Почему это наша нынешняя подготовка происходит как бы из молчаливого соглашения, что мы окажемся именно в двадцатом веке? Ну, прототип корабля я выбрал, имея на то вполне конкретные основания — судно без механического двигателя, электроснабжения и приличествующего комфорта просто не обеспечит нам выживания на разумно продолжительный срок... А в остальном... Вот, может, Олег пояснит нам, темным... Если — надеюсь, что я не прав — с нашим временем так и не выйдет,

то как? Имеются научно обоснованные надежды на что-нибудь подходящее? А вдруг сразу в семнадцатый век нас жажнет, а то и в мезозой? Слова форзейля меня как-то не совсем убеждают, а ты что скажешь?

Вряд ли сейчас Левашов подходил для роли застольного собеседника. Измученный почти непосильными даже для него интеллектуальными и физическими нагрузками, с красными от недосыпания глазами (он в отличие, скажем, от Новикова, если уж начинал заниматься каким-нибудь важным, на его взгляд, делом, то загонял себя до полусмерти), отравленный бесчисленным количеством сигарет и чашек крепчайшего кофе, Олег ответил вялым голосом, машинально ковыряя вилкой в салате из крабов, но словно забывая донести его до рта.

— Считайте меня последним кретином, но теперь я понимаю даже меньше, чем в самом начале. Или вариативная хронофизика вообще за пределами моих возможностей, либо Антон нас крепко натягивает...

— Ты, главное, успокойся, — вмешался Новиков, с сочувствием глядя на изможденное лицо друга. — Выпей как следует и ложись спать. Никто нас не гонит. Завтра хоть до обеда отдохни... — И повернулся к Воронцову: — Проследи за ним, капитан, власть свою используй, вплоть до ареста при каюте с приставлением часового. — И снова обратился к Левашову: — Не терзай ты себя. Занимайся потихоньку корабельными делами, навигационную и сервисную электронику отлаживай, а физику — ну ее к ...! Скажи попросту — какие шансы у нас есть и на что. Просто чтоб слегка планировать... И в каком смысле Антон нас может «натягивать»? Выход возможен, но он его блокирует, или подсовывает тебе неверные данные, или, наконец, компьютер перепрограммирован, а?

Послушавшись доброго совета, Левашов выпил предупредительно поданный Шульгиным фужер, в который вместо употребляемого остальными хереса Сашка щедро плеснул коньяку, и почти сразу не то чтобы пове-

селел, а расслабился, черты лица обмякли, повлажнили губы, приобрели нормальное выражение глаза.

— Да вот, понимаешь... Я действительно по ночам все сижу, считаю, хроноинтерги... тьфу, интегрирую... как влез, так и не могу остановиться. Все время то вот-вот получится, то такая... пардон, начинает вылезать! И вот если себя не обманывать, — Шульгин еще раз плеснул в фужер, и Олег одним глотком, не поморщившись, выпил. — Если не обманывать — лично у меня, наверное, не выйдет. На моей установке. Тупик сплошной. Словно вокруг нас действительно никакого реального времени не осталось...

— Но Сашка же в Лондон ходил! И Андрей с Ириной в Москву... — с недоумением сказал Берестин.

— Лучше и не вникать. Там совсем на другом уровне дела. Далеко за пределами и моего понимания, и моей техники. Якобы, по словам Антона, прямой пробой через иные измерения и Бог знает сколько слоев параллельных реальностей. Такой пробой существует ограниченное время и требует, кроме жуткого количества энергии, обязательного возвращения объекта переброса, который как бы является неотъемлемой частью этого самого канала. Если он, то есть объект, останется там после свертывания канала, то превратится в некую гигантскую шаровую молнию, сгусток плазмы, лишенный стабилизирующего поля... Что, кстати, случилось со звездолетом наших потомков. Отчего я тогда и перепугался, ну, когда Андрей в Москву ушел. Приборы все как с ума посходили.

— Выходит, если что, мы с Ириной рванули бы, как атомные бомбы? Так я тебя тогда понял?

— Примерно так. Похожая штука могла произойти, когда я Ирину за Алексеем отправлял... — Левашов с виноватой улыбкой развел руками. — Однако шансы все-таки есть! — с неожиданным вызовом продолжил он. — Не зря я голову ломал. Выскочить отсюда можно. Там математически хоть и сложно, но на доступном вам уровне можно так изложить: имеются некоторые разрежения в едином хронополе, вроде как проталины во

льду. И их пробить, пожалуй, удастся. Но куда вынесет? Я пробовал график построить. Тут Антон не сбрежал. Зависимость выходит нелинейная, но в двадцатом веке есть две-три точки, в девятнадцатом еще пять просматриваются, ну и так далее...

— Вот тебе другой ответ на наш вопрос, — ткнул пальцем в сторону Берестина все это время молчавший Воронцов. — Мы готовимся к жизни именно в двадцатом веке, потому что только в нем сможем нормально адаптироваться. В двадцатом и в последнем десятилетии девятнадцатого.

— Ищу под фонарем, потому что там светло, — вставил Шульгин.

— Вот-вот. Сможем адаптироваться психологически, а главное — социально. Имея нормально выглядящий пароход, воспринимая этот мир как свой, мы сможем жить в нем легально! Легенда, документы — это мелочи, главное, что и в пятом, и в двадцатом, и в сорок пятом годах мы, считай, свои... А уже в тысяча восемьсот... ну, хоть пятидесятом нам нормально жить вряд ли удастся. Вот тогда придется на самом деле превращаться в каких-то графов Монте-Кристо... Необитаемый остров, пароход как база, материальная и моральная, а выходы в свет... Чисто эпизодические, чтобы обстановку сменить.

— Да, очень доходчиво, — кивнул Берестин.

— Кончаем, мужики, этот треп никчемный, — неожиданно заявил Шульгин. — Ей-Богу, надоело. Вот есть у нас дело — и занимаемся им. Корабль доведем, на ходу испытаем, тогда станем дальше думать. Лучше давайте, в натуре, расслабимся, преферансик затеем, сто лет не играли, а к завтраму мне каждый свои очередные предложения по снабжению доложит. Кому что еще нужно по профессии и для души. А то и вправду как бы не вышло: «Не было гвоздя, подкова пропала...» Дальше не продолжаю, сами должны знать классику. Я вон давеча в каталог залез — так мы столько всего упустили, просто и в голову не приходило, сколько еще нужных вещей на свете бывает...

... После первого выхода в открытый океан, когда Воронцов наконец смог раскрутить турбины на проектную мощность и добиться желанных сорока узлов, причем ни гула, ни вибрации в пассажирских помещениях и на мостике практически не ощущалось, он даже внешне изменился.

Построил себе парадный черный мундир с золотыми нашивками, какую-то необыкновенную фуражку «изумительных аэродинамических качеств» с огромным козырьком, которую никаким шквалом не сорвет, начал отпускать шкиперскую бороду. А если учесть, что в глазах его появился холодноватый блеск, то замечание Шульгина: «Да ты у нас совсем как Волк Ларсен» — оказалось довольно метким.

Но, к чести Воронцова, все эти перемены в его облике никак не отразились на взаимоотношениях с друзьями. Для реализации адмиральских замашек ему вполне хватало биороботов.

Новиков, последнее время испытывавший постоянно усиливающееся беспокойство в отношении психологического климата и состояния нервной системы обитателей Замка — все же каждый из них пережил целый год непрерывных стрессов, — с интересом наблюдал, как Воронцов устраивает общие построения экипажа, боевые, водяные и пожарные тревоги, а также заставляет роботов решать бесчисленное количество задач по курсу ППСС (правила предупреждения столкновения судов), и пытался угадать, развлекается ли таким образом Дмитрий или это у него тоже признаки нервной перегрузки.

На вскользь заданный вопрос Воронцов ответил с непроницаемой серьезностью:

— Любой член моего экипажа должен быть непоколебимо убежден, что если в восемь ноль-ноль не состоится подъем флага, то в восемь ноль одну наступит конец света. А я должен быть уверен, что каждый из них мыслит именно так.

— Так ведь это либо есть в программе, либо нет. И при чем тут твои тренировки?

— При том самом. Чтобы знать, насколько надежны программы. Не хочу в самый неподходящий момент обнаружить, что мой матрос не знает, как в шторм заводить пластырь, или не готов с восторгом сложить голову за Бога, царя и отечество...

— Ну и как он, готов?

— А вот будет случай, тогда и узнаешь...

Андрей собрался было спросить, с кем и, главное, для чего собирается воевать Воронцов, но передумал. Решил понаблюдать еще. В тот же день он получил возможность выяснить, что не одного Дмитрия обуревают милитаристские замыслы.

Спускаясь по трапу с солнечной палубы к себе в каюту, Новиков увидел облокотившегося на планширь Берестина. Алексей скучающим взглядом следил за скользящей у самой поверхности воды тройкой крупных дельфинов. Постояли вместе, покурили, потом Берестин предложил зайти к нему. Как-то так выходило, что не меньше недели им не приходилось разговаривать наедине. Видимо, оба по-прежнему подсознательно ощущали некоторый дискомфорт. Хотя поставить окончательную точку в проблеме с Ириной стоило бы уже давно. Например — после московской ночи. Но Андрею как «победителю» затевать такой разговор казалось бестактным, Берестин же или ни о чем не догадывался, или не хотел унижить себя еще и попыткой «выяснить отношения».

Входя вслед за Алексеем в проем единственной в поперечном коридоре двери, Новиков ожидал увидеть более или менее роскошную каюту и даже испытывал определенный интерес — а что же именно придумал для себя профессиональный эстет?

Но оказался он в обширном зале, похожем на учебный класс.

Большие квадратные иллюминаторы выходили на кормовую часть верхней палубы, и сейчас в них засвечивало закатное солнце, бросая яркие блики на светло-

каштановый узорчатый паркет. В центре зала стоял огромный стол, который Новиков вначале принял за миллиардный. А переборки между иллюминаторами сплошь занимали глухие дверцы шкафов, открытые полки с какими-то папками и книгами, встроенные телевизионные экраны. К столу примыкал пульт, напоминающий те, что бывают в радиостудиях. И только в дальнем углу разместились старомодный письменный стол и слоноподобные кожаные кресла.

— Что тут у тебя? — поинтересовался Новиков, с любопытством рассматривая оборудование зала. — Решил организовать корабельный информцентр?

— Скорее — генеральный штаб, — усмехнулся Берестин. — Вспомнил, сколько мы с тобой в сорок первом напортачили, и решил подстраховаться на будущее. Вот это, — подвел он Новикова к столу в центре, — картографический планшет. Но не только. — Алексей щелкнул одним из тумблеров, поверхность планшета, только что равномерно серая, засветилась, и на ней возникла цветная и рельефная карта Европы. Даже не карта, а трехмерный макет изумительной точности и тонкости исполнения. Берестин нажал кнопку, и масштаб начал укрупняться, не плавно, а скачками, соответствуя шагу масштабов военных карт, как догадался Новиков.

— Ну, это чистая география, — сказал Берестин, когда всю огромную площадь планшета занял участок местности, словно видимый с низко летящего самолета, то есть движущийся с соответствующей скоростью навстречу зрителю и плавно исчезающий под бортиком стола. Видны были кюветы на обочинах дорог, отдельно стоящие кусты, какие-то бревенчатые постройки в глубине леса.

— А вот и стратегия...

Карта вновь вернулась к первоначальному масштабу, и на ней обозначилось все то, что бывает на хорошо отработанных штабных картах, в данном случае — по-

ложение на советско-германской границе на утро двадцать второго июня известного года.

Берестин задвигал ползунки пульта — и фронт ожил. Устремились на восток синие стрелы, разрывая позиции Красной армии, обозначились Белостокский и Волковысский котлы...

— И так далее... — Берестин выключил электронику. — Для начала у меня здесь заложены все войны и конфликты двадцатого века. На основе подлинных документов. Это тебе не наша самодеятельность. Я здесь могу не только воспроизвести, но и промоделировать любое сражение, вплоть до действий отдельных взводов и разведгрупп.

— Неплохая игрушка, — кивнул Новиков, садясь в кресло. — Чем пасьянсы раскладывать... При случае позабудемся. Посмотрим, что мы с тобой неправильно делали. Как я понимаю, тут предусмотрена такая возможность?

— Само собой. Иначе и возиться бы не стоило. Более того, имеются абсолютно все документированные данные о личностях полководцев, в том числе и мемуарные, если кто оставил. То есть, если начать играть за одну сторону, вторая будет реагировать примерно так, как прототип.

— Вернее — как реконструкция, — вставил Новиков. — Если о ком-то писать в основном пакости, как наши историки, допустим, о Куропаткине, то он реагировать будет неадекватно...

— Не совсем так, — возразил Берестин. — Видно было, что разговор доставляет ему истинное удовольствие. — У меня ведь учтены все подписанные им приказы, поведение на войне с учетом как общей обстановки, так и той, что была ему известна в конкретный момент. То есть личность командующего оценивается и по правильности предвидения, по умению принимать решения в условиях дефицита информации... Так что идеологические моменты в оценке профессиональных качеств выносятся за скобки...

И еще минут десять они говорили о всяких военно-психологических аспектах берестинского устройства. Пока Новиков не задал Алексею тот же самый вопрос, что недавно собирался задать Воронцову.

— Зачем же сразу воевать? — словно бы удивился Алексей. — Это я так, на всякий случай. Мы когда первый раз на Валгаллу выходить собирались, с чего начали? Автоматом обзавелись. А тут не Валгалла, тут планета Земля эпохи войн и революций... Если разве на Новой Зеландии поселиться. По-моему, только там в двадцатом веке не всерьез стреляли. Да и то японцы и союзники вокруг маневрировали, подводные лодки крутились, и если на берегу не отсиживаться, так и там без моей машинки не обойтись.

Новикову пришлось согласиться. Он мог бы, конечно, попытаться раскрутить Алексея, добиться от него методом психоанализа более подробного и откровенного ответа, но не стал этого делать. Достаточно уже, особенно после совместного руководства Великой Отечественной войной, он знал и характер Берестина, и все его склонности. Начав жизнь в роли кадрового офицера ВДВ, став впоследствии достаточно преуспевающим художником, Алексей оставался в душе прежде всего военным человеком и, попав в телесную оболочку командарма Маркова, нашел себя как крупный полководец. Само собой, теперь уже смириться с жизнью обывателя, пусть и неограниченно богатого и свободного, он не мог. Мысль о том, что он командовал сотнями тысяч людей, мог принимать и воплощать в жизнь исторические решения, сверлила душу куда сильнее, чем так называемая «несчастливая любовь». Да и была ли она на самом деле?

Пересилив себя, Андрей выбрал подходящий момент и спросил:

— Не сочти за нескромность, конечно, но в предвидении всего предстоящего как ты думаешь выходить из положения?

— Какого положения? — не понял Берестин. А Новиков считал, что он среагирует сразу.

— Из того самого. С Ириной. Мне кажется, она себя чувствует очень плохо.

— Да о чем ты?

Новиков постарался как можно деликатнее объяснить, что именно он хотел обсудить с Берестиным.

— Ну, старик... — Алексей изобразил на лице подлинное изумление. — Кажется, с комплексами у тебя тоже не все в порядке. Да, было такое, скрывать не собираюсь, но прошло, прошло... Одно время было трудновато, я на самом деле сильно увлекся. Однако — вовремя опомнился. Ты думал, я на самом деле такой сопливый романтик, как получился в собственных мемуарах? Нет, не совсем... Друг мой Андрюша — извини, что так я тебя называю, но я чуть постарше и повидал много всякого, — разве ты не знаешь, что такое простой строевой лейтенант ВДВ? И я им где-то остаюсь, невзирая на легкий налет интеллигентности.

Ирина меня околдовала, а она это умеет, но как только возник ты и стало понятно, что мне не светит, я без большого труда взял себя в руки. Что ж, ты думал, мужик моих лет будет целый год не спать ночами и лить слезы в подушку? Уже в Москве, в сорок первом, я утешился с Леной... Хорошая была девушка, интересно, как у нее дальше все вышло? — Взгляд Берестина стал грустно-мечтательным. — Одним словом, брат, не бери в голову. Нам с тобой делить нечего. Извини, если по моей вине тебе пришлось еще и из-за такой ерунды волноваться. Ты у нас тоже поклонник Гумилева, так вспомни, что он писал:

...И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во Вселенной,
Скажет: — я не люблю вас —
Я учу их, как улыбнуться,
И уйти, и не возвращаться больше...

Новиков чувствовал себя крайне неудобно. Нет, что они наконец поговорили и, кажется, подвели черту под

создававшей постоянную напряженность проблемой, это хорошо, но у Андрея осталось ощущение, будто Берестин очень спокойно над ним посмеялся.

Мало того, что он дал понять, кто из них пацан, а кто — мужик, так вдобавок заставил Новикова усомниться в своих профессиональных качествах. Какой же ты, мол, психолог, если за год не смог разобраться в пустяковом треугольнике?

Но как раз профессионально Андрей был уверен в своей правоте. И, переведя разговор на нейтральную тему, вскоре отклонялся. Берестин не стал его удерживать. Так что осталось не совсем понятно, в чем был истинный смысл их встречи. Вряд ли Алексей позвал его, чтобы просто похвастаться своим «генштабом». Скорее всего он собирался обсудить нечто для себя важное, но разговор с самого начала пошел не по тому руслу. Жаль, если так. Берестин достаточно серьезный человек, и приходящие ему в голову идеи могут иметь далеко не тривиальные последствия.

«Глупею я что-то в последнее время, — думал Новиков, спускаясь по широкому трапу, больше похожему на парадную лестницу Эрмитажа, и нервно постукивая пальцами по перилам. — Совсем нюх потерял».

Если бы он мог видеть, что происходит сейчас в каюте Берестина, настроение его наверняка бы улучшилось. А Берестин, закрыв за гостем дверь, прошел через короткий коридор в соседний отсек, симметричный первому. Здесь у него размещалась настоящая художественная мастерская, куда более просторная и лучше оборудованная, чем в Москве. Переборки украшали многочисленные пейзажи Валгаллы. Но не они его сейчас интересовали. Алексей остановился перед почти готовой картиной. Непрописанным оставался лишь правый верхний угол. Видно было, что работа удалась. Физически ощутимо от нее тянуло холодным пронзительным ветром, выгибающим черные голые ветви деревьев Тверского бульвара. Лимонно-багровая полоса закатного неба подсвечивала снизу рыхлые сине-черные тучи. А по лужам

центральной аллеи шла на зрителя стройная женщина в длинном черном пальто, опустив голову, погруженная в тревожные, мрачные мысли. Каким-то необъяснимым ухищрением Берестину удалось передать именно это — холод, тревогу, тоскливое предчувствие неведомой и неизбежной опасности.

Алексей присел на угловой диванчик напротив холста, вытянул ноги и оперся локтем о спинку, найдя взглядом какую-то, очевидно, важную для него точку композиции. И сидел так очень долго, не то погружившись в творческий процесс, не то просто вспоминая давний уже, роковой для очень многих вечер...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСХОД

Ведь это было так давно
И где-то там, за небесами...
Куда мне плыть, не все ль равно,
И под какими парусами.

Н. Гумилев

Глава первая

...Погода за последние дни как-то внезапно и странно испортилась. Новиков и раньше знал, что резкие климатические изменения и катаклизмы обычно влекут за собой и жизненные перемены. Просто до сих пор ему не приходило в голову заняться соответствующими изысканиями. Городской человек, если он не в путешествии и не на войне, не слишком расположен придавать вопросам метеорологии большее значение, чем диктуют повседневные нужды или логика светской беседы.

А тут так все сразу сошлось... «Индийское», оно же бабье, лето кончилось мгновенно. Накануне еще светило и грело мягкое сентябрьское солнце, полыхали красками осени окрестные холмы, и вдруг наутро задул сильный порывистый северный ветер, загудели снасти «Валгаллы», загуляли по коридорам Замка непонятно откуда взявшиеся сквозняки. Низко опустилось мгlistое небо.

То, что у них был сейчас пароход, оказалось подарком судьбы. Или Воронцова с Антоном. Большой, надежный, с герметически закрывающимися дверями и иллюминаторами, специально предназначенный для того, чтобы обеспечить пассажирам уют, комфорт и безопасность в любые штормы и ураганы. С верхних застекленных ярусов надстройки смотреть на разгулявшиеся стихии и разверзшиеся хляби было даже приятно. Шелестят, нагнетая теплый воздух, кондиционеры,

плещутся далеко внизу серые, даже на вид холодные волны, глубокие кресла в каминном зале обещают приятную беседу у живого огня. Хорошо, одним словом, на берег сходить не хочется, ехать под злыми зарядами дождя по раскисшей дороге в ставший неуютным, словно бы покинутый Замок. Да и почему «словно бы»? Они его на самом деле покинули, переселившись на «Валгаллу».

По поводу названия корабля споров почти не было. Только Лариса сказала, что на корабле с таким именем плавать по земным морям будто бы и странно русским людям, да Шульгин для точности предложил добавить к названию индекс «два», но в конце концов сошлись на том, что усложнять ни к чему, а «Валгалла» там, или «Россия», или вообще «Низвержение самодержавия» — никого, кроме владельцев, это не касается и в цивилизованном мире воспринимается спокойно.

Так вот, по всем вышеназванным причинам в Замок этим ненастным утром поехали только Новиков с Шульгиным, чтобы закончить не сделанное накануне, а всем остальным нашлись занятия на корабле.

А если бы даже и не нашлись? Что может быть приятнее — никуда не торопясь, пронежиться в постели до полудня, просыпаясь, слушать жесткий стук дождевых струй по металлу надстройки и их же мягкое шлепанье — по палубному настилу, и снова ненадолго засыпать, а потом, после обеда, устроиться в кресле с книгой или перед экраном видеомэгафона и ждать общего ужина, придумывая попутно меню поэкзотичнее...

И этим же утром Антон получил ментаграмму с категорическим приказом приступить к реализации Инструкции немедленно.

...Только тихое попискивание компьютера нарушало глухую, давящую тишину, заполнившую бесконечные галереи библиотеки.

От мысли, что на многие километры во все стороны тянутся едва освещенные безлюдные анфилады комнат,

до потолка уставленных миллионами и миллионами томов, анфилады, в которых неизвестно что в данное время происходит, становилось немного не по себе.

Причем такое напряжение и беспокойство Новиков ощущал здесь впервые. Ведь обычно библиотека ему нравилась именно тишиной, безлюдьем и рациональностью планировки.

Три центральные линии через каждые пятьдесят метров соединялись поперечными коридорами, как проспекты переулками, и внутри кварталов-блоков располагались обширные секции книгохранилища с дубовыми открытыми стеллажами в десять ярусов.

Для удобства посетителей в каждом зале имелись уютные выгородки-кабинеты с письменным столом, глубокими креслами, компьютерным терминалом, подключенным к генеральному каталогу, и даже раздаточным окном автоматической кухни-бара. Естественно, пол покрывали мягкие длинноворсные ковры, настольные лампы проливали на рабочее место свет регулируемого спектра и яркости, ароматизаторы-климатизаторы следили за температурой и качеством воздуха...

В отличие от описанной Борхесом Вавилонской библиотеки, здесь любую когда-либо изданную на Земле книгу можно было разыскать почти мгновенно, вынести ее текст на экран дисплея или затребовать оригинал. Две-три минуты ожидания, и с мелодичным гудочком в нише справа от кресла откидывается дверка — пожалуйста...

Конечно, можно ограничиться информацией, в каком секторе, зале и на каком стеллаже пребывает искомая книга, и отправиться за ней самостоятельно.

Для настоящего книголюбца невозможно придумать более сильный наркотик, и Андрей, особенно сначала, проводил в галереях библиотеки сутки напролет, выискивая в памяти какой-нибудь совершенно немислимый раритет и немедленно убеждаясь, что да, наличествует, новехонький, словно вчера из типографии.

Но все равно присутствовал здесь элемент очередно-

го фокуса Замка. Как, впрочем, и во всем остальном. Новиков даже не мог понять, существует ли библиотека объективно или она возникает в материальном виде, лишь когда кто-то собирается ею воспользоваться? И существует ли она вся целиком или только те ее секторы, которые нужны в данный момент? Однажды он попытался это выяснить экспериментально, и часа четыре все дальше и дальше углублялся в бесконечную перспективу залов, пока не понял бессмысленности своей затеи.

Свернув в боковой коридор, он из области русскоязычия попал в такую же точно анфиладу, заполненную бесчисленными томами на английском. Повернул наугад еще раз, прошел четыре перпендикулярных проходу блока, увидел экзотические, нечитаемые литеры. Может — хинди, а может — санскрит.

«На мотоцикле, что ли, поездить? — подумалось тогда ему. — И добраться однажды до области узелкового письма...»

И еще одно интересное открытие сделал Новиков — любая разыскиваемая книга обязательно оказывалась совсем рядом от того терминала, которым он в данный момент пользовался. В одном из смежных блоков. Такая демонстративная предупредительность библиотеки тоже раздражала. В очередной раз намекая на то, что его здесь дурачат.

...Работа близилась к финишу. Сегодня Андрей надеялся завершить комплектование судовой библиотеки. Теоретически возможно было перенести на «Валгаллу» содержимое книгохранилища полностью, но даже если отвлечься от реальной вместимости судна, девяносто процентов здешних фондов не потребуются на практике никому и никогда.

И, следуя заданной программе, компьютер отбирал лишь безусловно необходимую литературу на русском и английском, переводил содержание книг на специальные, форзейлианские, немислимой емкости кристаллы,

чтобы потом, на корабле, в случае необходимости вновь придать им первоначальный облик.

От мелькания по экрану бесконечных строчек с заглавиями сканированных книг Новиков смертельно устал, вернее — отупел. Вяло пережевывая бутерброд, он подумывал, что лучше: дожидаться конца программы или плюнуть, разыскать Шульгина и вернуться «домой».

Настроение к ночи у него совсем испортилось. Такое ощущение, что он заболевает. Еще и симптомы не определились, а как-то нудно, словно бы поламывает, познабливает, и пицца приобрела вкус старой ваты. Воздух в помещении неподвижный, а кажется, будто сквозит, мурашки по спине бегают, кожа на лице приобрела нездоровую чувствительность.

А теперь еще добавился смутный, беспричинный страх. Андрей знал, что при некоторых болезнях страх, тоска, депрессия — сопутствующие симптомы, но от такого знания легче не становилось. Все-таки, наверное, лучше ему уехать. В своей каюте, под теплым одеялом, да после чарки «Тройной перцовой» наверняка полегчает.

Прикрыв отказывающиеся читать слишком яркие строчки глаза, Новиков, на грани восприятия, уловил вдали посторонний звук. Равномерное потрескивание и поскрипывание, словно бы тяжелые шаги по разошедшемуся паркету.

Вначале ему подумалось, что это Шульгин, закончив свои дела в оружейной мастерской, сам догадался зайти сюда потреться или пригласить на вечернюю рюмку.

Но и темп шагов был совершенно не Сашкин — уж его-то походку он знал великолепно, и паркет в библиотеке лежал мертво, какие там скрипы...

И вдруг ему стало по-настоящему жутко. Как не было, пожалуй, никогда в жизни. Уже не мурашки — сильнейший ледяной озноб прокатился по телу, и спазм сжал горло. А с чего бы? Кроме Шульгина и Антона, в Замке не было и быть не могло ни единой души. Нови-

ков прикусил губу и встал. Сделал шаг к арочному проему — чего уж проще, выйти и посмотреть. Но, несмотря на волевое усилие, страх не отпустил — совершенно детский страх, будто в пять лет очутился один в холодном и темном подвале.

А каково тут было Воронцову, действительно одному в самый первый день?

За спиной часто запищал компьютер. Программа наконец закончилась. Машинально он взял из гнезда длинную и тяжелую, чуть теплую на ощупь кассету с кристаллами, сунул в карман. И на него обрушилась новая волна страха. В этом кармане он всегда носил пистолет. И секунду назад собирался его достать. А теперь его не было. Почти тут же он вспомнил, что утром надел кожаную куртку, а «вальтер» оставил в джинсовой...

«Надо бы, как на Валгалле, в кобуре носить...» — запоздало посетовал Новиков, не слишком понимая, чем бы ему сейчас помог пистолет. Но помог бы, нет — второй вопрос, сейчас же его вообще не было.

Сам себя презирая за омерзительную трусость, Андрей выглянул в коридор. Чтобы убедиться, что звук — а что это шаги, теперь не было сомнения, — имеет вполне рациональное объяснение.

Выглянул. Как раз в тот момент, когда из-за ближайшего поворота возникло кошмарное видение.

Материализованный монстр из американского фильма ужасов. Похожий одновременно на двухметровую, покрытую зеленовато-серой жабьей кожей гориллу и на распухший, многодневный уже труп утопленника. Перед чудовищем катилась волна ледяной, тошнотворно-удушающей вони.

Секундного ступора оказалось достаточно, чтобы омерзительное существо тоже увидело Новикова, зафиксировало на нем свои мертвые, как у вареного осетра, глаза — каждый глаз размером с крупное куриное яйцо, — чуть присело и метнулось вперед!

Какой-то частью сознания понимая, что в реальности такого просто не может быть, что явление это совсем

из другого логического ряда, куда ближе к галлюцинации, чем к невероятной, но рационально объяснимой сущности Замка, Андрей отнюдь не готов был проверить это на себе.

Он не помнил, вскрикнул ли сам, издало ли какой-нибудь звук чудовище или все происходило в тишине. Подчиняясь атавистическому инстинкту: видишь незнакомое и страшное — беги, Новиков метнулся в свой отсек. Монстр, с места взяв спринтерское ускорение, — следом.

Пронсясь вдоль книжных полок, Андрей тщетно пытался увидеть хоть что-то, похожее на оружие. Увы! Здесь не было даже хорошего тяжелого дубового стула. Добежать до очередного отсека и швырнуть в «гориллу» креслом? Не успеть — топот, сопенье и хлюпанье преследователя слышались совсем близко, шагах в десяти-пятнадцать за спиной.

Но, кажется, дистанцию пока держать удастся. Спортсменом Андрей всегда был неплохим. Километра три такой темп он удержит, если монстр идет на пределе своих возможностей.

Постепенно к Новикову возвращались хладнокровие и здравый смысл. Наверное, его первобытным предкам не раз приходилось спасаться бегством от всяких там саблезубых тигров и прочей пакости, и, раз сам он существует, как-то его прапрапращурь выкручивались. И передали ему необходимые в таких случаях стереотипы поведения.

Решение пришло внезапно. Оглянувшись, чтобы оценить резерв времени, Новиков высоко подпрыгнул, ухватился за одну из стоек пятиметрового стеллажа и что было сил рванул ее на себя, уперевшись ногами в соседнюю секцию.

К счастью, никаких дополнительных креплений стеллажа не имели. Андрей почувствовал, как уставленная несколькими сотнями томов секция начинает наклоняться, оттолкнулся вбок, еще добавив импульса, и,

приземляясь, увидел, как книжная стена обрушивается на сократившего разрыв монстра.

Идея оказалась плодотворной. Рыча от напряжения и яростного восторга, Новиков валил полки одну за другой с обеих сторон прохода, и через несколько минут завалы книг и торчащих во все стороны полированных брусьев надежно преградили путь чудовищу. «Бензинчику бы сейчас!» — в боевом азарте разохотился Новиков. Увы, бензину взяться было неоткуда, а внутри завала обозначилось злое шевеление. Явно не похожее на галлюцинацию существо продиралось вверх.

Но теперь времени в запасе было достаточно, а за углом близкого уже поперечного коридора находилась дверь лифта. Однако те секунды, что Новиков ждал, пока раздвинутся створки лифта, стоили, наверное, еще многих тысяч безвозвратно сожженных нервных клеток, потому что с другой стороны галереи тоже донесся топот, хрюканье, утробный рык. Судя по звукам, к чудовищу спешила подмога.

А деваться из тупика с голыми стенами было окончательно некуда.

«Пожарный щит полагается в таких местах иметь, — подумал Андрей, когда за ним наконец закрылись двери и лифт начал бесшумный взлет сквозь этажи. — Только помог бы мне огнетушитель, топор, даже железный багор — ба-альшой вопрос!»

...Шульгин по обыкновению возился в оружейной мастерской, воплощая в жизнь очередную идею. В предвидении ухода в мир иной — не в прямом, конечно, смысле, а за пределы Замка с его возможностями — он задался целью изобрести автоматический карабин небывалых характеристик, словно мало ему было тех сотен образцов, что имелись в его полном распоряжении.

Да что там сотен, счет шел, пожалуй, на тысячи, потому что к так называемой мастерской примыкали обширные сводчатые залы, такие, как в ленинградском

Артиллерийском музее, а там, в деревянных пирамидах, застекленных шкафах и стендах стояли и лежали винтовки, автоматы, пистолеты-пулеметы, просто пистолеты и револьверы всех типов, марок, систем и модификаций, когда и где-либо изготовленные на Земле заводским способом с момента изобретения унитарного патрона. Но в отличие от обыкновенного музея, где оружие выглядит мертвым, и не только по причине просверленных стволов и варварски пропиленных патронников, здешнее было живым на сто процентов — новеньким, как положено смазанным и снабженным необходимым на первый случай комплектом боеприпасов.

Не много нашлось бы мужчин любого возраста, чье сердце не дрогнуло при виде этих смертоносных сокровищ, обладающих бесспорным обаянием талантливо, со вкусом и тщанием сделанной вещи.

Здесь тоже можно было бродить часами, даже просто рассматривая иногда гениально простые и рациональные, иногда до невозможности причудливые конструкции, а уж если есть возможность взять любой из «стволов» в руки, ощутить его вес, гладкость прохладного металла, обхватить ладонью шершавую ореховую рукоятку какого-нибудь всеми забытого «раст-гассера» или «франкотта»!.. И тем более пострелять из чего захочется в специально на этот случай оборудованном тире...

Вот и Шульгин, добравшись до сокровищ музея, вначале пережил период, так сказать, активного созерцания, а потом, пресытившись, возжелал сказать и свое слово в оружейном деле.

Он, конечно, не трудился над мудренными чертежами, не строгал, не пилил и не рассверливал куски железа подобно Мосину, Борхарду с Люгером и Калашникову, чтобы осчастливить человечество очередным чудом технической смекалки вроде отсечки-отражателя или полусцепленного затвора. Все происходило в сфере чистого разума. И мастерская была мастерской только по названию. Вместо станков, верстаков с тисками, на-

ковален, горнов и прочего Шульгин обходился компьютером стандартного для Замка типа.

Сформулировав угодный ему набор баллистических и иных тактико-технических характеристик, Сашка сначала придирчиво рассматривал на цветном дисплее возникающие варианты, затем заставлял материализатор представить натурный образец и, разобрав-собрав его, сделав пару выстрелов в пулеуловитель, отставлял очередного ублюдка в сторону.

Справедливости ради следует отметить, некоторые модели получались совсем неплохими и пошли бы на ура во многих солидных фирмах, но Шульгину требовалось нечто во всех смыслах исключительное.

Самое странное, что своей цели он в конце концов достиг.

Винтовка по всем параметрам была прекрасна. Изящные, хоть и необычные очертания, приклад, который навскидку изумительно ложился в плечо, отливающий матовой голубизной ствол с ажурным дульным тормозом, эргономически безупречное расположение всех деталей и механизмов. Если на оружие распространяется понятие художественного стиля, это, безусловно, был чистейший модерн.

А знаток-специалист отметил бы несколько действительно гениальных находок. Пусть и сделал их не сам Шульгин, а компьютер в процессе решения дилетантски поставленных и почти неразрешимых технических проблем.

Шульгин же, просто по забывчивости не воскликнувший в свой адрес: «Ай да сукин сын!», был почти счастлив в тот момент.

Почти, потому что угнетали его совсем не подходящие к торжественности момента мысли. Отчего и не было полноты ощущения, казалось, будто очередная пакость судьбы только и ждет момента, чтобы случиться внезапно и все опошлить...

По привычке подумалось, что недурно бы выпить, но эта мысль потянула за собой другую — если хочется

выпить просто так, а тем более с тоски и в одиночку, остановись, подумай и воздержись, какие бы оправдания и обоснования ни лезли в голову. Эта методика помогла ему не превратиться в банального бытового пьяницу всю сознательную жизнь.

В пучины психологической войны с собственной биохимией ему не позволило погрузиться внезапное появление Новикова. Шульгин давно уже не видел друга в таком состоянии. Какой-то взъерошенный, с царапиной на щеке и выбившейся из-под ремня рубашкой, он рывком захлопнул за собой дверь и первым делом остановил взгляд не на нем, на живом человеке, а на шкафах, где в хронологическом порядке были выставлены образцы автоматов, от первого «ревелли» до новейших «ингрэмов» и «беретт».

— Старик, что с тобой? — спросил Шульгин, делая шаг навстречу.

— А? Да нет, все нормально, — Новиков поправил воротник, потер щеки ладонью, хмыкнул недоуменно и вновь стал самим собой. — Тут, знаешь, хреновина вышла, довольно бессмысленная... — продолжая говорить, Андрей подошел к привлекшей его внимание витрине, вынул из гнезда «ППШ», убедился, что он заряжен, и от этого окончательно успокоился, сел на край стола, не выпуская автомата из рук, и доходчиво проинформировал Шульгина о случившемся эксцессе.

— Ну так чего, побежали, посмотрим! — Сашка тоже взял на изготовку свой суперкарабин. — У меня тут, знаешь, ртутные пули, полный абзац...

— В смысле? — заинтересовался никогда не виданным оружием Новиков.

— А чего — в смысле... Последний писк! Ствол — цилиндр с напором. В патроннике — десять миллиметров, на выходе — девять. Пуля удлиненная, мельхиоровая, сверху свинцовая рубашка, как раз миллиметр, чтобы по нарезам пройти, и начинка — двадцать граммов жидкой ртути. Скорость пули — две тысячи пятьсот! Любой бронезилет прошибет как чугунным ядром.

И дырка будет такая же. Твоего монстра раздолбаем в лохмотья...

Новиков скептически усмехнулся, пошарил по карманам, ища сигареты, не нашел — остались на столе в библиотеке, взял протянутую Шульгиным.

— Об том, чтоб застрелить, вопросов нету! Вопрос — есть ли в кого стрелять? Воспитанный веками здравый смысл и материалистическое мировоззрение подсказывают — а не иллюзия ли все? Фантом-с... Ну откуда тут подобным чудовищам взяться? Не было, не было — и нате!

Шульгин поднял карабин к плечу, поводит по едва видной дальней стене анфилады огоньком лазерного прицела.

— Не было... И Замка совсем недавно не было, и пришельцев... Я как-то фильм смотрел про Гамлета, и очень мне понравилось, что «есть многое на свете, друг Горацио...».

— Оно так, но все равно... Я вот окончательно в себя пришел и о чем задумался — такая штука согдилась бы, чтобы внезапно испугать. Обстановка мрачно-готическая, настрой мирный, безоружность опять же, одиночество... Расчет на трусоватого любителя фильмов ужасов. Причем похоже, что подлинный характер объекта воздействия всерьез в расчет не брался... Я же, как ни крути, кое-какую подготовку имею и повидал всякое...

— Скучный ты парень, Андрюха. Жирафов не бывает... Да все, мать его... бывает! Вот пойдем сейчас и посмотрим! Если оно живое, то в два ствола мы его раздербаним только так...

— А если нет?

Шульгин скептически скривил тонкие губы, для чего-то внимательно осмотрел ствольную коробку карабина, повернул его и так и эдак, будто пытался разобрать на металле едва заметный рисунок.

— Если нет... Если нет, так и пошли они все! В другое место сходим, я тут кое-что интересное тоже для тебя приготовил. Хотя и в ином роде. Только сначала давай

так сделаем... — Он включил материализатор, и внутри его камеры возник еще один экземпляр карабина.

— Возьми вот. От нашего стола — вашему столу. Мало ли что, а от «ППШ» толку чуть в наших обстоятельствах.

Нажав соседнюю клавишу, Шульгин начал выгребать из камеры тяжелые ребристые магазины. Штук шесть он рассовал по карманам, еще столько же протянул Андрею, один загнал в приемник под стволом, щелкнул затвором, показал, что и как действует.

В общем, не сложнее, чем СВД. При разборке есть сложности, но тебе пока не надо. Прицел лазерный, так что бьет исключительно. Лишь бы руки не слишком дрожали. Короче — вперед, за орденами! И не завидую я...

Кому именно он не завидует, Шульгин не уточнил. Да этого и не требовалось по логике ситуации.

— Поесть бы, а то я весь день, кроме кофе и пары бутербродов, — ничего... — забрасывая на плечо ружейный ремень, вздохнул Новиков.

— Там и поедим заодно...

Длинным полутемным проходом Шульгин вывел Новикова в каменный шестиугольный зал, где сходились еще четыре освещенных редкими чугунными фонарями коридора. В глубокой нише на свободной стене располагалась массивная, как в боевой рубке крейсера, дверь лифта, но не того, который привез сюда Новикова, тот открывался прямо в тамбур мастерской. Андрей хотел спросить, почему Шульгин не воспользовался им, но воздержался. Не хотелось задавать слишком много вопросов, и так сегодня он выглядит перед Сашкой несколько... глуповато, как Ватсон рядом с Холмсом. Но смысл в таком вопросе был. Лифтов в замке было множество, двигались они по странным криволинейным траекториям, и в принципе любой привозил в любое заданное место. И раз Шульгин специально выбрал не ближнюю кабину, а конкретно эту — что-то здесь не то...

Шульгин набрал на сенсорной панели незнакомое Андрею сочетание цифр.

— Все-таки монстра ловить мы пока не станем. Его там наверняка уже нет, — сказал Шульгин, видимо, тщательно обдумав проблему. — А если есть — сам придет, когда потребуется...

Лифт остановился.

— Вот, извольте... — Шульгин пропустил Андрея вперед.

Действительно, Сашка его удивил. Впрочем, что значит — удивил? В Замке техническим чудесам удивляться было не принято. Но вот каким образом он нашел то место, где они оказались?

Грязноватая площадка черной лестницы старого московского или ленинградского доходного дома, погнутые металлические перила, выщербленные каменные ступени, две узкие филенчатые двери, покрытые шелушащейся коричневой краской. Даже запахи на лестнице были те самые, соответствующие. Какая-то извращенная ностальгическая фантазия руководила создателем этой декорации. В таком смысле Новиков и выразился, очутившись в типичной кухне коммунальной квартиры, не подвергавшейся ремонту с довоенных времен.

По углам потолка висела паутина, над полукруглой раковиной с обколотой эмалью из стены торчал медный кран, даже двухсотсвечовая лампочка на витом пыльном проводе не слишком щедро освещала убогую мебельровку.

— Не знаю, что тут и кем руководило, а я вот нашел. Наверное, именно этого мне и захотелось после наших апартаментов. Надоела, получается, миллионерская жизнь. Я ведь примерно в такой квартире и вырос...

Новиков не стал говорить, что декорация остается декорацией, и не слишком важно, что именно имитируется. Уайльд, кажется, заказывал лохмотья бродяги у лучшего лондонского портного...

Соответственно интерьеру был накрыт и стол. Поллитровка настоящей «Московской», той еще, с сургучной пробкой, открывая банка килек в томате, и другая, с баклажанной икрой, «Любительская» колбаса на тол-

стой фаянсовой тарелке с синей надписью «Общепит», четыре малосольных огурца, сало, соль и кастрюля с вареной картошкой на плите.

Честное слово, сидели они вот именно так когда-то, в семидесятом, а может, и в шестьдесят восьмом. Только вроде бы тогда для эстетства и антуража присутствовали на столе маленькие кругленькие баночки трепангов...

— Что, просто совершенно случайно набрел? И прямо к накрытому столу? — Новиков и верил, и не верил, потому что никогда у Сашки не бывало просто так. Хотя... Во времена, именуемые «оными», когда на то, чтобы примерно так же, как сейчас, посидеть, не хватило пары рублей, означенный Шульгин на отрезке между метро «Кировская» и Главпочтамтом нашел на грязном осеннем асфальте пятерку! Так что...

— Ну какая тебе... разница? Нашел не случайно — придумал случайно. Или наоборот. Главное — сейчас это именно то, что нам нужно. Посидим, поговорим, словно ничего не было и нет. Когда еще придется?

Андрей хотел сказать, что уж в этом он вопроса не видит, посидеть они имели возможность всегда и в любом желаемом оформлении, но вдруг почувствовал, что Сашка вновь пусть парадоксально, но прав. Так — вряд ли скоро получится. И ему здесь и сейчас действительно стало легче. Будто и впрямь не декорации вокруг, а истинная, давно и как бы не всерьез прожитая молодость...

Сколько за последнее время случилось с ним всякого, а ощущения настоящей жизни не было. Все играли они и играли бесконечные, словно Ионеско и Беккетом придуманные роли...

И, разлив по стаканам дешевую, в зеленой кособокой бутылке водку, которая быстро ударяет в голову и уже через семь минут развязывает язык для откровенного, чисто русского разговора, он спросил Сашку:

— Давай перед тем, как... Что-то особенно кислое с тобой случилось? Или придумал что? Ну и скажи...

— Сказать недолго, — криво ухмыльнулся Шуль-

гин. — Я тебе в любое время такое сказать могу... Однако, знаешь ли... Нет, ты пей, пей, и огурчик вот, и икорки, ложкой, алюминиевой... Теперь все правильно... Понимаешь, я вот с Сильвией довольно много разговаривал, она девка сугубо информированная, и... — Шульгин пошевелил пальцами в воздухе. — У нее, знаешь ли, есть свой подход к нашим проблемам. Антон как-то Воронцову вкручивал, что форзейли — представители высших по отношению к нам миров и уровней цивилизации. А аггры — как бы наоборот, темные силы и прочее. Давай повторим — и килечки с картошечкой. Очень способствует прояснению. А то мы привыкли мыслить чересчур уж возвышенными категориями, применяясь к ситуации, а не надо бы так. Очень ведь все просто, братец ты мой...

Вот и вновь наступил момент, когда Шульгин вдруг сбрасывал свою обычную маскировочную манеру-личину и говорил с Андреем серьезно, по гамбургскому словно бы счету и сразу менялся в лице, становился суше и подтянутее, брови сдвигались к переносице, и даже голос приобретал иной тембр.

Словно размышляя вслух и не слишком заботясь о логике изложения, он рассказывал о том, как вроде бы случайно научился чувствовать Замок, вернее, ту псевдоинтеллектуальную его часть, которая всем здесь управляет. Все ведь видели, что Замок умеет выполнять желания своих обитателей, в этом первый убедился Воронцов, а за ним и все остальные — при выборе и оформлении жилых помещений, при заказе блюд в ресторанах и барах, в той же библиотеке...

Но ведь сознательно управлять поведением Замка никто не научился! Замок словно постоянно сканировал их эмоциональное поле и не то по собственному усмотрению, не то по заданной программе реагировал на желания и потребности постояльцев. А вот он, Шульгин, кажется, научился Замком руководить произвольно. Неизвестно каким образом, но тем не менее... И уже несколько дней, никому не говоря, экспериментировал.

В основном успешно. Вдобавок у него словно появилось новое чувство. Не сказать, чтобы это была телепатия. Пожалуй, правильнее было бы назвать его... гиперинтуицией. Постоянного действия. Потому что обычная интуиция внезапна, почти неуловима и... неубедительна. Очень часто верность прозрения становится очевидна, когда предчувствуемое уже произошло. Сколько раз бывало, еще в институте, когда перед экзаменом кажется тебе, что пронесет, пусть и мало что успел выучить, и даже бывает, номер билета представляется... Не раз так и получалось, но все равно ведь это только потом с восторгом рассказываешь, а до того... Сейчас же Шульгин свою интуицию ощущал как достоверное знание. Как латинские названия костей, насмерть вбитые в голову еще на первом курсе. Не время сейчас подробно пересказывать, что именно и как он успел понять за последние дни. Не так это важно. А именно сегодня... Отчего и кухня эта заказана и изготовлена была со сто процентной точностью.

С самого утра он ощущал все нарастающее чувство тревоги, исходящей от чего-то чужеродного для Замка, но в нем находящегося, угрозу для всех и каждого, и угрозу нештучную...

— Точно, как и я, — вставил Новиков.

Причина тревоги не слишком понятна, никаких рациональных объяснений ей нет, все как всегда, в чем-то даже и лучше, корабль закончен, надежности в жизни прибавилось, а вот поди ж ты... Словно перед землетрясением, когда собаки воют, коровы мычат и кошки из дому убегают. Не имея ни времени, чтобы разобраться в своих предчувствиях, ни желания объяснять то, что самому неясно, Шульгин постарался устроить так, чтобы вся их компания осталась на корабле. Сделать это было нетрудно, почти у каждого нашлись неотложные дела на борту, да и Воронцов с Сильвией помогли.

— И погода, — добавил Новиков.

— Погода как раз несущественна, главное — настрой создать... — отмахнулся Шульгин и продолжил

рассказ, из которого Андрей узнал, как еще утром, сосредоточив свою волю на управлении новым талантом, он дал Замку команду создать такую секцию, где можно было бы заэкранироваться от любой мыслимой опасности, от пронзающих Замок волн, сил, полей и любых носителей информации, материальных или нет, с помощью которых, например, Антон в свое время вывернул наизнанку подсознание Воронцова. То есть как Замок выключен из земной реальности, это убежище было бы выключено из системы самого Замка.

— И все же я не совсем понимаю, к чему вдруг такие предосторожности?

— Сказал же — так почувствовал! Да хоть, чтобы никто наш разговор не подслушал...

— Он действительно настолько важен?

— А тебе до сих пор неясно? Странно даже. Твоя встреча в библиотеке разве не сигнал? Какой-то «фактор икс» начал действовать. И нам вовсе ни к чему, чтобы они знали, в какой мере мы информированы и к чему готовы. Пока, надеюсь, они, или оно, исходят из наших нормальных характеристик и стиля поведения... Самая же суть вот в чем. Ты хорошо помнишь воронцовскую эпопею? В самом начале?

— Более-менее. Что конкретно?

— А вот момент, когда Антон ему проговорился, что земляне, по крайней мере — часть их, обладают некими свойствами, весьма интересными и для форзейлей, и для аггров...

— Помню, только, кажется, разговор этот дальнейшего продолжения не имел. Как думаешь, почему?

— Я бы сказал, эта тема возникла, когда Антону требовалось втянуть Дмитрия в свою игру, замотивировать тогдашние к нему требования... А потом дела пошли сами собой, и сложных объяснений больше не требовалось.

— А я думаю, Антон тогда просто проболтался. В азарте. Ведь на самом же деле форзейли и аггры веками дрались за контроль над Землей. И никаких разумных

причин такой войны. Ни сырье, ни рынки сбыта, ни плацдармы для космических сражений им ни к чему, ведь так? Любой материальный объект они могут создать когда угодно, Вселенная бесконечна, и места в ней еще ста цивилизациям хватит; в то, что их война носит ритуальный характер, тоже не слишком верится... Так зачем же все?

Новиков подумал, что и действительно, возникавшие время от времени объяснения всех происходящих событий казались убедительными лишь в какой-то конкретный момент и объясняли вполне локальную группу явлений. И никогда не было времени и возможности попытаться создать единую, «базисную» теорию. А сейчас, выходит, Сашка решил этим заняться. Ну-ну, действительно интересно, до чего же он додумался? Его даже слегка кольнула ревность. Считал себя главным теоретиком, а в текучке повседневных дел и казавшихся неотложно важными проблем оказался в положении средневекового ученого, слепо верившего на слово Аристотелю, будто у паука шесть ног...

Впрочем, какой там Аристотель, он сам лично всю жизнь верил Марксу и Ленину в том, что стоит пролетариату взять власть, и «общественные богатства польются широким потоком». Читал, сдавал на экзаменах, и ни разу всерьез не задумался — а с чего вдруг? Видел, что наяву все наоборот, а написанному — верил!

Так и Антон с Ириной задурили ему мозги — каждый по-своему, а он только поддакивал и соглашался...

— Ну и к каким же ты эпохальным выводам пришел?

— А вот изволь. Не переживай, я тоже не шибко умный, просто свободного времени было больше, и скепсис у меня врожденный. И Сильвия тоже... Она, хоть и сама не больно много знает, а на мысль навела. Сколько раз мы удивлялись, отчего нам удается этих ребят переигрывать? А просто мы умнее! Да, вот так — от природы умнее, и все. Вот вообрази такую ситуацию — агтры и форзейли достигли своего интеллектуального потолка. Давным-давно, тысячи лет назад. И во всем у них пари-

тет — в науках, технике, дипломатии, искусствах, если есть искусства... Два таких престарелых шахматиста-перворазрядника. Играют вдвоем всю жизнь, дебюты и эндшпили как разучили в Доме пионеров, так других и не постигли. Лень, мозги плохо варят, да и незачем в принципе. И вдруг появляется соседский пацан вроде шестилетнего Капабланки...

— Так-так... — Новиков сразу понял, к чему ведет Сашка. Не хватало небольшого толчка извне, чтобы и сам он до такого додумался. — Играть-то они играют, по полкопейки вист, а выиграть хочется по-настоящему, как в зоне, чтоб до кальсон и нательного креста... Почему, кстати? Зачем им такой выигрыш, для куражу просто или?.. — Он перебил сам себя, вернулся к основной теме: — Нашелся пацан, значит? И если б Ирина тогда пограмотнее действовала, Сильвия вовремя подключилась, роль кузины из Лондона, скажем, исполнила, завербовали бы они нас, и все получилось бы наоборот? Мы б Антона так же, как агтров, сделали? И судьбу Галактики в другую сторону развернули? Не слишком ли примитивно?

— Не слишком. Ты почти угадал. ТАК просто на самом деле быть не должно. А еще проще — может. Это во мне снова моя интуиция говорит. Сильвия призналась, что есть якобы в мире некоторая третья сила...

— За которую они нас приняли?

— Вот-вот. Хотя вроде бы ошибиться трудно, да? Мы с тобой — и некие сверхсверхсущества. Но дело в том, что ничего достоверного о сути и смысле третьей силы Сильвия не знает и знать не может. Так, слухи, намеки, догадки. Есть только ощущение, что сила эта — неограниченных возможностей. Если она захочет вмешаться — сопротивляться ей бессмысленно. Фатум! А носители ее могут выглядеть как угодно. Ну вот как Христос для Пилата.

Потому и очутились наши агтры в положении индейцев, которые испанцев за богов приняли. Потом разобрались, да поздно было...

— Но все равно получается, что по какому-то параметру нас с тобой за богов принять все-таки можно? И какой же это может быть параметр? — подхватил Новиков. В таких дискуссиях-беседах он всегда чувствовал себя великолепно. Можно свободно тешиться мыслью и в ни к чему не обязывающем трепе невзначай выйти на совсем неожиданные идеи и ассоциации.

— Да хоть по такому — мы на все плюем, во все дырки лезем, ничего не боимся и лихо из любого дерьма выбираемся... «Принцип Моськи»... А что, неплохо? Название дарю, а содержание за тобой...

— А у меня еще и противоположная мысль появилась. Что, если...

Шульгин вдруг остановил Новикова движением руки. Насторожился, словно прислушиваясь к внутреннему голосу или к чему-то извне, но на грани восприятия. Новиков тоже сосредоточился, но не услышал и не почувствовал ничего.

Шульгин стремительно, но плавно поднялся, сделал круг по кухне, вновь подтянутый, собранный, с напряженным лицом. Подошел к окну, потом к двери черного хода, постоял; внимательно ее рассматривая, и после очевидных колебаний повернул головку замка. С недоумением, перешедшим через секунду в инстинктивную, отчаянную готовность к решительному, а может, и последнему бою, Новиков увидел, как Шульгина качнуло назад, словно невидимым ударом, он согнулся пополам, упал на колени, прижав к лицу ладони, застонал, мотая головой. Даже не на удар это походило, а как будто в глаза ему плеснули кислотой, и он мгновенно ослеп. И, как слепой, медленно распрямившись, он сделал неуверенный шаг к двери.

По-прежнему ничего не понимая, действуя по включившейся боевой программе, Андрей метнулся вперед, между Сашкой и зияющим дверным проемом, ожидая подобного же удара, выстрелил навскидку из подхваченного на бегу карабина. Грохот выстрела в тесном помещении был совершенно чудовищный. Как только стек-

ла не вылетели? Локтем левой руки он толкнул Шульгина в грудь, чтобы остановить его сомнамбулическое движение, а ногой захлопнул дверь. Все вместе это заняло едва ли больше трех секунд.

Новиков не соразмерил силу своего удара, отбросившего Шульгина к стене, но, быть может, и к лучшему. По принципу — клин клином...

Сашка приходил в себя чуть ли не с минуту, выплывал из беспамятства, как перенесший тяжелый нокадаун боксер. Новиков же по-прежнему не ощущал ничего необыкновенного ни в себе, ни вокруг.

Кроме разве что естественной реакции организма на мощный выброс в кровь адреналина и звона в ушах от слишком эффективной работы Сашкиного изделия.

«Интересно, что там со стеной получилось?» — не совсем к месту подумал он. Именно со стеной, потому что ничего живого за дверью он не заметил. Уже после того, как палец сам выжал спуск.

Единственное, чем он мог помочь сейчас Шульгину, так это налить полстакана водки и поднести к вздрагивающим губам друга.

За отсутствием других транквилизаторов Сашка, давась, выпил.

Глубоко вздохнул несколько раз. Глаза стали наконец осмысленными. Опираясь о стену, потом о край стола, он добрался до табуретки, сел, прикрыв глаза и по-прежнему судорожно, со всхлипами, дыша.

— Вот!.. Достали-таки! Но выдержать можно, можно... Если это предел. Тут просто эффект внезапности...

— Что достало, Саш? Что вообще случилось? — встревоженно переспрашивал Новиков, не зная, требуется ли Шульгину какая-то еще помощь и чего ждать в следующую минуту. Взгляд его упал на брошенный у двери карабин. Единственное, на что они могут рассчитывать в схватке с неведомой опасностью, а опасность скорее всего не та, от которой может защитить даже столь смертоносное устройство... Опять получается конквиста-

дорский синдром, подумал Андрей. Испанцы хоть и изображали богов, а ничего, кроме фитильных мушкетов и некоторой смекалки, противопоставить чужому и враждебному миру не могли. А вокруг — необъятный континент и могучие империи: инки, ацтеки, майя...

Он подошел к двери, приложил ухо к продранной клеенчатой обивке, прислушался. Тишина полная. И вдруг ему тоже захотелось открыть и выглянуть...

«Ну уж нет!» — Он обернулся к Шульгину. Тот, похоже, окончательно пришел в себя, прикурил, и огонек зажигалки почти не дрожал в его руке.

— Так что же с тобой было? Что за шок? Ты психиатр, сообрази...

Положив для самоуспокоения карабин на колени, Андрей присел напротив. За дверью тихо, но есть еще окно. Что мешает неизвестному врагу, если он вообще существует, вышибить тонкое стекло? Но Шульгин ведь говорил, что надежность изоляции от мира абсолютная. Остается уповать на это.

Как бы вслушиваясь в себя, анализируя и мысли, и эмоции, и сигналы от вегетатики, Шульгин тут же переводил получаемые сведения в понятные слова и образы, стараясь как можно точнее реконструировать случившееся.

— Психический удар. Как будто одновременно — и боль, и страх, и непреодолимая потребность куда-то бежать, и тоска, как с тяжелого перепоя. Процентом пятнадцать сознания сохранялось, я смутно понимал, где я и что, но весь остальной организм работал против меня. Ноги двигались сами, ни сказать, ни крикнуть я не мог, глаза видели нечто вроде... Не знаю, как и передать... Вот если бы я стал мотыльком, и впереди нечто манящее, как огонь свечи... Во что бы то ни стало — к нему! Если бы не ты, я за ним бежал бы и бежал... Потом на меня как стена обрушилась — жуткий грохот и боль в голове сумасшедшая... И сразу после этого — твой удар, его я ощутил уже адекватно, и увидел тебя, а потом уже — только остаточные явления, это когда дверь закрылась.

— Грохот — это ты выстрел услышал. Шарахнул я в белый свет с перепуга, а все же не зря, наверное. Запороговый раздражитель, он скорее всего как-то заэкранировал твои мозги от внешнего воздействия...

— Одним словом — мерзость, вот что я скажу, — подвел итог Шульгин. — Еще раз попробовать — избави Бог. От чего-то подобного я и придумал сей бункер. Как видишь — действует. Сюда не прошло...

— Как же действует, если они тебя заставили дверь открыть?

— Нет, тут другое. Через дверь не брало. Я услышал, будто скребется что-то коготками по доске. И как бы вибрация легкая. Решил сам посмотреть, приготовился, настроился... Если б реальное что, я бы успел... А такого не ждал...

— Ну специалист, ниндзя комнатный... Ты б на подводной лодке вздумал посмотреть, что это в крышку люка такое постукивает да похлопывает? А я, кстати, ничего не слышал...

— Значит, по мне настройка. Поняли, кто им сейчас вреднее всех. Или тебя просто не чуют...

— Что ты все загадками говоришь? Кто не чует, кому ты вреднее? Антону? — разозлился вдруг Новиков.

— А ты меня что достаешь? Как будто я сам знаю! Кто за тобой по полкам бегал? Тоже Антон? На хрен ему монстров науськивать, давно бы во сне всех передущил или в харчи полфунта циана... — Шульгин очень быстро пришел в норму, и к нему возвратился обычный настрой.

— Я только догадываться могу. Схема простая выходит. Допустим, кто-то следит, чтоб на ринге все делалось по правилам. Сначала мы перевербовали Ирину, и явились мальчишки покруче. Сделали их — возник Антон, как черт из шкатулки. Сейчас начали переигрывать Антона. Соответственно, надо ждать кого-то еще. Ву компрене?

— Же компран бьен. Но с чего ты взял, что мы Антона переиграли? И в чем?

— Не, ну ты точно поглупел в последнее время. Мы начали вести себя... независимо. Корабль этот и прочие замыслы. Олег с компьютерами ихними забавляется, ты с Ириной в Москву ходил, узнал, возможно, нечто недозволенное, а я с Сильвией на запретные темы, может, беседую... В общем, понятно мне, что кому-то мы — теперешние — должны очень и очень не нравиться. Одна война закончилась, на пороге другая...

— И что в таком случае?

— А я знаю? Может, грохнут нас сегодня. Намеки были. А может, в очередной раз поговорить захотят, еще что-то предложат. Кстати, я тут недавно в книгах рылся... Ты, литератор, знаешь, что имя «Антон» означает?

— Не помню. Читал у Успенского как-то, а не помню...

— Ты имей в виду, литератор. «Антон» — «дающий взамен». Давать-то он давал, а в итоге?

— Забавно... — Хотя как раз забавного он в данный момент видел не много. Скорее наоборот. Шульгин не только задел его самолюбие, в этом беды как раз не было, он повернул всю картину другой стороной, и состояние у Андрея сейчас походило на то, что утром в квартире на Гнездниковском, после внезапной Ириной исповеди, за какой-то час перевернувшей всю его жизнь.

— «И снова мир предстанет странным, закутанным в цветной туман», — процитировал он вслух.

«Если действительно выходят на авансцену силы, сверхъестественные даже по отношению к Антону и агграм, то нам труба, — думал Андрей. — Ни с винтовочкой, ни с пулеметами против них не выстоять. А делать-то все одно что-нибудь надо. Делать надо и думать надо, если даже не знаешь, о чем. Если один Шульгин что-то чувствует, а остальные даже ощутить воздействие чужих сил не в состоянии... Стоп! А может, здесь и решение? Пехотинцу в чистом поле от танка не скрыть-

ся. А суслику? Возможно, есть сферы и области, где мы, пусть и не сильные, но... в мертвом пространстве?

И еще — раз они так встревожены, в чем-то мы для них все-таки опасны? Имеем неизвестные нам самим преимущества? Вот где надо копать...»

— Ты сейчас чувствуешь что-нибудь? — спросил Новиков.

— Сейчас — нет. Пока дверь закрыта...

— А я и при открытой не чувствовал. Значит, сиди пока здесь, в резерве будем считать. На вылазку схожу один. Сначала к себе в номер. Попробую с Воронцовым связаться.

— Давай вместе, — дернулся Шульгин. Новиков понял, что с ним окончательно все в порядке. — Теперь я ученый, должен справиться.

— Да кому сейчас нужно твое геройство! И не справишься ты, если не секунду, а минуту или десять терпеть придется. Сиди. А я тихом. Я сейчас, похоже, человек-невидимка...

Андрей подтянул ремень, переложил поудобнее запасные магазины, проверил, подан ли очередной патрон в патронник. Спросил с запоздалым сомнением:

— А он ведь не пристрелян?

— Деревня! — Сашка изобразил на лице чувство превосходства. — Первый-то бьет отлично, а это молекулярная копия, так что будь спок...

Пока открывалась дверь, Шульгин по настоянию Новикова отошел в самый дальний угол кухни и стал за выступом полукруглой изразцовой печи. Однако на этот раз удара не последовало.

...Без всяких помех, не ощущая никакого постороннего воздействия и даже тревожных предчувствий, Новиков спустился по лестнице и вновь оказался в нормальном коридоре Замка, не слишком далеко от «обитаемой зоны» — того этажа и крыла, где с воронцовских времен располагались комнаты землян.

Ничто не указывало на происходящие или уже происшедшие перемены в привычной обстановке, однако

Андрей уже не мог воспринимать знакомый интерьер и атмосферу так, как прежде. Снова разлилась в неподвижном воздухе смутная, знобящая тревога. Каждый поворот, каждая глубокая тень в оконных проемах или под лестницами словно скрывали опасность, очередное чудовище, истинно внеземное и наскоро изготовленное прямо здесь. Сейчас бы добавить напряженную, пугающую музыку — и готовый эпизод из фильма: герой с окаменевшим лицом крадется по переходам заколдованного дворца, сжимая в руках верный «винчестер», а где-то в лабиринтах коридоров и комнат его подстерегает злое Нечто... С распухшей рожей лежалого покойника или, наоборот, в облике жуткой обнаженной красавицы.

Новиков передернул плечами, попробовал, мягко ли подается под пальцем спуск. Кашлянул, встретился глазами со своим отражением в зеркале и начал насвистывать «Прощание славянки». Громко и вызывающе. Если б сейчас на него что-нибудь выскочило, он через полсекунды уже палил бы беглым огнем. Причем с облегчением...

Но никто ему не помешал, и вскоре он, присев на край мраморного туалетного столика в ванной комнате (нет окон, и в случае внезапного вторжения удобная позиция — можно стрелять в спину нападающим, которые, несомненно, сразу рванутся в комнаты, оставив дверь ванной в тылу), вызвал по портативной рации Воронцова.

Дмитрий ответил сразу.

— Как там на борту?

— Порядок. А в чем дело?

— Как бы сказать... Вроде и ни в чем. Только ты это — в какой степени готовности? В смысле — через сколько в море выйти можешь?

Воронцов удивления не выдал.

— В пределах часа. Если совсем экстренно — полчаса. Быстрее турбины не раскрутить, а буксиров у

меня нет... — И замолчал, ожидая продолжения. В динамике слышалось его чуть хрипловатое дыхание.

— Я ничего наверняка не скажу, только ты лучше сейчас начни турбины раскручивать... Как-то тут странно все складывается. Может, ничего и не будет, а может... Ты связь больше не отключай, робота у аппарата посади, и я рацию в нагрудный карман положу. Если я чего-нибудь крикну, вроде как «уходи!» или по смыслу похожее — сразу руби концы и полным ходом в море... И вообще к звукам пусть прислушивается, вдруг еще что полезное услышите...

Андрею хотелось сейчас очень много сказать Воронцову, может быть, даже нечто вроде завещания изложить, но и времени не было на такие излияния, и глупо бы он выглядел потом, если бы ничего не произошло. А так — нормальная в их ненадежной жизни предосторожность.

Наверное, Воронцов так его и понял, только положение у них было все же разное, и он сказал:

— Хоть намекни, что там у вас...

— Да понимаешь, Сашка вообразил, что как бы настоящие хозяева жизни появились и собираются с нами поближе познакомиться. Кое-что подсказывает, что не совсем он не прав. Вот я и решил, если с нами непорядок выйдет, а вы успеете — отрывайтесь полным ходом в море, и пусть Олег машинку врубает. Куда-нибудь да выскочите, где вас не достанут. А мы — как придется. Только никаких героических выходов, спасательных экспедиций и прочего. Если мы сами тут не разберемся, вы нам не поможете. Главное — слушай внимательно и адекватно реагируй...

— Обижаешь, начальник! Если надо, я из главного калибра Замок только так раздолбаю... — Воронцов решил шуткой снять уловленное в голосе Андрея напряжение. — Только стоит ли вообще... дергаться?

— То есть?

— А так. Бегать надоело. Как будет, так и будет. Возвращайтесь, если путь свободен, а там решим...

Новиков помолчал. Эта мысль приходила и ему. Но затевать сейчас очередную дискуссию...

— Я, Дим, все сказал. Ты на борту капитан, ты и решаешь. А мы здесь... На рожон лезть не будем, а осмотреться в отсеках, как у вас говорят, все-таки надо...

В комнате зазвонил телефон. Негромко, но все равно сердце от звонка «захолонуло»...

— Вот. Сейчас и прояснится. Из связи не выхожу. А ты все же крути турбинки. На крайний случай — морскую прогулку устроим, с шампанским и девочками...

Намеренно медленно, отнюдь не опасаясь, что на том конце не дождутся и бросят трубку, Новиков подошел к телефону.

— Андрей, — услышал он голос Антона. — Это ты, Андрей?

— А ты что, в моем номере папу римского застать надеялся?

Новикову показалось, что Антон фыркнул возмущенно. Или бормотнул что-то не по-русски.

— Шутишь? Это хорошо. Хотя и не ко времени. Поднимись на пятый ярус, в адмиральский кабинет. Поговорить надо, срочно. И Шульгина с собой возьми.

— Что за экстренность? И где я тебе его сейчас искать буду? На часы посмотри.

— Оставь, а? — неожиданно тихо и устало сказал Антон. — Сделай, как я говорю. Так для всех лучше будет.

Новиков с трудом удержался, чтобы опять не ответить в прежнем тоне. Но потом решил, что, может, и действительно хватит. Перед кем ваньку-то валять? Что когда-то выглядело уместным, становится просто пошлым.

— Хорошо, сейчас придем. А ты гарантируешь, что глупостей больше не будет?

— Каких еще глупостей? — Интонация подсказывала, что он в самом деле удивлен.

— Разных... — Вдаваться в объяснения Новиков не стал.

Выходя из номера, огляделся, словно прощаясь навсегда, потом вернулся и взял из ящика тумбочки пистолет. Не «вальтер», что остался на корабле, а другой — длинную плоскую «ламу». Заложил под брючный ремень сзади под курткой. «Горбатого могила исправит».

...Обратный путь в Сашкино убежище показался гораздо ближе. Открыв на условный стук, Шульгин, который теперь выглядел гораздо бодрее и веселее, заговорил возбужденно:

— Ты знаешь, пока тебя не было, я кое в чем успел разобраться. Погрузился, так сказать, в себя и стал анализировать. Это не нападение было, а скорее предупреждение, сигнал. Я как бы вступил в контакт с самим Замком. Вся его автоматика, все эти датчики, сенсоры, компьютеры — как бы элементы единого псевдоразума.

А вместе с излучением наших мозгов возникает своеобразная локальная ноосфера. И получается, что у нас с Замком не только взаимопонимание, но даже и симпатия. Вот он и пытался меня предупредить о близкой опасности. А удар получился оттого, что он знал, где я, а отклика не чувствовал и все время наращивал мощность сигнала. Я дверь открыл интуитивно, поскольку по условиям задачи услышать его вызов в принципе не мог... И получил на полную катушку. Подтверждает же мою мысль то, что сила сигнала мгновенно снизилась до переносимых пределов, иначе у меня в мозгах пробки бы перегорели...

— И как же ты все это... осознал? Как внутренний голос или еще как-то? — Новиков заинтересовался чисто профессионально.

— Сказал же — сам не знаю. Чувствую, ощущаю, ну как тебя вот. Мы же часто без слов понимаем, и довольно сложные конструкции, как с агтрами в тот раз... И заведомо знаем, что мысль уловили точно. Сейчас — то же самое. Причем с каждым буквально часом я его понимаю все лучше, отчетливее. И опасность нас ждет нешуточная.

А когда Новиков сказал о телефонном звонке Анто-на, Сашка совсем оживился.

— Вот видишь! О, хочешь эксперимент? Я не знаю, где он нас ждет, и попробую проинтуичить... На ощупь. Если получится — тогда уж никаких сомнений...

Вычислить, где их ждет Антон, Сашке удалось легко. Подражая Вольфу Мессингу, прикрыв глаза, он постоял секунд пять-десять, чуть поворачивая голову, потом громко хмыкнул, кивнул удовлетворенно.

— У Воронцова в кабинете, правильно?

— Правильно, только не дедукция ли это обыкновенная?

— Ты у нас психолог, тебе виднее. Однако угадать я не пытался. Я просто вообразил его личность и почти сразу увидел, в характерном интерьере. Пошли, одним словом...

И вот тут случился конфуз. Несмотря на свои чудесные способности, Сашка элементарным образом заблудился. Такого просто не могло быть на этом многократно исхоженном пути. Но тем не менее, пройдя нужное количество лестниц и коридоров, они оказались не на пятом этаже, а на первом, перед обширным холлом, двери которого выводили к главным воротам и подъемному мосту.

— Увлекательно, да? — Шульгин поджал губы и посмотрел на Андрея как бы в надежде на сочувствие. Новиков неопределенно пожал плечами. Больше всего ему хотелось, не задерживаясь, проследовать по предложенному маршруту — за ворота и дальше. Но не будучи по-настоящему бесстрашным человеком, он был самолюбив и упрям. И ни за что не позволил бы себе проявить слабость, даже если свидетель этого — один Сашка.

Второй раз они попробовали добраться до цели на лифте. Он привез к дверям комнаты Новикова и дальше просто не пошел.

— Что делать будем, экстрасенс? — Теперь уже Андрей смотрел на Шульгина с некоторой растерянностью.

— Можно, конечно, позвонить Антону, посоветоваться. Но лучше давай еще раз попробуем. Есть идея...

Идея оказалась не слишком плодотворной. То есть по замыслу она была, может быть, и хороша, но Замок или некие силы, захватившие контроль над ним, не дремали. И в результате они наконец заблудились всерьез.

Если раньше Новикову только казалось, что атмосфера коридоров, по которым он шел, напоминает антураж готического романа, то сейчас зловещие перемены были видны невооруженным глазом. Чем дальше заходили они в глубь лабиринта лестниц и переходов, похожих на те, что таятся за малоприметными дверьми с табличкой «Посторонним вход воспрещен» в старинных театральных зданиях, в Большом, например, или в Мариинском, тем явственнее становилась «печать запустения», все мрачнее закоулки, слабее освещение, гуще паутина и коготь на стенах и потолке. Хотя откуда взяться всему этому в специально сконструированном и в одночасье созданном для вполне конкретных целей здании? Когда Шульгин об этом спросил, Новиков ответил, что не видит повода для удивления. То, с чем столкнулся при первом посещении Замка Воронцов, тоже не соответствовало облику стандартной инопланетной базы.

— Или мы с тобой подсознательно хотим увидеть именно это, или...

— Или нам довелось увидеть предназначенное не нам. Присмотрись повнимательнее...

Новикову будто не хватало именно Сашкиной подсказки. А ведь и на самом деле такое впечатление, что здешние декорации совсем не из этого фильма. Все чуть-чуть, но не так, не по-земному! И кладка стен, и форма сводов, изгибы лестниц и оформление перил. Словно бы архитектор руководствовался не только другими СНИПами¹, но и не совсем человеческой логикой... Это и имел в виду Шульгин, когда предложил свой

¹ СНИП — строительные нормы и правила.

план — пройти к Антону той частью Замка, где на них не рассчитывали и их не ждали. Вот только не предположил, что угадает чересчур точно — они, похоже, забрели в сектор, выходящий на совсем другие миры, предназначенный для охмурения и вербовки существ с принципиально иными вкусами и привычками.

Очень захотелось повернуть обратно, гораздо сильнее, чем в первый раз. Заблудиться, так уж в земном лабиринте, а не инопланетном.

Но Шульгин выглядел достаточно уверенным, очков ему Андрей и так проиграл сегодня слишком много, заикаться о капитуляции и бегстве было просто недопустимо.

У каждого своя роль, и необходимо ей соответствовать, хоть кровь из носа.

Теперь они оказались как бы внутри аналога московского ГУМа, разумеется, со всеми поправками на детали чуждой архитектуры, из-за которых простая схема продольных галерей, связанных то висячими горбатыми мостиками, то заостренно-арочной фигурной кладки тоннелями, воспринималась с трудом, как фантазии Мориса Эшера.

И было все раз в десять больше в длину и в высоту, не имело никакого видимого смысла, с человеческой точки зрения, но каким-то целям, безусловно, служило.

Разговаривать, да еще громко в таком месте не хотелось, поэтому Шульгин тихонько насвистывал попури из первых приходящих на память мелодий, а Новиков молча рассматривал и запоминал все достопримечательности этого загадочного сооружения, ощущая себя одним из героев лемовского «Эдема». И оба произвольно все ускоряли и ускоряли шаги.

Сначала Андрею показалось, что от усталости у него рябит в глазах. Потом — что на соседней галерее мелькнула крупная крыса. Потом такие же крысы померещились еще в нескольких местах сразу. И раздалось частое мелодичное цоканье, словно стайка крошечных козлят бежит наперегонки по хрустальному полу.

— Саш... — выдохнул он, вскидывая к плечу карабин.

— Стой, не стреляй! Бегом! — Шульгин увидел новую, действительно омерзительно-жуткую опасность одновременно с Новиковым, только тактическое решение у него созрело другое.

Вверху, внизу, на поперечных, переброшенных над тридцатиметровой пропастью мостиках, неизвестно откуда появившись, скользили стремительно-плавной рысью десятки громадных пауков. А может, и не пауков вовсе, а неких паукообразных существ неземного происхождения. Паук и сам по себе отвратителен, даже простой крестовик или тарантул, но когда он размером с кавказскую овчарку...

Пауки, похоже, не проявляли пока интереса к землянам и решали какие-то свои проблемы, но слишком их вдруг стало много, и так угрожающе близко пронесли они свои тугие, как наполненные нефтью бурдюки, брюха... Вот вывернется сейчас один-другой из ближайшего коридора, и...

Почти до конца галереи им удалось добежать без помех, а потом пауки словно бы увидели добычу или получили команду извне.

Прерывая свой механический бег в никуда, они вдруг начали тормозить всеми восемью конечностями, разворачиваться на месте, искать многочисленными фасеточными глазами цель. И вот первый уже помчался вдогонку.

По счастью, все пауки оказались отчего-то на параллельных галереях, и когда самый прыткий, опередив наших героев, рванул наперерез по висячему мостику, Шульгин, не останавливаясь, взял его влет, прямо сквозь витые балясины перил.

Гениально придумал Сашка — тонкая оболочка пули, надсеченная глубокими и крутыми надрезами, ударившись в хитин, развернулась тюльпаном. Мельхиоровая розетка со сгустком ртути внутри разнесла чудовищное

создание в ключья. Вследствие несжимаемости заполняющей его брюхо слизи.

Новиков с Шульгиным, то делая короткие перебежки, то разворачиваясь на ходу поочередно и прикрывая друг друга огнем, прорвались все же к подножию узкой, почти вертикальной лестницы.

Совсем рядом мелькали мохнатые ноги, щелкали, как ножи сенокосилки, устрашающие хелицеры, разлеталась по сторонам и застывала на стенах и полу тошнотворная рыже-фиолетовая гадость...

Если бы было хоть немного времени на эмоции, Новикова непременно бы вырвало, как однажды в сельве, где он наступил на паука размером с куриное яйцо. А здесь с непривычным гулким свистом молотил почти без пауз карабин Шульгина, громыхал, вырываясь из рук, его собственный, густую сортирную вонь перебивал резкий пороховой запах, и отвлекаться на ерунду было некогда.

Единым духом взлетев сразу на три марша, они остановились на решетчатой площадке перед узкой металлической дверью.

Шульгин швырнул вниз загремевший по ступенькам предпоследний расстрелянный магазин и вдобавок мстительно плюнул.

— Вот, — сказал он, когда дверь отделила их от пережитого кошмара. — Я говорил. Пауки. Как раз кого ты терпеть не можешь...

— Да уж... — Андрея все же начало запоздало мутить. — А ты кого больше всего не любишь?

— Сложный вопрос, однако... Вслух не будем, от греха. Но за меня не бойся. Очередная подставка все равно снова для тебя готовится...

— Не думаю, что третий раз вообще будет. Глупо как-то... За пацанов нас держат. Или убивали бы, или отвязались... — Новикову неожиданно стало скучно. В прямом смысле. Все понятно, все предсказуемо. Как в Диснейленде. И для чего это все? Убедить, что вперед идти не следует? Вот только интересно, кто? Не жела-

ют допустить их встречи с Антоном? Тогда они и его враги тоже? Может, он и сам в плену, и теперь его надо спасать?

И еще одна мысль пришла в голову — а если все снова наоборот и сам Антон устраивает препятствия?

Одновременно и Шульгин подумал о том же самом, потому что он сказал, сплюнув еще раз:

— А ведь я не уверен, что такой уж вокруг нас цирк. Пауки-то вполне материальные, раз пули об них кололись. И палец им в челюсти класть... Вот шли бы мы с тобой без карабинов, пусть и с пистолетами...

Развивать эту тему он не стал, обстановка вокруг и так оставалась довольно мрачной. И путь до адмиральского кабинета мог оказаться чересчур длинным.

Третья попытка, вопреки предчувствию Новикова, все же состоялась, когда они уже выбирались из путаницы закулисных переходов.

Места вокруг все равно были незнакомые, далеко не такие гостеприимные, как на обжитых ярусах, но все же цивилизованные. А главное — в стенах коридоров вновь появились окна. Андрею как раз пришел в голову новый вариант, позволяющий, похоже, пробиться к цели и вряд ли предусмотренный неведомым противником.

Он приостановился, чтобы прикурить сигарету, и щелчок зажигалки наложился на короткий Сашкин вскрик. Вскинул голову и увидел, как из раскрывшейся стены выметнулся клубок плоских багровых лент, накрыл Шульгина с головой и так же стремительно втянулся обратно.

С криком отчаяния и ярости Новиков отпрянул в сторону и тут же замер. Ну и что теперь? Бежать? Куда, зачем? Сашку эти твари достали. Очередь теперь за ним. Еще секунда, две, вновь появится ЭТО, и конец... Это действительно появилось. В виде чего-то, напоминающего двухметровую, радужно переливающуюся актинию с копной шевелящихся лент-ремней наверху. Тех самых, которыми оно схватило и заглотило Шульгина.

Ни о чем уже не думая и ничего человеческого не

ощущая, Новиков выбросил перед собой ствол и нажал на спуск. Помирать, так с музыкой!

Лента-щупальце оказалось быстрее. Карабин отлетел в сторону, а Новикова обхватило вокруг туловища железной прочности обручем.

Заведенная за спину рука коснулась твердого выступа. Пистолет.

Пока его сжимало в объятиях и тащило вперед и вверх, Андрей продел палец в спусковую скобу, сдвинул предохранитель, каким-то невероятным усилием извернулся. На мгновение щупальце ослабло и позволило выдернуть пистолет из-под ремня. Новиков вдавил ствол в упруго подавшуюся плоть «актинии», и последней мыслью была та, что свои двенадцать пуль эта штука получит: пистолет автоматический, а пальцев он не разожмет и мертвый...

Очнулся он на мокрой траве, под открытым черным небом. Рядом на коленях стоял живой Шульгин и тряс его за плечи.

Наверное, целую минуту Андрей лежал молча, переживая мгновения полного счастья. Потом рывком сел. Голова была совершенно ясная, только сильно ныли шея и плечо.

— Отошел? Соображаешь нормально? — В голосе Сашки была едва заметная тревога. Кто знает, сколько времени он приводил его в чувство, и что произошло перед этим?

— Соображаю. Как тебе... удалось? Выбраться?

— Откуда? Из Замка? Выбил окно и вылез. Вместе с тобой. А ты-то как? Что тебе примерещилось?

— Как? А эта... медуза? Она где? — И уже начал догадываться, что произошло на самом деле. Слова Шульгина подтвердили его догадку.

Он, то есть Сашка, только успел решить, что дальше идти коридорами бессмысленно и лучше напрямик — в окно и через сад, как услышал сзади вскрик Новикова. С перекошенным лицом тот целился Шульгину в грудь, что-то неразборчиво бормоча. Сашке ни-

чего не оставалось, как карабин выбить. Но Андрей бросился на него с невероятной яростью, дрался не хуже тренированного каратиста и в конце концов чуть не застрелил. Шульгину пришлось его с максимальной деликатностью «нейтрализовать». Вот и все.

На то, чтобы полностью прийти в себя, рассказать Сашке, как все выглядело с его стороны экрана, обсудить дальнейшие действия, Новикову потребовалось не меньше получаса.

— Хотел бы я знать, кто же у них здесь режиссером, — мечтательно сказал Шульгин, вставая. — И узнаю не далее как сейчас же... Пойдем. Но если не можешь — давай через забор и жди меня за воротами...

Новиков не счел нужным даже отвечать на такое предложение. Физически он ощущал себя вполне прилично, а вот в душе... В душе шевелилось нечто настолько непередаваемо-мрачное, что пришлось использовать самые сильные из известных ему приемов самовнушения, чтобы не дать этим доселе скрытым в глубинах подсознания инстинктам овладеть его личностью. Теперь он знал, что заставляет людей, еще вчера вполне порядочных, совершать самые дикие поступки, рубить саперной лопаткой головы пленным, жечь дома вместе с жителями... Ну ладно, сейчас он в себе это придавил, но где-то же оно осталось? Интересно бы узнать, а от ТАКОГО браслет Ирины лечит?

А Шульгин в это время рассуждал о своем. О том, что пришельцам — Антону или кому-то другому — непременно нужно раздавить их волю и характеры в нормальной, человеческой системе координат. Что убить они их, безусловно, могли и могут в любой момент, но не делают этого.

— Понимаешь, мы им мертвые не нужны, мы им живые, но сломанные нужны. Всем... Что Сильвия этого добивалась, что Антон с друзьями...

— Скорее все-таки не Антон... не сам Антон... — Новиков во всем остальном был с Шульгиным согла-

сен. — Кто-то не хочет нашей с ним встречи. И, похоже, не Замок, как ты считал...

...По светлomu, освещенному полной луной парку, между каналов с неподвижной, отливающей черной зеленью водой, в которой призрачно отражались горбатые мостики, сквозь заросли плакучих ив и через лужайки с поблескивающим мрамором статуй они, теперь уже ничего не опасаясь и вызывая хрустя гравием дорожек, дошли до низкого двухэтажного крыла Замка, угаданного Шульгиным как самый удобный и безопасный подход к цели. И он не ошибся.

...Они вошли в знакомый кабинет, где их давно, судя по резкому, нетерпеливому движению головы на звук открывшейся двери, ждал Антон.

Друзья молча сели в глубокие кресла, молча поставили между ног карабины, лишь сдвоенный лязг прикладов о паркет нарушил давящую тишину. Карабины, конечно, выглядели здесь так же неуместно, как винтовки красногвардейцев в залах и дортуарах Смольного. Антон, впрочем, не обратил на это никакого внимания. Либо привык к их неукротимой страсти ко всякого рода оружию, либо ему было совсем не до того. Он медленно пересек кабинет, сел напротив. Положил на сукно стола сжатые кулаки.

Все трое держали паузу. Новиков рассматривал через голову форзейля модели крейсеров и броненосцев времен японской войны. Шульгин полез было в карман за сигаретами, но передумал, привстал, взял из шкатулки на столе адмиральскую сигару.

— Плохо дело, парни... — первым прервал немую сцену Антон. Или выдержки не хватило, или просто не захотел уподобляться своим партнерам.

— Для кого? — после следующей паузы, замотивированной процессом тщательного прикуривания, спросил Шульгин и сплюнул на ковер отслоившийся и прилипший к губе клочок табачного листа.

— Хотелось бы думать, что только для меня. Но боюсь, что и для вас тоже. Похоже, мы заигрались...

— «За» или «до»? — поинтересовался Новиков.

— Что? Ах да... — не сразу понял смысл вопроса Антон. — Наверное, и то и другое.

— А ведь мы ни во что не играли, — усмехнулся Шульгин. — Это ты с нами играть пытался, то в одно, то в другое. А теперь вдруг — «мы»! Попрошу на нас свои дела не вешать. — И тут же спросил без перехода: — Что, какие-нибудь хозяева, которых ты больше нас боишься, решили последнюю точку поставить?

И оба увидели, как Антон изменился в лице. Он вообще плоховато выглядел, кураж с него слетел, а сейчас форзейль прямо не знал, куда глаза девать. Шульгин с Новиковым переглянулись.

«Вот видишь?» — без слов спросил Сашка, а Андрей кивком ответил: «Я и не спорил».

— При чем тут хозяева? — нервно улыбнулся Антон. — И почему вдруг я вас должен бояться?

— Про хозяев, может, и не совсем точно, но ты же сам говорил Дмитрию... Да и не важно, как назвать. В общем, пусть начальники, инспекторы, командиры, некто, от кого ты ждешь очень серьезных неприятностей. И даже так: Некто, по сравнению с кем ты уже не супермен галактический, а «тварь дрожащая», написал где-то на стеночке: «Мене, текел, фарес». Вот ты и замандражил... — Новиков сказал это медленно, с удовольствием и выражением если и наигранного, то совсем чуть-чуть, превосходства.

— А ведь говорил Воронцову, что поможешь, невзирая на последствия. И вдруг кто-то, допустим, решил с такой твоей самоуверенностью не согласиться...

Шульгин же продолжил в тон:

— Нас в свою очередь тебе бояться стоит просто потому, что мы уже здесь, что по пути такого насмотрелись... и, наконец, потому, что вот эта штука в случае чего прошибет в тебе такую дырку, что до ближайшего медпункта ты просто добежать не успеешь, а терять нам нечего, и ты это тоже знаешь... — При последних словах ствол карабина уже смотрел через стол, примерно в

район солнечного сплетения форзейля, да и Новиков был готов стрелять навскидку, хоть в Антона, хоть в любую другую подходящую цель.

— Да что вы, ребята, вообразили? Я действительно собрался вас предупредить...

— Вот и предупреждай, — кивнул Новиков, — но имей в виду, что мы тоже доведены до крайности, знаем больше, чем ты думаешь, и без боя не сдадимся, хоть кому. А ты имеешь верный шанс стать первой жертвой, пусть даже и невинной. Извини, если что не так...

— И пока мы отсюда не смоемся, ты с прицела не соскочишь, — добавил Шульгин. — Лично я больше никому не верю. Ты, может, и честный парень, но до какой степени? Прикажут — и все. Да, а зачем ты такой туфтой вздумал нас пугать?

— О чем ты? — снова удивился Антон. Новиков вкратце рассказал. Почти без подробностей.

— Нет, ребята, это не я. Да и смешно было бы...

— Не ты, а кто? Замок? — таким тоном, как спрашивают: «А платить кто будет? Пушкин?» — поинтересовался Шульгин.

— Вполне возможно. Замок — он тоже не просто так... А зачем и почему — можно только догадываться. Сейчас многое пошло не по-обычному. Но какие вам еще нужны гарантии? Я с самого начала мог с вами сделать все, что заблагорассудится, а даже сейчас сижу с вами, разговариваю, думаю, как вас спасти...

— Не мог, — резко перебил его Шульгин. — Сам знаешь, почему. Но не суть важно. Давай говори что хотел!

— Конечно, скажу, — кивнул Антон. — Но теперь лучше не здесь. Пойдемте... на свежий воздух.

Шульгин сразу согласился, но предупредил, что пойдут они только тем путем, каким пришли сюда, то есть — парком. Шульгин впереди, за ним Антон, замыкающим Новиков. И чтоб без резких движений.

Вышли к воротам, не главным, а боковым, узким, с переброшенным через ров пешеходным мостиком. В тени

башни Новиков увидел джип с поднятым тентом. То ли Сашка его загодя именно здесь поставил, то ли Замок изготовил машину только что, по заказу.

— Залазь внутрь, там и поговорим, чего мокнуть...

В джипе действительно было уютнее. Мелкий и частый дождь, недавно начавшийся, ровно шелестел по брезенту, слабо светились лампочки приборной доски.

— В общем, так, — начал Антон и вдруг достал из внутреннего кармана плоскую металлическую фляжку. — По паре капель, для разговора?

— Запросто, — согласился Шульгин. — Но ты — первый.

— Ради Бога. Нашел Цезаря Борджиа...

Всем хватило как раз по три хороших глотка. После чего Антон продолжил.

— ...Так. Сегодня я получил категорический приказ — базу ликвидировать, явные следы моей деятельности устранить... В том числе и возможность конкретного вашего влияния на сложившуюся к данному моменту реальность. Способ — на мое усмотрение. А поскольку я гуманоид с принципами, то хотел бы выполнить Инструкцию... наиболее благоприятным для вас способом. Но что я в принципе могу?

— Вот и скажи, а мы слушаем.

— Могу я почти все. Убивать, конечно, вас никто не собирается. То, что случилось с вами сегодня, — для меня загадка. Ума не приложу... С одной стороны, никто, кроме меня, здесь вроде пока не распоряжается, а с другой — я этого не делал... Но постараюсь выяснить. Итак, вреда вам причинено не будет. А вот варианты: можно накрыть Замок силовым колпаком и изолировать вас в нем пожизненно. А как только последний из вас естественным образом отойдет в мир иной, Замок самоликвидируется. При полной относительности времени срок роли не играет, живите, как говорят в Одессе, сто двадцать лет.

— Дальше, — ровным голосом сказал Шульгин.

— Дальше вы знаете. Формально — такая же изоля-

ция, но с более свободным режимом содержания. В пределах планеты Земля, но за пределами сегодняшнего дня и существующей реальности. Смысл в том, что вы не должны иметь возможности, используя полученные знания и опыт, как-либо повлиять на то, что будет происходить после исчезновения агтров. Гордитесь, вы признаны силой, едва ли не равноценной по воздействию целой цивилизации...

Новиков нервно рассмеялся. И Антон, и Шульгин посмотрели на него с удивлением.

— Ирина... Ирина-то права оказалась. Стрелки развести... И где же ты реальность найдешь, чтобы мы на нынешнее время повлиять не смогли? До битвы на Калке? Говори, чего там...

— Подожди, Андрей, он еще не все варианты изложил.

Антон, помедлив, будто размышляя, стоит ли, кивнул.

— Есть и еще. Только вы его сразу отвергнете, я же вас знаю. По нему вам может быть предложено уйти туда... — Он неопределенно ткнул пальцем в направлении невидимого сквозь брезент и тучи зенита.

— В качестве кого? — с интересом спросил Андрей. На какой-то миг сердце у него дрогнуло — а что, если действительно? Увидеть дальние звезды, чужие миры, пожить среди инопланетян, короче — окончательно стать персонажем фантастической эпопеи с продолжением...

— А это уже не мне решать. Надеюсь, что вам будет определено достойное место, в соответствии с вашими дарованиями. Добавлю, что есть круги, заинтересованные именно в таком решении вопроса. Тут ведь такие дела вокруг вас наворочены...

Даже не видя в темноте его лица, только по тону Новиков догадался, что Антон затронул тему, о которой он предпочел бы не говорить вообще.

— Но есть и иные, тоже облеченные властью лица, им предпочтительнее, чтобы вы вообще не существова-

ли на этом свете. Вот пока окончательно не определились, чьи интересы берут верх, я и предлагаю вам исчезнуть добровольно, туда, где в обозримом будущем вы не привлечете к себе ненужного внимания...

«Что же это за дарования такие, нам самим неизвестные, из-за которых межзвездные страсти никак не утихнут?» — снова подумал Новиков, а Шульгин в это время спросил:

— Предположим, мы действительно уникальны и нас ждет «достойное место». А вот возможно ли рассчитывать там, у вас, на полноценную жизнь, оставаясь человеком? Или придется менять свою сущность, физическую и интеллектуальную? И в том, и в другом случае участь не слишком-то...

— Понимаю твою мысль, но, несколько не настаивая, хочу заметить, что не слишком разумно отвергать то, о чем не имеешь никакого понятия. Уровень самопознания и реальных возможностей, на которые вы вправе претендовать, намного превышает ценность того, что вы якобы теряете...

— Закончим дискуссию, она меня утомила, — сказал Новиков, который на самом деле чувствовал себя не слишком хорошо после всего перенесенного. — Отказаться от знакомого и по крайней мере привычного ради абсолютно неизвестного, оцениваемого неизвестно в какой системе ценностей... Роль арапа при дворе, возможно, и привлекательна для кого-то, предпочтительнее, чем естественное существование негра в джунглях Африки, но не для нас. Так что давай вернемся к нашим баранам. Куда ты намерен нас вытолкнуть?

Он не понял, что произошло в следующее мгновение.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

«...Я уже упоминал об увлекшей меня когда-то теории метаязыков, то есть языков высших порядков. Грубо говоря, для выражения законченной мысли на низшем уровне требуется в тысячу раз больше времени и слов, чем в следующем по порядку метаязыке.

И так далее. Вот даже и по-русски профессору медицины или не дай Бог математики придется чуть ли не месяц трудиться, чтобы сделать понятной для человека с начальным образованием фразу из своей докторской диссертации. Короче, у меня нет сейчас соответствующих слов, чтобы связно передать случившееся. Куда там!

Я не в силах пересказать даже, что я понимаю и чувствую, слушая Четырнадцатую сонату.

Просто на меня вдруг обрушилась Вселенная. Я сразу как бы стал видеть, слышать, ощущать в сотни раз больше на каждом из диапазонов чувств.

Можно сравнить мое состояние с тем, как если бы человек, слепоглухой от рождения, мгновенно обрел зоркость орла, цветовосприятие Рембрандта, обоняние ищейки, слух кота, летучей мыши и Паганини одновременно и оказался в планере, кружащем над центром Дрездена или Кёльна во время налета на него американских «Б-29»... И при этом не потерял сознания, не сошел с ума от эмоционального и сенсорного шока, а, напротив, мгновенно сориентировался в обстановке, наделенный той же магической силой, знанием всех наук и мудростью Сократа, чтобы правильно осознать и оценить происходящее. (Не слишком вразумительно? Увы...)

Такая вот со мной случилась штука. В следующую секунду — как бы это лучше обозначить — да, самоидентифицировавшись, я понял, что некий мощнейший импульс пробил барьер, отделяющий нас от галактической ноосферы! За те мгновения, пока не «полетели предохранители», мы с Шульгиным (я знал, что сейчас его и мой мозг составляют как бы одно целое) успели усвоить почти все, кем-то и для чего-то нам адресованное.

И структуру «гиперреальности», в которую включена наша реальность как вполне условный вариант бытия, и методiku взаимодействия с ней извне и изнутри, возможности, какие при этом открывают-

ся, и смертельные опасности, грозящие нам и всей Земле от неосторожного прикосновения к непредставимо чуждому для нас Естеству.

Образно говоря, нам открылось место, где спрятано сокровище, в сотню раз ценнее лампы Аладдина, и одновременно знание, что к этому месту нужно доехать на велосипеде через поле сражения под Прохоровкой. В момент самого сражения, разумеется. Но еще нам стало понятно, что силы, готовые нам помочь, гораздо могущественнее тех, которые нам угрожают. По крайней мере не допустят нашей гибели, если мы сами не совершим никаких непоправимых ошибок. Как я понял, самой непоправимой будет попытка вмешаться в игру высших сил, вообразив, что мы способны это сделать теперь же. Еще одно сравнение — как если бы я, вчера получив водительские права, сегодня рискнул выйти на старт ралли Монте-Карло. Если даже сам ни во что не врежешься, на первом же круге снесут «соучастники».

Но одновременно нас переполняли радость, счастье, самоуважение от осознания самого факта, что все равно я могу теперь сесть за руль и пусть потихоньку, пусть по пустой дороге, но все же проехать знаменитую трассу. Остальное, в конце концов, дело техники.

В голове вспыхивали, гасли фрагменты грандиозных интеллектуально-информационных побоищ, сотрясающих целые Метагалактики, сражений за право контроля над Великой Информационной Сетью...

Не цивилизации и звездные системы, а реальности становились разменными пешками в этих многомерных шахматах.

А потом будто чья-то пусть и добрая, но грубая рука за шиворот выдернула меня в безопасное место, как пятилетнего пацана из Сталинской ходынки на Трубной... в марте 53-го года...

Приходя в себя, я в первый миг увидел Антона словно в перевернутый бинокль, такой он был малень-

кий и далекий. Но тут же все стало на свои места, а от проникновения в Иной Мир осталось воспоминание, отчетливое, но непередаваемое.

И никакого похмелья. Хотя все пережитое сильно смахивало на «улеты» потребителя ЛСД, как их обычно отисывают.

Времени наш транс занял, видимо, очень мало, Антон даже не успел переменить позу.

Мы с Сашкой переглянулись, и я окончательно убедился, что видели и поняли мы с ним одно и то же.

И теперь уже не боялись подвоха со стороны форзейля. Окончательно поверили, вернее — знали, что он не обманывал Воронцова, назвав себя Даймоном, то есть посланцем дружественных нам сил.

Пусть даже безразличных к нам персонально. Готовых нас поддерживать в определенных, не нами выбранных моментах, но и без нравственных терзаний способных предоставить своей участи, какой бы горькой она ни показалась, опять же — всего лишь нам...

И весь риск, протекающий от благосклонного внимания столь условных покровителей, — тоже на нас.

— Хорошо, друг наш и наставник, — сказал Шульгин с необидной на сей раз иронией. — Мы полностью вверяем тебе наши судьбы. Людям надо верить, а если что не так — войди в положение...

Антон явно не заметил нашего краткого «развоплощения» и несколько даже удивился внезапному Сашкиному миролюбию и сговорчивости.

— Так куда проляжет наш путь? — повторил я как о деле окончательно решенном, ибо теперь знал, что уж из этой реальности нужно сматываться без оглядки, если придется — даже бросая артиллерию и обозы. Мы и так подзадержались, бикфордов шнур почти догорел. Знал я теперь и о случившемся за последние часы. Это не чьи-то конкретные, против меня и Сашки направленные акции, это таким образом начала деформироваться реальность, словно бы рябь по

поверхности воды пробежала в предощущении грядущего шквала.

Однако и поторговаться я был не прочь, в течение тех часа-полтора, что у нас вроде еще оставались.

— Отдаю вам лучшее из того, что имею в наличии, — поддержал предложенный тон форзейль. — Реальность стопроцентно вашу. Перед последней нетронутой развилкой. В смысле, что до нее еще не успела дойти отраженная волна возмущений хронополья, вызванных нашими совместными упражнениями. Если помните китайского полководца, который проиграл все свои битвы, оттого что не был должным образом соблюден ритуал его похорон. Вот мы и постараемся оттолкнуться от того момента, когда покойничек только-только испустил дух и ничего еще не решено...

С чувством юмора у Антона всегда был порядок.

— Тогда осталось выслушать конкретное предложение и создавать комиссию... — скорбно кивнул головой Сашка.

Антон недоуменно поднял бровь, чем мгновенно в наших глазах «потерял лицо». Не дошла до него Сашкина шутка.

— По организации похорон комиссию... У нас ведь тоже аналогичный опыт есть, только без подходящей поговорки. Семнадцать лет бардака, и все оттого, что брежневский гроб в могилу уронили.

Посмеялись не слишком весело, а я опять поразился, как нестандартно и лихо Сашка иногда умеет врубаться в ситуацию.

— Что вы скажете насчет лета двадцатого года? — произнес наконец Антон роковую дату.

— Интересное предложение. Тысяча девятьсот, надеюсь? — Не скажу, что год меня так уж удивил, я успел прокрутить и куда более тухлые варианты, но все же рассчитывал на более близкую к нам развилку. Понадеялся, кстати, что вдруг он предложит момент нашего ухода из сорок первого? Но и двадцатый тоже... Есть над чем подумать. А ведь и вправду —

гражданская еще не кончилась, польский поход в разгаре, Варшава то ли падает, то ли нет, Муссолини и Гитлер еще никто, Ленин жив, Сталин пока еще пешка, хоть и проходная... И чуть ли не сразу я — не скажу, что загорелся, но почувствовал интерес. Да и действительно, сорок первый хуже... Там понятнее, но и скучнее... После него что? Пятидесятые, все знакомо, известно, жили мы там уже...

Однако по привычке торговаться я опять задал вопрос:

— А почему нельзя еще удобнее? Например, тринадцатый год, четвертый, тридцать девятый, пятьдесят третий? И развилки покруче, и работать можно основательнее, у самих корней, так сказать... Про тридцать девятый, пожалуй, я зря ляпнул. В него я согласился бы пойти только в крайнем случае.

Антон тяжело вздохнул. Общаться ему с нами смертельно надоело. И был он, похоже, в положении зятя, провожающего на вокзале не слишком приятную тещу... До отхода поезда пятнадцать минут, и он, бедняга, не знает, как же ему их скоротать...

Я бы и сам в шею гнал таких настырных клиентов. Но, как и означенного зятя, его согревала мысль, что все это неминуемо и скоро закончится.

— Да потому и нельзя, что в названных тобой годах нет критических точек. Процесс далек от разрешения. В тринадцатом, скажем, столько вариантов и разнонаправленных сил, что с определенностью говорить о развилке невозможно... А вот двадцатый... При грамотном подходе — прелесть что за год! Особенно для ваших пока еще скромных способностей...

— Ладно, старик, — сказал я, не позволяя голосу дрогнуть. — Ты нас убедил. Мне даже сдается, что линия отсюда лучше прямо сейчас.

— Боюсь, что ты прав. Заводи мотор и гони... Подняться на борт и выйти в море вы еще успеете.

— И что дальше? — спросил Сашка, решивший

даже сейчас не терять куража. Однако я заметил, что он подобрался, как перед боем.

— Дальше я помашу вам с берега платочком и, вернувшись в Замок, включу режим переброса. Синхронно с аппаратурой корабля. И все... Заводи мотор, Саша, по пути договорим.

Не знаю, имело ли дальнейшее отношение к действиям недоброжелателей наших или само так получилось, но в ближайшие минуты погода словно сошла с ума. Мы еще не выбрались на ведущую к «порту» дорожку, а мелкий дождь превратился в жуткий ливень, порывы штормового ветра били в лоб с такой силой, что джип едва полз вперед на второй передаче. Если бы дорога была не щебеночной, а простой грунтовой, там бы мы и засели, а по этой Шульгин, лежа грудью на руле и чудом угадывая колею сквозь стену рушащейся с неба воды, кое-как ухитрился довести нас до места. Сверкающая огнями «Валгалла» возникла впереди, словно Земля Обетованная перед авангардом бредущих через Синай евреев. А небо над нами стали разрывать чудовищные молнии. С громом, от которого даже джип приседал, испуганно вздрагивая.

«Вот жахнет сейчас по машине или по кораблю — и все. Митькой звали, не про Воронцова будь сказано», — пришло мне в голову, которую все время хотелось втянуть поглубже в плечи.

— Это что, то самое началось? — крикнул я Антону. Не знаю, услышал ли он меня, но в фиолетово-белом свете молнии мне показалось, что он неопределенно пожал плечами.

Брекватер более-менее прикрывал «Валгаллу» от идущих с океана черных и окантованных гребнями пены волн, но, разбиваясь о внешнюю стенку волнолома, они обрушивали потоки воды на гладкий, ничем не огражденный настил пирса. Только потому, что Сашка вплотную прижался к борту парохода, нас не смыло к чертовой матери.

К трапу мы пришвартовались, как глиссер, со сверкающими фонтанами из-под колес.

Только на верхней площадке трапа я позволил себе вздохнуть с облегчением, вытереть мокрым рукавом еще более мокрое лицо.

В ходовой рубке было совсем хорошо, тепло и тихо, успокаивающе светились многочисленные шкалы и циферблаты приборов на длинной панели управления, и хоть через заливаемые дождем и брызгами лобовые стекла рубки ничего не было видно, изогнутый голубоватый экран давал яркое и отчетливое изображение, словно за бортом не бесновалась штормовая ночь, а стоял обычный, хоть и пасмурный день.

Не тратя времени на выражение эмоций по поводу погоды, хотя о такой погоде поговорить стоило, я спросил Воронцова, сможем ли мы прямо сейчас выйти в море.

— Отчего нет? Если б ветер боковой, тогда труднее, ворота бухты узковаты, а сейчас запросто. Триста тысяч лошадей все-таки, а волнение пока только пять баллов.

— Вот и поспеши, а то, не ровен час, и ветер переменится, и волна разгуляется... — посоветовал Антон.

Воронцов приступил к своим судоводительским обязанностям, а мы втроем отошли в дальний правый угол рубки, чтобы ему не мешать и получить от Антона последние наставления. И пока «Валгалла» тяжело и медленно выгребала к середине бухты, заноса корму, мы их получили. Не все нам сразу было понятно, но переспрашивать и уточнять мы не стали, в соответствующее время и в нужной обстановке успеем вспомнить и разобраться.

Было в его поучениях что-то от дзен-буддизма. Туманно, непонятно, но глубина и мудрость высказываний неоспоримы.

И только в самом конце этого странного прощания я спросил Антона открытым текстом, не беспокоит ли его, что и в новом, подаренном нам мире мы начнем

слишком активно вмешиваться в ход событий и опять приведем Землю не туда?

— Ничуть. Отныне это абсолютно внутреннее ваше дело. Вы оказались... не ко двору здесь, на главной, если можно так выразиться, сцене, а на той, — он неопределенно махнул рукой, — да ради Бога, сделайте, что сочтете нужным для блага человечества. — Улыбка при этих словах обозначилась у него такая сочувственно-снисходительная.

Я тебе даже больше скажу. Чем активнее вы станете заниматься своими личными — в самом широком смысле — делами, тем лучше для вас и всего остального мира. — Округлым жестом он обозначил, как я понял, минимум Галактику. — Эта линия чистая. С нами и с агграми, как я говорил, не пересекающаяся...

И тут меня пронзила еще не слишком отчетливая, но крайне интересная мысль. Впрочем, об этом позже.

А из его дальнейших слов вытекало однозначно: способные вы ребята, на все способные, но лучше пока в сторонке постоит. Во избежание. Детки вы еще, и надо в детский садик вас. Огороженный, за ненадежностью простой колючей проволоки, барьером пространства-времени. А уж там резвитесь вволю. Нос кому разобьете или глазик выковырнете — не беда, до свадьбы заживет.

«Валгалла», вздрагивая от ударов прорывающихся сквозь узкие ворота волн, постепенно набирала ход. Воронцов бросил рукоятку машинного телеграфа на «средний ход», палуба завибрировала от вырвавшейся на свободу мощи турбин, знакомые контуры холмов заскользили назад, и — все!

Берег, Замок, хорошо или плохо прожитая жизнь — за спиной, в прошлом.

Впереди только перепаханная ветром беспредельность океана. Где-то там, очень далеко, не слишком реальный европейский берег и какая-то другая жизнь,

в которой существуют, ни о чем не подозревая, сотни миллионов людей, переживших мировую войну и понятия не имеющих, что очень скоро появятся среди них еще несколько «чужеземцев», способных тем или иным способом вмешаться в судьбу каждого из них, вольно или невольно, как получится.

— Однако будем прощаться, — сказал Антон. Повинуясь внезапному порыву, мы все по очереди обнялись. Чтобы это не выглядело слишком сентиментально, безжалостно похлопали друг друга по плечам и стинам.

— В общем, гоните полным ходом на Ост, а я вернусь к себе и сделаю, как надо. Утром, надеюсь, будете в своем времени...

Он толкнул дверь рубки и скрылся в просеченной дождевыми струями мгле. Исчез, будто за борт прыгнул.

«И вот все об этом человеке» — как любила говаривать Шехерезада.

Знать бы только, действительно все или так... до особого распоряжения...

Глава вторая

...То, что творилось вокруг, смело можно назвать жестоким штормом. Ураганом, сильнейшим из тех, что когда-то приходилось видеть Воронцову в своей уже довольно долгой жизни моряка. И если бы «Валгалла» была обыкновенным кораблем, в самом лучшем случае она вышла бы из поединка со стихией без стенок и шлюпок, с покореженными леерными стойками и раструбами вентиляторов, с выбитыми стеклами и смятым фальшбортом... Океанская волна, обычно такая мягкая и ласковая — когда выкатывается на песок кораллового пляжа, — разгулявшись и озверев, бьет по судну с силой парового молота, ломая и разрывая металл что твой картон. Не только пассажирские лайнеры, но и несокрушимые крейсера и линкоры отнюдь не всегда возвращаются в родной порт, повстречавшись с настоящим, добротным ураганом или тайфуном. А если и возвраща-

ются, то подчас напоминают русские броненосцы, уцелевшие после Цусимы.

Но «Валгалла» — совсем другое дело! Не зря Воронцов сконструировал и изготовил ее с применением самых новых, прочных и, естественно, немислимо дорогих материалов: особых марок стали, титана, кевлара, карбона, металлокерамики, с двойным и тройным усилением набора и обшивки. Слишком хорошо он знал, какие неприятности подстерегают в море, и предпочитал не рассчитывать на свою личную удачу, тем более что в предстоящих странствиях вряд ли мог надеяться на помощь со стороны спасательных служб, спутниковую связь, стационарные и плавучие доки, мощные судоремонтные заводы и прочие достижения конца века.

И сейчас «Валгалла» прорывалась сквозь чудовищные волны, вздрагивая от ударов, то зарываясь в воду до самого мостика, то зависая на гребне и перекрывая рев ветра воем обнажающихся винтов. Как раз в такие моменты, не выдерживая собственного веса, лопались по миделю корпуса американских «Либерти» и отечественных эсминцев-«семерок».

«Валгалла» же упорно шла на Ост, прямо в лоб урагану, и в рубку не поступало ни одного тревожного сигнала от контролирующего состояние корпуса и механизмов датчиков. Даже ход удавалось держать вполне приличный, двадцатиузловый, правда, при полном напряжении машин.

«Это даже хорошо, — думал Воронцов, — сразу испытать корабль в экстремуме, по крайней мере буду знать, на что можно рассчитывать. Лишь бы выдержали крепления люков и турбины...» И вновь, не доверяя приборам, требовал докладов от роботов, несущих вахту.

Но ему-то сейчас было лучше всех, он занимался любимым делом и представлял себе реальную обстановку на борту и вокруг. А непривычным к таким приключениям пассажирам, особенно тем, кто вышел в море в первый раз в жизни, приходилось несладко.

Успокоители боковой качки действовали весьма эф-

фективно, но против килевой они были бессильны, да вдобавок «Валгалла» то плавно взмывала вверх на высоту шестиэтажного дома, то стремительно проваливалась на столько же вниз. Даже любителю катания на «американских горках» такое развлечение приедается в ближайшие полчаса, а пароход болтался вверх-вниз и с носа на корму уже целую ночь.

В общем, определенную бодрость сохраняли от рождения невосприимчивый к качке Новиков, тренированный десантник Берестин и старый морской волк Левашов. Описывать, что происходило в это время с остальными, нет ни смысла, ни интереса. Голая физиология.

— Когда же эта вся... кончится? — с раздражением спросил Олега Берестин, по рецепту Станюковича доливая в круто заваренный чай ром «Баккарди». Главный интерес чаепития заключался в том, чтобы не выплеснуть ароматный и весьма горячий напиток себе на грудь или в физиономию при неожиданных и резких сотрясениях корпуса. — Неужели обманул, гад межпланетный? — продолжил Берестин, имея в виду Антона и его обещание чуть ли не мгновенного перехода.

— А откуда мы знаем, может, его уже повязали? За превышение власти и недопустимый гуманизм? — со вздохом фаталиста пожал плечами Новиков. — Дай еще Бог хоть куда-нибудь выскочить...

О том, что им пришлось пережить в Замке, они с Шульгиным пока не рассказывали. И по недостатку времени, и из суеверного какого-то чувства. Как-нибудь позже. Сначала собственные мысли и эмоции в порядок привести, обсудить вдвоем в спокойной обстановке.

Новые знания в определенной мере даже пугали Андрея. Не в смысле банального страха, а самим фактом прикосновения к запредельной грандиозности. Хотелось остаться человеком, ровно с той мерой могущества и власти над обстоятельствами, какая предопределена его личными врожденными качествами плюс благоприобретенными знаниями и чертами характера. А превратиться в псевдобога, играть с реальностями и сущностями

ми... Нет-нет, уж лучше действительно накрепко обосноваться в романтических двадцатых, вести жизнь частного лица, поигрывать вместо вечернего преферанса в безобидные интеллектуальные игры... Сойтись с интересными людьми, с тем же Черчиллем, к примеру, Клемансо каким-нибудь, учинить на благо народам очередной Версальский или Трианонский договор... А не выйдет — действительно слинять в Южные моря и поселиться на подходящем острове...

Последнюю фразу он невольно произнес вслух и поймал заинтересованный взгляд Берестина.

— Что не выйдет? — спросил Алексей.

Подчиняясь внезапному импульсу, Новиков вдруг сказал то, о чем говорить пока не собирался, откладывая до более удобного момента, так как сам еще не до конца обмозговал идею.

— Ты как, Леш, Маркова еще не забыл?

— Нет, а к чему ты? — не понял Берестин.

— Да, помнится, Марков в штурме Перекопа участвовал?

— Участвовал. С польского фронта как раз туда. Взводом командовал, а на Юшуньских позициях ранило. Шрапнелью, в плечо и ногу...

— Взвод — это маловато, конечно... — Сейчас он использовал тот же трюк, которым при первом знакомстве сумел заинтриговать Ирину.

— Для чего маловато?

— Впрочем, потом он наверстал. Комфронта все-таки, — игнорируя вопрос, продолжал вслух размышлять Андрей. — Вполне солидный масштаб. Следующая ступенька — Главкововерх... Вот только чего?

— О чем это ты? — вмешался в разговор и Левашов. До этого он безучастно сидел в кресле, погруженный в мысли о Ларисе. С одной стороны, Олег испытывал чувство вины, что оставил ее одну в каюте страдать от морской болезни и неизвестности, а с другой — понимал, что и пойти к ней сейчас было бы бестактностью. Аэрон и лимоны он ей принес, а еще что? Тазик подставлять?

— Все о том же... Устроиться в двадцатом году можно вполне прилично: острова тропические, хемингуэвский Париж, Испания, Америка развеселая... Знаем мы там все, вмешаться во что угодно можем, от второй мировой Землю избавить, от бомбы атомной... Помочь, для собственного удобства, человечеству обойти критические точки.

— То есть по новой начать то самое, что аггры с форзейлями творили? — перебил его Левашов с нотами протеста в голосе.

— Они это они, а мы будем сами по себе. Тем более что это я так, рассуждаю... Не будем же мы, как старосветские помещики, чаек на веранде попивать и плевать на все прочее? А с другой стороны, мелочевкой мне кажется прорехи истории латать. Не проще ли один раз кардинальное изменение устроить, а уж потом почить на лаврах и жить вместе с окончательным новым миром по его естественным законам?

Берестин слушал, постукивая пальцами по краю стола. Только губы дрогнули в намеке на улыбку. А Левашов все никак не мог сообразить.

— Давай без словоблудия, а? Что-то я плохо врубаюсь. Какой ты там год назвал?

— Двадцатый год. Август, — отдельно, словно вбивая гвозди, произнес Новиков. — Небольшая операция — и все! Лет сорок спокойной жизни для России, Европы и всех нас. Дошло?

Берестин коротко кивнул, улыбнувшись будто бы своим мыслям, потянулся к бутылке, закрепленной в штормовой решетке посередине стола. Пароход неожиданно просел кормой, и Алексей таки выплеснул чай из кружки. Правда, не на себя, а на пол. Выругался с чувством и одним глотком допил то, что еще осталось.

— Впятером? Переиграть гражданскую? Слушай, а ведь может получиться, ей-Богу, может! Тем более с моим «Генштабом»...

— Нет, ребята, вы как хотите, а это уже хрен знает что получается! — вдруг взорвался Левашов. При его

обычной флегматичности такая внезапная реакция выглядела странно. Казалось бы, треп и треп...

Дело же было в том, что Новиков совершенно упустил из виду. Просто не подумал, увлеченный глобальностью замысла, что Олег отнюдь не пережил того, что довелось испытать им с Берестиным. В предыдущей жизни Левашов, в меру критически настроенный ко многим тогдашним реалиям, никогда не ставил под сомнение основополагающих моментов, и в довольно редких застольных беседах всегда горячо спорил с каждым, в том числе и с Новиковым, кто начинал фрондерские разговоры в духе передач «из-за бугра». Революция, гражданская война, коммунизм, Ленин были для него... Ну пусть не святым, но бесспорным. Даже анекдоты «про Лукича» его коробили. Наверное, сказывалось влияние отца, правоверного сталиниста, с которым Андрей яростно спорил еще в школьные годы.

Так что в идейном смысле помполиты могли всегда на Левашова положиться.

— Ты что, Андрей, предлагаешь? Против своих войну начать? У нас же у всех отцы и деды!.. — Он даже задохнулся от возмущения. — Мы же с тобой, сам вспомни, мечтали — если бы нам на гражданскую, в Первой конной...

— Ни хрена там, замечу, хорошего не было, в Первой, а также и во Второй конной, вкупе со всеми пехотными... — меланхолически вставил Берестин. — Как вспомню... То есть Марков... Дураком он был «в шестнадцать мальчишеских лет». Стоило три года убивать весьма приличных людей, потом пятнадцать лет мучиться мыслями — за это ли Я воевал или все же не за это? А потом в лагере гнить... Так то ж Марков, при его положении и воспитании, а нет-нет и задумывался, особенно когда в командировку в Италию съездил в тридцать пятом... Там вообще фашизм имел место, а и то подумалось — «живут же люди»...

— Да мне все равно, что ты там думал! Я сто раз за границей был, а ни разу в голову не пришло... Подума-

ещь, шмоток у них больше! — Он хотел сказать еще что-то, но особенный, невероятной силы удар, словно «Валгалла» напоролась на айсберг или плавающую мину, потряс судно. И через мгновение полутемный салон залило лучами ослепительно яркого полуденного солнца. Новиков метнулся к иллюминатору. Вокруг расстился штилевой, тихий, как Азовское море летом, океан.

... Часа через два все, включая наиболее тяжело перенесшую морскую болезнь Ларису, собрались на самой верхней, так называемой «солнечной», палубе надстройки. Воронцов успел с помощью своих навигационных приборов, гораздо более совершенных, чем секстан или все прочее, чем он пользовался в предыдущей жизни, определить место «Валгаллы». Некоторые сомнения оставались в отношении времени.

— Ночью я бы запросто год вычислил, а днем...

Ночи, однако, ждать не пришлось. Ровно через семнадцать минут после этих слов вахтенный робот доложил, что встречным курсом на расстоянии двадцать миль движется плавающий объект. Скорость сближения сорок четыре узла.

— Ну и поздравляю! Что мы в двадцатом веке — гарантировано. У объекта скорость двадцать четыре, поскольку у нас — двадцать. Минут через пятнадцать скажу с точностью до десятилетия. Прошу всех в рубку. Кому интересно, конечно...

Интересно было всем. Момент, как ни крути, вполне исторический. Определяющий, можно сказать. Пока Воронцов вводил в компьютер соответствующие команды, объекты сблизилась на расстояние, достаточное, чтобы сработала система опознавания. То есть оптические, радиолокационные и прочие комплексы внимательно рассмотрели цель, передали все ее характеристики в память компьютера, который соотнес их с информацией, содержащейся в «Джене» и иных справочниках военных флотов за текущий век. На полутораметровом цветном экране появилось отчетливое изображение идущей

щего с легким креном темно-серого четырехтрубного крейсера, а бегущая строка сообщила: «Великобритания. Легкий крейсер типа «Сидней». Год постройки 1913-й, водоизмещение 5400 тонн, скорость 26 узлов, вооружение — 8-152 мм орудий, 1-76 мм, 2 торпедных аппарата. Анализируемый образец наиболее соответствует фотографии крейсера «Девоншир» из справочника Германского Главморштаба за 1916 год».

— Ну вот и все, судари мои... — со странной интонацией произнес Новиков. — Поздравляю. С новосельем. Здесь будем жить, значит...

— А почему вдруг шестнадцатый? — с сомнением и даже разочарованием спросил Берестин.

— Да потому, что крейсер предвоенной постройки, фотография сделана скорее всего после зачисления в строй, справочник готовился тоже перед войной и вышел в шестнадцатом... — пояснил Воронцов. Несмотря на то, что изображение на экране рисовало корабль во всех деталях и подробностях, и сам Воронцов, и, следуя его примеру, остальные предпочли выйти на крыло мостика, посмотреть на артефакт «живьем», через нормальную оптику биноклей.

На самом деле «артефакт» — первый материальный объект из ставшего реальным прошлого. Подтверждающий, кстати, не только подлинность межвременного перехода, но и то, что попали они в настоящее, то есть собственное прошлое, а не какое-нибудь параллельное.

Вряд ли в иной реальности гоняют по морям крейсера, один к одному соответствующие нашим справочникам.

Воронцов хотел послать рассыльного с вахты за оригиналом германского «Ярбуха», но с ходового мостика крейсера замигал ратьеровский фонарь.

— Попросят показать флаг, — прочитал сигнал Воронцов и приказал поднять американский.

— Что они там дальше молотят? Ага... Ваше имя, порт приписки, пункт назначения...

— Чего это они? — удивился Берестин. — Война вроде кончилась...

— Еще не факт, — сквозь зубы бросил Воронцов. — Отвечаем: «Валгалла, Сан-Франциско, идем в Стамбул...»

И тут же выругался. Запоздало, потому что сигнальщик уже защелкал с невероятной скоростью шторами сигнального фонаря.

— Черт! Как же это я?.. Будет нам Стамбул, если год здесь действительно шестнадцатый... Надо бы — Лиссабон, что ли...

Крейсер сблизился с «Валгаллой» меньше чем на милю, с его мостика, снизу вверх, рассматривали пароход в бинокли пять или шесть офицеров, у лееров вдоль борта столпились десятка три матросов.

Наверное, их удивлял вид проносящегося мимо огромного белоснежного лайнера, безмолвного и пустынного, как «Летучий голландец», ибо тесная группка людей на мостике выглядела не то чтобы жалко, а слишком уж несоизмеримо с размерами и назначением трансатлантика. Да вдобавок наверняка кто-то из штурманов тоже сейчас листает справочник, чтобы выяснить, что это за «Валгалла» такая прет полным ходом через не протраленные до конца воды.

— Нет ли у вас свежих газет? — просигналил крейсер.

— Сожалею, но мы уже третью неделю в море, — ответил Воронцов и в свою очередь спросил с чисто американской бесцеремонностью: — Прошу разрешить спор штурмана с капитаном, кто вы — «Сидней» или «Девоншир»?

— Сочуствуем, но мы — «Саутгемптон». Счастливого плавания! — Ратьер мигнул в последний раз, и крейсер, отваливая влево, остался за кормой «Валгаллы».

— Слава те, Господи, — то ли в шутку, то ли всерьез перекрестился Воронцов. — Обошлось...

— А если бы нет?

— Приказали бы остановиться, высадили досмотро-

вую партию... Как минимум выяснить, кто из нас сумасшедший... И в самом деле, там союзники Дарданеллы штурмуют, полсотни линкоров и крейсеров садят по фортам прямой наводкой, вся морда в кровавых соплях, а мы в Стамбул да еще с кучей оружия на борту...

— Слушай!.. — Новиков вдруг воззрился на Воронцова в полном изумлении. — Откуда у тебя вообще этот Стамбул выскочил? Мы о нем вообще хоть раз говорили? Почему действительно не Марсель, не Лиссабон?

Воронцов поцокал языком, почесал затылок, вздохнул сокрушенно, явно придуриваясь.

— Точно не говорили? Вот черт, а я совершенно был уверен, оттого и вырвалось. Нет, ты меня не разыгрываешь? И в Стамбул честно не собирался?

Новиков в который уже раз убедился, до чего хитрый и злокозненный мужик достался им в товарищи. Прямо Хулио Хуренито какой-то. Великий провокатор из одноименного романа Эренбурга.

— Может, ты заодно скажешь, что бы мне, к примеру, могло понадобиться в том клятом Стамбуле? — стараясь попасть в тон, небрежно так осведомился Андрей.

— Ну, я бы сказал, что если уж всерьез устраиваться в этом вот мире, так начинать надо непременно отсюда. А откуда же еще? С Владивостока, конечно, тоже можно, но эффект не тот...

— Вы что, сговорились? — недобро прищурившись, спросил Левашов, по воле случая оказавшийся единственным слушателем их ильфовско-бабелевского диалога. Остальные на противоположном крыле мостика болтали о чем-то своем.

— Да тут, понимаешь, совершенно случайно все получилось. Сам удивляюсь и думаю, чего это мы вдруг про одно и то же заговорили? А ты тоже так думаешь? — Воронцов не знал о содержании недавней беседы и, ерничая, не подозревал, какие болезненные струны задевает.

Не давая Левашову завестись по новой, Новиков увлек его и Воронцова к основной группе.

— Не здесь об этом говорить. Время обеденное, и

дамы наши продрогли на ветерке. Пошли-пошли, перекусим, а там и мнениями обменяемся...

Воронцов все же сначала вернулся в рубку, лично убедился, что на полсотни миль вокруг океан чист, и лишь отдав необходимые указания ходовой вахте, не спеша и по привычке высматривая хозяйским глазом, нет ли где какого беспорядка, направился в малую кают-компанию.

...Как ни старался Новиков спокойными, логически обоснованными и базирующимися на огромном фактическом материале доводами разубедить Левашова, ничего не получилось. Уперевшись, Олег любое свое возражение сводил все к тому же: отцы и деды революцию делали и защищали, только она позволила России превратиться в великую и процветающую державу — «от сохи до космических полетов», — и раз народ революцию поддержал, идти против него нравственно и юридически преступно. И ссылался на графа Игнатьева, графа же Алексея Толстого и еще многих дворян и интеллигентов, принявших революцию.

— А тем более если мы, такие как есть, станем сейчас против народа воевать, с нашими биографиями и нашими нынешними возможностями... Это... Даже не знаю, как назвать. Мало что предательство, так и подлость же какая! Против народа, против крестьян голодных и раздетых — современным оружием! Не может быть, что все они не правы были, а ты один сейчас прав...

Остальные в спор пока не вмешивались. По разным причинам. Ирина и Сильвия считали, что не имеют в данном случае права голоса; Наташа — потому, что молчал, смутно улыбаясь, Воронцов; Шульгин и так знал, чем все кончится, а вот почему не поддержала Олега Лариса, оставалось загадкой.

— Чего это тебе именно моя правота или неправота далась? — с печальным вздохом ответил на страстную тираду Андрей. — Ты там, где мы с Алексеем и Димой побывали, не был. Сам ничего не видел. Но не в наших же, в конце концов, впечатлениях дело. Вон Лариса не

так давно Конквеста всего прочла, «Русскую смуту» Деникина, еще много чего. У нее спроси. Говоришь, народ красных поддержал? Не так уж чтобы... Смогли бы двести тысяч офицеров против ста шестидесяти миллионов пять лет воевать? А махновцы, антоновцы, зеленые просто и красно-зеленые, казаки, кронштадтские моряки — не народ, выходит?

Дальше. Сколько после двадцатого года жертв в том самом народе было? Начиная с деда воронцовского? Солженицын пишет — шестьдесят миллионов! Ну, пусть десять, пусть пять, — согласился он, увидев протестующий жест Левашова. — И война Великая, она же Отечественная! Еще двадцать-тридцать... Так? А не стоит ли, чтобы этих жертв не было, чуть-чуть в другую сторону пострелять? Те, кто вместе с Марковым нашим Перекоп штурмовали, знали, на что шли. Крым взяли и уж покуражились! Куда там фашистам. Пацанов-юнкеров, женщин, отставных генералов-стариков тысячами из пулеметов рубили и в рвы сваливали. Спроси у Алексея, он расскажет...

В чем хочешь меня обвиняй, от снобизма до цинизма и так далее, но я уверен — если с красной стороны на десяток тысяч больше погибнет в последнем и решающем, а взамен этого сорок миллионов уцелеет, в том числе сотни тысяч самых образованных, честных, умных, каких и сейчас на нашей бывшей Родине дефицит страшный, — никто не прогадает. А твой так называемый «народ» — в кавычках говорю, потому что ты к нему зачем-то причисляешь лишь наиболее темную и неосмысленную часть, — вместо того, чтобы по лагерям гнить и на колхозной барщине вкальвать, заживет не так, как очередной дядя в очередном докладе повелит, а по способности... Сиречь в меру ума, воли и квалификации... Хочешь, дам Аверченко почитать? У него про это простыми словами сказано.

Левашов всегда старался избегать длительных дискуссий с Новиковым именно потому, что тот ухитрялся находить такие обороты речи и повороты сюжета, что

возражать по существу ему не получалось. Хуже того, Андрей обладал способностью заводить оппонента в такие дебри, что тот полностью терял нить, сначала спорил с мало относящимися к вопросу посылками Новикова, а потом и с самим собой.

И чем больше Олег ощущал свою правоту, тем сильнее в нем закипало глухое раздражение от бессилия ее доказать, а потом это раздражение трансформировалось в неприязнь к Андрею. Иногда довольно длительную и стойкую.

Вот и сейчас... Очевидно уже, что Новиков подводит его к какой-то одному ему видимой точке, чтобы завершить спор очередным макиавеллиевским пассажем, наверняка для него, Олега, унижительным.

По коротким репликам, а главное, по выражению лиц друзей он понимал, что все они на стороне Андрея. А иначе и быть не могло. Берестину больше всего на свете хочется еще повоевать, а поскольку профессионалу повторять уже раз отгремевшие кампании нет никакого интереса, вот он и возмечтал! В роли вождя победоносного Белого воинства въехать, чем черт не шутит, в Кремль на белом коне!

Воронцов, став крупным судовладельцем, конечно, предпочитает единый капиталистический «свободный мир», без границ, противостоящих блоков и классовый борьбы, а на судьбы народов ему наплевать. Опять же репрессированный дедушка-белогвардеец!

С Сашкой все ясно — авантюрист, и этим все сказано.

Значит, в любом случае он остается в одиночестве. И даже Лариса... Она-то почему медлит? Или ей как историку просто интересно посмотреть иную линию событий? Да и предыдущая жизнь в СССР получилась у нее слишком уж невеселая...

Левашов почувствовал, что у него задергались губы и внезапная, иррациональная злость пополам с отчаянием — совсем не только от проигрыша в не первом уже споре на подобные темы — охватывает его, и нет сил удержать себя в руках.

С ним сейчас происходило нечто похожее на аффект, вроде как у Александра Матросова или, к примеру, у народовольцев, ради почти абстрактной, недоказанной и недоказуемой идеи кладущих «на алтарь» свою единственную и неповторимую жизнь.

Новиков сообразил это слишком поздно. Хотя ведь должен был понимать, давно видел, что Левашов от непосильных нагрузок, глубокого, не важно, что неоправданного, чувства вины за случившееся — мол, если бы не его устройство, ничего и не случилось бы — находится на грани острого невроза, чтобы не сказать хуже.

Левашов опустил руку в карман и сказал неожиданно тихо:

— Не наигрались еще с судьбами людскими? Все вам мало? Так лучше сразу поставить на всем точку... — На его ладони блеснул золотой портсигар Ирины.

Раньше других поняв, что это может означать, Ирина подалась вперед, будто в попытке остановить, да так и замерла.

— Включу сейчас, и вышибет нас куда-нибудь в палеозой, там и экспериментируйте...

Элементарная ошибка произошла в мозгу Левашова. По-научному выражаясь — дистресс. От невозможности найти компромисс между «личным и общественным», между старой дружбой, судьбой компании и судьбой «мировой революции»...

Одно движение пальца, и...

Спас положение Шульгин. В который уже раз. Да никто другой и не смог бы ничего сделать. Это как с самоубийцей, балансирующим на карнизе небоскреба. Одно неосторожное слово, резкий жест спасателей — и все!

Сильвия была слишком далеко, Ирина — прямо у него перед глазами, но даже намек с ее стороны на попытку помешать мог вызвать произвольную реакцию Левашова. А Шульгин успел. Как и тогда, с пришельцами в Москве. Никто ничего не понял, только Олег с недоумением уставился на свою пустую ладонь, с которой внезапно и бесследно испарился роковой пульт.

— Знаешь, Олег, — совершенно невинным тоном сказал Сашка, едва заметно улыбаясь, — а я ведь знаю приемлемый выход...

Все уже давно привыкли к его фокусам, но сейчас даже Новиков выглядел удивленным. Правда, удивило его не то, как Шульгин сумел изъять опасную игрушку, а то, что с сигареты, которую он манерно, двумя пальцами поднес к губам, в процессе акции не свалился довольно длинный столбик белого пепла!

Левашов перевел взгляд со своей ладони на Сашкины руки, одну — с сигаретой, другую — спокойно лежащую на льдисто поблескивающей крахмальной скатерти. И неожиданно рассмеялся, не совсем, впрочем, нормально, с каким-то повизгиванием. Но кризис, судя по всему, у него миновал.

Берестин сунул в опустевшую ладонь Олега фужер. Тот машинальным движением сжал пальцы, еще раз посмотрел на свою руку, будто по-прежнему недоумевая по поводу случившегося, залпом выпил, не поняв даже, что именно, после короткого размышления переломил нервным движением длинную хрустальную ножку, обломки положил на тарелку.

— Что ты сказал? Какой выход?

Все дружно сделали вид, что ничего не произошло, что застольная беседа продолжается без короткого перерыва, чуть не поставившего крест на всех их надеждах и планах.

— Да совершенно простой, оттого и гениальный. Ты уверен, что большевики правы, народ за них, миллионы мужиков и пролетариев переполнены энтузиазмом. «Не спи, вставай, кудрявая...» — напел он несколько фраз из соответствующего марша. — О'кей! Мы... — Шульгин округлым жестом обвел салон, причем сделал это так виртуозно, что как бы отсек от круга единомышленников Сильвию, Ирину и Ларису, не желая брать на себя ответственность за их политическую позицию. — Мы убеждены в противоположном: как раз подлинный народ означенных большевиков хотел бы видеть в гробу,

но в этом желании или окончательно не разобрался, или надеется, что их скинут без его непосредственного участия. Вся беда в том, что когда разберется, будет... Вот я и предлагаю джентльменское пари. Я, Андрей и прочие желающие играют белыми. Как бы в шахматы.

Ты, хоть один, хоть со своими партнерами, — взгляд Шульгина мельком коснулся Ларисы и вновь уперся в глаза Левашова, — играй красными. Лично никто из нас в боях участвовать не будет, но имеет право оказывать любую помощь своим... фигурам. Техническую, финансовую, идейную. И ты, и мы играем в открытую, пользуемся на равных всеми возможностями «Валгаллы». Ограничение одно — не раскрывать планы соперников своим... подшефным... Ну и еще берем на себя обязательство максимальной гуманизации конфликта — соблюдение конвенций, недопущение массового террора и так далее.

Если ты действительно прав и сумеешь победить — виват! Начнешь строить «гуманный социализм»...

Лицо Шульгина вдруг приобрело задумчивое выражение. Он поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Через несколько секунд расплылся в улыбке:

— Во! Умозаключение. Если социализм, как говорил вождь, это учет, то гуманный социализм — это учет с человеческим лицом!

Все расхохотались от неожиданности.

— Нормально, — одобрил сентенцию Воронцов. — Развиваем дальше. Раз учет — ведущая государственная идея, то главу новой советской России следует именовать «Генеральный бухгалтер». Обещаю в случае твоей победы всячески способствовать в получении этого титула...

— В случае ИХ победы, — вступил со своей репликой Берестин, — нас скорее всего ждут Соловки...

— Но поскольку Олег наш друг и гуманист, то должен позволить на тех же Соловках и под тем же наименованием «СЛОН» создать в лагерных интерьерах этакий северный Лас-Вегас... Намного раньше настоящего. От туристов со всего мира отбоя не будет...

Начинался уже обыкновенный, традиционный треп, и на нем бы все и закончилось, потому что и у Новикова, и у Шульгина наготове были идеи в развитие уже сказанного, но помешала Сильвия, по англосаксонской своей природе не понимавшая славянского юмора.

— И чем же такая идея отличается от того, чем мы, аггры, здесь занимались? — спрошено было невинным, даже наивным тоном.

Эта «дочь Альбиона» с каждым днем все теснее вживалась в компанию и все больше интересовала Андрея. Как личность, разумеется, ни в каком другом смысле. Его всегда привлекали женщины, чей ум не уступал их же красоте. Сочетание, увы, крайне редкое, но если уж встречающееся, то дающее пищу глубоким психофилософским построениям. Вот и Сильвия: она не только изумительно быстро адаптировалась к совершенно новому кругу, она стала незаметно, но для психолога Новикова весьма отчетливо претендовать на лидерство в дамской его половине.

Словно новая жена в гареме со сложившейся иерархией.

«Ирина-то будет на моей стороне, — прикидывал Андрей, — тут все понятно, а Наташа с Ларисой пока сообразят, в чем дело, может оказаться поздно. Слава Богу, что мы вырвались из изолятора Замка и Валгаллы. Там женское соперничество могло бы иметь разрушительный эффект. А на воле — пусть. Даже полезно — добавить перчику, чтобы не закисло!».

Сильвия спросила и теперь ждала ответа, прищуриив свои бирюзовые глаза, постукивая тонкими пальцами с припорошенными золотыми блестками ногтями по обтянутому палевой замшей брюк бедру.

Сегодня она напоминала средневекового пажа королевы — замшевым костюмом, падающими на плечи локонами, мягкими, выше колен, сапогами, а главное — выражением лица, вроде бы и, несомненно, женского, но с какими-то неуловимыми черточками искушенного в жизни юноши.

Новиков отметил еще и то, что свои ядовитые стрелы она пока что позволяет себе пускать в Сашку, других не задевает, наоборот, со всеми подчеркнуто деликатна и благожелательна.

— Да, конечно же, ничем! — Шульгин не стал убирать с лица веселость, удовольствие от приятной и остроумной беседы. — За маленьким пустячком. Мы у себя дома имеем право делать что нравится и никаких умозрительных теорий высшего порядка воплощать не собираемся. А так, посмотреть интересуемся, какая из сторон в той дурацкой войне действительно правее была. Ты «Двенадцать стульев» не читала скорее всего. Так там Остап, проигрывая, что сделал? Набрал полную горсть фигур и швырнул их в глаза партнеру... Вот и идейные отцы наши, Лукич и компания, свободные выборы проиграв, в Учредилку то есть, подобный финт и проделали. Что в таком случае беспристрастный судья сделать должен?

Сегодня Шульгин продолжал удивлять Новикова. Не сейчас ведь придумал он все свои неординарные доводы, не один день должен был размышлять, поскольку ранее мало интересовался этими вопросами.

Если... Если это не очередное проявление его вновь обретенной суперинтуиции.

Ничего существенного друга Шульгину не возразили. Поскольку главное им было сделано — трагедия плавно перетекала в фарс. Вдобавок совместными усилиями Олега они довели до кондиции, в которой он становился тих и благодушен. Берестин, тоже довольно-таки навеселе, подсел к нему и стал объяснять, что вообще зря он спорит и принимает все близко к сердцу, потому как все ерунда.

— Ты же пойми, все уже случилось. И война кончилась, и дедушка твой победил, и даже развитой социализм построил, если, конечно, жив, прошу прощения... А раз так, какое тебе дело, чем здесь эта война кончится? Раз красные, раз белые, а потом что-нибудь еще придумаем, ну, пусть Махно победит... — И дальше, повто-

ряясь и путаясь, начал рассуждать, что вот в роли Маркова, вернее, через память Маркова, или нет, как-то еще по-другому, но он уже один раз брал Перекоп с той стороны и теперь считает только справедливым, если ему дадут с противоположной стороны Перекоп отстоять...

Новиков наклонился к Воронцову и, стараясь не привлекать общего внимания, шепнул:

— Знаешь, капитан, хорошо бы Наталья намекнула Лариске — пусть забирает Олега и устроит ему «ночь любви»... Пить ему хватит, а так пусть отвлечется и завтра целый день спит. А впредь мы не позволим ему забивать себе голову ненужными мечтаниями...

— Сделаем, — подмигнул Дмитрий, — все, что требуется, и многое сверх того... Это ты правильно придумал!

— А то! Лариска, на мой взгляд, если всерьез за него возьмется... Особенно, если ей самой предварительно кассетку поинтереснее подсунуть, чтобы растормозилась...

— Да они и без допинга в полном порядке, смотри, как глаза сверкают...

К ним подошла Наташа, от ее ревнивого внимания не укрылась странная, по ее мнению, конфиденция друзей-соперников. Воронцов тут же пересказал ей их мужской замысел открытым текстом.

Наталья Андреевна (у нее очень четко прослеживались переходы, когда она просто Наташа, а когда с отчеством) чопорно поджала губы, но не сдержалась, приснула, чуть покрасневшись.

— Пошляки вы, господа офицеры. Чем всякие глупости придумывать, приглашайте дам танцевать. Прочее же — не ваша забота...

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

«...Сбросив так долго угнетавшую меня моральную тяжесть, потому что, так или иначе, а томительное ожидание и недоумение закончилось, я устроился в уютном уголке за роялем. С бокалом коктейля собственного изготовления и изобретения под назва-

нием «Тридцать два румба» — виски, два сорта вермута, шартрез, апельсиновый сок, маслина и много льда.

Народ, не хуже меня расслабляющийся, счастливый по той же самой причине, самозабвенно сливался в объятиях под рыдания саксофонов и прочих томно звучащих инструментов. Небольшая пологая качка придавала этому делу дополнительный шарм. Берестин раз за разом приглашал Ирину, а я, глуповато улыбаясь, только добродушно кивал. Я всех сейчас любил, а Алексею вдобавок сочувствовал.

Лукулл, испытывающий муки Гантала, — это же ужас что такое!

Ну пусть подержит ее за талию, поуплывает от запаха ее волос и духов. Я же все-все понимаю! Тем более что недолго ему монашествовать...

...Уже совсем потом, под утро, Ирина села на край постели, вернувшись из ванной, отняла книгу, что я пытался читать, и уставилась на меня посверкивающими отраженным светом ночника глазами.

— Жестоко ты поступил. Я тебе сколько раз намекнуть пыталась — отвлеки его, хоть раз меня пригласи, пусть он с кем-нибудь еще потанцует. Я же чувствовала его состояние. Садист ты какой-то...

— А-а, брось! От меня не убудет, от тебя тем более, а парень хоть чуть взбодрился. Ты же ему ничего не обещала, надеюсь? А танцевать с симпатичной ему дамой каждый имеет право...

— Ничего ты не понимаешь...

— Слушай, кто из нас мужик? Вот и позволь мне судить, что лучше, что хуже. В Стамбул приплывем, в бордель ходит, разрядится.

— Не говори гадостей, противно слушать...

— Виноват, но такова жизнь, дорогая. Сти лучше, пока не поссорились.

И утром я тоже встал с ощущением, давно не испытываемым — через лобовые иллюминаторы каюты (я выбрал себе место в передней части надстройки, чтобы всегда смотреть по курсу) засвечивало раннее солнце.

Отодвинув шторку, увидел бесконечную вереницу примерно трехбалльных волн, в которые врезался высокий полубак, и прямо-таки подсознанием ощутил недалекие уже скалы Гибралтара.

У Геркулесовых столбов
 Лежит моя дорога,
 У Геркулесовых столбов,
 Где плавал Одиссей...

Стоя перед зеркалом, только что сбрив несколько надоевшую бороду, я как бы после долгой разлуки рассматривал свое полузабытое лицо. Вопреки опасениям, вид был еще ничего себе. Надо только подольше посидеть на палубе, под солнцем, убрать болезненную белизну подбородка.

Впереди совсем новая жизнь, к которой придется еще приспособливаться. Но и это должно быть приятно. В общем, трудно передать владевшие мной тогда чувства. Не знаю, может быть, они походили на то, что испытывал в свое время Буковский, — из тюремного карцера, без перехода, в свободный мир, да не так просто, где ты сам по себе, а туда, где ты сразу герой и историческая личность. И снова у меня в голове как-то одномоментно возникла картина предстоящей жизни с ее радостями, а если и сложностями, то все равно приятными и интересными...

Предстоящее требовало пройти процесс новой самоидентификации. Обрести новый имидж. И я его нашел.

На «солнечной» палубе — не в смысле, что она освещалась солнцем, хотя и это тоже, но просто так называется крыша самой верхней на корабле надстройке — я встретил прогуливающегося Шульгина.

Сашка был хорош! Очевидно, он тоже задумался о своем предстоящем существовании.

Облаченный в белый костюм с жилеткой, белые кожаные туфли на пуговицах, в стетсоновской шляпе и с тростью, он выглядел таким Чеховым, Антоном Павловичем, излеченным от чахотки и вместо Саха-

лина побывавшим на каторге Новой Каледонии. Где климат лучше.

Приветствовав меня небрежным кивком, он счел нужным заметить:

— Свой путь земной пройдя до половины, я решил, что пора приобретать ПРИВЫЧКИ! Для начала — ни капли спиртного до захода солнца, ежедневно — свежее белье и рубашки, и никакого металла, кроме золота...

В подтверждение этих слов он продемонстрировал мне массивный, как кистень, брегет с репетицией, пригодную для удержания бультерьера цепь поперек пуза и перстень с бриллиантом каратов в десять.

— Недурно, — сказал я. — Совсем недурно. Только как насчет пистолета? Тяжеловат будет...

— Могу водить при себе телохранителей, или сделать золотое натыление...

— Тоже выход. Однако это все для девочек. А в натуре соображения имеются?

— Натюрлих, яволь!

Все всякого сомнения, Сашка осознал себя в полной мере. И, что бы там ни ждало нас в будущем, скучно нам не будет. Рефлексия — штука хорошая. В определенных моменты. И как же здорово, что рядом всегда есть человек, рефлексиям чуждый или умеющий их непринужденно скрывать.

— Слышь, Дик, а что ты сегодня ночью делал?

Он посмотрел на меня подозрительно.

— Желаете знать подробности? Как я это самое?..

— Нет, по правде...

— Тогда... Перечитывал «Черный обелиск»...

— Слава Богу. Это уже похоже на серьезный подход.

У меня было много идей, которые заслуживали обсуждения, и я увлек его в один из баров, чтобы, нарушив напоследок вновь обретенные им принципы, за чашкой кофе с бенедиктином обсудить некоторые несложные вопросы предстоящей жизни...

Глава третья

...Проснулась Наталья Андреевна в сероватых предутренних сумерках, и в первые мгновения ей показалось, что вернулся тот же самый сон, а все предыдущее тоже было только сном, и увидит она сейчас заплаканное дождем окно, и за ним все ту же площадь с пересекающимися потоками машин, бело-зеленым зданием вокзала и даже на отдалении внушающими тоску толпами суетливых прохожих.

И так ей стало смутно на душе, что хоть вообще не просыпайся.

Открыв глаза, она действительно увидела на противоположной стене квадратное стекло с бегущими по нему крупными каплями, и еще пара секунд потребовалась ей, чтобы ощутить плавное покачивание постели и окончательно вспомнить все.

И теперь уже ее захлестнула радость — как в детстве, в первый день летних каникул, оттого, что новая жизнь — не сон, что впереди много ярких солнечных дней и свободы.

Вчерашний ночной спор в кают-компании утомил ее прежде всего тем, что она никак не могла понять, отчего и почему вообще возникла такая проблема? Неужели кому-то на самом деле кажется, что могут быть сомнения? Конечно, если есть шанс сделать Россию такой, как она изображена на страницах журнала «Столица и усадьба», так надо его использовать. Жить она предпочла бы на Родине, особенно если купить участок в сотню гектаров в Крыму, построить дворец...

А левашовские рассуждения насчет исторической ответственности, нежные воспоминания о пионерских девизах: «К борьбе за дело Ленина будьте готовы!» и прочей ерунде — сопоставимо ли это с возможностью ни от кого не зависеть, делать только то, что нравится и хочется в данный момент, наслаждаться неограниченными возможностями и ждать от будущего лишь волнующих приключений. Как все это образуется — не ее за-

бота, на то мужики есть. И еще — забыть навсегда об этих ужасных пришельцах. Все они, кроме Ирины, да теперь, пожалуй, Сильвии, внушали ей отвращение и страх. Как обитатели террариума.

Но теперь-то все позади, ничего теперь не изменить. Левашов, похоже, окончательно смирился, «Валгалла» плывет по океанским волнам, с каждым часом приближаясь к берегам Европы. Ну а если что у ребят и не получится — ее устроит любой другой вариант, кроме одного-единственного — возвращения к прежнему уничижительному существованию.

Наташа отбросила одеяло, по мягкому ковру подошла к иллюминатору и, опершись о его полированную дубовую раму, залюбовалась плавно вздымающимися внизу серовато-голубыми волнами Атлантики. У едва заметной границы между океаном и небом сквозь плотную пелену облаков пыталось протолкнуть свои лучи утреннее солнце, но ему удавалось лишь подкрасить розовым подошвы громоздящихся друг на друга сизо-серых «кумулонimbusов», как называл такие облака Воронцов. Потом, набросив на плечи длинный муаровый халат прелестного жемчужного оттенка, Наташа через длинный коридор и прихожую прошла в ванную и минут десять стояла в черной мраморной чаше под жесткими струями душа, рассматривая свое тело в окружающих ее со всех четырех сторон зеркалах. Бесконечные ряды уходящих в никуда двойников, соблазнительно изгибающихся в ореоле сверкающих капель, приятно ее возбуждали. Словно не ее это отражения, а совсем другой женщины, загадочной и влекущей...

Обсушившись в горячем ветерке фена, она долго и тщательно наносила на лицо едва заметный, но весьма важный утренний макияж, после долгих размышлений выбрала подходящее белье и платье, напоминающее моды двадцатого года, но современное (а что теперь это слово означает? — усмехнулась Наташа) по духу.

Могла ли она вроде бы совсем недавно вообразить, что будет хозяйкой океанского лайнера, женой Дмитрия,

будет жить в двенадцатикомнатной каюте, сможет час или два проводить в размышлениях о тоне губной помады, сорте духов, фасоне бюстгальтера, покрое и цвете платья, в котором следует выйти к завтраку, чтобы к обеду все это кардинально поменять, а в промежутке плескаться в бассейне на шлюпочной палубе или листать страницы старых журналов, готовясь к давно (для всех прочих) исчезнувшей жизни, лежа в шезлонге под лучами нежаркого солнца.

Что оттого, если Лариса в очередной раз дернет плечом и осуждающе прищурит глаза, увидев ее новое сногшибательное платье?

Как будто Наташа сама не знает, что ее поведение вполне можно назвать демонстративно-вызывающим. Впрочем, для кого и почему?

Кто мешает самой Ларисе натянуть на свои совсем не плохие ноги что-нибудь попримечательнее вечных вытертых джинсов и разношенных грязновато-белых кроссовок?

Как-то они уже говорили на эту тему наедине. Ревнует, что ли, Лариска? Раньше, в прошлой жизни, за ней этого не замечалось. Или тогда поводов не находилось, обе они были одинаково бедны и неприкаянны, отчего и сдружились. Теперь же Лариса сказала, что слишком откровенно Наташа изображает из себя гранд-даму, хозяйку и капитана, и парохода, и вообще всего вокруг.

Наташа только посмеялась незло. Как будто она не дает Ларисе тоже занять любое количество комнат на любой палубе и придумать себе самый потрясный стиль. Слава Богу, пароход размером с двенадцатиэтажный дом на целый квартал, всем места хватит. А кстати, свою-то каюту она еще не показала, может, там такое...

— В конце концов, — сказала она подруге, — твоя маечка на голое тело ничуть не менее вызывающая, чем мои туалеты, и не стоило бы заикливаться на ерунде. Нам еще жить вместе и жить, в Москве пять лет тем и спасались, что держались друг за друга, а сейчас вдруг... Может, у тебя проблемы, так прямо и скажи, что-нибудь придумаем, а то совершенно фрейдизм какой-то...

Однако Лариса предложенного тона не приняла. Неужели на самом деле таким, как она, противопоказаны благополучие и изобилие?

Или набралась от своего Левашова первобытно-коммунистических предрассудков? Вроде как Рахметов в известном романе: если простой народ апельсинов есть не может, так и я не буду! И ограничил себя, кажется, фунтом говядины в день. Вот аскет, действительно! А двести граммов ливера на завтрак и обед квалифицированному архитектору и бутылку кефира на ночь не уютно ли?

Да Бог с ней, с Лариской, подумала Наташа, поправляя в глубоком вырезе шафранового платья приподнятую специальным бюстгальтером загорелую грудь. Надо бы кулончик в тон подобрать. Топазовый, что ли, или для контраста сапфировый? А Лариска перебесится. С ней и раньше всякие забросы бывали, рационально необъяснимые...

Каждый сам выбирал себе интерьер личных апартаментов. Раз уж скорее всего придется провести здесь остаток жизни. И когда Воронцов предложил ей подумать, как оформить свою каюту, она только спросила, каковы граничные условия.

— Разве только размеры парохода...

— Отлично. Но чтобы потом от своих слов не отказывался! А я уж нарисую...

— Рисовать необязательно. Антон о нас позаботился. Вот дисплей, мнемодатчик, садись, воображай. В памяти компьютера все есть, достаточно хоть смутно представить, он сам доформулирует и изобразит во всем блеске компьютерной графики...

Так и получилось. Наташа и сама хорошо помнила рисунки и фотографии интерьеров в стиле русского модерна — особняки Кшесинской, Рябушинского, Франка, а компьютер услужливо подсказывал и еще кое-что из чисто корабельной архитектуры времен «Титаника» и самой «Мавритании», помог гармонично вписать в удачно найденный стиль некоторые остроумные и изящ-

ные решения современных западных дизайнеров. Увидев то, что у нее получилось, Воронцов удивленно-одобрительно поцокал языком. Не ожидал, похоже, такого размаха и полета воображения. Ну а кто сказал, что молодая и уважающая себя женщина должна ютиться на пятнадцати квадратных метрах, и что ей не нужна двадцатиметровая спальня с альковом, такой же кабинет, второе больший парадный зал с камином и еще десяток не менее функционально и эстетически необходимых помещений на трех уровнях, которые соединялись бы резными деревянными лестницами, тоже, разумеется, в стиле модерн...

— Ты же ведь, как я понимаю, не собираешься поселяться вместе со мной, — сказала Наташа, — наверняка устроишься в каморке рядом с капитанским мостиком. Вот и будешь приходить... в увольнение, а я тебя принимать, словно в собственном особняке на берегу.

— В проницательности тебе не откажешь. Каморка не каморка, а действительно, капитанская каюта — тот же проходной двор, и лучше, если дверь открывается прямо в ходовую рубку.

— А прочий народ как устроился? — полубопытствовала Наташа без всякой задней мысли, просто из профессионального интереса.

— А вот тут извини. Наш главный психолог предложил, чтобы каждый имел полное «прайвести» — индивидуальный, от всех изолированный мирок. Настолько, чтобы даже, если угодно, прочие трудящиеся и адреса не знали. Достаточно для общения и иных, группового пользования, помещений. А захочется человеку побыть одному — пожалуйста. Полная гарантия. Тут он прав, не могу не признать. Так что, если в гости кто пригласит, тогда и узнаешь, кто где и как живет.

...Прозрачная, в меру прохладная вода, искрящаяся миллионами солнечных бликов, плескалась в малахитовых стенках бассейна. А за ограждением палубы медленно колыхалось такое же искрящееся, праздничное Средиземное море, уже забывшее про терзавшие его дол-

гих четыре года кили английских, немецких, французских, итальянских крейсеров и эсминцев, взрывы мин, торпед и снарядов, последние крики захлебывающихся водой моряков. Море, забывшее про Великую войну и не подозревающее, что всего через девятнадцать лет начнется (а может, теперь и нет?) война под номером два, и морю придется снова, но в удесятеренных количествах, принимать в себя взрывчатку, металл и людские тела...

Лариса подняла тонкую загорелую руку, с запястья соскользнул к середине предплечья массивный серебряный браслет, ее единственная семейная драгоценность. Щелкнула пальцами, призывно помахала мелькнувшему неподалеку биороботу палубной команды. Через мгновение тот замер рядом, почтительно наклонив голову и не испытывая никакого смущения оттого, что подозвавшая его хозяйка, отнюдь не в традициях пуританского начала века, прикрыта лишь крошечным треугольничком ткани на тонком шнурке. Здоровенный, почти двухметрового роста, с «честным и открытым», как любил писать Жюль Верн, лицом типичного уроженца Новой Англии. Для удобства, кроме соответствующей форменной одежды, Воронцов придал каждой группе роботов и характерную внешность. Палубная команда как раз и состояла из рослых рыжеватых англосаксов. На левой стороне белой голландки — ленточка с номером и именем. Этого звали Стив.

— Вот что, милый, — сказала Наташа, — принеси-ка ты нам сюда по бокалу ледяного шампанского «брют». Или тебе сладкое? — спросила она у Ларисы.

— Пусть будет «брют». Жарко.

— Ну, значит, два «брюта» и сигаретки... «Сент-Моррис»...

Пока Стив исполнял заказ, Наташа успела окунуться в воду и вновь легла рядом в Ларисой в глубокий камышовый шезлонг.

Робот поставил рядом с дамами предусмотрительно принесенный раскладной столик, водрузил на него поднос с бокалами, пачкой сигарет, зажигалкой и пепель-

ницей. Все фирменное, с изображением парохода, замысловатого герба и готической надписью «Валгалла».

Поклонился и замер в ожидании дальнейших распоряжений, пока Наташа не отпустила его движением руки.

— Так о чем мы говорили? — Наташа сделала несколько мелких глотков и зажмурилась от удовольствия. — Ты никак не поймешь простой вещи. Если уж очутилась во сне или в сказке — а я до сих пор не убеждена, что тот сон на самом деле закончился, — так надо и вести себя соответственно. Ты же, дорогая, все время стараешься жить по московским правилам. Кому это нужно?

К крылу переднего мостика подошли Новиков с Шульгиным, тоже о чем-то оживленно беседующие, и хоть до них было метров пятьдесят, Наташа, словно невзначай, прикрыла свою обнаженную, не по фигуре высокую грудь локтем. Альба в свое время приучила, вернее, почти приучила их не стесняться своей наготы, но какие-то внутренние барьеры оставались, девушки так и не научились обходиться без плавок, а при неожиданном появлении мужчин по-прежнему испытывали мгновенную неловкость.

— Не совсем тебя понимаю... — Лариса опять была не по-хорошему серьезна. В прошлые времена это часто было признаком надвигающейся депрессии. И пусть теперь все возможные для нее причины устранены, но кто его знает... Наташа решила просить Новикова серьезно заняться Ларисиним здоровьем. А пока старалась ее веселить и развлекать, раз у Левашова это не получается.

— Что же тут не понять? В реальной жизни, если человеку вдруг предложат мешок денег, он — нормальный человек — начнет раздумывать, колебаться: что как, а нет ли здесь чего некрасивого? Во сне же — хватай скорее да начинай тратить, пока не проснулась!

Или, между нами говоря, если незнакомый, но красивый парень сразу потянет тебя в кусты или в постель... Наяву ведь кричать начнешь, отбиваться, а во сне — сама знаешь...

Лариса слегка поморщилась, но тема ее явно заинтересовала.

— То есть ты хочешь сказать, что во сне любая мерзость позволена?

— Ну зачем же сразу мерзость? Красивая любовь с красивой мужчиной... Ты разве не замечала, что после самых... впечатляющих снов стыда-то ведь не испытываешь... Скорее наоборот. Значит, там происходит именно то, чего ты на самом деле хочешь, и как раз освобождение от гнета условностей приносит облегчение и радость.

Наяву же нормальным людям мешает больше всего именно то, что это происходит в реальности и могут быть последствия. Какие угодно. Жена твоего любовника узнает, или мужу донесут, или просто знаешь, что человек он дерьмовый, несмотря на... Лежишь с ним и понимаешь, что завтра смотреть противно будет. Да и подзалететь тоже почти всегда боишься...

— Что это ты вдруг на эту тему разговорилась?

— Просто для наглядности. И Фрейд считает, что все в конце концов от этого. Но я и про другое могу. Наяву на диете сидишь, куска лишнего не съешь, а во сне до стола дорвешься и жуешь, жуешь... Вот и здесь так надо. Есть в свое удовольствие, платья по десять раз на день менять, любые глупости себе позволять, пока все не кончилось. Я каждое утро боюсь проснуться насовсем...

— И Дмитрию изменять готова? С первым встречным, по твоей же теории?

Наташа улыбнулась с чувством превосходства.

— А разве я сказала, что мне этого хочется? Вот уж нет. Совсем наоборот. Это как раз входит в сценарий сна. Или сказки. Пятнадцать лет без него жила и вдруг встретила. Мне теперь долго-долго никто другой не требуется.

— Тогда скажи мне вот что... — Ларису тоже увлек разговор, да и бокал шампанского успел подействовать (а что, действительно, может быть лучше ледяного, остро покалывающего пузырьками в нос и нёбо шампанского, да в жару, на берегу бассейна с чистой морской

водой?!). — Как правда угадать, не сон ли все это вокруг нас? Ведь на самом деле — жили мы с тобой, жили, да так, что хоть в петлю лезь, и вдруг на тебе! Если бы я к тебе тогда не зашла, ты и без меня бы на Валгаллу уехала — и... все для меня?

— Куда бы я без тебя уехала? Забыла, что ли, я же сама тебе позвонила, про Дмитрия сказала и пообещала с хорошим парнем познакомить...

— Пусть так. Но ведь того, что с нами случилось, просто не бывает. И может, вправду все бред? Допустим, после твоего звонка я наглotalась таблеток, и все это, засыпая, навоображала. Проснусь утром, голова ватная и во рту гадость...

— Есть один способ, ненаучный, но все же... В обычном сне, я давно уже заметила, во-первых, наесться и выпить нельзя, чем сильнее хочешь, тем быстрее просыпаешься. И книгу новую ни за что не прочтешь — буквы расплываются. Ты вот сейчас пить хочешь?

— Хотела. Бокал выпила, больше пока не хочу...

— Ну, значит, не спишь. И мы с тобою не во сне, а в сказке. Что не отменяет всего вышесказанного. Там тоже не принято спрашивать, отчего да почему. Раз происходит, значит, так и надо... И незачем себя ограничивать в запросах и желаниях.

— Да? А как со старухой не будет?

— Кто его знает. Посмотрим. Тут, наверное, надо вовремя сообразить, какого предела нельзя перейти. — Наташа засмеялась, просто так, от избытка радости в душе. И цели своей она, кажется, добилась. Лариса повеселела, охотно поддерживает разговор, не избегает фривольных тем. Осталось убедить ее наплевать на аскетические привычки, зажечь наконец полной жизнью.

— А куда это подевался наш народ? — вдруг спросила Лариса, увидев, что Шульгин с Новиковым скрылись из виду, да и вообще будто впервые заметила, что они тут загорают только вдвоем.

— Какой тебе еще народ нужен? Ирина, подозреваю, с вновь обретенной соотечественницей уединилась,

не решенные в прошлом проблемы обсуждают. Дим, как всегда, на вахте, никак не натешится, роботов муштрует, где твой — тебе лучше знать. Берестин с компьютером в войну играет, дранг нах Москау репетирует. Наш же кандидат в диктаторы со своим альтер эго на наши прелести тайком налюбовались и пошли в бар пиво пить... Крепкого теперь не употребляют-с...

— Не любишь его? — спросила Лариса, будто не зная, что Наташа куда ревнивее самого Воронцова относится к их подспудному с Новиковым соперничеству.

— Почему я должна его не любить? Я скорее должна его боготворить за исполнение желаний, самых заветных. Его и Олега... — Лариса поняла по некоторым ноткам в голосе подруги, что продолжать эту тему не стоит.

— Как раз по поводу твоей в их адрес догадки могу поспорить, — Лариса подмигнула. — С моего места видно, что никуда они не ушли, просто чуть сместились и, делая вид, что наблюдают горизонт, все время на нас в бинокли пялятся. Словно никогда раньше голых сисек не видели, — и она демонстративно изогнулась, закинула руки за голову, нацелив означенную часть тела прямо на мостик.

— Шульгин, кстати, по губам читать умеет... — заметила Наташа.

— Да? Рада за него! — с вызовом ответила Лариса, но все же отвернулась как бы невзначай.

— Алексея жалко, — вновь сменила тему Наташа. — Теперь у него вообще никаких шансов...

— А их у него никогда и не было. Ирина с первого момента определилась.

— Я не про то. Пока Альба не ушла, были варианты... Идеально — Новиков с ней, а Ирина к Берестину возвращается.

— Ну ты, мать, фантазерка! — насмешливо протянула Лариса.

— Все равно это был бы лучший для всех выход. При нем обиженных бы не осталось. А так Альба где-то там страдает, Алексей здесь...

— Но по разным поводам...

— Само собой. А если по-моему, то не страдал бы никто. Ирине, мне кажется, с Лешкой не хуже было бы, да и Новиков на Альбу посматривал.

Теперь Лариса испытывала явное превосходство. Казалось бы, Наталья старше ее и опытнее, а рассуждает, как семиклассница.

— Ты-то за пятнадцать лет без Дмитрия так уж и утешилась? Думаешь, с Сергеем своим разошлась, потому что мужик был плохой?

— Да не говорила я, что плохой. Получше многих, но моим так и не стал...

— Вот-вот! всю жизнь небось то сознательно, то подсознательно сравнивала и всегда убеждалась, что Воронцов в этих обстоятельствах был бы на три головы выше...

Понимая, что Лариса права, Наташа все равно зачем-то стремилась доказать, что ее вариант имеет под собой основания. К Ирине она относилась сложно. Ощущала, что по каким-то показателям ей проигрывает. Пусть принадлежат они к разным типам женщин, и нельзя было так прямо сказать, что одна из них красивее или привлекательнее другой. На чей, как говорится, вкус. Наверное, Наташа, сама не догадываясь об этом, исходила из степени приближения каждой к какому-то неведомому идеалу. И хоть не без протеста, но признавала, что на этой шкале Ирина ее превосходит.

— Ты вон вообще замуж сходила, а Ирина всего-то вполне невинно с Алексеем пофлиртовала пару месяцев. А Андрей, как и твой Дим, вообще не женился... Так что ничего другого, кроме уже случившегося, произойти не могло.

— Ну и ладно, наша ли это забота? — Наташе захотелось свернуть действительно никчемный разговор. Но Лариса не позволила.

— А ведь знаешь — наша. Если среди нас все время будет жить одинокий мужик... все что угодно может случиться.

— С кем? С тобой или со мной?

— В конечном итоге и с нами тоже. Свой примелькается, на другого потянет. А если даже и нет, все равно конфликтность будет нарастать. Глядишь, и до дуэлей дойдет...

— Ну, ты скажешь...

— А что удивляться? Я историк, сколько таких примеров знаю. Стоит только начаться. Обстановка у нас совершенно нездоровая, помесь монастыря с борделем. И в итоге всем будет плохо, нам с тобой — в частности. Мы же не знаем, на чью сторону мой станет, на чью — твой, тоже перессориться могут. И конец твоей сказочной жизни. Скандал в коммуналке, и только...

— Предложения какие-нибудь есть?

— Обязательно. Надо как можно скорее найти ему подругу. А поскольку в нашей компании расклад сил два-один-один (она имела в виду себя с Наташей, Ирину и Сильвию), а очень просто может стать два-два, инопланетянки наши запросто сговорятся, то нужно, чтобы Лешкина подруга была на нашей стороне. Нам ее и искать. Мы же с тобой умные бабы и хитрые...

— Где ж такую найдешь?

— А вот там, куда плывем. В настоящей России. Представляешь, сколько сейчас там одиноких красавиц, аристократок, княжон и графинь, смолянок и камерфрейлин... Найдем, и как надо все сделаем.

— Ай, Лариска, вот это ты здорово придумала. Одно дело, что Алексею проблему решим, так и нам самим сколько удовольствия. Вот это уже действительно начинается авантюра в стиле Дюма!

Теперь уже Лариса улыбалась довольно и снисходительно. Она ведь тоже вела свою партию, ей казалось, что Наташа слишком от нее отдалилась, увлеченная своей личной жизнью, а теперь ее интерес повернулся в ту плоскость, где Лариса сможет играть первую роль. Что ей и требовалось.

— Только учти, Натали, готовиться придется серьезно. Генеалогию изучить, все тонкости светской жизни, ускоренный, так сказать, курс Смольного института.

— Ну, это уж твоя забота. Я всегда, как пионерка...
И дамы начали оживленно обсуждать детали предстоящей кампании.

Глава четвертая

...В одном из пунктов своих предположений — касательно сиюминутного времяпрепровождения Берестина — Наташа с Ларисой ошиблись. Потому что он отнюдь не играл в войну, а занимался делом сугубо мирным. Известно, что нет лучшего способа завоевать симпатии творческого человека, чем поговорить с ним о нем же. Особенно, если он давно уже лишен полноценного общения в кругах коллег, знатоков и ценителей. Потому когда Сильвия, будто случайно встретив Берестина на верхней прогулочной площадке и чисто по-английски начав разговор о погоде, перевела тему на него лично, суровый десантник поплыл... Сделано все было весьма изящно и почти незаметно — обратив внимание собеседника на своеобразный цвет плывущих от африканского берега облаков, агтрианка сказала, что столь тонкий колорист, как Алексей, безусловно, смог бы передать эту неизъяснимую словами, прозрачную акварельную гамму. Засмутившись под взглядом наивно-восхищенных, широко открытых глаз, Берестин промямлил нечто в том духе, что не считает себя именно колористом, и с чего Сильвия взяла, что он вообще художник, а не балующийся на досуге дилетант, и что вообще он уже давно ничего не писал. Очарованный близостью женщины, так на него глядящей и таким тоном разговаривающей, он не заметил даже, что Сильвия практически повторяет однажды уже разыгранную Ириной мизансцену.

Через десять потешивших его самолюбие минут он сам пригласил милую даму в свою мастерскую.

Положенное время она любовалась картинами — и валгалльского цикла, и еще московскими, которые Алексей предусмотрительно забрал с собой, — высказывала весьма квалифицированные суждения, что и неудиви-

тельно для известной в Лондоне коллекционерки. Она даже сказала, что кое-что с успехом можно было бы выставить в таких-то и таких-то галереях... А Берестин, с удовольствием ей внимая, вдруг заметил, как непривычно элегантно она одета. Прекрасно сшитое зеленовато-золотистое платье, облегающее, как мокрый шелк, но с широкой складчатой юбкой, изящные туфли на очень высоких каблуках — такие он видел только в заграничных журналах для миллионеров, неброские, но явно старинные и очень дорогие украшения. Будто на прием в Бакин-гемский дворец собралась. Он уловил и запах ее духов — нежный, чуть терпковатый, с тонким цветочным мотивом.

Оставалось только воскликнуть: «Где были мои глаза?!» — потому что, ей-Богу, на палубе она выглядела вроде бы куда проще.

— Знаете, Алексей, — сказала она с легким акцентом, который тоже усиливал шарм, остановившись перед ним и глядя ему прямо в глаза, — я бы хотела попросить вас об одолжении. Не могли бы вы написать мой парадный портрет?

— Да я... Я как-то не портретист. Я скорее насчет пейзажей... — А сам не отрываясь смотрел с высоты своего роста в глубокий вырез платья, потому что выносить ее взгляд и капризно-вопросительную гримаску на лице было еще труднее.

— Ну, не скромничайте. У вас обязательно получится...

И тут же стала предлагать варианты композиции. Легко присела в кресло, склонила голову, намотала на палец локон длинных медно-золотистых волос, придав лицу мечтательное выражение девушки викторианской эпохи. Тут же повернулась, вздернула подбородок, стала надменной светской львицей, королевой салонов... И еще один вариант, и еще... А ноги ее при этом вели самостоятельную жизнь. Они то сплетались сбоку кресла, то скромно прятались под него, сжав колени, то, наоборот, вытягивались вперед, демонстрируя свою

длину и стройность, или, наконец, правая ложилась голенью на колено левой, и мгновенный взмах легкой юбки приоткрывал все до самого верха.

Берестин словно потерял на время способность критического восприятия, не замечая предельной нарочитости происходящего, лишь чувствовал, как его охватывает влечение к этой раскованной, не по-русски очаровательной женщине. Да, впрочем, чему удивляться, любой почти мужчина, даже не столь долго лишенный женского внимания, с готовностью поддался бы мощной, но как бы и ненавязчивой сексуальной агрессии.

— Вы знаете, я бы могла позировать даже и обнаженной, — продолжала гнуть свое Сильвия, — в истории есть примеры, и даже очень известные... — Она сделала жест, выражающий готовность начать раздеваться немедленно. И в этот момент Алексею вдруг показалось, что перед ним не Сильвия, а Ирина, в тот именно критический вечер, когда она появилась из небытия параллельной реальности, казалось — уже безнадежно затерявшаяся во времени. Когда он уже устал ждать и надеяться, она вдруг позвонила в дверь его мастерской, в своем черном кожаном пальто и с трехцветным шарфом на шее, с нетающими снежинками на волосах, и он, задохнувшись от неожиданности и счастья, перенес ее через порог, обнял, стал целовать замерзшее лицо, и казалось в тот миг, что все теперь будет только прекрасно в их будущей жизни.

И она, ошеломленная вневременным переходом, не избавившаяся от страха, пережитого в момент, когда Левашов нажал кнопку, чуть было не уступила его страстным объятиям и поцелуям. Позволила уже почти все и неожиданно вырвалась, отодвинулась к стене, в самый угол тахты, нервными движениями одергивая платье и застегивая тугие кнопки...

— Нет, прости, но нет, я не могу... Понимаешь, все изменилось... — сбивчиво шептала она, будто только сейчас осознав, на каких разных линиях они прожили эти дни. И ей пришлось рассказать про Новикова, про

то, что было давно и что произошло только что... По ее времени только что...

Не стоит вспоминать, что он тогда перечувствовал, пока они жили в другой Москве и сходились разведенные стрелки времени, но в общем он справился с собой, и к дню, когда Ирина позвонила ожидавшим ее Новикову и Левашову, все как-то наладилось...

А сейчас вот снова! «Интересно, — подумал Алексей отстраненно, — не сдержись я тогда, не стань слушать ее лепета о долге перед первой любовью, куда бы сейчас закатилась наша история?»

— Да-да, именно так. Не надо ни о чем думать, не надо сдерживать желаний. Я — это она. Я — Ирина! Иди ко мне, я люблю тебя... — прозвучало у него в мозгу, стирая все прочие мысли.

Он не заметил, когда Сильвия успела перебраться с кресла на большой диван у противоположной стены, полускрытый стеллажом с альбомами репродукций. Теперь Берестин не испытывал ни малейшего сомнения — то была действительно Ирина из зимнего московского вечера, но совсем другая, не напуганная и взвинченная, а томно-грациозная, ждущая его объятий и поцелуев, именно ради него кинувшаяся в смертельно опасный поток раздвоившегося времени.

Она полулежала, облокотившись о круто выпнутую спинку, чуть прикрыв лицо ладонью и поглядывая на него сквозь разведенные веером пальцы, одна нога вытянута и чуть свешивается с дивана, а вторая согнута в колене, и юбка соскользнула настолько, что открывает место, где темный край чулка оттеняет нежную белизну незагоревшей кожи. Губы чуть подрагивают в странной, волнующей улыбке.

По потолку скользили, набегаая друг на друга, солнечные зайчики, отраженные от крупной зыби за бортом и причудливо преломленные сквозь толстые линзы иллюминаторов. Их игра и полуденный яркий свет южного солнца, окрашенный золотистыми муаровыми шторами, создавали в каюте необычную, театрально-сказочную

атмосферу, в которой все предметы приобретали зыбкие, размытые очертания, и женщина в затененном углу тоже казалась фигурой из аллегорической картины.

С замирающим сердцем и с перехваченной внезапным спазмом гортанью, так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть, Берестин подошел к ней. Наконец-то, наконец она пришла...

Опускаясь у ее ног на колени, он увидел протянутые навстречу руки, услышал задыхающийся шепот:

— Да, да, все так... Я с тобой теперь, я твоя, не думай ни о чем и не бойся... — И голос был ее, только никогда раньше не слышал он такого нетерпения и едва сдерживаемой страсти.

Он сжал руками ее плечи, прижался щекой к гладкой, пахнущей духами и еще какой-то косметикой щеке, закрыл глаза, чувствуя, как нежность и непреодолимое желание стирают в сознании всю накопившуюся за такие долгие месяцы боль.

Целуя ее раскрывшиеся губы, шепча выстраданные ласковые слова, Алексей почувствовал, как женщина в его объятиях изогнулась, завела руку за спину, потянула вниз застежку «молнии», движением плеч освободилась от платья, подставляя поцелуям задрапированные розоватыми прозрачными кружевами груди.

Вздыхая и что-то шепча, она еще успела, чуть приподнявшись, сдвинуть вверх, до узкого, тоже кружевного пояса свою пышную юбку, предоставляя Берестину возможность — когда пройдет первый приступ страсти — заняться всем остальным.

...В себя Алексей пришел от протяжного вскрика, перешедшего в низкий, медленно затихающий стон. Ирина вздрогнула в последний раз и замерла, сразу обмякнув и вытянувшись. Ничего подобного он не испытывал в своей не такой уж короткой жизни. Нет, пожалуй, испытывал, но только в мечтах, представляя, как оно могло бы у них быть, и в снах, где Ирина тоже к нему приходила.

Он долго лежал, глядя в потолок полуприкрытыми

глазами и тихо поглаживая свободной рукой ее шею, плечи, грудь, потом повернулся... Смотрел, не понимая, на раскрасневшееся женское лицо, на разметавшиеся по покрывалу волосы, на вновь скользящую по распухшим от поцелуев губам смутную улыбку. Дернулся, рывком встал. Господи, что же с ним случилось? Не Ирина, а Сильвия... На него разом навалились и разочарование, и стыд, и злость, и словно бы даже непонятный страх. Сразу забылось только что пережитое счастье.

Сильвия тоже встала, ничуть не стесняясь и не таясь, привела в порядок свой туалет, пристегнула чулки и оправила юбку, провела ладонями по бокам и бедрам, убрала двумя руками за спину распущенные волосы.

Вновь села на диван и притянула к себе Алексея. Не обращая внимания на его окаменевшее лицо, обняла за плечи, прошептала на ухо:

— Знаешь, милый, что это было? Сеанс психотерапии, всего лишь. Теперь твое подсознание в порядке. Больше всего на свете ты хотел именно этого. И ты действительно был с ней, не со мной, клянусь тебе. И все, и достаточно. Болевой точки больше нет. Ты, возможно, еще не чувствуешь, но это так. Все же остальное — при вас по-прежнему. Общайся с ней как ни в чем не бывало, разговаривай, вспоминай... А если вновь станет появляться прежнее — я почувствую и снова помогу... Если хочешь — это мой долг. Хоть немного облегчить тебе жизнь. Ты ведь страдал по нашей вине — и ее, и моей. Не понял? Ничего, немножко придеешь в себя и поймешь...

Слова, произносимые ею, звучали гипнотически, обволакивали сознание Берестина, но он изо всех сил сопротивлялся.

Первым его побуждением было вскочить, выругаться по-черному, может быть, даже ударить эту... мерзавку, шлюху, провокаторшу!

Или швырнуть ее на ковер, снова содрать платье и сделать то же самое теперь уже именно с ней, не с фантомом, грубо и зло...

Такая вспышка ярости совершенно не соответствовала характеру Алексея, и в следующую секунду он, испугавшись, что действительно может совершить нечто подобное, стиснул кулаки так, что ногти вонзились в ладони чуть ли не до крови. И одновременно он почувствовал, как в душе разливается непривычное, давно не посещавшее его спокойствие. А ведь все правильно, так и есть... Он хотел Ирину, хотел именно физического обладания ею все прошедшее время, после того, как она неожиданно и обидно ему отказала. Не духовного общения, только обладания прекрасным и не принявшим его ласк телом. Сознание Берестина не могло принять такого знания и загнало правду в самые глубины.

Каким образом Сильвия сумела туда проникнуть, как она сотворила подмену — не важно, однако ошибиться он не мог. Фигура, лицо, голос, темперамент были не ее, а только Ирины. Да достаточно выйти на палубу, к бассейну, и сравнить. Кроме роста, во всем остальном тела агтрианок отличаются довольно сильно.

То, чего он хотел мучительно и безнадежно, — случилось, и теперь он свободен от чар Ирины и от собственных инстинктов. Застарелой боли больше нет. Он попытался усилием воли вернуть прежнее чувство к ней — и не смог. Благодарность за счастливые моменты, которые у них все-таки были, уважение, преклонение перед ее красотой, спокойная, скорее братская нежность — ничего больше.

Сильвия встала, отошла к иллюминатору, закурила длинную сигарету, делая вид, что ее тут нет вообще, давая возможность Алексею спокойно разбираться со своими чувствами. Он смотрел на ее тонкую, окруженную золотистым ореолом фигуру с новым интересом и даже восхищением. Не только пакости, оказывается, способны творить агтры в нашем мире. И с чего он, все они взяли, что агтры на самом деле носители абсолютного зла? Ведь Ирина с первых дней, еще будучи агтрианкой по должности, ничем не напоминала нарисованных Антоном монстров...

А как же теперь быть с Шульгиным? — продолжал рассуждать Берестин. Он ведь, вольно или невольно, но совершил не совсем этичный поступок. Но опять же, если принять, что в тот момент Сильвия была не Сильвией, то и эта проблема снимается.

И вдруг Алексей почувствовал, что снова хочет пережить то, что только что переживал в ее объятиях. Только вот непонятно, с кем на этот раз?

Снова с Ириной или теперь уже с Сильвией «о натюрель»?

Ну уж нет, сказал он себе, решительно вставая. Больше я в такие игры играть не намерен. Уж лучше как-нибудь потерплю до берега, а там уж посмотрим...

...А в это самое время Шульгин, Новиков и Левашов втроем, как встарь, сидели на открытом кормовом балконе, пили хорошее баварское пиво, не бутылочное или баночное, а именно бочковое, и разговаривали спокойно, без нервов и ненужной аффектации.

— Да что там, Олег по-своему как бы даже и прав. Действительно, свои вроде бы все равно красные. Я вот тоже всю жизнь горевал, что республиканцы в Испании проиграли. На Кубу мечтал сбежать, за революцию сражаться. «Конармию» очень люблю, не бабелевскую, а другую, толстую такую...

— Листовского, — вставил Новиков. — И продолжение ее, «Солнце над Бабатагом». Очень там все трогательно описано...

— Вот-вот. И я обо всем этом тоже размышлял. Никто никого не заставляет лично стрелять. Не наше это дело. А роль консультанта, советника — вполне почтенная. Кто только кого не консультировал, в том числе те самые красные командиры — немцев перед войной, пока их самих еще более пламенные большевики не перещелкали. Так что тут нравственной проблемы нет, успокойся, Олежек... Зато, когда все сделаем, вот уж ты развернешься! Изобретай и внедряй что хочешь — и телевидение, и радиотелефоны, и компьютеры. В нашем мире ты Нобелевку не заработал, так здесь сколько хо-

чешь получишь. Каждый год по новой отрасли. Сказка! Мне вот ничего такого не светит, Фрейд все равно давно все написал и придумал, а формулы пенициллина я не знаю...

Сашке удалось главное — он разрядил давнее напряжение, а кроме того, раньше, чем признанный психолог Новиков, подбросил Левашову крючок с наживкой, на которую тот не мог не клюнуть. Действительно, отчего бы не воплотить в жизнь шутку сталинской поры — «Россия — родина слонов»? Сделать так, чтобы в новой реальности, избавленные от необходимости эмигрировать, русские ученые и инженеры, самостоятельно или с тактичной помощью, на самом деле стали лидерами во всех областях? Сделать Россию не сырьевым придатком и источником денационализированных мозгов, а интеллектуальным центром мира?

А когда Левашов вновь возвращался к мысли, что не стоило бы ему вообще ничего изобретать, не связываться с этой идиотской проблемой пространственных совмещений, и никто бы его тогда не проклинал, как вот, наверное, Лариса, хотя и молчит, но все равно не смирилась с потерей родителей и дома, да и другие, конечно, только из деликатности его успокаивают. Андрей старательно, как ученику вспомогательной школы, разъяснял, что как раз он, Левашов, значит в этой истории как бы не меньше всех.

— Во-первых, и без твоей машинки случилось бы практически то же самое, ибо и аггры, и форзейли уже существовали, и на Берестина, к примеру, вышли без твоего участия, и все вообще было б швах, не сумей мы тех агентов на Валгаллу выкинуть... Нас скорее всего никого бы и на свете уже не было. Так что хочешь не хочешь, а уход на Валгаллу был для нас единственным на тот момент шансом к спасению, и вот тут твоя роль исключительна. Все же прочее, как выражается наш кэп, неизбежная на море случайность... Если кому-то и терзаться, при условии, что вообще стоит, так это мне. Не встретить я тогда Ирину, мимо нас бы пролетело... Аггры,

форзейли, какие-то другие статисты делали бы свои гнусные или, наоборот, благородные дела, а мы бы только воспринимали происходящее как должное, с сожалением или радостью, не ведая причин, и тянули бы свой каторжный срок в родном отечестве, даже не слишком понимая, что это именно срок, а не чудный дар бытия...

А Шульгин добавил к душеспасительной тираде друга штришок, который воспринимай как хочешь — как утешение или как обиду.

— Мне вот, старик, прости за прямоту, последнее время вообще мнится, что ты тут совсем ни при чем. Даже и не изобрел ничего, между нами говоря. А просто некто — Антон ли, Ирина, Сильвия — взял да и всунул тебе в мозги эту идейку. Не зря же долго-долго ничего у тебя не получалось, а потом вдруг как часы заработало. Гениальное озарение — это я не спорю, умный ты, как три Эйнштейна вместе, только ведь совпало как-то так уж...

Порассуждали немного и на эту увлекательную тему, а потом Левашов опять соскользнул на темы идеологии: как, мол, Шульгину с Новиковым удалось забыть про свои прошлые знания, убеждения и веру, чего это они, никогда ранее не диссидентствуя, вдруг переложили руль на шестнадцать румбов и готовы в буквальном смысле «сжечь все, чему раньше поклонялись»?

Андрей с досадой махнул рукой.

— Не хватает нам еще и в таких рассуждениях завязнуть. Знаешь, что такое конформизм и террор среды? Вот тебе и весь ответ. В Москве обретаясь, так ли уж трудно было поверить, что «с каждым днем все радостнее жить»? Про мелкие пакости все знали и по мере сил старались противодействовать, а все же будущее представляли себе по «Возвращению», и себя скорее в роли Жилиных... Понял, о чем говорю?

— Да бросьте, мужики, хватит уже... — попытался прервать словопрения Шульгин, но безуспешно, потому что Новиков тоже завелся, испытывая, очевидно, потребность покончить раз и навсегда не столько с протестами Левашова, сколько со своими глубоко спрятанными

сомнениями. Где-то они у него тоже сидели, на каком-то уровне так называемой совести...

И Шульгину осталось только любоваться кильватерной струей, разбежавшейся по морю до самого горизонта, попивать пиво, закусывая крупными, как небольшие раки, креветками, не мороженными, а час назад лично наловленными с борта, представляя при этом, что в России он успеет насладиться настоящими дореволюционными раками, которые, по словам деда, продавались еще в нэповские времена на базаре по три рубля воз!

— До последнего я верил, что все можно еще исправить. И когда Андропов пришел, и даже когда в шкуру Иосифа влез. И вот тут все, отрезало! Лучше уж с чистого листа, по главной исторической последовательности. Я наук марксистско-ленинских выше крыши наизучался, вам и не снилось. Так Ильич еще в шестнадцатом году насчет революции в полном пессимизме пребывал, дожить не надеялся. А тут вдруг роковое стечение... Вот и давай посмотрим, дадим миру шанс, как в известной песне пелось...

— Нет, ты подожди, — с настойчивостью не совсем трезвого человека гнул свое Олег. — Воевать-то ты с кем собрался? Кем восхищался всю жизнь, завидовал... Неужели совсем не помнишь? «Я все равно паду на той единственной, гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной...»

Новиков вздохнул, потом усмехнулся.

— А что? Тут же не сказано, на какой стороне умереть. Можно с тем же успехом и на белой. И комиссары по разным поводам склониться могут... Ладно, шучу. Пока... Абсолютно ты все правильно говоришь, и возразить мне вроде бы даже нечего. А все же жаль, что не был ты в Москве последний раз, со мной и Ириной. Откуда-то там трехцветный флаг снова появился, на семьдесят пятом году советской власти? Революция или контрреволюция, а флаг реет... И над Кремлем, и над Моссоветом. Может, вот это как раз и есть возврат на главную историческую последовательность?

— Ага! — почти обрадованно вмешался Шульгин. — Осталось только вообразить, что одна наша мысль вплотную заняться двадцатым годом уже привела к тому, что Андрияха увидел!

Новиков подумал, что теперь действительно хватит. Подкинь Олегу еще и идею насчет взаимовлияния прошлого, будущего, настоящего реального и настоящего воображаемого — все! До ночи треп затянется.

— Давайте, братцы, заканчивать. Кто бы ни был виноват, какие бы мы еще теории и доказательства друг другу ни вкручивали, смысл прост и ясен. Обратной! Дороги! Нет! И примем все как данность. В том девяносто первом, даже сумей мы вернуться, нам все равно не прожить. Квартиры наши давно заняты — три года безвестного отсутствия официально означают смерть, жизнь вокруг непонятная, да и, признаюсь, для меня неинтересная. Почему я и не слишком горевать стал, когда узнал, что восемьдесят четвертый наглухо закрылся. Вернуться домой и все время ждать, когда тот бардак начнется? Увольте. Того и гляди, соль и спички запасать бы начали, в предвидении грозных событий... — Он опять невесело скривил губы.

— Представим, как в самом деле противно ждать, какой следующий день станет тем, после которого все покатится...

— Газет тех жаль! Сейчас бы все знали точно, — сказал Левашов.

— Неужели же Черненко до такого довел? Или когда помер — а вид у него оптимизма не внушал — какой-нибудь наш Дубчек власть захватил?

— Почему Дубчек? Может, сразу Бонапарт? И по срокам похоже, сколько у них там прошло от революции до реставрации? Большевики, между прочим, всегда себя с французами любили сравнивать... — высказал предположение Шульгин.

— Только раньше считалось, что один раз Бонапарт уже был. Сталина имею в виду, — продолжил его мысль Новиков.

— В общем, как у евреев с христианами — одни говорят, что мессия когда-то придет, а другие — что уже был...

— Ну ладно, отвлеклись вы, — совсем спокойным голосом сказал Левашов, — а я хочу ясности окончательной. Понятно, что я в полном одиночестве. Драться с вами, конечно, не стану. Решили — так делайте. Только одно меня и утешает, что деваться нам друг от друга некуда, а на подлости никто из нас не способен. Примем пока, что я дурак, а вы умные... Но каким образом вы все это мыслите? Как вы туда вклиниться думаете, под какой маркой белых поддерживать, и чем именно им сейчас помочь возможно? Антанта и так все, что нужно, давала, а красные за месяц Крым взяли, ничего Врангель сделать не смог. Вы ему что — танковую дивизию подбросите? Или авиацию современную? Туман тут для меня. Вот растолкуйте, а тогда и видно будет... Я ведь, Саш, к твоим словам серьезно отнесся, если что — на самом деле к красным перейду...

— Вот это разговор! — обрадовался Сашка. — Тут я с полным удовольствием. План у нас, как и все остальное, впрочем, прост до гениальности. А вдобавок — тебе Андрей намекал уже, но не слишком подробно — имеются у нас сверхчувственные способности. У всех поодиночке, а уж вместе — тем более. У тебя вот — иначе как бы ты свою машинку выдумал? А вот просто захотел особым образом — и все. Получилось. Аггров мы так и победили, по принципу: «Хотеть — значит мочь!» Сильное желание деформировало реальность как раз настолько, что победа осталась за нами, и без особого нарушения внешнего правдоподобия. Отчего и вся Галактика всполошилась: поумнеют, мол, еще чуток эти ребята, осознают себя в полной мере, и всю мировую реальность — к ногтю!

«Да текут дни по желанию моему», — гениально угадано древними. Может, и текли у того, кто перстень с такой надписью носил.

Вот пришельцы и напугались, что из-за нас для всех

прочих хозяев жизни в ней места не останется. Или придется им дальше существовать по нашим правилам.

— Ладно, разговорился, — пресек его красноречие Новиков. — Это пока только так, мечтания... А вот давай Олегу ближнюю задачу обрисуем. Какие легенды изобрели и кому какие роли отводятся. И вместе поупражняемся в мозговом штурме. До Стамбула три дня ходу осталось, а у нас все сырое еще...

— А кто ж нас гонит? — забыв о сомнениях, включился в привычное занятие Левашов. И всегда он в конце концов поддерживал выдумки друзей и умел вносить в них свою долю здравомыслия и математического расчета. — Если времени не хватит, вполне можем на островах Архипелага отстояться, все до тонкостей просчитать и подготовить. Давайте излагайте...

Глава пятая

...Капитан Басманов с утра бродил по центральным улицам Перы, европейской части Константинополя, он же Стамбул, в тщетных попытках изыскать себе хоть какое-нибудь занятие. Занятий же, не только способных принести некоторую прибыль, но и просто скрасить скуку, не находилось. Как обычно. С полчаса он потолкался у ворот российского посольства, присматриваясь, не попадет ли кто знакомый среди сотен беженцев, ежедневно приходящих сюда в слабой надежде на вспомоществование, чтобы узнать о шансах на выезд в Европу или так же, как капитан, встретить знакомых или родственников. Вдруг еще кому-то удалось выбраться из красной России.

Устав от шума, слез и никчемных разговоров, вращавшихся вокруг одних и тех же надоевших тем, он медленно пошел в сторону Токатлиана, потом вернулся обратно по другой стороне улицы.

Цель-то у него была, только он старался сам себе в ней не признаваться. Басманов в глубине души надеялся на внезапную встречу с кем-либо из бывших сослуживцев.

живцев, более удачливых, чем он, или, чем черт не шутит, старых петербургских приятелей, у кого не стыдно перехватить несколько лир, а там, глядишь, сговориться и о чем-то более основательном. Дело в том, что капитал его составлял на данный момент ровно лиру с четвертью, а после того как на прошлой неделе были проданы часы, продавать было уже совершенно нечего. Из имевшегося при нем в момент посадки на пароход в Новороссийске у капитана сохранилось только то, что было на нем надето.

Довольно еще новый китель с почти незаметными следами от погон, хорошие синие бриджи, старательно вычищенные щеткой со следами гуталина сапоги, сшитые зимой на заказ в Екатеринославе.

Так что выглядел Басманов вполне прилично и способен был внушать доверие. Отчего и не продал до сих пор обмундирование, хотя владелиц столовой, где он постоянно ужинал на двадцать пять пиастров, не раз уже предлагал только за сапоги целых пять лир.

Но тогда он сразу превратился бы из уважающего себя офицера гвардейской конной артиллерии, кавалера пяти орденов и первопроходника в обыкновенного горьковского босняка.

Тут стоит только начать. Без сапог смешно будут выглядеть и китель, и бриджи, потом их придется сменить на какое-нибудь тряпье, и дорога только одна — в порт, таскать мешки с углем.

Капитан еще не знал, что так оно и будет с большинством подобных ему эвакуантов, особенно, когда через четыре месяца хлынет сюда последняя, полумиллионная крымская волна беженцев. Тогда и самая грязная работа покажется счастьем. Но пока Басманов еще надеялся. На то, что Слащев удержит Крым, что начнется, дай Бог, новое наступление, что помогут наконец по-настоящему союзники.

Если бы не отчаянные арьергардные бои под Абинской, где он потерял свою батарею и чудом сумел попасть на последний пароход, Басманов скорее всего продол-

жал бы воевать на Каховском плацдарме или где-нибудь еще, а может, и не жил бы уже, но раз вышло так, как вышло, возвращаться опять на фронт он не очень хотел. Не исключая, впрочем, такой возможности окончательно. Были уже предложения, от ответов на которые он пока под разными предлогами уклонялся.

Солнце показало, что наступил полдень. Сильно хотелось есть, однако Басманов сдерживал себя. Если потерпеть до вечера, то на сэкономленные пиастры можно будет позволить себе к картошке с жареной рыбой спросить стакан вонючего и противного, но чертовски крепкого «дузика». Эта перспектива заранее веселила душу, но как подумаешь, сколько еще часов до захода солнца...

И по-прежнему ни одна денежная сволочь не попадет на его безнадежном, как отступление от Ростова, пути по залитой горячим светом улице. Прохожие мелькали мимо серыми расплывчатыми тенями, незнакомые и богатые вызывали злость, знакомые, но нищие — раздражение, и он старался не замечать ни тех, ни других.

Увидел свободную скамейку под густым и раскидистым платаном, присел и стал скручивать вторую, из определенных себе на день пяти, папироску из дешевлешего «Самсуна».

«Черт бы меня, дурака, взял, — думал капитан. — Ну неужели нельзя было скопить за два года хоть немного золотишка? Пару-другую часов, портсигар фунтовый, диадему с камешками... Чистоплюй гвардейский! Все же можно было, другие чемоданами везли. А теперь что? Или сволочь тыловая растащила, или большевикам досталось...» И он с острой тоской и сожалением вспомнил, как в Новочеркасске или нет, кажется, в Ставрополе казаки захватили красный обоз, а в нем — тачанку с огромным кованым сундуком. Не то казна Одиннадцатой армии, не то золотой запас местного банка. Казаки рассовывали по карманам и седельным сумкам деньги, часы, золотые цепи, а он, Басманов, с комендантским взводом, матерясь и хлеща наотмашь ногами шашки, пыгался остановить грабеж. Остановить-то ос-

тановил, и сдал, что уцелело, куда следует, но что толку?..

...Новиков с Шульгиным раза три прочесали центр города, от набережной к Токатлиану и обратно. Вживаясь в атмосферу вселенского Вавилона, которым неожиданно стал в двадцатом году двадцатого же века Царьград, Константинополь, Стамбул. Местные, более-менее европеизированные жители, солдаты, матросы, офицеры оккупационных войск союзников, слетевшиеся на труп Блистательной Порты деловые люди и авантюристы ближних и дальних стран... И, конечно, те, кого ни с кем не спутаешь, соотечественники-эмигранты. Все вокруг одновременно и напоминает сцены из книг Толстого, Булгакова, Аверченко, но и разительно от них отличается.

Там, в книгах и поставленных по ним фильмах, — была история, преломленная через призму восприятия человека иного мира и хоть немного, но иного времени, а здесь — подлинная жизнь, грубее, проще, незстетичнее, но все же...

Они искали нужного человека, воображая себя одновременно Гарун-аль-Рашидами и графами Монте-Кристо. Восхитительное в своем роде чувство — осознавать, что можешь мгновенно осчастливить любого человека, сделать для него то, что не привидится в самом эйфорическом сне. Стоит только захотеть...

— Саш, а ну-ка посмотри. Вон, на скамейке. Помоему, подходящий персонаж. На роль Рощина я б его пригласил. Поинтереснее Ножкина выглядит... — сказал Новиков, когда они уже решили прервать этот тур поисков и направить стопы к ближайшему храму желудка. Он указал взглядом на словно бы задремавшего в прохладной тени могучего, куда там одесским, платана высокого худошавого офицера. Примятая фуражка с черным бархатным окольшем лежала рядом, бриз Мраморного моря шевелил давно не стриженные темно-русые волосы. Ноги в слегка запыленных сапогах вытянуты почти до середины аллеи.

— Ну, давай поговорим. Вдруг и сгодится. Человек вроде культурный, артиллерист, за собой следит... Сапоги чистит...

— Простите великодушно, господин... поручик? — Дремотные мысли Басманова прервал незнакомый голос. — Позвольте присесть рядом с вами?

Он вскинул голову и увидел рядом двух вызывающе роскошно одетых господ. Впрочем, вызывающим их наряд он счел лишь потому, что были они соотечественниками. Для иностранцев, да и для довоенных русских ничего особенного на них не было. Один, повыше ростом, с короткими английскими усами и гладко выбритым подбородком, носил светло-синий морской китель и белые брюки, но фуражка на нем была не военная, а какого-то яхт-клуба, второй, с аккуратной светло-каштановой бородой, сверкал великолепным чесучовым костюмом, запонками и золотой цепью в вырезе пиджака, а в руке держал богатую трость с изогнутой янтарной рукоятью.

Весьма и весьма уважаемые и состоятельные господа. Не иначе из тех, кто не зевал в подходящую минуту.

— Садитесь, чего уж... Только не поручик, а капитан, с вашего позволения. Капитан Басманов, Михаил Федорович.

— Очень приятно. Новиков, Андрей Дмитриевич... — представился тот, что был в морском костюме, а второй назвался Александром Ивановичем Шульгиным.

Они сели по обе стороны от Басманова. Шульгин достал из кармана портсигар, как раз золотой и примерно фунтовый, протянул капитану:

— Угощайтесь...

Басманов взял толстую папиросу с длинным мундштуком, а свою самокрутку, так и не прикуренную, спрятал в кисет. Закурили, помолчали. От крепкого ароматного дыма голова капитана плавно пошла кругом. Его «Самсун» в основном драл горло, а настоящий табак он и забыл, когда пробовал. Первым затевать разговор Бас-

манов не хотел из гордости. Раз сами подошли, пусть и говорят, что им надо. Но сердце чуть дрогнуло, зачистило. Неужели все-таки повезло? Просто так зачем бы к нему богатые и благополучные господа подсаживались. Лир бы хоть десять с них сорвать, две недели и обедать, и ужинать можно будет...

— Вы нас, конечно, извините, что помешали вашему отдыху, — начал после томительной паузы тот, кто назвал себя Новиковым. — Мы только сегодня пришли в Стамбул, еще никого здесь не знаем, вот и решили познакомиться с кем-нибудь из... старожилов.

— Откуда пришли, из Севастополя? — не слишком вежливо перебил его Басманов, отметив про себя, что собеседник действительно моряк, штатский бы сказал «приплыли» или «приехали».

— Нет, не из Севастополя. Совсем с другой стороны, из Кейптауна.

Басманов посмотрел на новых знакомых совсем иначе. В самом деле, как же он сразу не догадался? Из Крыма сейчас приезжают другие люди. С лихорадочным блеском в глазах и отпечатком неопишемого опыта трех последних страшных лет.

В какие бы дорогие одежды они ни рядились, глаза — что у бывшего камергера, что у помощника присяжного поверенного — были почти одинаковые: пустые и словно ощупывающие: кто ты такой есть, чего от тебя ждать сейчас и через минуту?.. А у этих глаза совсем другие, спокойные, пусть тоже оценивающие, но по-другому.

И речь тоже другая, с непривычными интонациями. Некоторые фразы выговаривают как бы с усилием, вспоминая язык, что ли?

— Дело в том, что мы хоть и природные русаки, но много лет жили вдали от родины, в Африке, в Америке...

— А теперь что же, домой собрались? Вроде бы не ко времени.

— Это вопрос сложный, ко времени или нет. Да и куда собрались, так сразу не расскажешь. Вы не слишком заняты сейчас? — спросил, рисуя наконечником

трости геометрические фигуры на толченом кирпиче аллеи, Шульгин.

— Вообще-то... У меня скоро назначена встреча, — на ходу импровизируя, ответил Басманов. — Дело в том, что мне обещали неплохую работу... — Он одновременно боялся, что собеседники, услышав это, могут с извинениями откланяться, и в то же время надеялся, что тем самым несколько набьет себе цену, показав, что он не просто голодный и готовый на все бездельник.

Если они и поняли его уловку, то не подали виду, а ответили даже лучше, чем капитан мог надеяться.

— Знаете, если ваша встреча не ЧРЕЗВЫЧАЙНО важна для вас, то мы могли бы продолжить беседу в более подходящем месте. И возможно, тоже кое-что предложить. Разумеется, при любом исходе переговоров готовы компенсировать возможный ваш финансовый ущерб, — с абсолютно серьезным лицом сказал Новиков, а Шульгин согласно кивнул. Рукояткой трости сдвинул вверх широкополую шляпу, извлек из жилетного кармана большие и плоские золотые часы, щелкнул крышкой.

— Время обеденное. Если вы знаете поблизости ПО-НАСТОЯЩЕМУ ХОРОШИЙ ресторан, то проводите нас, за бокалом чего-нибудь холодного и игристого говорить будет не в пример удобнее.

Басманов именно в этот момент вдруг понял, нет, скорее почувствовал, что схватил наконец Бога за бороду, удача все же нашла его, и нужно быть последним олухом, чтобы теперь ее упустить!

И действительно, дальше все пошло как в волшебной сказке. Накрытый жестяной от крахмала скатертью столик, забытое уже ощущение тяжелой и твердой книжки меню в руках, подогретые тарелки с дюжиной ножей и вилок вокруг, серебро и хрусталь. Ему уже давно казалось, что ничего этого не существует на свете, по крайней мере — с весны шестнадцатого, когда он последний раз ужинал в Петербурге у Донона. А вот оказывается, что есть, и руки сами вспомнили, что и как брать с тарелок и подносов, какая вилка и какой нож для чего. Бас-

манов даже отметил, что его благодетели как бы не хуже его ориентируются за столом.

Выпив подряд три рюмки английской горькой под икру, селедку и паштет, он окончательно повеселел и прибодрился, расстегнул верхнюю пуговицу кителя и вновь закурил папиросу из предупредительно открытого перед ним портсигара.

— Ну а теперь, в ожидании горячего, не откажитесь кое-что о себе рассказать. Что вы человек из общества, нам понятно, но хотелось бы поподробнее. Кстати, вы не потомок известного Василия Басманова, соратника князя Курбского?

— В какой-то мере. Побочная ветвь... А так что же рассказывать? Пожалуй, я один из последних настоящих кадровых офицеров. Михайловское артиллерийское окончил в четырнадцатом. Знаменитый «царский выпуск»...

Он вдруг с удивлением посмотрел на своих собеседников.

— Господи, а ведь всего шесть лет прошло! Только-то? — Капитан пригорюнился, и Шульгин вновь наполнил его рюмку.

— У нас, конечно, жизнь была не такая насыщенная, — сказал Новиков, когда Басманов закончил свою эпопею. — Хотя повоевать тоже довелось. В Трансваале...

Басманов недоверчиво приподнял бровь.

— Сколько же вам тогда было лет?

— Не так и мало, по семнадцать. Знаете, как оно бывает — юношеские порывы, тяга к приключениям... Из дома убежать, правда, не пришлось, гимназию, семь классов, мы закончили. Поездом до Одессы, потом пароходом в Неаполь и так далее... — Рассказ Новикова, изредка прерываемый официантом, напоминал романы Буссенара и Жаколио, в нем нашлось место необыкновенным приключениям, боям с англичанами на стороне буров, скитаниям по Южной Африке после падения Трансвааля и Оранжевой республики, стычкам с зулуса-

ми, работе на алмазных приисках, охоте на львов и, наконец, непременно в авантюрных романах удаче — открытию невероятно богатой алмазной трубки...

Басманов подозревал, что авантюрист с веселыми глазами и не слишком правильной русской речью многое недоговаривает и многое приукрашивает, отдельные места его повествования звучат слишком уж литературно, но сейчас его это мало смущало. «Да будь он хоть чертом, хоть дьяволом, хоть беглым каторжником, пусть говорит, что хочет! Если угощает прекрасным обедом и заплатит за «упущенную выгоду». А если предложит принять участие в самом сомнительном деле — соглашусь, на улицу грабить уж, наверное, не пошлет или девочками в Галате торговать, не того полета птица, а остальное — не страшно. Да хоть бы и надсмотрщиком на плантации или на те же алмазные прииски!»

— А как вы расцениваете шансы Вооруженных Сил юга России? — вдруг спросил Шульгин, когда Новиков закончил говорить и начал разливать по рюмкам послеобеденный «Мартель».

— Как вам сказать? Если бы закрепиться на хорошо защищенных позициях и начать с красными мирные переговоры... Хотя бы до зимы получить передышку. Потом привести войска в порядок, и можно снова наступать. Только не на Москву, а на Одессу и Екатеринослав. Стабилизировать фронт, и пусть там большевички у себя дохнут с голоду! А в общем, не знаю... — Басманов безнадежно махнул рукой.

Ему действительно все надоело и не хотелось даже сейчас, в приподнятом алкоголем настроении, тешить себя столько раз обманувшими надеждами. Куда интереснее было прямо в лоб спросить, что они имеют ему предложить. Но по-прежнему гордость пересиливала нетерпение. Сами скажут, рано или поздно, даже лучше, если поздно, можно пока здесь сидеть, в уюте и прохладе, налить еще рюмку, положить на бутерброд поверх масла и икры ломтик чеддера, выпить, медленно разжевать...

Официант, тоже, наверное, в прошлом офицер, только турецкой армии, судя по выправке и холоднозамкнутому выражению янычарского лица, принес сигары и кофе.

«Сочувствую, бедолага, — подумал Басманов, — каково мне было бы в Петербурге, в «Медведе» немцам прислуживать? А вон в «Казачьем курене» войсковой старшина на балалайке играет»... Для себя он должность официанта считал зазорной, и, будь такая предложена, скорее всего отказался бы, несмотря на очевидные выгоды. Все еще было впереди для господ офицеров...

— Так давайте наконец перейдем к делу, — сказал Новиков, раскуривая сигару и с сомнением принохиваясь, как бы подозревая фальшивку, прикинувшуюся настоящей «Короной».

— Нам нужно подобрать сотню надежных людей, вот вроде вас, имеющих боевой опыт, знающих, как говорят в Техасе, что делать по любую сторону от мушки, здоровых, умеренно пьющих, не имеющих садистских наклонностей, желательно хорошо образованных, готовых отправиться в любую часть света для участия в весьма необычном предприятии...

— Уж не в иностранный ли легион вы вербуете? — стараясь отчетливо выговаривать слова, спросил Басманов. Происходящее неожиданно напомнило ему о временах и нравах Столетней войны, когда вот так же мобилизовали, предварительно напоив «рекрутов», в армию многочисленных королей и герцогов. Только там это происходило в грязных трактирах, а не в дорогих ресторанах.

— Воевать мне, признаться, давно обрыдло...

— Ну, куда и зачем — это отдельный разговор. Но уж никак не в иностранный. Просто для примера — вдруг у меня собственное маленькое княжество и мне требуется личная офицерская гвардия? Дружина, так сказать. А чтобы вы не испытывали сомнения в... чистоте наших намерений, давайте так условимся. Сейчас расстанемся. Вы хорошо все обдумаете, посоветуетесь, если

есть с кем, и, если согласитесь поступить к нам на службу, придете завтра в это время сюда же.

Столик к обеду для вас будет заказан. В случае согласия первой вашей задачей будет, как я уже сказал, подбор подходящих нам людей. В случае успеха можете рассчитывать на достаточно высокую должность, вполне соответствующую вашей квалификации и опыту.

Желательно, чтобы люди, которых вы найдете, были вам лично известны, поскольку вам же с ними и служить. Впрочем, окончательное решение мы будем принимать сами. Вы, конечно, вольны отказаться прямо сейчас. Однако советую подумать. А в качестве компенсации за нарушенные планы и для доказательства серьезности наших предложений — возьмите...

При этих словах Шульгин опустил руку под пиджак и, повозившись там, положил на стол обернутый в плотную синюю бумагу цилиндрик.

И слегка подтолкнул по скатерти к Басманову.

Тот не сразу догадался, что ему предложено, лишь через несколько секунд узнал стандартную упаковку Государственного банка.

Сто золотых десятирублевков!

Он смотрел на стол и не мог заставить себя протянуть руку.

— Берите, берите, не нужно привлекать внимания. Я не слишком хорошо осведомлен о сегодняшнем курсе, но... исходя из старых представлений, думаю, что офицеру и дворянину предложить меньше просто неприлично... — с улыбкой сказал Новиков, а Шульгин добавил:

— Конечно, если мы договоримся, ваше денежное содержание будет существенно больше. Ну а если не согласитесь, у вас будет время подобрать себе занятие по вкусу...

...Сочтя сегодняшние планы выполненными, Андрей с Шульгиным позволили себе послеобеденную прогулку. Не отягощенную никакими сверхзадачами, бес-

цельную, а оттого и приятную. Шульгин до сих пор, по известным причинам, не имел возможности постранствовать во времени, не считая, конечно, участия в проводимом Сильвией «эксперименте». Теперь же он наконец в своем подлинном физическом облике шел по улице города, исчезнувшего за десятилетия до его рождения, потому что этот султанский Константинополь, сохранивший явные черты средневековья, имел очень мало общего с американизированным Стамбулом конца века. Но поскольку Шульгин в своей первой жизни так и не сподобился попасть за границу, то специфические ощущения путешественника по времени, столь ярко пережитые и описанные Берестиным, сильно смазывались эмоциями обыкновенного загрантуриста.

Босфор и Мраморное море, минареты, путаница кривых и узких улочек, взбирающихся на крутые прибрежные холмы, запахи, распространяемые бесчисленными мангалами, ароматный пар из кофеен, разноязыкий гомон, силуэты линкоров союзной эскадры, без всякой пользы второй уже год дымящей на рейде, будто не зная, что делать со своими четырнадцатидюймовыми пушками, ржавеющий корпус разоруженного «Гебена», знаменитого своим лихим прорывом в Дарданеллы и рейдами по Черному морю, — столько всего довелось увидеть за несколько часов, что на «Валгаллу» друзья вернулись измученными и отупевшими от впечатлений, но прежде всего от почти непереносимого с непривычки многолюдья.

Следующий день обещал быть не менее трудным. Пожалуй, даже более: Новиков планировал не только встретиться с Басмановым, но еще и поискать нужных людей в совсем других социальных слоях и группах эмиграции.

...Басманов спускался по крутому переулку вниз, к Галатскому мосту, возле которого снимал койку на веранде у толстого унылого грека. В голове у капитана шу-

мело, а мысли разбегались, как испуганные светом тараканы. И он никак не мог сосчитать в лирах и пиастрах, сколько же это будет — тысяча золотых рублей? Выходило слишком уж много. Хватит и приличную комнату снять, отдельную, и придется, и в хорошее дело со своим паем вступить, да просто жить не меньше года безбедно, а за год ой как много чего может перемениться. А может, купить в посольстве визу и махнуть в Париж?

Все теперь можно!

Подобного душевного подъема он не испытывал со дня выпуска из училища.

А ведь еще утром он, как последний извозчик, о паре поганых лир мечтал... Есть, есть правда на свете! Вот никому не повезло, а ему повезло! Потому что он заслужил! Воевал пять лет, живота не щадя, жил три месяца, как собака подзаборная, перед каждой сволочью унижался... Но теперь все! Теперь пусть перед ним стоят на задних лапках...

Потом его мысли изменили направление. Если эти двое так запросто сунули ему столько без всякой расписки, то каким же может быть настоящее жалованье?

Подпоручик до войны получал на круг пятьдесят рублей в месяц, штабс-капитан — восемьдесят четыре. Да если будут платить хоть втрое от задатка, это, считай, довоенное генеральское. А по-нынешнему, да перевести золото в бумажки? Правда, неизвестно, куда пошлют служить. В Африку? Да хоть и в Африку! На слонах ездить будем. С неграми воевать? А хоть бы и с неграми! Небось не хуже, чем с большевиками.

Все, решено — завтра как штык! Лет-то всего-навсего двадцать семь, когда и мир посмотреть! А кого бы это с собой для начала прихватить?

Капитан увидел на углу покосившегося деревянного дома с нависающим над улицей балконом вывеску менялы. Приостановился, не вынимая руки из кармана, расковырял упаковку, ногтем подцепил тонкий кружок. Медленно раскрыл перед глазами ладонь — а ну как наваждение, солнце напекло голову с голодухи? Но на ла-

дони действительно поблескивала новенькая монета благородного темно-желтого цвета со знакомым чуть курносым профилем.

Усатый турок в феске долго прищелкивал языком, вертел монету, пробовал на зуб, кажется, даже обнюхивал. Потом быстро бросил в ящик и, что-то недовольно бормоча, вывалил на прилавок целую грудку мятых и засаленных лир.

— Сколько? — спросил капитан. Турок опять залопотал.

— А, морда басурманская, никак по-русски не научишься! — добродушно выругался Басманов и так, комом, сунул деньги в карман. Обманул — не обманул, все равно много, он столько здешних денег и в руках никогда не держал.

На следующем углу, у старьевщика-черкеса, по-русски кое-как соображавшего, которому многие беженцы загоняли свои вещи, капитан сначала за пятнадцать лир (а за мои десять дал, скотина) купил неплохие наручные часы, а потом поманил торговца пальцем. Когда тот перегнулся через прилавок, Басманов сказал тихо, но значительно:

— Револьвер нужен. Русский. «Наган». С патронами. Понимаешь?

Черкес замахал руками, заклекотал гортанно, мешая русские, черкесские и турецкие слова. Капитан, не слушая, показал ему из кулака золотой. Старьевщик мгновенно успокоился и показал в ответ два пальца.

— Ты что, с ума сошел? Он до войны новый двенадцать рублей стоил, а сейчас этого добра... Червонец, или я пошел...

Черкес обежал прилавок и загородил выход из лавки.

— Есть, есть револьвер. Хороший, большой, сейчас показать будем.

Увидев товар, Басманов насмешливо сплюнул. Здоровенный, до белизны затертый полицейский «смит-вессон».

— Бери, хороший, как ружье бьет, довольный будешь... Патрон тоже много...

— Я сказал — «наган»! Нету — я пошел...

Или черкес не понимал в оружии, или действительно не располагал «наганами», но через полчаса азартного торга Басманов вышел из лавки с бельгийским «браунингом», второй номер, в заднем кармане брюк, оставив взамен червонец и еще десять лир.

Теперь он окончательно ощущал себя в своей тарелке. Не шваль беженская, а снова боевой офицер, с деньгами, под хмельком и при оружии.

Не зная, где придется ему ночевать уже завтра, он тем не менее заплатил греку за неделю вперед — «В карты выиграл, да?» — равнодушно спросил тот, принимая деньги, — и перенес свой вещмешок с веранды в крошечную, но с крепкой дверью каморку в мансарде, из полукруглого окна которой было видно море. Сверток с монетами он спрятал в щель за плинтусом — мало ли что может случиться в ночных портовых трущобах — и неторопливо, заложив руки за спину, словно не по грязному переулку, а по Дворцовой набережной, направился в «Казачий курень», где ежевечерне собирались для тоскливого «веселья» и обмена информацией такие же, как он, «обломки великой империи».

Через час в отгороженном грязноватыми занавесками «отдельном кабинете» он, потребовав вместо вечной рыбы глазунью с колбасой, разливал по стаканам рыжий контрабандный коньяк и начинал осторожный разговор с двумя полузнакомыми поручиками-дроздовцами, опалевшими от неожиданной щедрости Басманова. Теперь уже он выступал в роли графа Монте-Кристо...

Поручики эти сумели устроиться на работу по разрушению и демонтажу береговых батарей и по десять часов в сутки вытаскивали из погребов, протирали, смазывали и паковали в ящики одиннадцатидюймовые снаряды. Платили им по три лиры в день, а сама работа успела смертельно надоеть, выматывались они страшно и без чарки «дузика» почти не могли спать. Поэтому намек Басманова на возможную работу «по специальности» юноши приняли с восторгом.

...В ресторан капитан явился за десять минут до назначенного времени, тщательно выбритый, пахнущий настоящим «Вежеталем», в начищенных у мальчишки-курда сапогах. Сел за указанный ему столик и спросил оранжаду со льдом.

Точно в час в дверном проеме обозначился Александр Иванович. На сей раз он был один. Но такой же элегантный и непонятно веселый, как вчера.

— Ну вот и прекрасно, что пришли. Я, в общем, и не сомневался, в людях редко ошибаюсь. Да и чего бы вам отказываться? Совсем молодой человек, вся жизнь впереди, когда и ставить последний рубль ребром? Хотя другой на вашем месте вполне мог загулять суток на трое или просто смыться. От добра, мол, добра не ищут. Ну ладно, это я так...

Он протянул Басманову портсигар, но тот с достоинством отказался и закурил собственную «Месаксуди». Снова довольно хмыкнув, Шульгин перешел к делу.

— Так, Михаил Федорович, будем считать, на первую должность вы приняты. Будете у нас, так сказать, начальником отдела кадров. Повторяю задачу... — Он перечислил вчерашние требования к кандидатам и добавил: — Только давайте без альтруизма. Я все понимаю, могут быть случаи — хочется помочь человеку, отчаянное положение, голодные дети... Так лучше вы прямо скажите, кому-то кое-что можно просто выделить из представительских сумм... А в целом исходите из того, что с выбранным вами человеком вам же и придется, скажем, в разведку идти, десять верст с пулеметом на плече бежать по песку или джунглям, ну и все тому подобное. А вдруг у него дыхания не хватит, струсит, вас же, или товарища раненого бросит, да просто скандален, неуживчив, к мордобою склонен... Надеюсь, все понятно?

Тогда далее. Очень нас интересуют люди, умеющие автомобилем управлять, на мотоцикле ездить, вообще к технике причастные. Если авиаторов найдете — совсем чудесно. Ну там артиллеристы, пулеметчики, специа-

листы по штыковому бою — само собой. Особая статья — кадровые штабисты, лучше даже — генштабисты с полным курсом академии... Для таких требования к здоровью могут быть и помягче.

«Черт возьми, — думал Басманов, — так они что, действительно империю в дебрях Африки основать задумали? Размах, однако! Что ж, тем интереснее». Но вслух ничего не сказал, только кивал понимающе.

— Оклад содержания лично вам определим для начала в три тысячи. Золотом, естественно. Знаете, — доверительно понизил голос Шульгин, — я как-то не слишком верю в бумажки, пусть это даже фунты. Согласны?

Как он мог быть не согласен? Все это выходило за пределы самых смелых и горячечных мечтаний. А вдали, в таком случае, вырисовываются перспективы совсем уже сказочные. Он вспомнил о матери и сестре, оставшихся в Петрограде. Последний раз они виделись зимой восемнадцатого, и больше известий от них Басманов не имел.

Об ужасах, что творили большевики в столице, он слышал немало, но надеялся, что родных террор не коснулся. В конце концов о том, что он жив и ушел к Корнилову, не знал никто, кроме самых близких родственников, а две безобидные женщины ЧК вряд ли заинтересуют.

Ну, если все образуется, имея деньги, можно будет через Финляндию пробраться в Питер и как-нибудь их разыскать...

...Началась его работа. В наскоро оборудованной под контору квартире в первом этаже большого и запущенного дома неподалеку от Долма-Бахче. В приемной сидела барышня-машинистка из беженок, в прошлом бестужевка, не успевшая дойти до панели, поскольку ее отец сбежал из Одессы вовремя и не с пустыми руками. В кабинете Басманова стоял большой обшарпанный стол, несколько стульев и, для солидности, желтое швед-

ское бюро с кучей пустых коленкорových папок. Для выдачи авансов он получил под отчет десять тысяч рублей и право испрашивать впредь сколько потребуется, в зависимости от грядущих успехов.

Тактику вербовки он разработал сам. Первым пяти офицерам, лично им отобранным, Басманов выдал по двадцать рублей и пообещал еще по восемьдесят, если они приведут по пять кандидатов, устраивающих капитана. Жалованье же, чтобы не разжигать излишнего ажиотажа, обещал в двести рублей, намекая, впрочем, что это сумма не окончательная. Но и такие деньги на терпевшимся и изголодавшимся эмигрантам казались совершенно сказочными.

С теми, кого Басманов считал пригодными, поочередно беседовали Новиков, Шульгин и появившийся позже еще один господин с манерами иностранного генерала. Так показалось Басманову из-за его холодности, неулыбчивости и нерусской педантичности, несмотря на безусловно русскую фамилию — Берестин. Разговаривая с волонтерами, он, как заметил капитан, крайне въедливо выяснял послужной список, проявляя странную осведомленность, отдавал предпочтение лицам, имеющим связи и знакомства с начальствующим составом Вооруженных Сил юга России, а также с бывшими офицерами и генералами, служащими ныне в Красной армии. Это наводило на мысль о его причастности к контрразведке, только неизвестно — чьей. Мелькнуло даже в голове: а не большевики ли затеяли какую-то грандиозную провокацию — но Басманов тут же сам себя одернул: и вид у новых хозяев слишком уж небольшевицкий, деньгами они сорят неумеренно, да и что за прок большевикам от десятка-другого беглых офицеров?

А вот в голубом мундире господин Берестин, вполне возможно, и хаживал...

Прошедшие окончательное собеседование и не получившие отказа уезжали на автомобиле с одним из «хозяев», и Басманов их больше не видел. Те же, кому отказывали, получали «за беспокойство» по сто рублей под

честное офицерское слово хранить в тайне место и содержание разговоров.

Несмотря на это в ближайшие дни слух о том, что некие таинственные личности вербуют офицеров, распространился в эмигрантских кругах весьма широко. Говорили разное, как правило — весьма далекое от всякого правдоподобия.

— Что поделывать, вызванное войной падение нравов, — меланхолически отметил Шульгин, не слишком, впрочем, этим фактом огорченный. Да и как скрыть, если заходили вдруг по рукам царские десятки в огромных количествах, кабаки, шашлычные, чебуречные и прочие таверны стали заполнять веселые и возбужденные офицеры, а также и штатские лица, то ли выменивающие, то ли выигрывающие пресловутые десятки, курс лиры в районе проживания русских пошел вверх, так как она внезапно получила «золотой паритет», а проститутки на набережных тоже подняли таксу вдвое-втрое.

В субботу, явившись к восьми на службу, Басманов увидел перед дверями конторы толпу, мало уступающую таковой у посольства.

И ему пришлось сквозь нее проталкиваться, стараясь не замечать то просительных, то наглых лиц соотечественников, не слышать униженных просьб... Явившийся на час позже Шульгин, которого капитан считал своим непосредственным начальником, тоже пробился с трудом, однако велел пускать и выслушивать всех, кроме явных калек и алкоголиков, каковые тоже имелись в избытке.

До обеда Басманов наслушался душещипательных историй и кузьмы-крючковских подвигов в таком количестве, что их хватило бы на десяток выпусков газеты «Русский инвалид». (Следует заметить, что название газеты означает совсем не то, что вы, должно быть, подумали. До революции «инвалид» являлось синонимом понятия «ветеран». И только.)

А в три часа пополудни внезапно появился офицер английской морской пехоты в сопровождении воору-

женного наряда. Басманов слегка растерялся, не зная, как себя вести, но в конторе, по счастью, оказался сменивший Шульгина Новиков. На великолепном английском пригласил майора в кабинет, попросив Басманова продолжать работу. Через полчаса англичанин вышел раскрасневшийся, явно удовлетворенный полученными объяснениями и новым знакомством, пожал на прощание капитану руку, отдал честь и удалился. А морские пехотинцы остались наводить порядок в очереди.

Однако за вечерним хересом Шульгин сказал, что лавочку пора сворачивать.

— Сто двенадцать человек. Думаю, вполне достаточно. Или до полутора сотен дотянем? Тогда завтра последний день — и все. Отбирайте самых-самых... Впрочем, сливки мы уже сняли. В общем, сами смотрите...

Басманов подсчитал, что через контору уже прошло не меньше батальона претендентов, и, значит, тысяч сорок раздали просто так, да еще двадцать выдано завербованным офицерам на устройство семей, кому повезло их вывезти. Забрать семьи к «месту постоянной дислокации» Шульгин пообещал не позднее чем через три месяца.

— Ну все! Пора и честь знать, — сказал он Басманову вечером следующего дня, когда желанное число было достигнуто. — Едем домой. Собирайтесь...

Басманов понял, что наконец узнает, куда же исчезли принятые на службу. Он отчего-то вообразил, что их собирают в какой-нибудь загородной ферме или в пустых казармах бывшей султанской армии вроде тех, где сам он отбывал двухнедельный карантин.

Однако автомобиль незнакомой модели, открытый, с длинным, сверкающим хромированным металлом капотом и глубокими кожаными сиденьями, довез их до порта, где у пирса ждал такой же роскошный катер.

Рыча мотором и громко хлопая днищем по мелкой босфорской волне, катер долго несясь сквозь розовато-жемчужную полумглу ко входу в Мраморное море. С борта катера, особенно в это время, на грани между

ранним вечером и подкрадывающейся с Анатолийского побережья ночью, Константинополь выглядел, как ему и подобало, совершенно сказочным городом; кисейная дымка смазывала все подробности, оставляя только смутный цветной силуэт, исчерченный остриями сотен минаретов. В нем обязательно должны бы твориться, непрерывно и бесконечно, как арабская вязь на стенах мечетей, волшебные и загадочные истории в духе «Тысячи и одной ночи», а если на самом деле творилось там совсем другое — так об этом легко было заставить себя забыть, подчиняясь очарованию летнего вечера. Тем более что с ним-то самим, капитаном Басмановым, одна из сказочных историй все-таки произошла, и чудное мгновение продолжает длиться...

Увидев высокий белый борт огромного парохода, едва заметно дымившего первой трубой в полувёрсте от берега, Басманов невольно вспомнил темные зловонные трюмы, загаженные палубы судна, на котором он выбрался из ужасов новороссийской эвакуации. И ощутил нечто вроде мгновенной тошноты.

Катер лихим разворотом подошел к широкому, почти касающемуся нижней площадкой воды трапу. Встреченные здоровенным, на голову выше Басманова, матросом с тяжелыми и резкими чертами малоподвижного лица, они поднялись на просторную, тщательно выскобленную палубу.

— Сейчас вас проводят в каюту. Устраивайтесь. Если что-то потребуется, обращайтесь к любому члену экипажа, все будет сделано в лучшем виде. Русских среди них нет, но язык все понимают достаточно. Отдыхайте, пообщайтесь со своими друзьями... А утром встретимся. Извините, что оставляю вас, но — дела. — Шульгин развел руками и церемонно приподнял шляпу.

Каюты, отведенная Басманову на верхней, то есть четвертой сверху палубе надстройки, поразила его размерами и невиданным с довоенных времен комфортом. Вообще тем, что существует еще на свете такой вот заповедник настоящей человеческой жизни, начисто рав-

нодушной к бедам миллионов людей из бывшей Российской империи.

Больше всего каюта походила на лучшие номера «Астории» или гостиницы «Лондонской», где ему приходилось бывать, возвращаясь на короткий срок с фронта в Петроград. Солидная мебель, обилие бронзовых люстр и бра, особые, свойственные как раз такого рода временным пристанищам богатых людей запахи. Очевидно, поселяя его здесь, новые хозяева хотели подчеркнуть не только важность его нынешнего положения, но и намекнуть на цену того, что он может потерять, нерадиво относясь к своим обязанностям. По крайней мере такая мысль у капитана мелькнула.

Отпустив матроса, невозмутимость и сдержанность которого напоминали скорее манеры дворецкого из хорошего английского дома, нежели простого моряка, Басманов побродил по каюте, осмотрел все ее жилые и подсобные помещения, постоял у большого окна, со смешанным чувством глядя на редко и неравномерно освещенный берег.

Радость в этом чувстве, безусловно, присутствовала, но много было и тревоги. Сменял он скудную, тяжелую, но ставшую почти естественной жизнь... на что?

Выкурил папиросу из любезно приготовленной на круглом столе гостинной коробки и решил поискать знакомых.

Первый же встреченный в коридоре матрос, как и обещал Шульгин, на медленном, но вполне правильном, несмотря на акцент, русском языке подробно разъяснил, на какой палубе размещены офицеры и как туда попасть.

Четыре марша внутреннего трапа привели его в длинный, пятидесятиметровый коридор с множеством одинаковых полированных дверей светлого дерева с блестящими бронзовыми ручками. Басманов остановился, недоумевая, куда он попал. То есть то, что пришел он куда надо, сомнения не вызывало, достаточно было услышать типичные, чисто отечественные речевые кон-

струкции, густо висящие в воздухе. Они доносились из полуоткрытых дверей кают, из обширного помещения справа от трапа, похожего на предбанник, из бильярдной, где на нескольких столах азартно разыгрывались «пирамидки», ими обменивались мелькающие в основном коридоре и ответвляющихся от него проходах люди. Лица почти всех были Басманову знакомы. Поразило другое. Все здесь были одеты в невиданные черно-зелено-желтые пятнистые куртки и брюки с множеством накладных карманов на груди, рукавах, коленях и прочих местах и в высокие коричневые ботинки на толстой, в три пальца, подошве. Только зеленые металлические звездочки на пятнистых хлястиках-погонах своим расположением намекали на принадлежность их владельцев к русской армии, поскольку ни в одной другой (кроме, правда, сербской или болгарской) подобные знаки различия не использовались.

Бросилась в глаза поразительная чистота — сияющий паркет и словно час назад вычищенные ковровые дорожки, — что, впрочем, почти компенсировалось интенсивностью запахов гуталина и табачного дыма.

Перед Басмановым остановился один из «леопардов», в котором, присмотревшись, он узнал штабс-капитана Мальцева, завербованного им в первый день вместе с поручиками. Был он свеж, чисто выбрит, очень коротко подстрижен. И никак не походил на худого, нервного, заросшего серой щетиной беженца, каким был всего десять дней назад.

— О! Нашлась пропажа! — радостно воскликнул Мальцев, пожимая Басманову руку. — А мы, брат, думали, что ты сбежал...

— Куда бы это я сбежал? — удивился капитан.

— Мало ли куда? Да хоть в Париж... — Басманов вспомнил, что действительно высказывал подобную мысль, только вот Мальцеву или кому другому? Все же, кажется, с Мальцевым он об этом не говорил.

— Да что же Париж, мы теперь, может, и почище Парижа кое-что увидим.

— Уж здесь ты прав! Такое, боюсь, увидим... — Мальцев осекся. Он еще не понял, в каком качестве появился на судне Басманов и стоит ли перед ним откровенничать. — А тебя еще не переодели? Ты когда был? Где разместился?

— Там, наверху... На втором этаже, ближе к корме. Сейчас и не знаю, найду дорогу или нет...

— А-а, на господской половине... Ну-ну. В начальство выбился? А чтобы не заблудиться, надо схему изучить, они везде висят. У тебя там не «второй этаж», а верхняя палуба. Наша — палуба Б, ну и так далее. Привыкнешь.

— Никуда я не выбивался, сам ничего не знаю. Посадили, привезли, поселили... барахло свое бросил и пошел вас искать. А вы что, плохо устроены?

— Не сказал бы. У всех одноместные каюты, но кое-кто предпочитает двойные, чтоб веселее. И еще пустых осталось — пропасть... Дивизию нашу свободно растолкать можно! Говорили мне умные люди в свое время — поступай в гардемаринские классы. Тогда после реального училища без экзаменов брали. Нет, понесло меня в кавалерийское! Моряки хоть всю войну как люди прожили — обед за столом из фарфоровых тарелок, каждый день рубашка свежая, кителек беленький, а мы пять лет в грязи, вшей кормили, портянки по месяцу не меняли, эх! — Он с досадой выругался, чуть не плюнул на пол, но ковровая дорожка вовремя удержала. — Но и служба тут, скажу я тебе...

— Чем же она плоха?

— Да не плоха, чего зря говорить. Только и в юнкерах меня так не гоняли. Первые дни чуть не сдох, а уж я с семнадцати лет в строю, ты меня знаешь! Ох и материли тебя поначалу, сосватал, мол, так его и распротак! А потом ничего, отъелись, отоспались, даже нравиться начало, после бардака нашего беспросветного. Сам все увидишь. Пойдем лучше выпьем за встречу.

В большом ресторанном зале второго класса, с колоннами и множеством четырехместных столиков посередине и двухместных вдоль стен, сидели за столами и

толпились у стойки буфета с полсотни таких же пятнистых офицеров. Басманов даже ощутил некоторое неудобство от своей «правильной» формы.

— Господа, смотрите, кто к нам пришел! — громко объявил Мальцев, и все обернулись.

— ...Едим бесплатно, пьем бесплатно кому что нравится, — повествовал штабс-капитан, когда закончились общие приветствия и рукопожатия со знакомыми и приятелями. В тихом углу устроились впятером — Басманов, Мальцев, подполковник Генерального штаба Сугорин, некогда весьма близкий к Лавру Георгиевичу Корнилову, а по последней должности — командир полка Добровольческой дивизии, и те самые поручики, с которых все началось, — Давыдов и Эльснер.

— На берег пока не пускают, да никого и не тянет, нажрались того берега... — Мальцев чиркнул себе ребром ладони по горлу. — Здесь спокойнее, всего в достатке, есть чем развлечься...

— Кроме девочек, — криво усмехнулся Давыдов.

Сугорин плеснул в бокалы вермута, едва до половины.

— А чего так скромно? — поинтересовался, придерживая горлышко бутылки над своим бокалом, Басманов. Ему хотелось выпить за встречу, как полагается, вволю.

— Скоро сам не захочешь. Когда утром двадцать кругов по палубе, а потом до обеда так накувыркаешься... Тяжело выходит.

— Вот как? А что еще тут с вами делают?

— Неужто не знаешь? Ну, раз не знаешь, то сам увидишь. А пока не увидишь, не поймешь. Если б мы солдат да юнкеров перед войной так муштровали, вот бы армия была...

— А оружие, а снаряжение! — вмешался поручик Давыдов.

— Ничего не скажешь, напридумывали люди! Я вот думаю — отчего мы ничего подобного на фронте не видели? Я с американцами в Архангельске вот так был... — Сугорин сцепил пальцы рук и потрянул ими

перед собой. — Ничего особенного у них не имелось, те же винтовки, ну, еще танки привозили, «Марк-2»... И вояки так себе. Вот жратва да, нормальная... Если б таким оружием, как у нас, они хоть две дивизии вооружили, через месяц войну б кончили...

— О чем это вы? — пытался включиться в разговор Басманов, но не получилось, собеседники его не слушали, продолжая какой-то давний спор.

— При чем тут американцы? Это ж наши, русские, из Африки, и оружие у них свое, секретное, на заводах в Йоганнесбурге сделано. За границей они только детали заказывали, а собирали сами...

— Э-э, поручик, ты меня не сбивай! Я тоже не пальцем... В академии кое-чему учился. Есть такое понятие — общий уровень развития техники. Вот ты хоть режь меня, не поверю, что сейчас на каком угодно заводе можно построить аэроплан, чтобы летал, скажем, по пятьсот верст в час...

— Про аэропланы не знаю, не приходилось дела иметь, а про остальное скажу — ничего особенного. Автомат Федорова когда на фронте появился? В шестнадцатом. И никто не удивился. Здесь почти то же самое. Сделано поаккуратнее, конструкция попроще, и только. На Тульском оружейном и не такое сделать можно! То же и танки. Совершенно ничего сверхъестественного...

— Господа, подождите, господа! — вмешался до того молчавший Эльснер. — Я все-таки три курса технологического прослушал. Если толковый инженер внимательно изучил опыт войны, учел все недостатки техники да располагает неограниченными средствами и производственной базой, то он и вправду может сделать многое. А вот сколько непреодолимых проблем придется решать в серийном производстве...

— Ладно, — отмахнулся от него полковник. — Если все это есть, значит, сделать его было возможно... Меня другое больше занимает — против кого все? С кем мы воевать должны? С туземцами — не похоже. С регуляр-

ной армией — где, с какой и в чем смысл? Какие бы мы молодцы ни были, с сотней человек много не сделаешь.

— Да ну, господин полковник, с такой сотней повоевать можно! — возбужденно возразил Давыдов. — Мы вон на кубанских переправах ротой в штыковую против дивизии красных ходили, и то...

— А может быть, действительно затерянное в дебрях Африки княжество, как в «Копях царя Соломона»? — мечтательно протянул поручик Эльснер. — Тогда действительно, для охраны границ и сопровождения караванов с золотом больше и не надо. Десять-пятнадцать человек всегда отобьются от туземцев и грабителей...

— Ну, это уже сказки пошли, а я привык рассуждать в более серьезных категориях. Рано или поздно все, что нужно, мы узнаем. Раз нас так тренируют, значит, есть определенная цель. И следует быть к ней готовыми. А сейчас я спать пойду...

— Куда спать, рано еще. Лучше давайте в бильярд сразимся по маленькой...

— Леня что-то. Да и настолько я отвык от нормальной жизни, что для меня сейчас лечь в чистую постель, в отдельной каюте, ночничок зажечь, книжку полистать, папироску спокойно выкурить... И собственный клозет с электричеством! Не-ет, господа, вот что ценить надо, а не бесплатную выпивку... Уж чего-чего, а выпить я и на фронте во всякое время мог... — Подполковник вежливо откланялся, пошел к выходу; наблюдавший за ним Басманов заметил, что на полдороге Сугорин резко сломал траекторию, словно влекомый магнитом подошел к стойке и сгрел несколько банок диковинного, консервированного, словно свинина, пива.

...Несмотря на предстоящий ранний подъем, за разговорами и вином просидели далеко за полночь. Словно впервой, действительно, после хорошего «проворота» утром на службу? В гвардейских полках и не то бывало.

Говорили о многом, и много Басманов узнал такого,

что действительно не лезло ни в какие ворота. Но от этого предстоящая служба казалась еще интереснее.

Утром он проснулся от солнечных бликов на потолке, легкого покачивания и ощущения движения. Действительно, пароход на приличной скорости шел на юг.

Капитан успел вымыться под душем, побриться, откупорить баночку пива из шкафа-ледника, где его было в достатке, когда в дверь постучал матрос и попросил следовать за ним.

В каютерке Басманову выдали огромное количество всякой амуниции, начиная от пятнистого одеяния и глубокого металлического, но неожиданно легкого шлема до таких мелочей, как специальные, защитного цвета носовые платки, удобный походный несессер, солнцезащитные очки, портсигар с вмонтированной зажигалкой, пружинный нож, не боящиеся воды часы с надписью «Командирские» и еще много всяких интересных и остроумных вещей.

После завтрака офицеры на тренировочной палубе приступили к занятиям, а капитана пригласили еще выше, в каюту к Берестину. Одетый в бледно-зеленые брюки и рубашку военного покроя, но без знаков различия, «генерал» сразу перешел к делу.

— Мы решили назначить вас, капитан, командиром батальона. В вопросах внутреннего распорядка вы будете обладать всеми положенными правами. Необходимые приказы и инструкции получать непосредственно от меня. Люди ваши отдохнули, подкормились, пришли в себя, вспомнили, что такое настоящая служба. Прогресс налицо. Теперь можно начинать серьезные тренировки...

Это прозвучало угрожающе. Судя по вчерашним разговорам, муштровка и так велась до седьмого пота. По двенадцать часов в день. И если это еще несерьезно...

Берестин понял смысл удивленного взгляда Басманова.

— Нравы германской казармы я внедрять не собираюсь, не стоит беспокоиться. Но чтобы сделать из людей настоящих рейнджеров... Ну, это так называются специально подготовленные для проведения особых опера-

ций бойцы. Вы тут все тоже настоящие солдаты, но... Одно дело — геройски ходить в штыковые атаки цепями, и совсем другое — впятером и без шума нанести противнику тот же ущерб, что пехотным батальоном при поддержке артиллерии. Вы, наверное, читали Фенимора Купера и подобную литературу? Так вот, подготовка учитывает тактику и боевые приемы американских индейцев, летучих отрядов буров, японских самураев и всяких там охотников за черепами...

Вот мы и начнем отрабатывать специфические учебные программы. Стрельбу из всех видов оружия и в любых положениях, рукопашный бой, диверсионное, минно-подрывное дело, тактику малых групп в особых ситуациях... Личный состав разобьем на отделения по десять человек, взводы — по тридцать. Рот создавать не будем. Батальон из четырех взводов и спецвзвод усиления. Назначим командиров. До тех пор пока вы сами не пройдете курс подготовки, командовать будем я и инструкторы из состава экипажа корабля. А вот когда изучите все, что требуется, получите соответствующие разъяснения, тогда и примете всю полноту власти. Главное — довести все новые для вас приемы и знания до автоматизма, чтобы в деле голова была свободная. Вопросы есть?

Вопросы, конечно, у Басманова были, и на некоторые Берестин ответил довольно обстоятельно, от других же уклонился, сославшись на несвоевременность таковых. Капитан не мог не согласиться, что есть вещи, которые знать раньше времени не только бесполезно, но и опасно.

— Ну вот представьте, — сказал Берестин, — кто-то из ваших товарищей в конце концов окажется непригодным к избранной службе, захочет «подать в отставку». Если он будет знать только некоторые детали общетактической подготовки — это одно. А если всю нашу стратегическую цель и концепцию — совсем другое. Не думаю, что мы сможем его просто отпустить. И что тогда? Поэтому ограничимся необходимым. И прошу не обижаться. Даю вам честное слово офицера, что ни-

чего противозаконного и аморального мы не готовим и урона вашей чести не будет в любом случае. Нечто неожиданное для вас — да, но не более...

...Задыхаясь, с хрипением втягивая обжигающий воздух измученными легкими, почти ничего не видя сквозь заливающий глаза едкий пот, Басманов все же добежал дистанцию до конца. Свалился на чахлую траву в тени перистой акации, сбросил горячую и мокрую изнутри каску, расстегнул замки бронезилета. Бежавшим вместе с ним офицерам было явно легче, они перешучивались срывающимися, впрочем, голосами, кое-кто даже закурил. А Басманову хотелось только лежать, откинувшись на ранец, смотреть в бледно-желтое небо и, если бы можно, глотнуть воды, какой угодно, пусть даже из болота, из лужи полувысохшей. Но воды не было и не будет до самого обеда.

За ближним холмом трещали автоматы и гулко хлопали ручные гранаты.

— Ну и как тебе, ваше высокоблагородие? — К Басманову подсел Мальцев, назначенный командиром взвода. Вопрос бессмысленный, и так все видно, но Басманов честно ответил и, словно оправдываясь, стал объяснять, что конноартиллеристам даже при экстренном отступлении рекомендуется рубить построения передков и зарядных ящиков, но спастись все-таки верхами...

— Это мне понятно, непонятно другое... Какая необходимость дрессировать нас именно здесь? До Африки вроде бы путь еще неблизкий...

Вопрос Мальцева никак нельзя было назвать праздным. Проскочив Дарданеллы, пароход «Валгалла» поначалу взял курс на юго-восток, то есть примерно к Суэцкому каналу, но вечером вдруг стал сбавлять ход и наконец совсем остановился. Сквозь сон пассажиры слышали, как гремит и лязгает якорная цепь.

Рассвет же осветил зеркальную гладь штилевого моря и желто-бурые холмы острова, судя по расстоянию от Дарданелл — из архипелага Киклады.

После завтрака началась выгрузка. Пароход кормой подошел к берегу метров на пятьдесят, опустил с обоих бортов десантные трапы, и волонтерам пришлось прыгать прямо в воду, спотыкаясь на подводных камнях, отплеываясь и матерясь, брести к берегу.

— Все нормально, господа! — подбадривал их Шульгин, стоя по колено в пене прибоя. — Десантирование тоже входит в программу. Скажите спасибо, что пока без оружия и снаряжения. А зимой и в шторм так вообще...

Построившись в колонну, мокрые офицеры под предводительством Шульгина и инструкторов, как водится — бегом, двинулись к разделяющей гряде холмов седловине. А за ней их ждал лагерь. Вполне нормальный, с желто-синими палатками, грибок для часового и обозначенной главной линией.

Настоящим потрясением были лагерные сортиры. Вот такого видеть не приходилось никому. Собранные из блестящих металлических труб и незнакомого материала, похожего на цветную лакированную фанеру, с отдельными кабинками, в которых на специальных кронштейнах вращались рулоны мягкой сиреневой бумаги, а в умывальниках из кранов текла горячая и холодная вода, они, наверное, оказали бы честь и царской ставке. Там, в Могилеве, как помнил Басманов, были обыкновенные, сколоченные из соснового горбыля...

На состоявшемся через полчаса построении Шульгин, представившийся как начальник учебно-тренировочных сборов, довел до сведения личного состава распорядок дня и прочие необходимые сведения.

— Вы меня еще не знаете, господа, но вы меня узнаете! — пообещал он в заключение. — В моем лагере трудно не будет. Будет ОЧЕНЬ трудно! Но и в итоге вы меня будете благодарить. Горячо. Потому что, во-первых, где бы вы ни оказались впоследствии, там наверняка будет лучше, чем здесь. А во-вторых, тому, чему вас здесь научат, не научат больше нигде. Вам никогда не придется опасаться за свою жизнь и безопасность. Обещаю, что на Земле не найдется человека, способного справиться в одиночку с выпускником моей школы. Правда... до вы-

пуска надо еще дожить. Шучу, шучу, господа. Сейчас вольно, прошу садиться вот здесь, по склону. Кто хочет — курите. Мы приготовили для вас небольшое представление силами инструкторского состава.

И представление немедленно началось. Вначале на площадке появились два одетых в пятнистую форму здоровенных мастер-сержанта и изобраили рукопашный бой. Инструкторы бросались друг на друга с ножами и саперными лопатками, замахивались штыками и прикладами, били в невероятных прыжках и пируэтах ногами и руками в голову, грудь, живот противника, перекатывались через голову и вновь вскакивали целыми и невредимыми. Уследить за подробностями схватки было почти невозможно.

Когда единоборцы завершили драку (кто в ней вышел победителем — Бог весть), около десятка инструкторов, отличающихся цветом касок, продемонстрировали групповой бой за укрепленную позицию. Это тоже мало походило на что-нибудь привычное, хотя каждый второй из зрителей участвовал в штыковых атаках на вражеские окопы.

— Полный... — криво усмехаясь и затягиваясь папиросой, сказал Басманову подполковник Сугорин. — С такими, действительно, и батальоном не справишься.

— Точно, — подтвердил есаул Короткевич, — в них, подлецов, не то что штыком или шашкой, из «нагана» не попадешь. До чего верткие!

Потом вообще началось невообразимое. С ревом на поле появился танк. То есть танком это чудовище можно было назвать лишь потому, что оно имело торчащую из скошенного лобового листа длинную пушку, громыхало гусеницами и плевалось синим дымом. В остальном же отличалось от нормального танка, как «Делоне Бельвилль» от телеги. Вздыхая мелкую, как пудра, красно-коричневую пыль, оно (самоходная артиллерийская установка калибром сто миллиметров, сокращенно — САУ-100) начало метаться по полю, а те же инструкторы, не только пятнистые, но и стремительно-гибкие, как пантеры, чудом не попадая под гусеницы, запрыгивали

на броню, вели беглый огонь по сторонам из автоматов и ручных пулеметов, соскакивали обратно, изображая действия танкового десанта, как пояснял через мегафон Шульгин, а затем, превратившись в неприятельскую пехоту, показали, как с такими созданиями можно бороться. Вначале сама мысль об этом казалась абсурдной. Но, увидев, как сержант вначале, словно охваченный паникой, бежит зигзагами по полю от неумолимо догоняющей и трещащей пулеметом машины, а потом вдруг бросается на землю, под сверкающие гусеницы, распластавшись, пропускает танк над собой и, привстав на колени, швыряет на моторную решетку дымовую пашку, изображающую гранату, офицеры изменили свое мнение, хотя представить себя на месте инструктора было жутковато.

Демонстрация заняла не меньше часа. После ее завершения волонтеры расходились слегка пришибленные, «обалдев сего числа».

Понимая, что людям нужно дать прийти в себя, Шульгин объявил, что после оборудования лагеря все свободны до вечера, а к обеду и ужину распорядился выдать красного сухого вина.

Обсыхая на гладких каменных плитах после купания в море, Басманов вместе с окончательно сложившимся кружком наиболее близких приятелей говорили все о том же: о невиданной технике и невероятном уровне подготовки своих инструкторов.

— Как хотите, господа, не возьму в голову, зачем еще и мы, если наши хозяева уже имеют таких солдат? — спросил капитан Терешин, известный геройским побегом с Лубянки.

— Голос крови, господа, — пошутил Эльснер. — Желают иметь преторианцев исключительно из соотечественников...

— Поручик, пожалуй, прав, несмотря на молодость, — кивнул Сугорин. — Вот вообразите для примера, что наши «наниматели» — слово «хозяева» мне не нравится — на самом деле занимаются серьезными делами в Африке ли, в Америке... И кто может быть на-

дежнее, чем мы — вояки без родины да с таким опытом. Штучкам этим обезьянским мы в конце концов научимся, невелика премудрость, а вот поведению в настоящем бою... Вы, может, не видели, а я видел, когда помощником военного агента в Париже был, — ни американцы, ни англичане так, как мы, воевать не могут. Как хотите, но любая армия, кроме нашей, в пятнадцатом году просто побежала бы... От Перемышля и сразу до Смоленска, если не дальше...

Слова Сугорина встретили полную и общую поддержку. Да и в самом деле — кроме гражданской с ее Ледяным походом, боями на Дону, Украине и под Орлом, почти каждый из присутствующих воевал или еще в четырнадцатом у Гумбинена и Танненберга, или в пятнадцатом на Карпатских перевалах, прорывал австрийский фронт с Брусиловым, штурмовал обледеневшие стены Эрзерума с Юденичем...

— А с такими танками и автоматами мы бы от Орла до Москвы за день доперли... Какая у него скорость, верст тридцать?

— А пятьдесят не хочешь? — засмеялся довольный тем, что знает все раньше и лучше всех, Мальцев.

— Ну так вообще за четыре часа!.. И ни одна сволочь не остановила бы!

— Если бы да кабы... Если бы дураками не были, с Корниловым еще летом семнадцатого идти надо было... — Штабс-капитан выругался не зло, а скорее печально. — А теперь в чужих краях кровь проливать придется. Знать бы, чью...

— А знаешь, что я подумал? Слишком это все серьезно. Не задумали часом наши друзья-хозяева обратно у англичан Трансвааль с Оранжевой отбивать? И таких, как мы, по всему свету сейчас собирают? Золота и алмазов у буров вволю... Нас вот да еще немцев на вербуют, они там у себя тоже с голодудохнут, а вояки — сами знаете... С таким оружием много и не надо, тысяча десять — и порядок.

Басманов в рассуждении своей предстоящей долж-

ности предпочитал лишнего не говорить, даже товарищам, но сейчас не сдержался.

— Интересная мысль, — увлеченно поддержал его Давыдов. — Романтично даже. Восемнадцать лет копили сокровища, делали новейшее оружие, разрабатывали планы — а сейчас решили начать...

— Не знаю, Миша, ей-Богу, не знаю, — обращаясь к Басманову и пропустив мимо ушей слова поручика, сказал Сугорин, — да не слишком хочу и задумываться. Как считаешь, чего я сюда пошел, зачем в Крым не вернулся?

— Да никак не считаю...

— Врешь, все об этом думают. Не верю я в победу. Ты после Новороссийска, я после Одессы. Ничего не выйдет, конец! Еще месяц, другой... Слащев с пятью тысячами зимой Крым спас. Так они против него сто, двести тысяч бросят, миллион. Народу хватит. И тогда здесь, в Константинополе, такое начнется, что наша с тобой эпопея — детский крик на лужайке...

— Да оставь ты, тошно слушать. Решили — значит решили. И хватит. В Африке проживем, на негритянках переженимся. Всю жизнь мечтал попробовать... Смотри, вот наш «классный дядька» идет, он тебе покажет крик на лужайке...

...И неделю, и другую, с утра до вечера, а часто и ночь напролет Шульгин при помощи роботов-инструкторов превращал белых офицеров в «зеленых беретов». Впрочем, «зеленые» — это так, по аналогии, а на самом деле он еще не придумал, какой характерный знак отличия следует придать своим питомцам. Что берет — ясно, штука удобная для ношения в полевых условиях и достаточно выразительная зрительно. Но цвет? Красный — не подходит по очевидной причине, белый — маркий, синий — не гармонирует с камуфляжем. Наверное, лучше всего будет черный. С белой или красной окантовкой. Спешить пока некуда, можно и еще подумать. Все равно этот знак принадлежности к новому ордену он решил вручать на выпуске, вместо диплома.

А пока до выпуска далековато.

Десятикилометровый кросс для разминки, завтрак,

изучение материальной части со стрельбой, преодоление штурмполосы, с каждым днем все более сложной, обед, часовой отдых. Боевая подготовка в составе отделения, изучение и практическое занятие по вождению джипа, грузовика, мотоцикла, самоходки, занятия по рукопашному бою, ужин, а там либо отдых и отбой, либо все то же самое в ночном варианте... И так каждый день, без выходных, по двенадцать часов в сутки минимально.

Зато кормили бойцов разнообразно и до отвала, по специально разработанным высококалорийным рационам, всякие экзотические фрукты грудами лежали на подносах в столовой, позволялось в свободное время выпить в меру желаний и возможностей, а красное сухое вообще выдавали вместо воды по причине его целебных свойств и жаркого климата.

По вечерам показывали фильмы изумительной четкости и даже — ДАЖЕ! — цветные и со звуком. В основном про таких же, как и они сами теперь, рейнджеров, сражающихся с какими-то жуткими арабами, аннамитами и вообще бандитами непонятных национальностей. Непрерывная стрельба, взрывы и море крови... Впрочем, на вторую неделю все привыкли к очередному чуду техники, не обращали внимания ни на длину картин, полтора часа вместо обычных для тех лет 15—20 минут, ни на двадцать четыре кадра в секунду, а лишь профессионально обсуждали действия персонажей. Правда, Шульгину для таких киносеансов приходилось выбирать фильмы, не имеющие явных анахронизмов, действие которых происходит в девятнадцатом или первой четверти двадцатого века, а из более современных боевиков вырезать неподходящие реалии.

А ночью, если выдавалась вдруг спокойная, офицеры, кого не сваливал сразу необоримый сон, сидели по палаткам или у костров, потягивали вино, пиво, а то и знаменитый гусарский пунш, почти как у Дениса Давыдова: «Деды, помню вас и я, испивающих ковшами и сидящих вокруг костра с красно-сизыми носами...» — и разговаривали, реже о прошлом и настоящем, чаще о будущем.

— ...Ты не думаешь, что мы перебираем? — спросил как-то Берестин у Новикова. — Не слишком ли круто? Футуршок не случился бы, однако... И Сашка наш совсем распоясался.

— Отнюдь. С тобой же не случился? А они все же в привычной компании, в своем времени, и столько уже за шесть лет повидали и пережили, что нашими фокусами их не потрясешь. Тем более постоянный медицинский контроль и условия, не считая тренировок, вполне курортные. Учти, кстати, что начало века к футуршокам куда больше располагало. Смотри сам — за девять лет от первого полета братьев Райт до «Ильи Муромца» и воздушных бомбежек — автомобиль, танк, автомат, ядовитые газы, дредноуты, кино, радио... Что там еще было? Ну да, телевизор через три года появится... Мировая война опять же, три революции, расстрел царской семьи... Из салонов серебряного века в подвалы Лубянки, камергер — в дворники, флигель-адъютант — в парижские таксисты... И, в общем, приспособлялись. Чем их еще потрясти можно?

А офицеры разговаривали о своем.

— И вы еще будете спорить со мной, господа? — спрашивал, любясь перечеркнувшим небо Млечным Путем, Сугорин. Он лежал, опираясь спиной на свернутый матрас у откинутой боковины палатки, рассуждал неторопливо, будто на лекции в академии, прерываясь иногда, чтобы отхлебнуть пива из пестрой банки. Очень ему оно отчего-то понравилось с первых дней. — Такого одновременного и секретного, именно секретного, господа, прогресса во всех областях науки и техники быть не может. Прогресс происходит постепенно, зародившись в одной области, изобретение или открытие распространяется на другие по определенным законам. Не буду останавливаться на деталях. Вы их сами знаете. А тут слишком много и сразу... Но что из этого следует?

— А ничего, ваше высокоблагородие! Ваши разумные доводы смешны именно потому, что направлены против очевидности. Как известное постановление французской академии про небесные камни... Ну что мы

с вами, армеуты серые, знаем о цивилизованном мире? Мы, как москвиты четырнадцатого века, живем только своими заботами — какой князь лучше, какой баскак свирепее и почему на ярмарке соль и жито.

Образованный поручик Эльснер по неистребимой остзейской привычке говорил с русским, даже старшим по чину, слегка поучающим тоном, сам этого не замечая.

— В то время как в Европе уже двести лет существовали университеты, триста лет — парламенты, Данте написал «Божественную комедию», Васко да Гама обогнул Африку, Бертольд Шварц изобрел порох, ну и так далее... Я тоже удивлен, скажем, совершенством исполнения автомобиля «Родж», а я, кстати, научился водить отцовский «Рено» в шестнадцать лет, но ведь и он на улицах Риги вначале ажиотаж и фурор производил. Или, думаете, аэроплан с ротационным мотором «Гном-Рон» менее удивителен? А что вы знаете об его изобретателе, устройстве и свойствах? В России, замечу попутно, до своих двигателей пока не додумались... Мы все дикари, господа, следует это признать, какое качество особенно убедительно продемонстрировали за годы паскудной гражданской войны...

— Ты, Павел Карлович, немец-перец-колбаса и русской души не понимаешь, пусть и живете вы, Эльснеры, у нас с времен Ливонской войны. Наша душа хоть и немумьгая, но романтическая. И нам, видишь ли, скучно твои объяснения слушать... — Поручик Давыдов сел на койке по-турецки, почесал волосатую грудь. — Господин полковник желает сказать, что сочинители вроде англичанина Уэлса правы, и наши хозяева обзавелись «Машиной времени», с помощью какой и натащили сюда всяких удивительных штук из далекого будущего... Так, господин полковник?

Сугорин возмущенно фыркнул, но промолчал.

— Такой сюжет не нравится? Извольте другой — француз Жюль Верн и роман «Пятьсот миллионов бегумы». Там уж точно про наши дела. И господин Новиков так же объясняли-с...

— Давайте уж дальше пойдем, поручик, — вмешал-

ся Басманов. — Атлантиду вспомним. Оттуда наши «соотечественники»...

— Вот-вот... Но пулеметы при этом у них отчего-то приспособлены под русский патрон образца восьмого года. Или капитан Мосин тоже из атлантов произошел?

— Скучно с вами, братцы, — Сугорин швырнул пустую банку в темноту. — Хотел я вам нечто действительно умное сказать, но теперь — атанде-с! Спите, пока по тревоге не подняли.

...Как-то утром Шульгин, внимательно следивший за успехами курсантов и отбиривший среди них наиболее способных, организовал занятия по специальным видам боя. После краткого теоретического вступления он продемонстрировал наиболее впечатляющие и одновременно вполне доступные приемы вроде метания в цель десантного ножа, обращения с кэжэцу-сеге — специфическим инструментом ниндзя, сочетающим в себе качества кинжала, абордажного крюка, копья, алебарды, аркана и пращи, а также использования сюрикена — заточенной до остроты золингеновской бритвы метательной звездочки.

С безразличным выражением лица, в расслабленной позе опытного картежника он легким движением кисти выбрасывал из специального футляра сверкающие стальные пластинки, и они с тихим жужжанием летели над полем, насквозь просекали фанерные щиты мишеней или срезали узловатые, в палец толщиной, ветки чахлых олив.

— Если придется, господа, так эта штука скорострельнее «нагана», и бесшумна вдобавок. При некоторой же ловкости рук ваши действия могут остаться вообще незамеченными. Так что рекомендую научиться. Есть и другие подобные устройства, более, правда, современные, с ними я вас тоже познакомлю. Человечество, должен вам сказать, за свою невеселую историю сумело придумать столько смертоубийственной гадости, что нынешние винтовки и пулеметы не что иное, как знак глубокого регресса...

На удивленный вопрос одного из слушателей Шульгин с двусмысленной улыбкой пояснил, что поскольку целью любой войны является достижение определенной политической цели, будь то захват территории, низложение неудобного правительства или контроль за рынками сбыта, то использование массовых армий, огнестрельного или упаси Бог химического оружия есть не что иное, как признак интеллектуальной ограниченности лиц, к таким средствам прибегающих...

— Вы же изучали историю войн, господа. И не мне вам напоминать, что с каждым веком и годом расходы на войну и количество жертв все больше, а результаты все мизернее. Ведь чем, к примеру, завершилась мировая война? А погибло на ней не меньше пяти миллионов.

А взгляните на собственные судьбы! Сотни тысяч лучших сынов России сложили головы, и что в итоге? Даю вам слово чести, две сотни по-настоящему умных и подготовленных бойцов в Москве и Петербурге через неделю поставили бы все на свое место! Как-то даже обидно, господа... Сколько там было боевых офицеров, героев-юнкеров, верных долгу жандармов, и что же? Какая-то Каплан стреляет в Ульянова — и мимо... А если бы так... — Успевший уже присесть на нагретый солнцем камень и закурить Шульгин вскинул правую руку.

Поясная пулеметная мишень, притаившаяся за кустиком белесой полыни, вздрогнула от серии жестких ударов.

Девять стальных граненых стрелок пронзили толстую фанеру насквозь, только крестообразные стабилизаторы не дали им продолжить бесшумный и страшный полет. Четыре из них торчали между воображаемых глаз левой фигуры, пять — в районе сердца правой.

— А всего-то и дел, господа... — Шульгин протянул зрителям продолговатый футляр пяти вершков в длину, похожий на рукоятку маузера. — Как видите, вполне эффективно. Ночью, на площади Финляндского вокзала... А были ведь и еще митинги, с другими «вождями». Так что прошу докуривать, и приступим к тренировкам...

...Ночной штурм укрепленной позиции. Все, как сотни раз до этого, на Западном, Галицийском, Кавказском фронтах. Две или три сотни шагов до вражеских окопов, шуршащая под локтями трава или липкая грязь, освещающие небо ракеты, три ряда унизанной шипами проволоки, на которой так страшно умирать под шквальным пулеметным огнем, когда еще не ранен даже, но колючки вцепились в гимнастерку или шинель, прочная ткань не хочет рваться, а все пули летят только в тебя, даже если когда и мимо...

Все точно так же, но есть и разница! Под краем каски лоб сжимает упругий ремешок, на котором закреплен приборчик размером с дамский театральный бинокль. И сквозь него — не ночь, а яркие зеленоватые сумерки, и на двести шагов все как на ладони: столбы, проволока, бруствер, головы часовых у пулемета, бугор блиндажа, даже этикетки развешанных на заграждении консервных банок.

Басманов и с ним еще двенадцать бойцов ползут, вжимаясь в землю (уж ползать-то их учить не надо, германская научила), достигают низко, у самой земли, натянутой проволоки. И не верится, что из окопов их не видно, вот же они, рукой подать. Но сдвинь на секунду приборчик с глаз — и глухая темень заливает все. Тучи низкие, дождь моросит.

За спиной, заглушая легкий звон разрезаемой проволоки, начинается ежечасный, плановый, бесприцельный огонь пулемет.

Проходы сделаны, целых пять, двухметровой ширины, по внешним, обращенным к своим позициям сторонам столбов — густые мазки специальным составом, ярко светящимся в темноте, чтобы не сбилась с пути вводимая в прорыв пехота.

И вот он, бруствер! Бесшумный и стремительный бросок вперед, прямо на головы напряженно всматривающихся в ночь часовых.

Часовые — свой же брат-курсант (новое, не совсем русское слово, раньше были «курсистки», и только), ничего не успевают понять, хоть и подготовка у них куда

лучше той, что у красноармейцев, в чью форму, для пущей ярости нападающих, они сейчас одеты.

Имитационный удар ножом под лопатку или спереди, снизу вверх, в солнечное сплетение. Градом, не жалея, тяжелые ребристые гранаты в двери блиндажей. Влево-вправо по траншее, опять же с броском гранаты за каждый поворот и с веером трассирующих пуль от правого бедра. Условленного цвета ракета в облака — позиция взята, путь свободен! И, не дожидаясь подтверждения, пошла пехота, не пошла — не твое дело, снова бросок вперед, ко второй полосе обороны! Там-то уже проснулись, забегали, громыхнул первый выстрел навстречу, но им по-прежнему ничего не видно, а автомат прицельно бьет на двести шагов, уже на сто — точно, граната летит на сорок, штурмовая группа забирает сильно в сторону от потревоженного участка, и пока они там палят в белый (точнее — в черный) свет, двенадцать остервеневших даже от игры офицеров перекатом через бруствер снова сваливаются в траншею. По паре гранат еще осталось, пояса увешаны магазинами, тридцать патронов в каждом. И все сначала.

Как у Маяковского: «Сдайся, враг, замри и ляг»!

...Уже на рассвете, когда зазеленел и заалел край едва видного за холмами моря, к сбросившему бронезилет и каску Басманову, обсыхающему на теплом ветерке, подсел вольноопределяющийся Лыков, девятнадцатилетний бывший правовед, имевший несчастье или чрезмерный оптимизм вступить в полк за месяц до эвакуации Одессы.

— Господин капитан, извините, но мне кажется, что нас готовят к чему-то совершенно ужасному. Несовместимому с понятиями цивилизованного человека...

— О чем вы, юноша?

— Вот эти... приборы ночного видения. Это же все равно что убивать спящих. Противник ничего не подозревает, а мы видим его как днем. Подползаем и — ножом между лопаток.

— Не понимаю вас. А когда я с наблюдательного пункта замечаю в бинокль ничего не подозревающего противника на привале и даю команду: «Батарейя, шрап-

нелю, четыре снаряда беглых!» — это не то же самое? Или когда наша разведка в ночном поиске натывается на минный фугас?

Лыков, похоже, был поставлен словами Басманова в тупик. Он долго смотрел красивыми карими глазами на носки капитанских ботинок, теребил застежку ремня, пару раз вздохнул.

— Нет, мне кажется, здесь все-таки нечто другое. Вот как нельзя было использовать газы...

— Знаете, вольноопределяющийся, вам стоит подумать, не сменить ли, пока не поздно, профессию? Хотя... Прокурору или судье тоже приходится решать сомнительные с точки зрения чистого гуманизма проблемы. Вы предпочли бы остаться висеть на проволоке вместе с половиной батальона? В Галиции я такого навидался... Утром полк штатного, в две тысячи штыков, состава, а вечером из него делают сводную роту. Чтобы назавтра было кому попробовать еще раз.

Но когда Лыков ушел, Басманов ощутил в словах юного идеалиста некую странную правоту. Будто и в самом деле изучаемое оружие и способы его применения в чем-то не соответствуют понятиям воинской чести.

— Да ну, все это совершенная ерунда, — сказал он сам себе вслух. И постарался забыть о странном разговоре. Предпочел порадоваться, что на третьем году дикой и бесчеловечной войны остались еще такие вот вольноопределяющиеся, с нормальной человеческой душой.

Но какая-то заноза от разговора все равно осталась.

...Подполковник Сугорин, освобожденный по возрасту от наиболее «крутых», как выразился Шульгин, тренировок, имел время для стратегических размышлений. Результатами которых и поделился на очередных посиделках у костра. Листая при этом карманный, но очень подробный Атлас мира берлинского издания 1914 года.

— Насчет отвоевания Южной Африки у англичан, конечно, чушь собачья, господа. А вот вариант куда более реалистический, — он ткнул пальцем в карту Южной

Америки. — Район в верхнем течении реки Парагвай. Вот весь этот кусок, вдоль границы с Боливией. Места довольно благодатные, приличный климат, много свободной земли. Подняться вверх по Ла-Плате, отхватить лоскуток с половину Франции — и живи. Мобилизационные возможности Парагвая — тысяч сорок полуграмотных метисов и неграмотных индейцев с винтовками времен турецкой войны семьдесят седьмого года. С тыщонку таких, как мы, — и воевать там долго будет некому. Да и то, если не подкупить тамошнего президента самым российским образом. Кто желает поспорить, господа? Недорого возьму, ужин на всех в лучшем ресторане Асуньсьона...

— Если таковой там вообще существует, — выразил легкое сомнение Мальцев, но пари принял.

— А я, господин полковник, тоже предлагаю спорить, — вмешался неугомонный Эльснер. — Если нашим нанимателям в самом деле нужна свободная земля под удельное княжество, так мой вариант — не Парагвай, а Аргентина. Климат там еще лучше, куда ближе к отечественному, и владение выйдет попрезентабельнее. Воевать же нам все равно с кем, итог заранее известен...

— Если не вмешаются великие державы, — слегка поправил его поручик Давыдов.

— А сие уже не наша забота, на то начальство есть. Так спорим?

...Дня через два произошел случай, многими почти не замеченный, но кое-кому давший новую пищу для размышлений.

Как уже говорилось, все курсанты проходили подготовку в вождении автобронетехники. В том числе и мотоциклов — кроссовой одиночки и тяжелого с коляской, вооруженного пулеметом. Шульгин считал, что езда на мотоцикле имеет не только утилитарный, но и некий высший смысл — как средство воспитания бойца нового психологического типа. С ускоренной реакцией, умением принимать мгновенные решения в нестандарт-

ных ситуациях и многими иными полезными качествами. Большинство офицеров, и Басманов в их числе, элементарным навыкам обучились быстро, то есть довольно спокойно могли вести мотоцикл по дороге и не слишком пересеченной местности на скорости сорок-пятьдесят километров в час. Однако нашлось с десяток по-настоящему талантливых учеников, фанатиков двух колес и скорости, в основном из тех, кто и раньше умел водить «Индианы» и «Дуксы».

Одним из таких спортсменов и был штаб-ротмистр Сумского гусарского полка Барабашов. О нем Шульгин, почти не преувеличивая, говорил, что если этим парнем подзаняться всерьез, то через полгода вполне можно выставлять на первенство Союза. И как раз он-то, проходя узкий и крутой серпантин, не удержал свой «Иж» на дороге. На стокилометровой скорости мотоцикл подпрыгнул на выбоине, сделал свечку, отчаянно взревел мотором, плавно переворачиваясь в воздухе, и рухнул на каменистую тропу — и все это под взглядами Басманова и еще двух десятков человек. В клубах пыли человек и мотоцикл вначале кувыркались вместе, потом порознь.

— Амба, — выдохнул кто-то рядом с Басмановым. — Отъездился...

Действительно, при виде тела, с размаху ударившегося об землю, а потом отброшенного еще на два десятка метров и сейчас лежащего, раскинув руки, среди острых камней, что-то другое сказать и подумать было трудно.

После мгновения замешательства курсанты кинулись, обгоняя друг друга, к месту происшествия.

Но поставленный как раз на такой случай робот, зорко наблюдавший с холма за трассой, оказался проворнее.

Лавируя между обломков скал, его «Додж» пронесся по косогору, затормозил у ног ротмистра, не подающего признаков жизни, и еще через пару секунд вновь помчался, подобрав пострадавшего, в сторону санитарной палатки.

Шульгин, сам участвовавший в кроссе, вылетел из-за

поворота, увидел толпу на дороге и сразу все понял. Сбросил газ. Приостановился, коротко бросил: «Кто?» — и, получив ответ, рванул вслед за «Доджем».

Барабашов лежал на кушетке, запрокинув голову. На покрытом пылью лице кровь была почти незаметна. Робот, исполняющий роль фельдшера, только что защелкнул на его руке браслет гомеостата. Шульгин, задержав полог палатки, бросил на пол шлем и перчатки.

— Никого не пускать, — приказал он второму роботу и наклонился над ротмистром. Желтый цвет почти полностью покрывал экран гомеостата, только узкий зеленый лучик пересекал его, показывая, что человек еще жив.

Диагноз был ясен Шульгину без всяких исследований. Перелом основания черепа. Возможны также множественные повреждения внутренних органов, не считая переломов конечностей. По всем признакам, в нормальных обстоятельствах — не жилец. Но раз зеленый сектор еще светится — гомеостат его вытянет с того света. Механизм действия прибора был Шульгину абсолютно непонятен, какой-то внутриклеточный резонанс, субатомная активизация реликтовой регенерации, но в эффективности браслета он не раз убеждался на практике.

Потому и сказал собравшимся у палатки офицерам:

— Что вы паникуете? Никогда с коня не падали? Кто там на отсутствие попа сетует? Надо будет, я сам не хуже попа заупокойную службу прочитаю. Только, к вашему сведению, в ближайшее время погулять на поминках не придется. И отмены занятий на предмет похорон тоже не будет. Полчаса перекура — и вперед! Что касается Барабашова, то имеет место контузия и несколько царапин. Вечером, в крайнем случае завтра утром, будет в полном порядке. Вопросы есть?

Так и получилось. Утром ротмистр, сияя, как новый пятак, по случаю трехдневного освобождения от тренировок, появился в своей палатке. До обеда валялся на койке, а на обеде рассказывал всем желающим, что стукнулся здорово, и минут пятнадцать ничего не сооб-

ражал. Однако оклемался быстро. «И вот, господа, какое везенье, по скольким камням прокатило — а хоть бы что! Точно такой случай был на Западном фронте. Там у корнета Савкина снаряд прямо под брюхом коня разорвался. Мы его с дерева снимали. Нет, не коня, самого Савкина. И в чем весь цирк? Сам целехонек, а штаны и гимнастерка — фьить! Исключительно в одних подштанниках висел!»

— И вы мне снова станете говорить, что никаких чудес? — спросил у Басманова Сугорин, когда они отошли от жизнерадостного ротмистра. — Голову на отсечение — всмятку разбился Барабашов. Я же своими глазами видел, какой он был, когда сержант его в машину укладывал. Покойник натуральный, руки и ноги болтались, шея свернута. Будто я покойника от контуженного не отличу...

— Ну и что? — отмахнулся Басманов. — Чего только сгоряча не померещится. Но вот же он, покойник, живехонек! Хотите сказать, у наших отцов-командиров еще и живая вода имеется? Ну и слава Богу. Хотел бы верить. Глядишь, и нас с вами сбрызнут при случае... Тьфу-тьфу-тьфу! — Басманов сплюнул через плечо три раза и перекрестился.

— В этом смысле оно, безусловно, так, — согласился Сугорин. — Однако удивляюсь вашему... э-э, не критическому подходу к действительности. Не знаю, что там дальше будет, но предпочитаю заблаговременно составить собственное мнение. Глядишь, настанет момент, когда и пригодится...

— Нет, полковник, вы что, действительно считаете этих господ... Кем? Чародеями, колдунами, в самом деле гостями из будущих времен или, как говорил я в прошлый раз, в шутку, разумеется, замаскированными атлантами?

— Не знаю... Не знаю... А в том, что дело здесь не чисто, уверен на все сто. Наблюдайте, Михаил Федорович, может, и вам что-то откроется.

...Наконец Шульгин с Берестиным признали, что для начала, пожалуй, хватит. Если против настоящих профессионалов конца века посылать свою гвардию было бы и рановато (впрочем, еще как сказать), то против не только Красной, а и вообще любой армии нынешнего мира — запросто. Вооружение плюс боевая подготовка делали их силой, противопоставить которой на Земле было некого и нечего.

Да и на вид бывшие белые офицеры разительно изменились. Специфические тренировки привили им совершенно иную осанку, походка стала пружинисто-скользящей, движения вне боя — замедленно-плавными, рациональными в каждом жесте, даже рисунок мышц стал другим, чем у спортсменов начала века. И лица тоже поменялись — дочерна загорели под средиземноморским солнцем, скулы обтянулись, взгляд приобрел постоянную настороженность, цепкость, и вообще в каждом отчетливо проявилось нечто волчье. Сдержанной мимикой, короткими улыбками, массой неуволвимых деталей почти каждый напоминал героев тех самых боевиков, что с таким удовольствием смотрели. Новиков даже занес этот факт в свой дневник. В батальоне теперь можно было найти аналоги Юла Бриннера, Стива МакКуина, Сталлоне, других мастеров стрельбы и мордобоя. Феномен вполне понятный: когда в 62-м по экранам прошла «Великолепная семерка», уже через неделю полсоюза ходило, одевалось и стриглось «под Криса»...

Стиль речи у офицеров и то стал не совсем русским — сказалось общение с инструкторами, да и Шульгин с товарищами разговаривал на совсем не чеховско-бунинском языке.

Проходя перед выстроенным для последнего смотра батальоном, Воронцов тихо сказал Новикову:

— Правильно я Антону ответил — что мне твои роботы, и пострашнее роботов найдутся... Не боишься таких в Россию запускать?

— Уж как-нибудь! Не опаснее Тухачевских, Бела Кунов и прочих латышских стрелков. Небось русских детей и стариков шашками рубать и газами травить не

будут. Ну может, шомполами поучат кой-кого, так у «АКМ» шомпола короткие. А на фронте... Как говорили мы с товарищем Сталиным — «Нэмци хатэли получить истрэбитэльную войну — они ее получают...»

— Смотри, командир, мое дело морское.

Объявив об окончании курса первоначальной подготовки — по строю прокатился легкий шум, не то удивленный, не то радостный, — Берестин добавил, что вместо приема присяги каждому будет предложено подписать контракт. И тут же оный зачитал. На слух Басманов воспринял его как вполне подходящий. Срок службы — один год с возможным, но не гарантированным продлением. Плата за службу — по должности, но и для «рядовых» — по любым меркам генеральская, плюс доплата за последний чин в русской армии. Множество всяческих льгот, включая выходное пособие после окончания службы и бесплатный проезд в любую точку земного шара. Страховка на случай ранения или смерти. И даже право не выполнять приказ, противоречащий обычаям ведения войны и принципам офицерской чести. На фоне всего этого вполне невинным выглядел пункт: «Обязуюсь и даю слово чести служить в любом указанном командованием месте, стойко переносить тяготы и лишения. В случае нарушения любого из пунктов контракта и совершения поступков, противоречащих его духу и букве, подлежу немедленному увольнению без пенсии и вышперечисленных льгот и вознаграждений».

Учитывая размер жалованья и прочие блага, волонтеры сочли этот пункт вполне справедливым.

Затем Шульгин вручил каждому форменные береты. Он все-таки решил не заниматься плагиатом и цвет выбрал, ни в одном роде спецвойск не используемый — светло-шоколадный с трехцветным эмалевым щитком-кокардой.

И наконец, в ознаменование торжественного события был дан банкет. В ресторанном зале первого класса на пароходе, в полном составе волонтеров, «хозяев» и «пассажиров», к которым Басманов отнес женщин и еще каких-то непонятных людей в штатском, немоло-

дых, «профессорского» вида. Но, конечно, главными здесь были дамы! До этого вечера офицерам лишь изредка удавалось видеть их соблазнительные фигуры, когда они прогуливались по солнечной и шляпочной палубам да время от времени катались на яхте в примыкающей к лагерю бухте.

В такие моменты все имеющиеся бинокли, прицелы и прочая оптика без специальной команды безошибочно захватывали цель и сопровождали ее до последней возможности.

В довершение всего каждый офицер получил от «фирмы» сюрприз — полный комплект российской парадной формы. Так что вечером зал, и без того роскошно убранный, сверкал золотыми и серебряными эполетами, погонами, аксельбантами, поскрипывал сторублевыми шуваловскими сапогами, звенел шпорами, словно Георгиевский зал Зимнего дворца в дни царских приемов.

Женщины же, очаровательные сами по себе и сто крат — для офицеров, вообще не видевших приличных дам целую вечность, одетые в сногшибательные туалеты, эффектно причесанные и талантливо покрашенные, имели успех, какого никто из них, за исключением разве Сильвии, и представить себе не мог.

Не зря они разучивали соответствующие времени танцы! Сказал бы кто той же Наталье Андреевне, что за один только вечер ее будут приглашать на вальс и мазурку природные графы, бароны, один настоящий князь Рюриковой крови лейб-гвардии драгунского полка, ротмистр Стригин, флигель-адъютант Его Величества!

Уж если сказка — так сказка, сон — так сон!

Да и к офицерам словно вернулось давно забытое прошлое. Не ко всем, конечно: рейнджеры из прапорщиков военного времени, подпоручиков ускоренных выпусков, ротных и полуротных командиров Богом забытых номерных полков вообще никогда в жизни не видели ничего подобного. Ни приборов «на шесть хрусталей», ни заливной осетрины и котлеток «де воляй», шампанского «Клико» и «Мумм» и коньяка «Энесси», да, наконец, пресловутых и на века прославленных Северя-

ниным и Маяковским ананасов. Потому как, вопреки коммунистической пропаганде, царский обер-офицер мирного времени получал раза в три меньше квалифицированного рабочего и ел досыта не каждый день. Так что не за фамильные имена и особняки в центре Петербурга и Москвы большинство из них ходили в отчаянно-безрассудные «психические атаки», столь колоритно изображенные в «Чапаеве» и в «Хождении по мукам».

Но зато сейчас, пусть хоть на краткий миг, любой из них мог почувствовать себя настоящим аристократом и хозяином жизни. Пусть даже те, о ком сказано выше, робея и стесняясь в обществе блестящих, увенчанных забытыми уже вензелями на погонах и эполетах боевых друзей, скромно теснились за дальними столиками, не рискуя приблизиться к царственным дамам, даже и они могли сполна насладиться восставшим, как град Китеж из вод, уголком «России, которую потеряли»...

А ведь на самом-то деле, пусть никто об этом пока не подозревал, именно они, выпивающие, танцующие, смеющиеся или грустящие на этом, может, первом, а может, и последнем балу, научившись тому, чего, кроме них, на всей планете не знал и не умел пока никто, прикоснувшиеся не только к новой технике, но и к новому стилю мышления и поступков, именно они, первые офицеры армии, которой только предстояло появиться, оказались сейчас кандидатами в новую аристократию новой России.

Которая возникнет при одном маленьком, но необходимом условии — если удастся довольно-таки бредовый с точки зрения исторического материализма план...

А «Валгалла» между тем, пока гремел музыкой и звенел бокалами банкет, пятнадцатиузловым ходом возвращалась к Босфору.

Когда первые, самые крепкие телом и духом бойцы, освежившись после сна пивом или чем-то поосновательней, стали появляться на палубе, они увидели только без-

границную морскую гладь и синее, без единого облачка небо. Праздник продолжался.

Прогуливались, разговаривали, обменивались впечатлениями о волшебной ночи. Пока кто-то из наиболее наблюдательных не воскликнул с удивлением:

— Господа, но мы ведь на север плывем!

Вначале эта новость не слишком многих заинтересовала, мало ли в море путей, но постепенно настроение менялось, нашлись люди, настолько сведущие в географии, что объяснили — нигде, кроме как в Черном море, находится пароход не может. А раз так — впереди Крым!

Басманов, от которого, как от официально назначенного командира, потребовали объяснений, знал не больше других, что не прибавило ему авторитета. Когда страсти в достаточной мере накалились, на площадке ведущего с надстройки на ют трапа появился Новиков.

Волонтеры уже привыкли, что у их хозяев существует своеобразное разделение труда. Андрей в их глазах как раз и занимал положение министра иностранных дел. Да, пожалуй, и внутренних тоже. По крайней мере, к военным вопросам он в отличие от Берестина и Шульгина интереса почти не проявлял.

Новиков постоял несколько минут, опершись локтями об ограждение и словно прислушиваясь, о чем спорят внизу, потом, увидев, что его появление замечено, неторопливо сошел на палубу.

— Так. День добрый, господа. И о чем же шумят народные витии? — с постоянной своей полуулыбкой осведомился он. Выслушал вопросы, как прямые, так и риторические, после чего сделал останавливающий жест.

— Будем считать, что в данный момент мы вне строя и беседуем вполне свободно. Время приказов еще придет. Однако... Кажется, не далее как вчера вы все подписали контракты, пункт восьмой коего гласит... Вижу, все вспомнили. Я мог бы этим и ограничиться. Однако, по словам Суворова, всяк солдат должен знать свой маневр. Посему скажу... Только сначала давайте пройдем, ну, хотя бы в кормовой салон. Господин капитан, — обра-

тился он к Басманову, — прошу собрать весь личный состав. Скажем — через пятнадцать минут. Чтобы не пришлось потом повторять и во избежание вызванных искаженным пересказом превратных толкований.

Когда весь батальон заполнил просторный зал, отделанный красным деревом и украшенный цветными фотопанно с видами африканской саванны, в дверях вновь появился Новиков, теперь в сопровождении Берестина.

— Так вот, — без предисловий начал он, — должен вам сообщить для уяснения общей задачи, что идем мы действительно в Россию, в Крым.

Нам туда очень нужно, причем на территорию, занятую большевиками. До последнего времени мы не оставляли надежды, что доблестная Добровольческая и прочие белые армии восстановят законность и порядок. Но с весны нынешнего года наши надежды слегка поколебались.

Вот мы и решили, что до тех пор, пока в руках русских войск остается Крым, есть хотя бы возможность без лишних сложностей высадиться на берег... Что? Вы спрашиваете, что нам нужно в России? Вообще-то для вас это малозначительно. Ваша задача — с боем или без такового — дойти до нужного места, вместе с нами, конечно, и постараться вернуться обратно... Но — скажу. В известном месте, ныне занимаемом большевиками, у нас осталось некое имущество, ценность которого, для нас по крайней мере, превышает все понесенные и имеющие быть впоследствии затраты... По достижении поставленной цели все получают особое, сверх оговоренного, вознаграждение, после чего продолжают службу на известных вам условиях. Вот и все... — Новиков сделал вид, что хочет встать и покинуть собрание. Однако ему не дали этого сделать.

— Мы, разумеется, не собираемся нарушать взятые обязательства, но хотелось бы кое-что уточнить. Не спрашивая о точном местонахождении, хотелось бы узнать, на какую глубину планируется рейд? — спросил подполковник Сугорин, незаметно, но закономерно за-

нявший вакантное место неформального лидера батальона. В этом сыграли роль и его возраст, и боевой, а больше дипломатический опыт, и специфические черты характера.

— Все необходимое вы узнаете в положенное время в виде боевого приказа, — скучающим тоном ответил вместо Новикова Берестин. — Не мне вам объяснять — почему. Приказ, очевидно, последует непосредственно после прорыва фронта или позже, по обстановке. Командование операцией возложено лично на меня. Полковник Шульгин — мой заместитель. Соответствующий опыт у нас есть, прошу по этому поводу не беспокоиться. Лично я имею чин генерала, хотя и не российской армии, и получил его за руководство многими сражениями. Где, вы спрашиваете? Будет время — расскажу... Что рейд будет весьма глубоким — говорю сразу. Мне кажется, для вас задача трудной не будет. В тылах красных достаточно просторно. А в случае боевых столкновений... Сомнения есть? — Здесь Берестин позволил себе простодушно улыбнуться. Ответом ему был прокатившийся по залу грозный гул.

— Великолепно, господа. Я и не сомневался в вашем боевом духе и... здравомыслии. Сейчас можете отдыхать. К вашим услугам все имеющиеся на судне развлечения и запасы продовольствия. По прибытии же в Севастополь в первые дни увольнений на берег не будет. А там посмотрим... Желаю хорошо отдохнуть... — И уже выходя, приостановился, сказал так, чтобы его услышали все: — Да, Андрей Дмитриевич, я думаю, надо вывесить в салоне карту России с нанесенной на сегодняшней день обстановкой и организовать просмотр свежей кинохроники с фронтов... Распорядитесь, пожалуйста.

...Через час вестовой пригласил Басманова и Сугорина на обед в капитанскую каюту. Там, за хорошо накрытым столом, их ждали руководители экспедиции в полном составе, включая и малознакомых пока Воронцова с Левашовым.

Цель приглашения стала ясна офицерам только перед десертом.

— Скажите, полковник, а у вас не возникла мысль, — как бы между прочим спросил Берестин, накладывая в тарелку салат из тропических фруктов, — что в случае чего мы с вами могли бы выиграть всю гражданскую войну целиком? — Он постарался, чтобы его слова прозвучали шутливо. — А что? Прорвать фронт внезапным ударом мы можем, откроем путь полевым частям Крымской армии... Точно спланированными диверсионными операциями парализуем командование и управление красными дивизиями... Вы теперь не хуже меня представляете наши боевые возможности. Особенно если генерал Врангель не повторит прошлогодних ошибок Деникина...

Сказано-то было не всерьез, с улыбочками и веселыми комментариями со стороны Шульгина и Новикова, но Басманов вдруг не то по острому взгляду капитана корабля, не то по сумрачному настроению Левашова догадался, что разговор затевается совсем не шуточный. Примерно так же отреагировал Сугорин.

— Вся беда в том, что основные факторы, приведшие к поражению Деникина, продолжают действовать... Фронт прорвать нетрудно, даже и без нашей помощи, но дальше...

— Знаете, — перебил его Новиков с почти сталинской интонацией, — я человек не слишком военный, однако возьму на себя смелость заметить, что факторы, о которых вы говорите и которые подразумеваете, отнюдь не являются непреодолимыми. Мы, со своей стороны, всегда готовы оказать бескорыстную помощь командованию и здоровым силам Русской армии...

— Так вы на самом деле думаете изменить ход войны? — В голосе полковника прозвучало не удивление, а нечто гораздо большее.

И в ответ ему Берестин заговорил жестко и веско и стал неожиданно похож на генерала Корнилова последних дней боев за Екатеринодар.

— Надеюсь, господа, все дальнейшее вы сохраните в строжайшей тайне. Я не хочу сказать, что мы, здесь присутствующие, на самом деле рассчитываем впятером выиграть войну. Однако мы действительно думаем, что шансы использовать преимущества нынешней обстановки на фронтах и одержать победу в летне-осенней кампании есть, и они велики! Если все сложится так, как мы рассчитываем, упустить счастливый случай было бы непростительной ошибкой. Как вы считаете?

Сугорин не успел ответить, а Новиков вставил:

— Кстати, мы решили назначить вас своим главным военным консультантом. С соответствующими правами и привилегиями. Вы не против? Тогда первый вопрос к вам в новом качестве — если руководство действующей армией возложить на генерала Слащева, это может оказать нужное влияние на положение дел?

— Что значит возложить? Вы собираетесь сделать его главкомом? Но, насколько мне известно, сей вопрос в компетенции исключительно генерала Врангеля. Он же на такое никогда не пойдет...

— Вас не об этом спрашивают, — спокойно, но по-прежнему жестко прервал его Берестин. — Предположим, что есть способ убедить Петра Николаевича в необходимости такого шага. С сохранением за ним, разумеется, поста Верховного правителя...

— Вот даже как... — задумчиво протянул Сугорин.

— Именно так. Возможно, и не сразу, но Врангель должен понять, что не время вновь втягиваться в борьбу самолюбий... Тем более что Слащев ему не соперник. Просто мы считаем его наиболее способным на сегодня стратегом, отнюдь не государственным деятелем.

— И ведь что интересно, — добавил Шульгин доверительно. — Иногда труднее всего убедить человека сделать то, что ему же наиболее выгодно. Вот англичане и американцы умеют выдвигать на ключевые посты именно тех, кто способен наилучшим образом сделать дело. Отвлекаясь от остального. А у нас даже почти проигранная война никого ничему не научила; один шаг до стамбуль-

ских подворотен остался, а все никак не могут гонор свой смирить...

— Так объясните нам, наконец, господа, что же вы намереваетесь делать — фамильные реликвии спасать или все же войну выигрывать?

— Как-то вы слишком остро ставите вопрос, — разводя руками и простодушно округляя глаза, сказал Новиков.

— Мы же все-таки абсолютно частные лица. Симпатии наши, естественно, на стороне белого движения, и если мы чем-то сможем ему помочь, то, безусловно, сделаем это. Говорить же, что пять почти что иностранцев, пусть даже и располагающих своим маленьким войском и кое-каким вооружением, способны изменить ход истории, сокрушить многомиллионную Красную армию...

Это же несерьезно, господа офицеры! Коридор-то мы вместе с вами пробьем, хоть до самой Москвы, а уж насколько это поможет генералу Врангелю... — он пожал плечами.

— Другое дело, — негромко добавил Шульгин, разминая папиросу и глядя мимо собеседников в открытый иллюминатор, — что в нашем распоряжении такие возможности, которые позволяют при необходимости кардинально изменять в нужном направлении даже самые безнадежные ситуации. Я имею в виду...

Берестин сделал жест рукой, и Шульгин замолчал на полуслове. Но при этом сделал такое выражение лица, будто намекнул офицерам на скорое продолжение затронутой им темы.

— Мы вас, кстати, вот еще зачем пригласили, — перевел Берестин разговор на другую тему, — через сутки — Севастополь. Мы, согласитесь, в нынешней России люди почти чужие. Так вас не затруднит подумать, с кем из лично вам знакомых руководителей белого движения стоит иметь дело и каким образом наладить нужные взаимоотношения?

Мы не хотим никаких осложнений, поэтому заранее предупреждаем, что названные нами цели готовы осу-

ществить при сознательной поддержке авторитетных в России лиц... А вы подумайте, чем их заинтересовать, кроме, разумеется, общей для нас идеи спасения России.

У каждого ведь свои обстоятельства, так что мы готовы помочь... В решении финансовых проблем, обеспечении возможности, в случае чего, выехать в любую страну мира с предоставлением гражданства и так далее...

Да и вам, для облегчения задачи, создадим любые условия.

Например — если угодно, и вам выдадим американские паспорта. Господин Новиков имеет соответствующие полномочия от Госдепартамента. Если это почему-то для вас неудобно — предложите любой другой вариант легализации в Крыму и одновременно независимости и экстерриториальности по отношению к тамошним властям...

Увидев, что его личные гости (раз он принимал их в своей каюте) ошеломлены свалившейся на них массой информации, Воронцов прекратил беседу.

— Я думаю, господам офицерам следует отдохнуть, посоветоваться, все взвесить... до вечера.

— Имея при этом в виду, что любые действия, как бы они ни выглядели внешне, но направленные на благо Отечества, оправданны и моральны, — счел нужным уточнить Новиков.

— То есть цель по-прежнему оправдывает средства? — прищурился Сугорин.

— Как вам сказать? Наверное, если средства не являются чересчур аморальными или прямо преступными. Пример — агентурная разведка. Светскому человеку таким делом заниматься как бы низко, а вам, как бывшему военному дипломату, приходилось и даже было вменено в обязанность. Не так ли?

...Двенадцатиузловым ходом, демонстративно дымя высокими трубами, «Валгалла» прошла мимо Константиновской батареи, мимо уныло застывших на рейде ос-

татков Черноморского флота — линкора «Генерал Алексеев», старых броненосцев, дряхлых крейсеров, уставших от шестилетних походов и боев эсминцев, мимо неопрятных с ржавыми бортами транспортов и щеголеватого английского дредноута, плавно замедлила скорость и нагло вато, как и подобает судну под звездно-полосатым флагом, стала вытравливать якорную цепь напротив входа в Южную бухту. Примерно в полумиле от Графской пристани. И, словно некий символ, выйдя из-под нависающей с севера тучи, солнце блеснуло на золотых куполах Владимирского собора.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

«...Тяжелая, как в боевой рубке крейсера, дверь каюты захлопывается с тихим вздохом пневматического демпфера, отсекая и корабельную реальность, и фосфоресцирующее море за бортом, и вообще весь новый для нас «старый мир». В нем мне пока ничто не угрожает, и на корабле никого, кроме надежных товарищей и верной дружины.

А все равно под защитой бронепластиковых переборок как-то спокойнее и уютнее. Да и броня ведь только снаружи, а изнутри облицовка вполне штатская.

Я не стал изощряться в оформлении своего жилища, каждый входящий увидит обыкновенную секцию из просторного холла, кабинета и спальни, конечно, со вкусом оформленную, с хорошей мебелью, небольшой коллекцией холодного оружия, парой сотен самых любимых книг, но не более. Совсем не дворец Семирамиды... На берегу могут быть и, наверно, будут всякие другие жилища, может, роскошные дворцы, как и подобает лицам нашего ранга, а может, и попроще, деревянные, по фигуре, но эта каюта окончательная, и жить в ней, и тонуть, если что. Меня это радует. Хоть кое-что появилось постоянное в раздражающе непрочной действительности.

Но есть и у меня маленький секрет, о котором не стоит знать никому. Открываю скрытую за книж-

ными полками дверь и прохожу в убежище. Это тоже кабинет, но совсем другой.

Сажусь в старое, с потертыми подлокотниками коричневое кожаное кресло, перед тем, как начать писать, с удовольствием осматриваюсь.

Кабинет невелик, но уютен. Отражает хороший вкус, не мой, а давно умершего человека. Я давно мечтал именно об этом кабинете, с тех самых пор, как в раннем детстве, еще в пятидесятых, отец брал меня иногда в гости к своему приятелю, университетскому профессору, жившему недалеко от Чистых прудов. Мы тогда жили тесно и скудно, отдельная четырехкомнатная квартира, пусть и в невзрачном двухэтажном флигеле, казалась мне чудом.

Взрослые занимались своими делами, а меня сажали в это самое кресло, я включал настольную бронзовую лампу под зеленым шелковым абажуром с фестончиками, играл с грандиозным малахитово-чугунным письменным прибором (в нем было три чернильницы, батарея толстых, как сигары, перьевых ручек, пепельница, подставка для спичек и даже колокольчик для вызова секретаря) или, поскольку приказано было вести себя тихо, часами перелистывал тома Брэма и Элизе Реклю... И на всю жизнь остались в памяти отражения лампы в дверцах шкафов, запахи старой бумаги и кожи переплетов, дорогого табака — все ящики правой тумбы были забиты подарочными наборами «Богатырей» и «Запорожцев», добрый Василий Спиридонович всегда дарил мне пустые коробки с шуршащим, присыпанным золотой пылью станиолом внутри... Вот и воспроизвел я для себя его кабинет в память о детстве, об отце и его друзьях, о тогдашней Москве с долгими зимами и частыми метелями, с воем ветра за окном и потрескивающей в углу голландке, обложенной зелеными с золотом изразцами...

Нет, я на самом деле счастлив сейчас. Перед нашим «исходом» психическое состояние всей нашей компании, мое собственное в том числе, находилось на самой грани...

Как ни бравируй своей несгибаемостью, как ни убеждай себя — какие мы лихие и жесткие парни, мол, нипочем нам и пришельцы, и любые чудеса мироздания... А так, увы, не бывает! Какое-то время человек способен выносить запредельные нагрузки, будь то война, ленинградская блокада или тюрьма, но не до бесконечности же...

Воронцов в этом смысле покрепче нас, штатских, привычнее к одиночеству в толпе и к мучительным многомесячным плаваниям, а и то... Что же говорить о других? О терзаемом несчастной любовью и невозможностью хотя бы избежать ежедневных встреч с объектом своей страсти и «счастливым соперником» Берестине, о Сашке с его конфликтом между долгом по отношению к жене и желанием навсегда ее забыть в объятиях Сильвии, о Ларисе, и так не слишком уравновешенной, поставленной в ничем, кроме как чувствами к Олегу, не оправданные, трудно выносимые обстоятельства...

Профессионально изучая и оценивая обстановку, я со дня на день ждал внезапной катастрофы, психической эпидемии, если угодно.

А тут и меня самого достало. Последние события в Замке, сеанс приобщения к вселенскому гиперразуму. Таитья мне незачем, я готов был бежать куда угодно — в Древний Египет, в доколумбовы прерии, в сталинскую державу, лишь бы вырваться, соскочить с предметного стекла чужого микроскопа. Ну его к черту, это сверхзнание, этот шанс на бессмертие и власть над Вселенной! Я не хочу становиться деталью гиперкомпьютера и даже его оператором! Мне достаточно быть свободным человеком. На своей Земле. Нет, если я когда-нибудь дорасту до осознания абсолютной необходимости включиться в игры титанов, я в них сыграю. Отчего бы и нет? Но сейчас-то я этого не хочу...

Дай Бог, чтобы слова Антона оказались правдой, слова о том, что Высшие силы оставят нас наконец в покое. Но до каких пор, вот в чем «зе квесчен»! Пока

мы естественным путем не дозреем или пока наши способности не потребуются, чтобы в очередной раз изобразить ту самую соломинку, которой не хватает буйволу?

А так что же, так все хорошо, за бортом Черное море, скоро Крым, Россия... Осталось только победить!

Размышляя вот так, в тишине и покое, накануне решающих и слишком опасных для всех нас событий, я еще раз задумываюсь — в самый, наверное, последний раз, потому что завтра уже начнется новая эра и думать придется только о частностях, хотя и весьма масштабных, — а будет ли все-таки лучше? Не нам, о нас речь не идет, мы всегда сумеем устроиться, а вообще людям, русским — прежде всего?

Вроде бы все проработано наитщательнейшим образом. Не станет коммунизма, неоткуда будет взяться и фашизму? Скорее всего, так, но вдруг здесь не прямая связь? Россия сохранит свой генофонд, лучшие умы будут творить не в эмиграции, а дома, да еще и пользуясь неограниченной поддержкой, что и не снилось Сикорскому и ему подобным. Нашей поддержкой. Остановится заведенная на десятилетия машина самоуничтожения нации. То же почти бесспорно, но не на таких ли рассуждениях прокололся Антон с товарищами? Как угадать, какие мутации возникнут в обществе, пришедшем к революции все-таки почти естественным путем и на этом пути остановленном?

А как быть с новой, сейчас вот возникающей советской элитой, частично уже дорвавшейся до власти, частично ждущей своей очереди на власть и готовой биться за нее, не останавливаясь перед «большим террором»?

Не сработает ли некая «отраженная волна времени», не забродит ли нечто этакое в смутном подсознании нынешних крестьян-бедняков, помощников аптекарей, рабочих «от станка» и выпускников ЦПШ, которые в параллельной реальности уже побывали наркомаами, генералами и членами всяческих бюро? И

не берет ли во мне самом реванш Иосиф Виссарионович, якобы мною посрамленный и униженный? Оставивший на память о себе бред величия и стремление решать судьбы человечества?

На этом месте я отложил ручку, подошел к окну. Не к каютному иллюминатору, а нормальному высокому окну за плюшевой портьерой. Там, за припорошенными снегом и тронутыми морозным узором стеклами, синел ночной бульвар. Падали снежинки, изредка проезжали, медленно и плавно, «Победы» и «ЗИМы»... Компьютерная видеореконструкция моих же детских воспоминаний. Над бульваром иллюминация из электролампочек, покрашенных красной и зеленой красками.

Там, за окном, скоро Новый год. Кажется, пятьдесят восьмой? Днем мы с родителями смотрели в «Ударнике» «Карнавальную ночь», а праздновать пришли сюда... И из коридора должно пахнуть пирогами и индейкой, что доходит до кондиции в духовке...

Пришлось сейчас же выпить по случаю давно миновавшего праздника рюмку «Смирновской»: в тот раз, по причине юного возраста, не дали. М-да-а...

Но все же полегчало.

Чего так уж рефлексировать? Часовой механизм затикал, обратного хода нет, если только не развернуть сейчас корабль и не отправиться на самом деле Африку завоевывать...

Попутно я стал обдумывать новую гипотезу, теорию «стимулирующего удара». В историческом смысле. То есть, на мой взгляд, русская нация и русская государственность в силу особого набора закономерностей, случайностей и неквалифицированных вмешательств извне зашли в своеобразный исторический и психологический тупик. Революция и советская власть показали выходом. Не кому-то конкретно, а некоему, скажем так, «общему разуму». Такому же, как у муравейника. Никто из особей вообще не думает, а в целом выходит нечто осмысленное. У народа тоже, предположим, есть нечто подобное.

И вот, когда революция свершилась, миллионы наиболее цивилизованных и просто здравомыслящих людей заглянули в пропасть и ужаснулись, когда десятки миллионов обывателей с тоской и слезами вспоминают роскошную жизнь при старом режиме и уже не верят, что она вернется, как над гробом дорогого человека безнадежно и отчаянно мечтают, чтобы он вдруг воскрес — взять и все вернуть! Теперь-то всей мощью пропаганды и психологической науки конца века начать вколачивать в мозги новую систему ценностей! Да подкрепить все стремительным экономическим подъемом! Нэп, начатый на три года раньше, без тормозящей коммунистической власти и с мощным финансовым вливанием — тысяч пять тонн золота для начала хватит?

Думаю, в таком варианте ближайшие полсотни лет никакие радикальные идеи успеха иметь не будут. Но теоретическую сторону еще предстоит проработать, не зря мы везем с собой из Стамбула, кроме батальона офицеров, еще и десяток серьезных экономистов из «бывших», в том числе крупнейшего знатока денежного обращения профессора Трахтенберга.

Однако есть и еще проблема, не дающая мне покоя с самого последнего «сталинского» дня. Тогда я убедился, что даже власти диктатора, подкрепленной абсолютно послушным репрессивным аппаратом, не хватает, чтобы в корне изменить ситуацию. Я проработал там пять месяцев, и с каждым днем сопротивление среды возрастало. А что случилось бы, останься я еще на полгода! Сломал бы это слепое, инстинктивное сопротивление, или оно бы меня размазало по стенке?

А сейчас? Если взяться с другого конца, стать не диктатором, а этой самой, якобы неразумной средой? Активизировать не осмысленный властный импульс сверху, а противодействие идеям коммунизма снизу? Неужели не получится? И если нет, то как быть? Признать, что действительно есть в природе, не Бог, конечно, а абстрактная, ни от чего не зависящая и

самодостаточная сила? Логика истории? Или все-таки тот самый «некто», что играет со Вселенными, как Берестин с полками и дивизиями на компьютере?

Я снова ощутил себя, на одно, правда, мгновение, где-то там, на высших уровнях реальностей. Только теперь без шока и потери сознания. И пожалел о краткости ощущения. Еще бы хоть минуту, показалось мне, и проклятые вопросы разрешились бы все сразу. Но нет, всего лишь намек, однако намек обнадеживающий. Возможно, в следующий раз...

Я даже развеселился. Чтобы легкость и душевный подъем не испарились так же внезапно, как пришли, налил в серебряный бокал немного старого хереса. Подошел к полкам и снял зеленый с золотом справочник. Анахронический для здешней реальности: «Гражданская война в СССР». А ведь дурак главный редактор, как его? Доктор исторических наук, профессор Азовцев Н. Н. Какая же в СССР могла быть гражданская война, коли он возник аккурат после ее победоносного завершения? Посмотрим, а что же мы имеем на сегодняшний, пока еще не измененный день?

«...25 июля 1920 года Дроздовская и Марковская пехотные дивизии внезапным ударом отбросили с занимаемых позиций части 3-й и 46-й стрелковых дивизий Красной армии, и в образовавшийся прорыв устремились полки конного корпуса генерала Бабиева. В тот же день части русской белогвардейской армии вышли на подступы к Александровскому (Запорожье).

...На польском фронте войска 1-й Конной армии и Юго-западного фронта продолжали успешное наступление на Люблин. Понеся серьезное поражение, 2-я польская армия отступала. На всей территории Украины и Белоруссии восстановлена советская власть. Она же вновь организовалась в освобожденных районах Восточной Галиции. Главревком принял декларацию о создании Галицинской Социалистической Советской республики.

...В Азербайджане Красная армия взяла Нахичевань.

...В Армении велись переговоры с «дашнакскими авантюристами».

...В Туркестане под руководством Фрунзе разрабатывалась Бухарская операция, долженствующая сокрушить «последний оплот международного империализма и внутренней контрреволюции в крае» (при том, что с означенным оплотом, т. е. Бухарским эмиратом, имелся соответствующий договор о дружбе и сотрудничестве).

...На Дальнем Востоке продолжались бои на Амурском фронте».

Да, полное впечатление, что за исключением небольших неприятностей в Северной Таврии дела у большевиков идут прекрасно. Еще немного, еще чуть-чуть, и Советская Россия покончит с остатками антинародных сил по всему многотысячекилометровому фронту и понесет на своих штыках свободу польскому, германскому, французскому, китайскому и все прочим пролетариатам! А потом приступит к «окончательному решению» внутренних проблем, которых тоже масса.

Но, как писал в знаменитом романе Юрий Тынянов, «еще ничего не было решено...»

...И вот тут, дописав до этого места, я вдруг остановился, пораженный. Простейшая мысль, но как она до сих пор не пришла в голову ни мне, ни кому-то из нас? Или пришла тому же Сашке, но...

Антон нас заверил, убедил, отправляя сюда, что дарит нам великолепную, чистую историческую линию, где нет ни аггров, ни форзейлей, где мы сможем «петь и смеяться, как дети». Но как же так?

Если эта линия вне сферы их воздействия, здесь должно быть что угодно, но не наш двадцатый год с белыми, красными, мировой войной и оккупированным союзниками Константинополем. А если все это есть, то должны быть и пришельцы! Сильвия-то с Антоном

как раз в этой реальности работали, с Черчиллем и царем-освободителем общались... Очередной обман и всего лишь сдвиг по той же лестнице на два марша ниже? Или я чего-то не понял в его объяснениях?

Без форзейлей и аггров Россия и мир после десятого века, когда они впервые вмешались в земные дела, должны были настолько уклониться в сторону, и мы бы здесь имели абсолютно неизвестную реальность!

Однако что из того? Что толку сомневаться? Был бы рядом со мной Воронцов, скажи я ему о своих терзаниях, что он мог бы мне ответить! Не иначе как словами все того же неизменного Гумилева (а он ведь, кстати, тоже еще жив и с ним можно довольно скоро встретиться), ну вот, предположим, такими:

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги.

Когда тревога и тоска
Зачем-то в сердце закрадется,
Я посмотрю на облака,
И сердце сразу засмеется.

И если мне порою сон
О милой родине приснится,
Я так безмерно удивлен,
Что сердце начинает биться.

Ведь это было так давно
И где-то там, за небесами...
Куда мне плыть, не все ль равно,
И под какими парусами.

Ставрополь, 1993 г.

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич
БУЛЬДОГИ ПОД КОВРОМ

Редактор *Е. Арсиневич*
Художественный редактор *И. Сауков*
Технические редакторы *Н. Носова, А. Колпаков*
Корректор *Л. Баскакова*

Изд. лиц. № 061309 от 17.06.92.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.07.97.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,0. Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 15 000 экз. Заказ 5084.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

**ПОДПИСКА НА СЕРИИ КНИГ
КНИГА – ПОЧТОЙ
ИНТЕРЕСНЫЕ КНИГИ – НИЗКИЕ ЦЕНЫ**

индекс: 425

КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ИЗВЕСТНАЯ КОЛЛЕКЦИОНЕРАМ СО СТАЖЕМ КАК «РАМОЧКА»

Серия составлена из бесценных жемчужин фантастико-приключенческого жанра. Аркадий и Борис Стругацкие, Василий Звягинцев, Владимир Михайлов, Станислав Лем – из-под их пера вышли поистине «вечные» книги. Яркий талант, высочайшее писательское мастерство, смелые и глубокие идеи, увлекательные сюжеты, запоминающиеся герои – вот что отличает произведения этих авторов. Выпуски серии «КП и НФ» не только украсят книжные полки коллекционеров приключенческой литературы, они доставят истинную радость Вам и Вашим подрастающим детям.

**СЕРИЯ «КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» –
ВЫБОР ЛЮДЕЙ С БЕЗУПРЕЧНЫМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ВКУСОМ!**

425001 А. и Б. Стругацкие. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 10-ти томах

Цена комплекта 170 000 руб.

425011 В. Звягинцев. «ОДИССЕЙ ПОКИДАЕТ ИТАКУ». В 4-х томах

Цена комплекта 68 000 руб.

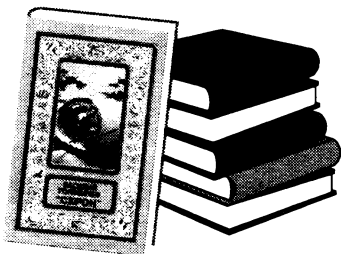
425046 С. Лем. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. В 9-ти томах

Цена комплекта 153 000 руб.

425031 В. Михайлов. «КАПИТАН УЛЬДЕМИР» и другие произведения.

В 7-ти томах

Цена комплекта 109 000 руб.

Все издания объемом 450-540 стр.,
цельнотканевый переплет, золотая
фольга, шитый блок.

Вы можете подписаться на всю серию
целиком (индекс 425) или на любое
собрание сочинений в отдельности по
вашему выбору.

Все книги превосходно оформлены. Цены указаны с учетом пересылки,
не включая авиатариф. Оплата при получении книг на почте.

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

БУЛЬДОГИ
ПОД КОВРОМ

